

ISSN 0235-8182

ЕЖЕГОДНИК

ЯПОНИЯ

2019

日

本

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук

Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»

ЕЖЕГОДНИК
ЯПОНИЯ
2019
том 48

*К 25-летию
Ассоциации японоведов*

МОСКВА
2019

УДК 94(520)
ББК 66. 2 (5Я) я5
Я70

Ежегодник Японии издаётся с 1972 года.

Входит в Научную электронную библиотеку
и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

URL: <http://yearbookjapan.ru>

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционная коллегия: Гришачев С.В., к.и.н.; Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (отв. секретарь), Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., чл-корр. РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гуревич Т.М., д. культурологии, к. филол. н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Иванов О.П., д.полит.н.; Корчагина Т.И., к.филол.н.; Крупянка М.И., д.полит.н.; Кузнецов С.И., д.и.н.; Лузянин С.Г., д.и.н.; Мазурик В.П., к.филол.н.; Нечаева Л.Т., д.пед.н.; Носов М.Г., д.и.н., чл-корр. РАН; Островский А.В., д.э.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симония Н.А., академик РАН; Симонова-Гудзенко Е.К., д.и.н.; Симотомаи Нобуо, проф. (Япония); Стоквин Артур, проф. (Великобритания); Судзуки Ёсикадзу, проф. (Япония); Тимонина И.Л., д.э.н.; Шнырко А.А., к.филол.н.; Шодиев Ф.К., к.полит.н.; Шулатов Я.А., к.и.н.

*Издание осуществляется при поддержке
Японского фонда и Международного фонда Шодиева*

Я 70 **Ежегодник Японии. 2019.** Т. 48. — М.: АИРО-XXI, 2019. — 464 с.
илл. 12 стр.

В настоящем выпуске Ежегодника Японии представлены статьи российских авторов, традиционно охватывающие широкий спектр вопросов по Японии и российско-японским отношениям: внешняя и внутренняя политика, экономика и общество, история и культура Японии. Издание рассчитано на специалистов-страноведов, а также на широкий круг читателей, интересующихся Японией.

На обложке: Церемония интронизации 126-го императора Японии Нарухито.
Фотография из открытых источников.

ISSN 0235-8182
ISBN 978-5-91022-429-6

© Институт востоковедения РАН, 2019.
© Ассоциация японоведов, 2019.

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Institute of Oriental Studies
of Russian Academy of Sciences

Non-profit organization
«Association of Japonologists»

YEARBOOK
JAPAN
2019
vol. 48

*On the 25th Anniversary
of the Russian Association of Japonologists*

MOSCOW
2019

The Japan Yearbook has been published since 1972.
Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”
and Russian Science Citation Index (RSCI).
Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
URL: <http://yearbookjapan.ru>

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Board: Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Grishachev Sergei V., PhD (History); Kazakov Oleg I. (Executive Secretary); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Corresponding member of the RAS; Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gurevich Tatiyana M., DSc (Culturology), PhD (Philology); Ivanov Oleg P., DSc (Political Science); Korchagina Tatiyana I., PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Kuznetsov Sergei I., DSc (History); Louzianin Sergei G., DSc (History); Mazurik Victor P., PhD (Philology); Nechaeva Lyudmila T., DSc (Pedagogy); Nosov Mikhail G., DSc (History), Corresponding member of the RAS; Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Pestushko Yuri S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Shnyrko Aleksandr A., PhD (Philology); Shodiev Fattah K., PhD (Political Science); Shulatov Yaroslav A., PhD (History); Simoniya Nodari A., DSc (History), Academician of the RAS; Simonova-Gudzenko Ekaterina K., DSc (History); Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishchik Elena E., DSc (History)

*With the support of Japan Foundation and
International Chodiev Foundation*

Yearbook Japan, 2019, Vol. 48. Moscow: AIRO—XXI, 2019, 464 p.

The current edition of the “Yearbook Japan” presents articles by Russian researchers traditionally covering a wide range of issues on Japan and the Russian-Japanese relations — foreign policy and domestic politics, economy and society, history and culture of Japan. The edition is intended for specialists in regional Japanese studies as well as for the general public.

The cover's photo: Enthronement ceremony of Emperor Naruhito, the 126th Emperor of Japan. *Open source.*

ISSN 0235-8182

ISBN 978-5-91022-429-6

© Institute of Oriental Studies of RAS, 2019.
© Association of Japanologists, 2019.

СОДЕРЖАНИЕ

ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

<i>Кистанов В.О.</i>	Смена императорской власти в Японии: причины и следствия.....	9
<i>Добринская О.А.</i>	Индия во внешней политике С. Абэ.....	25
<i>Стрельцов Д.В.</i>	Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях.....	56

ЭКОНОМИКА И ОБЩЕСТВО

<i>Жилина Л.В.</i>	Трансформация взглядов японских женщин на их положение в семье, экономике, обществе.....	77
<i>Лебедева И.П.</i>	О модели занятости японских женщин.....	106
<i>Мищенко Я.В.</i>	Экономические связи Японии с государствами Юго-восточной Азии в XXI веке.....	132

ИСТОРИЯ

<i>Сахарова Е.Б.</i>	Посольство из Корё в Японию 1366–1367 гг.....	155
<i>Толстогузов С.А.</i>	«Юмэ моногатари» («Рассказ об одном сне») Такано Тёэй.....	175
<i>Гунский А.Ю.</i>	История изучения Синрана (1173–1263 гг.) и школы Син в англоязычной научной литературе.....	197

<i>Молодяков В.Э.</i>	Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов».....	228
<i>Саркисов К.О.</i>	Японский опыт трансформации: от «монархического конституционализма» к тоталитарной системе.....	250
<i>Гришачев С.В.</i>	Японское губернаторство Карафуто (1905–1945): история и социальная память.....	272

КУЛЬТУРА

<i>Трубникова Н.Н.</i>	Злые силы в «Собрании стародавних повестей»: рассказы о демонах, оборотнях и прочей нечисти.....	287
<i>Кужель Ю.Л.</i>	Связи Японии с европейским католическим миром (конец XVI — начало XVII вв.).....	321
<i>Левина А.А.</i>	Фантастические образы в театре Кабуки и пьеса Цуруя Намбоку Четвертого «История о призраке из Ёцуя близ То:кайдо:».....	344
<i>Тюрленева Е.Г.</i>	Собрание божественных песен Айну (Айну синъёсю) Тири Юкиэ.....	370
<i>Гараева Э.И.</i>	Манифест Хирацука Райтё (1886–1971) «Первая женщина была солнцем».....	417
<i>Шорохова Э.С.</i>	«Новый Гамлет» Дадзай Осаму: адаптация классического сюжета.....	437
АВТОРАМ		463

CONTENTS

INTERNAL AND FOREIGN POLICY

<i>Kistanov V.O.</i>	Change of Imperial rule in Japan: Causes and consequences.....	9
<i>Dobrinskaya O.A</i>	India in Abe Shinzo's foreign policy.....	25
<i>Streltsov D.V.</i>	The issues of historical memory in Russo-Japanese relations.....	56

ECONOMICS AND SOCIETY

<i>Zhilina L.V.</i>	Transformation of Japanese women's views on their positions in the family, the economy, and society.....	77
<i>Lebedeva I.P.</i>	On the employment model of Japanese women.....	106
<i>Mishchenko Ya.V.</i>	Economic ties between Japan and South-East Asia in the 21st century.....	132

HISTORY

<i>Sakharova E.B.</i>	Mission from Koryō to Japan, 1366–1367.....	155
<i>Tolstoguzov S.A.</i>	The Story of a Dream.....	175
<i>Gunskii A.Yu.</i>	The study of Shinran (1173–1263) and Shin-Buddhism in the English-language historiography.....	197

<i>Molodiakov V.E.</i>	Japan's Continental Policy as seen from France: "Manchurian Incident" and "lawyers' duel".....	228
<i>Sarkisov K.O.</i>	The Japanese experience of transformation: From "monarchical constitutionalism" to a totalitarian system.....	250
<i>Grishachev S.V.</i>	Japan's governorate Karafuto (1905–1945): History and social memory.....	272

CULTURE

<i>Trubnikova N.N.</i>	Evil forces in Konjaku monogatari-shū: Stories about demons, foxes, and other devilry.....	287
<i>Kuzhel Yu.L.</i>	Connections between Japan and European Catholic world (late 16th — early 17th centuries).....	321
<i>Levina A.A.</i>	Perception of Kabuki theater characters and a play by Tsuruya Namboku the Fourth.....	344
<i>Tyurleneva E.G.</i>	"Ainu Divine Songs Collection" (Ainu Shin'yoshu) by Chiri Yukie.....	370
<i>Garaeva E.I.</i>	Hiratsuka Raichō's (1886–1971) manifesto "In the Beginning, Woman Was the Sun".....	417
<i>Shorokhova E.S.</i>	Dazai Osamu's "New Hamlet": A "confessional" adaptation of the classical story.....	437
FOR THE AUTHORS.....		463

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 9–24.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 9–24.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10001

Смена императорской власти в Японии: причины и следствия

В.О. Кистанов

Аннотация. Статья посвящена важному историческому событию, произошедшему в мае 2019 г. в Японии — смене императорской власти и соответственно эпох императорского правления. 1 мая на Хризантемовый трон вошел наследный принц Нарухито. Он сменил своего отца — императора Акихито. В статье рассматриваются причины и следствия этого события для страны с точки зрения её как внутренней, так и внешней, политики. Обращается внимание на то, что Акихито покинул трон по собственной воле, чего не происходило в Японии в течение более 200 лет. Несмотря на то, что по нынешней конституции император в Японии является лишь символом государства и единства нации, не следует недооценивать влияния ушедшего императора Акихито на политическую жизнь и общественные настроения в стране. Подчеркиваются особенности смены монархов в Японии, отличающие её от других стран мира. Новая эпоха императорского правления получила название Рэйва. Этот термин может трактоваться в разных значениях. Слово Рэйва в целом было благоприятно встречено в японском обществе. Вместе тем некоторые политики усомнились в правильности выбора первого иероглифа рэй в названии из-за его ассоциации со значением «порядок» или «приказ». В Японии идея отречения действующего императора вызвала фурор и неприятие со стороны прежде всего консервативных сил, на которые опирается премьер-министр Абэ Синдзо. Они опасаются, что возрождение дебатов о будущем императорской семьи может вновь поднять вопрос о возможности наследования трона в Японии женщиной. Важным аспектом деятельности императорского дома является не только поддержание связей с еще сохранившимися в некоторых странах монархиями, но и укрепление отношений Японии с другими государствами — так называемая императорская дипломатия. Состоявшийся в конце мая приём американского президента Д. Трампа новым японским монархом и его супругой должен символизировать приоритетность связей Токио

и Вашингтона. В статье также затрагивается история отношений императорского дома Японии с Россией.

Ключевые слова: Япония, император, Нарухито, Акихито, престолонаследие, эпоха Рэйва, императорская дипломатия.

Автор: Кистанов Валерий Олегович, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН. E-mail: v_kistanov@list.ru

Change of Imperial rule in Japan: Causes and consequences

V.O. Kistanov

Abstract. The article is devoted to an important historical event that took place in May 2019 in Japan — the change of Imperial rule and, accordingly, the era of Imperial rule. On May 1, Crown Prince Naruhito ascended the Chrysanthemum throne. He replaced his father, Emperor Akihito. The article discusses the causes and consequences of this event for the country in terms of its domestic and foreign policy. Attention is drawn to the fact that Akihito left the throne of his own free will, which has not happened in Japan for the last more than 200 years. Despite the fact that under the current Constitution, the Emperor in Japan is only a symbol of the state and the unity of the nation, the influence of Emperor Akihito on political life and public sentiment in the country should not be underestimated. Features of change of monarchs in Japan distinguishing it from other countries of the world are emphasized. The new era of Imperial rule was called Reiwa. This term can be interpreted in different meanings. The word Reiwa was generally well received in Japanese society. However, some politicians questioned the correctness of the choice of the first character rei in the title because of its association with the meaning of "order". In Japan, the idea of abdication of the current Emperor caused a furor and rejection from the conservative forces, which are based on Prime Minister Shinzo Abe. They fear that the resurgence of the debate about the future of the Imperial family may once again raise the question of the possibility of a woman inheriting the throne in Japan. An important aspect of the activities of the Imperial house is not only to maintain ties with the monarchies still preserved in some countries, but also to strengthen Japan's relations with other states — the so-called imperial diplomacy. The reception of US President D. Trump by the new Japanese monarch and his wife at the end of May should symbolize the priority of relations between Tokyo and Washington. The article also touches upon the history of relations between the Imperial house of Japan and Russia.

Keywords: Japan, the Emperor, Naruhito, Akihito, the succession, the era of Reiwa, the imperial diplomacy.

Author: *Kistanov Valeriy O.*, Doctor of Sciences (History), Head of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: v_kistanov@list.ru

1 мая 2019 г. в Японии произошло важное историческое событие — смена императорской власти. На Хризантемовый трон возшёл новый император, 59-летний Нарухито. Он сменил своего отца — ушедшего императора Акихито, которому исполнилось 85 лет. В своем редком видеообращении к народу 8 августа 2016 г. Акихито заявил о своей обеспокоенности по поводу того, что его возраст может затруднить выполнение в полной мере его обязанностей. Император избежал прямого заявления о своём желании покинуть трон, что могло расцениваться как вмешательство в политику. Однако его слова были однозначно восприняты в Японии как проявление намерения отречься от престола. Акихито возшёл на престол в 1989 г., после смерти своего отца, императора Хирохито, который находился у власти с 1926 г. Нарухито стал 126-м императором старейшей в мире монархии, насчитывающей 1500 лет. Добровольное отречение монарха не имеет прецедента в современной истории Японии. Последний раз такое случилось в 1817 г., то есть, более 200 лет назад.

Правительство Японии пригласило на мероприятия, посвящённые интронизации нового императора, гостей из 195 стран. Церемония отречения началась в 5 часов вечера 30 апреля. В ней участвовало около 300 человек, включая премьер-министра Абэ Синдзо и членов его правительства. Абэ произнёс слова благодарности Акихито, затем император выступил перед представителями народа. Утром 1 мая новый император в лице его сына унаследовал традиционные императорские регалии как доказательство восхождения на трон. Ими являются «Три священных сокровища»: бронзовое зеркало, подвески из драгоценных камней (яшмы) и меч. Они символизируют соответственно мудрость, процветание и мужество. Однако непосредственно в церемонии были задействованы лишь меч и подвеска, в то время как зеркало постоянно находится в синтоистском храме Исэ дзингу в префектуре Миэ. По синтоистскому преданию, регалии были переданы богиней солнца Аматаэрасу её

внуку Ниниги-но Микото, а им — своему внуку Дзимму, первому императору Японии. Таким образом, вплоть до поражения во Второй мировой войне члены императорской семьи в Японии считались потомками бога на земле.

Начиная с 12 марта Акихито совершил серию ритуалов, сопровождающих его отречение. Первая часть ритуалов прошла в Токио на территории дворца императора. Одетый в старинное одеяние, Акихито посетил главное императорское святилище Касикодокоро, чтобы сообщить богине солнца Аматэрасу о своём будущем отречении и дате этого события. Затем Император Акихито и императрица Митико в конце марта посетили гробницу легендарного первого правителя Японии — императора Дзимму в префектуре Нара, чтобы отдать ему дань уважения перед отречением. Кроме того, Император Акихито с той же целью в апреле посетил великие древние синтоистские святыни — храм Исэ дзингу в префектуре Миэ и усыпальницу своего отца императора Сёва в Токио.

В связи с тем что император в Японии покинул трон по собственной воле, для него и его супруги были срочно изобретены новые титулы. Японский император Акихито после отречения 30 апреля получил титул «Его Величество почётный император», а императрица Митико — «Её Величество почётная императрица». Для сравнения: в западной практике короли и королевы, покидая трон, оставляли за собой те же титулы, что и до отречения. Япония здесь пошла своим путём.

4 мая, когда новый император и императрица приветствовали публику с балкона своего дворца впервые после интронизации, более 140 тысяч японцев посетили Императорский дворец [Japan Times, 09.05.2019].

По древней японской традиции, которая, как и многие другие, пришла из Китая, эпоха правления каждого императора должна иметь своё название. 1 апреля японское правительство устами его генерального секретаря Суга Ёсихидэ официально обнародовало название имперской эры — *Рэйва*, которая начнётся 1 мая, на следующий день после отречения императора Акихито. В Японии действуют две системы летоисчисления — общепринятая международная и собственная, по годам пребывания императоров на престоле. Имя эпохи становится важной частью повседневной жизни японцев, так как широко используется в календарях, СМИ и официаль-

ных документах. Правда, по сообщениям японской прессы, в связи с изменением названия эпохи Министерство иностранных дел Японии рассматривает возможность отказа от японского календаря в некоторых своих официальных документах и перехода на Григорианский календарь. Это связано с тем, что, как заявил представитель японского МИДа, использование календаря на основе названий эпох правления императора может ввести в заблуждение другие страны [Japan Times, 02.04.2019].

Закончившаяся 30 апреля имперская эпоха имела название Хэйсэй, что переводится как «достижение мира». Она была выбрана в день смерти отца Акихито, императора Хирохито. Хирохито правил в период с 1926 по 1989 г., получивший название Сёва. Долгое правление Хирохито было отмечено такими драматическими событиями, как война на Тихом океане, сокрушительное поражение в этой войне, атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, возрождение страны из послевоенных руин и многими другими. Хэйсэй должна была символизировать окончание этой турбулентной эпохи.

Термин *Рэйва* может трактоваться в разных значениях, например, как «порядок и мир», «благоприятная гармония» или «радостная гармония». Некоторые японские комментаторы отметили, что кабинет министров С. Абэ, который по своей политической ориентации является правоконсервативным и выступает за расширение военной роли Японии на международной арене, не случайно выбрал для названия новой эпохи первый иероглиф, который может означать «порядок» или «закон». Однако сам премьер-министр в его комментарии к объявлению названия новой эры описал его в романтических выражениях, хотя весьма туманно и абстрактно. Говоря о смысле слова *Рэйва*, глава правительства выразил надежду на то, что новая эра правления будет «полна надежд и благодарности за мирные дни». По словам Абэ, *Рэйва* станет периодом, когда рождается и расцветает культура, а народ «объединяется воедино и заботится друг о друге» [Иомиури симбун, 01.04.2019]. Но многие простые японцы признаются, что они не понимают, какой смысл заложен в двух иероглифах, из которых состоит слово *Рэйва*.

Обычно в Японии название новой эры императорского правления объявляется в день восхождения императора на престол, а до того момента оно держится в строгом секрете. По данным японских

СМИ, кабинет министров выбрал имя *Рэйва* из короткого списка после консультаций с группой из девяти экспертов, в состав которой входили видные деятели Японии в сфере науки и культуры, в том числе один нобелевский лауреат. Ни император, ни кронпринц не имели права голоса в этом решении.

В этот раз название предстоящей эры вопреки традиции было обнародовано ровно за месяц до этого события. Видимо такой шаг был обусловлен необходимостью снизить ажиотаж вокруг нового названия и сделать плавным переход из одной эпохи в другую. Этот ажиотаж, действительно, оказался огромным. 1 апреля тысячи людей собирались в общественных местах в Токио и других городах, чтобы дожидаться обнародования имени новой эры. Примечательно, что в эпоху доминирования электронных СМИ многие японские газеты по традиции напечатали экстренные бумажные выпуски, посвящённые названию следующей эпохи. Они пользовались огромным спросом у жителей Японии.

Важно также отметить то обстоятельство, что в нарушение древней традиции название новой эпохи императорского правления в Японии было выбрано не из китайской классической литературы, а из средневекового японского сборника стихов *Манъёсю*.

Название следующей эры Японии *Рэйва* в целом получило благоприятный отклик в японском обществе после его объявления 1 апреля. В частности, его положительно оценили как правящая Либерально-демократическая партия (ЛДП), так и оппозиционные партии. Вместе с тем некоторые политики усомнились в правильности выбора первого иероглифа рэй в названии из-за его ассоциации со значением «порядок» или «приказ». В тот же день генеральный секретарь ЛДП Никаи Тосихиро положительно оценил тот факт, что название новой эры было взято не из китайской классики, как это было принято ранее, а из японской древней антологии стихов *Манъёсю*. Вместе с тем бывший генеральный секретарь ЛДП Исиба Сигэру сказал, что все были озадачены, когда увидели иероглиф *рэй*, который используется, например, в слове мэйрэй (в переводе на русский язык слово означает «приказ». — В.К.) [Майнити симбун, 02.04.2019].

Еще критичнее о названии *Рэйва* отозвался лидер оппозиционной Социал-демократической партии Матаити Сэйдзи, который, в частности, сказал: «Нельзя отрицать, что оно указывает на укреп-

ление дисциплины и контроля над людьми, к чему стремится администрация Абэ. Я настоятельно прошу, чтобы использование названия новой эры не стало обязательным». Сии Кадзуо, председатель Коммунистической партии Японии, со своей стороны заявил журналистам: «Название эпохи не соответствует положению о суверенитете народа, записанному в Конституции, но мы не против того, чтобы общественность использовала его в обычной жизни». Однако заметного противодействия названию *Рэйва* со стороны оппозиционных партий не было [Майнити симбун, 02.04.2019].

Деловые круги страны также восприняли смену эпох в позитивном ключе. Особый энтузиазм по этому поводу проявили ритейлеры, которые немедленно наладили производство продовольственных и промышленных товаров с логотипом *Рэйва*. А в книжных магазинах был нарасхват вышеупомянутый сборник японских средневековых стихов *Манъёсю*. Вместе с тем, как предсказывают японские аналитики, в сфере экономики в новую эпоху Японию ждут непростые времена. В последние годы фактически буксует экономический курс правительства, получивший название *Абэномика*. В его основе лежит стимулирование хозяйственного роста за счёт смягчения кредитно-денежной политики и вливания в экономику огромных государственных средств. Однако пока не достигнута главная цель — подавление дефляции, а государственный долг вырос до гигантских масштабов — 250 % от ВВП. Если, как запланировано, в октябре 2019 г. будет повышен потребительский налог с 8 до 10 %, то это сильно ударит по потребительскому спросу в стране и ещё больше замедлит её экономический рост. Тем не менее, многие ведущие компании Японии 1 апреля, после объявления имени следующей эры *Рэйва*, провели церемонии приёма на работу новых сотрудников и выразили надежду на то, что они внесут свой вклад в процветание компаний в наступающую эпоху.

По сообщениям японских СМИ, в Китае оказались озадачены именем новой эпохи в Японии и высказывали сожаление, что оно не было вдохновлено китайской классикой. На Weibo, китайском эквиваленте Twitter, многие молодые люди пытались угадать название новой эры Японии, традиционно состоящей из двух китайских иероглифов, полагая, что оно будет происходить от китайской классической литературы, как это было в прошлом. Некоторые жители

Пекина, например, оценили имя новой эры Японии *Рэйва* как «странное», заявив, что оно не имеет смысла на китайском языке, и выразили разочарование тем, что оно не было взято из китайской классики. А отдельные наблюдатели в Китае заявили, что этот выбор свидетельствует о националистическом характере консервативного правительства С. Абэ [Japan Times, 01.04.2019].

Во многих европейских странах, где отречение от престола является общепринятой практикой среди королевских семейств, видео обращения императора Акихито в 2016 г., в котором он проявил желание сойти с престола, было воспринято как естественная вещь, отражающая дух времени. Однако в самой Японии идея отречения действующего императора вызвала замешательство и неприятие со стороны части общества, прежде всего, тех консервативных сил, на которые опирается премьер-министр С. Абэ. Они опасаются, что возрождение дебатов по поводу традиций императорской семьи может вновь актуализировать тему наследования трона в Японии женщиной, поскольку у наследного принца Нарухито имеется только дочь — принцесса Айко, и, видимо, других детей уже не будет. А по японскому законодательству восходить на императорский трон могут только представители императорского рода мужского пола.

Возможность престолонаследия по женской линии обсуждается в Японии уже давно. В декабре 2004 г. тогдашний премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро учредил консультативный комитет экспертов для рассмотрения возможности пересмотра закона об императорском доме, с тем чтобы позволить женщине — члену императорской семьи стать царствующей императрицей. Но после рождения в 2006 г. принца Хисахито, сына принца Акисино — младшего брата наследного принца Нарухито, импульс к пересмотру закона угас. Против того, чтобы женщина восходила на трон, резко выступают японские традиционалисты, хотя в древней истории Японии такие случаи были.

В связи с желанием Акихито сойти с трона консервативные политики Японии были обеспокоены также тем, что бурные дискуссии по поводу отречения императора могли бы отвлечь внимание японской общественности от продвигаемой Абэ идеи пересмотра так называемой мирной конституции. Эта конституция была написана под диктовку американских оккупационных властей и

рассматривается многими националистами как символ унижительного поражения Японии во Второй мировой войне. Прежде всего речь идет о 9-й статье Основного закона, которая провозглашает отказ Японии от ведения войны как средства решения международных споров.

До недавнего времени закон об императорском дворе не позволял действующему императору покидать трон по своей воле, и требовался пересмотр этого закона парламентом. Однако в Японии есть серьезные опасения, что законодательное одобрение отречения императора на постоянной основе может привести к борьбе различных политических сил за влияние на монарха, дестабилизирует систему престолонаследия и постепенно приведёт к подрыву самих основ императорской системы Японии. Поэтому правительство в июне 2017 г. в виде исключения приняло специальный закон, разрешающий Акихито уйти с престола. Однако этот закон был принят исключительно по гуманным соображениям и применим только для одного конкретного случая. По опросам общественного мнения, подавляющее большинство японцев сочувственно отнеслись к желанию Акихито добровольно уйти в отставку и поддержали его намерение покинуть трон.

Судя по всему, причиной ухода 85-летнего Акихито с престола действительно является состояние его здоровья. В частности, он перенёс две операции — шунтирование сердца и операцию по поводу рака простаты. Это не позволяло ему в полной мере выполнять свои императорские обязанности, носящие в основном церемониально-представительский характер. Среди них — участие в различных торжественных церемониях и мероприятиях, посещение регионов страны, а также регулярные поездки за рубеж. В своей деятельности Акихито стремился сделать монархию ближе к народу и залечить моральные раны, нанесённые японской императорской армией народам Азии во время агрессии в этом регионе мира в первой половине 20-го века. Кроме того, важным аспектом его поездок за границу явилось не только поддержание связей с ещё сохранившимися в некоторых странах монархиями, но и укрепление отношений Японии с другими государствами — именно эти цели характеризуют так называемую императорскую дипломатию.

За время своего пребывания на троне Акихито посетил свыше 50 зарубежных государств. Визит императора в ту или иную страну

должен свидетельствовать о добрых отношениях Японии с этой страной или символизировать их заметное улучшение. Так случилось, например, с Китаем, который Акихито посетил в 1992 г. Он стал первым японским монархом, посетившим эту страну, где сохранились горькие воспоминания о японской военной агрессии в прошлом веке. Правда, во втором десятилетии текущего столетия отношения между Японией и КНР снова откатились назад и в настоящий момент испытывают, пожалуй, самую сильную напряжённость за весь послевоенный период, несмотря на тот факт, что в 2018 г. они в определённой степени потеплели.

Как свидетельствуют рассекреченные дипломатические документы МИД Южной Кореи, в 1988 г. по предложению японского правительства прорабатывался вопрос о визите Акихито в Южную Корею, но он тогда был не императором, а наследным принцем. Однако визит так и не состоялся. Как очевидно, причиной этого явились сильные антияпонские настроения в Южной Корее [Japan Times, 02.04.2019]. В стране до сих пор не забыли жестокое колониальное правление Японии на Корейском полуострове в 1910–1945 гг. Более того, в начале 2019 г. спикер национального собрания Южной Кореи потребовал, чтобы Акихито до своего ухода с престола принёс извинения за то, что в годы войны десятки тысяч корейцев были угнаны в прифронтовые бордели японской армии. Это требование было с возмущением отвергнуто японскими официальными лицами. За то, что спикер парламента Южной Кореи потребовал извинений от японского императора, Япония потребовала извинений от самого спикера [Nikkei Asian Review, 12.02.2019]. Указанный инцидент так и остался неразрешённым и ещё более обострил и без того непростые отношения между Японией и Южной Кореей. Можно полагать, что в свете неблагоприятного климата в текущих отношениях между Токио и Сеулом вряд ли можно говорить о поездке японского императора в Южную Корею в обозримом будущем.

В качестве противоположного примера можно привести официальный визит в 2018 г. Акихито с супругой во Вьетнам, символизировавший сближение и бурное развитие сотрудничества между Японией и Вьетнамом.

Показательно, что именно президент США Дональд Трамп стал первым главой иностранного государства, которого 27 мая принял

новый японский император Нарухито в ходе официально визита американского лидера в Японию. Это был второй визит Трампа в Японию после поездки в ноябре 2017 г. Он состоялся всего за месяц до того, как Трамп снова должен был приехать в страну на саммит «Двадцатки» (G20) в Осаке в июне. Это беспрецедентный случай, когда президент США планировал посетить Японию дважды подряд с разрывом всего в один месяц. Он должен продемонстрировать всему миру, что в новую императорскую эру *Рэйва* в Японии Вашингтон сохраняет приоритетность своих связей с Токио.

Как отмечала японская пресса, приём Трампа японским монархом и его супругой означал новый период дипломатии, которую будут проводить император и императрица, имеющие значительно больший зарубежный опыт, чем кто-либо из их предшественников [Майнити, 27.05.2019].

В отличие от периода довоенного правления своего отца — императора Хирохито, Акихито не имеет реальной власти и по Конституции страны является лишь символом государства и единства нации. Как уже отмечалось выше, одной из функций императорского дома Японии является поддержание связей с монархиями других стран. Однако отношения японского императорского дома с другими монархиями, в том числе с российской, не всегда были гладкими. В связи с неоднозначной ролью Хирохито во Второй мировой войне правительство Великобритании Маргарет Тэтчер затруднялось с решением вопроса о том, кого посылать на его похороны в феврале 1989 г. Ведь император был верховным главнокомандующим японской армии, которая жестоко обращалась с пленными — подданными английской королевы. В итоге закрытых дискуссий было решено направить на траурную церемонию принца Филиппа, мужа королевы Елизаветы Второй, и тогдашнего министра иностранных дел Джеффри Хау [Los Angeles Times, 12.02.1989].

Хотя по нынешней Конституции император в Японии является лишь символом государства и единства нации, не следует недооценивать влияния уходящего императора Акихито на политическую жизнь и общественные настроения в стране. Он всегда старался быть ближе к народу. Его заявлениям по тем или иным событиям в Японии, будь то традиционные новогодние послания или выступление в связи с аварией на атомной электростанции «Фукусима-1»,

зачитываемым тихим размеренным голосом, с пиететом внимала вся нация.

По данным опроса общественного мнения, проведённого газетой «Майнити симбун» в середине марта 2019 г., 87 % респондентов заявили, что император Акихито исполнил свою роль символа государства и единства народа. При этом 42 % опрошенных японцев сказали о том, что они не чувствуют дистанции между ними и императорской семьей. А в опросе, проведённом газетой «Майнити симбун» еще в апреле 1972 г., лишь 27 % респондентов на аналогичный вопрос ответили, что тогдашний император Хирохито, то есть отец Акихито, полностью выполнял свою миссию символа государства. Хотя методы исследования были разные, они свидетельствуют о том, что японцы более высоко оценивают роль императора-сына, чем роль императора-отца [Майнити симбун, 19.03.2019].

Некоторые эксперты считают, что император Акихито посвятил свое 30-летнее правление искуплению войны, которая велась от имени его отца. Он старался адаптировать монархию 1500-летней давности к современным реалиям, чтобы сделать императорскую семью ближе к общественности. Особое внимание как в Японии, так и за рубежом, привлекло его необычное заявление в 2015 г. по поводу 70-летия окончания Второй мировой войны, где он использовал словосочетание «глубокое раскаяние». Ряд японских комментаторов увидел в нём желание Акихито укрепить основы пацифизма в условиях, когда в стране усиливаются консервативно-националистические тенденции. Его частые выражения надежды на то, что Япония усвоила уроки Второй мировой войны, рассматривались многими японцами как форма тонкого сопротивления усилиям правительства премьер-министра С. Абэ по расширению военной роли страны на международной арене.

В семейно-бытовом плане Акихито отличился тем, что первым среди членов императорской семьи, которые, как уже говорилось, официально считались до войны потомками богини солнца Аматэрасу, женился не на девушке «голубой крови», а на простолюдинке — Сёда Митико, дочери состоятельного предпринимателя. В этом отношении по стопам отца пошёл и наследный принц Нарухито, тоже женившийся, как считается, по любви на Овада Масако — дочери известного японского дипломата Овада Хисаси.

Как и его отец, Нарухито получил западное образование, учась в колледже в Оксфорде, в возрасте от 23 до 25 лет. В 1986 г. он познакомился со своей женой Масако, но поженились они лишь в 1993 г. Японские эксперты полагают, что Нарухито долго и упорно добивался руки Масако — выпускницы Гарварда, ставшей императрицей, когда её муж взошёл на императорский трон 1 мая. Когда она вышла замуж за наследного принца Нарухито, её считали фигурой, способной сломать традиции, ориентированные исключительно на мужскую часть императорской семьи.

Будучи элитным специалистом, свободно владеющим английским и французским языками, она мечтала стать дипломатом и дослужиться до должности представителя Японии в ООН. Став наследной принцессой, она также стремилась содействовать международным обменам посредством официальных визитов в зарубежные страны. К её разочарованию ей долго не разрешали выезжать за границу. В течение последних 15 лет кронпринцесса не могла в полной мере выполнять свои государственные обязанности, часто закрываясь в глубине императорского дворца в токийском районе *Акасака*. Были и другие условности и ограничения в её жизни, которые сказались на её психическом и физическом здоровье. В результате она смогла родить дочь — принцессу Айко — лишь в 2001 году.

Однако в связи с жёстким правилом о престолонаследии исключительно по мужской линии Масако оставалась под сильным психологическим давлением со стороны японского общества, требовавшего произвести на свет мальчика. Вместе с тем она остаётся в Японии символом женщин, борющихся за свои права в обществе, где доминируют мужчины.

В истории связей японского императорского дома с Россией одним из ключевых моментов явилось драматическое событие, случившееся во время пребывания цесаревича Николая Александровича в Японии 29 апреля 1891 г. Тогда в городе Оцу произошло покушение на его жизнь. Наследник престола Российской империи, посетивший страну в рамках своего восточного путешествия, подвергся нападению полицейского, оказавшегося самураем, когда вместе с двумя другими принцами — греческим Георгом и японским Арисугава ехал по узким улочкам города после посещения озера Бива. И хотя тогдашнее руководство Японии во главе с импе-

ратором Мэйдзи извинилось и сделало все возможное, чтобы сгладить происшествие и избежать негативного воздействия инцидента на российско-японские отношения, у ставшего впоследствии российским императором Николая Второго на всю жизнь остались неприятные впечатления о Японии.

Вместе с тем, как отмечает российский исследователь К.О. Саркисов, отношения японского императорского дома с российской монархией накануне её ухода в небытие были весьма тёплыми и дружескими. Об этом свидетельствовал горячий приём, оказанный в России посетившему её принцу крови Канъин в сентябре 1916 г. [Саркисов, 2019, с.5].

Что касается современных контактов членов японской императорской семьи с Россией, то надо отметить, что проведённый в ней в 2018 г. Чемпионат мира по футболу ознаменовался важным, хотя и неофициальным, событием в российско-японских отношениях. В связи с чемпионатом в июне Россию посетила японская принцесса Такамадо Хисако. Принцесса является почётным председателем Футбольной ассоциации Японии. Её визит стал первым посещением России членом императорского дома Японии за более чем столетие. Как отмечали японские комментаторы, поездка 64-летней вдовы принца Такамадо должна была углубить связи между Японией и Россией в то время, когда обвинения страны в якобы химической атаке в Великобритании в марте 2018 г. создавала напряжённость в отношениях между Москвой и западными государствами. Как заявил высокопоставленный представитель Управления Императорского двора, императорский дом Японии не имеет политических функций, поэтому нет необходимости идти в ногу с западными странами, которые бойкотировали церемонию открытия Чемпионата мира в Москве [Japan Times, 18.06.2019].

Нельзя исключать, что за визитом японской принцессы в Россию в прошлом году стояло желание Токио продемонстрировать свой дружественный настрой к Москве в разгар российско-японских переговоров о территориальной проблеме и заключению мирного договора. Как бы то ни было, визит в 2018 г. в Российскую Федерацию члена японской императорской семьи, несмотря на свой неформальный формат, внёс определённый вклад в развитие отношений между Россией и Японией.

Интересным историческим фактом является и то, что Масако, ставшая 1 мая 2019 г. императрицей Японии, в 1960-е годы несколько лет провела в Москве, когда её отец работал в посольстве Японии в России. Об этом автор слышал от самого наследного принца Нарухито, сопровождая его во время посещения им российского павильона на Всемирной выставке в префектуре Айти в 2005 г. По заведённой практике японский наследный принц является куратором крупных выставок и других значимых международных мероприятий, проводимых в Японии. Посещение им павильона определённой страны может считаться индикатором расположения Японии к этой стране. В 2005 г. российско-японские отношения переживали относительно благоприятный период.

Не исключено, что взойдя на Хризантемовый трон, Нарухито в рамках императорской дипломатии когда-нибудь посетит и саму Россию с официальным визитом в знак дружбы и сотрудничества с ней Японии. Однако можно полагать, это вряд ли произойдёт до момента подписания мирного договора между Россией и Японией, чему должно предшествовать решение территориального спора на приемлемых для обеих стран условиях. Тем не менее, можно надеяться, что целый ряд объективных факторов как внутри двух государств, так и на международной арене, будет способствовать их сближению в начавшуюся эпоху *Рэйва* во многих сферах. Убеждённость на этот счёт содержится в поздравлении по случаю вступления на императорский престол Нарухито со стороны российского президента В. Путина: «Уверен, что дальнейшее наращивание российско-японского сотрудничества в различных областях отвечает коренным интересам наших народов, идёт в русле упрочения международной стабильности и безопасности» [kremlin.ru].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Его Величеству Нарухито, Императору Японии. URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/60416/> (дата обращения: 29.05.2019).

Иомиури симбун.

Майнити симбун.

Саркисов К.О. Япония и Советская Россия. Очерки истории (1917–1937). М.: ИВ РАН, 2019. 528 с. ISBN 978-5-89282-883-3.

Japan Times.

Los Angeles Times.

Nikkei Asian Review.

REFERENCES

His Majesty Naruhito, Emperor of Japan, URL: <http://kremlin.ru/events/president/letters/60416/> (accessed: 29 May 2019).

Japan Times.

Los Angeles Times.

Mainichi shimbun.

Nikkei Asian Review.

Sarkisov, K.O. 2019. Yaponiya i Sovetskaya Rossiya. Ocherki istorii (1917–1937) [Japan and Soviet Russia. Essays on the history (1917–1937)], Moscow: IV RAN. 528 p. ISBN 978-5-89282-883-3

Yomiuri shimbun.

Индия во внешней политике С. Абэ

О.А. Добринская

Аннотация. В статье рассмотрены новейшие тенденции в развитии японо-индийских отношений. Сближение двух стран, начавшееся после окончания холодной войны, получило импульс в 2000-е годы, особенно в периоды нахождения у власти С. Абэ (2006–2007), (2012 — н.в.). Целью данной статьи является изучение динамики двусторонних отношений в период нахождения у власти С. Абэ, анализ факторов, влияющих на японо-индийское сближение. Смещение фокуса внимания Токио в сторону Индийского океана, провозглашение стратегии Свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона продиктовано стремлением сдерживать растущее влияние Китая, и в этом Индия является одним из ключевых партнёров. При Абэ уровень отношений был повышен до особого стратегического и глобального партнёрства, ведётся активный диалог как в двустороннем, так и в трёхстороннем (с участием США, Австралии) и четырёхстороннем форматах. Происходит активизация сотрудничества в оборонной сфере, которая включает военные обмены, учения, военно-техническое сотрудничество. Особый интерес вызывает перспектива трёхстороннего оборонного сотрудничества Японии, Индии и США в Индийском океане. В ответ на китайскую инициативу «Пояс и путь» Япония продвигает инициативу качественной инфраструктуры, в рамках которой она вкладывает значительные средства в индийскую инфраструктуру, а также настроена на сотрудничество с Индией в третьих странах. Открываются новые перспективы экономического взаимодействия, включающего такие новые отрасли, как атомная энергетика, освоение космоса, информационные технологии и содействие стартапам. Взаимодополняемость экономик двух стран, основанная на сочетании японских технологий и индийских специалистов, лежит в основе дальнейшего сотрудничества. Можно сделать вывод о том, что сближение с Индией является частью стратегии сторон по сдерживанию Китая, а двусторонние отношения выходят на уровень «квазиальянса». В то же время, с учётом тесных торгово-экономических и

политических связей и Индии, и Японии с Китаем, а также индийской политики неприсоединения к альянсам нельзя не отметить факторы, ограничивающие возможные форматы сотрудничества и сдерживающие динамику японо-индийского сближения.

Ключевые слова: Индо-Тихоокеанский регион, Япония, Индия, С. Абэ, Н. Моды, инфраструктура, Китай.

Автор: Добринская Ольга Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель Дипломатической академии МИД; научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: doa_78@mail.ru

India in Abe Shinzo's foreign policy

O.A. Dobrinskaya

Abstract. The article covers new trends in the Japan-India relations. The rapprochement of the two states which began after the end of the Cold war was given impetus in the 2000s, especially evident during the tenure of Prime Minister Abe (2006–2007, 2012 — now). The aim of this article is to study the dynamism of the bilateral relations during the period of premiership of Shinzo Abe, and to analyze the factors which influence the process of the two countries getting closer to each other. The shift in Japan's focus towards the Indian Ocean and the announcement of the Free and Open Indo Pacific Strategy is driven by the desire to contain growing China's influence, and India is seen as one of Japan's main partners. Under Abe the level of relations was upgraded to special strategic and global partnership, intensive dialogue is being carried out both on bilateral and trilateral levels (with the US and Australia), and the Quad cooperation is being discussed. Defense cooperation is gaining momentum, including military exchanges, drills, defense technology cooperation. Of special interest is the perspective of joint US, Japan, India defense cooperation in the Indian ocean. As an answer to the Chinese Belt and Road Initiative Japan is pushing its Quality Infrastructure Initiative which includes investing heavily in India's infrastructure and cooperating with India in the third countries. New prospects for economic cooperation emerge which include new spheres such as atomic energy cooperation, space exploration, IT and startups. Complementarity of the economies of the two countries which is based on combining Japan's technologies and Indian human resources is at the core of further cooperation. It can be said that the closer relations between Japan and India are part of their strategies aimed at the containment of China, and their bilateral relations reach the level of quasi-alliance. At the same time considering close trade, economic and political relations of both India and Japan with China and India's policy of non-alignment it should be noted that there are factors limiting possible forms of cooperation and slowing down further rapprochement.

Keywords: Indo-Pacific, Japan, India, Abe, Modi, infrastructure, China.

Author: *Dobrinskaya Olga A.*, PhD, senior lecturer, Diplomatic Academy MOFA; research fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: doa_78@mail.ru

Отношения с Индией занимают особое место во внешней политике С. Абэ, ставящей целью активизацию связей с широким кругом партнёров под лозунгом «панорамной дипломатии». Между двумя странами традиционно поддерживались дружеские связи, однако именно во время премьерства С. Абэ можно говорить о выходе взаимодействия двух государств на качественно новый уровень.

Индия была одной из первых стран, с которыми Япония установила дипломатические отношения после войны. В апреле 1952 г. между ними был подписан мирный договор. В 1957 г. премьер-министр Н. Киси стал первым японским лидером, посетившим Индию, а через некоторое время в Токио нанёс визит Дж. Неру, что стало важным шагом на пути интеграции Японии в мировое сообщество после Второй мировой войны. Готовность Индии идти на компромисс по вопросу о послевоенных репарациях позволила довольно быстро наладить отношения, и с 1958 г. Индия стала получателем ОПР.

В годы холодной войны взаимодействие Японии и Индии носило ограниченный характер, поскольку страны находились в разных идеологических лагерях: Индия придерживалась политики неприсоединения и поддерживала дружеские отношения с СССР, а Япония во внешнеполитическом плане ориентировалась на США.

Изменение геополитических реалий в 1990-е годы, как в мире, так и в регионе, не могло не сказаться на внешнеполитическом курсе обеих стран. В начале 1990-х руководство Индии объявило о принятии нового политического курса «Взгляд на Восток», направленного на развитие отношений со странами Восточной и Юго-Восточной Азии. Япония, находящаяся в поиске новой роли в мире, также стала более открытой к отношениям с новыми внешнеполитическими партнёрами. Политика «взгляда на Восток», а также экономической либерализации в 1991 г. придали импульс двусторонним связям. Омрачили отношения ядерные испытания в 1998 г.,

в результате которых Япония временно приостановила ОПР Индии, что, однако, не привело к длительному спаду в отношениях.

Визит в Индию в 2000 г. премьер-министра Й. Мори и установление глобального партнёрства ознаменовали наступление нового этапа в двусторонних отношениях. Помимо взаимного настроя на проведение более активной внешней политики, Индию и Японию сближали общие взгляды на реформу СБ ООН. В 2005 г., во время визита в Нью-Дели премьер-министра Дз. Коидзуми, лидеры выступили с заявлением «Японо-индийское партнерство в новой эре Азии: стратегическая направленность глобального сотрудничества Японии и Индии». В нём они подчеркнули совпадение долгосрочных политических, стратегических и экономических интересов, целей и озабоченностей. С 2005 г. встречи на высшем уровне были поставлены на регулярную ежегодную основу.

Сменив Дз. Коидзуми у власти в 2006 г., С. Абэ продолжил курс своего предшественника. Во время визита М. Сингха в декабре 2006 г. в Токио было подписано совместное заявление, повысившее уровень отношений до стратегического и глобального партнёрства. Выступая в индийском парламенте в 2007 г., С. Абэ впервые употребил понятие Индо-Тихоокеанский регион (ИТР), говоря о слиянии двух океанов, тем самым подчеркивая особую роль Индии в азиатских делах. В 2007 г. был достигнут ряд новых договорённостей о сотрудничестве, а также принята Дорожная карта, предусматривающая развитие отношений по широкому кругу направлений, включающих политический диалог, оборону и безопасность, науку, образование и др. На следующий год была подписана Совместная декларация о сотрудничестве в области безопасности.

Подход С. Абэ даже во время первого премьерского срока в 2006–2007 гг. качественно отличался от подхода его коллег. Следует отметить чётко оформленное видение С. Абэ роли Индии в азиатских делах. В связи с этим следует обратиться к понятию Индо-Тихоокеанского региона, или Большой Азии, которые С. Абэ выдвинул применительно к японо-индийским отношениям. Понятие ИТР, хотя и существовало в годы холодной войны в стратегических разработках Запада [Кистанов, 2018, с. 33], в условиях постбиполярного мира впервые появилось в статье индийского аналитика Г. Хураны, посвященной японо-индийскому сотрудничеству в обеспечении безопасности морских линий коммуникаций.

В статье доказывалось, что по мере экономического роста Индии её интересы становятся всё более связанными с морскими коммуникациями, во многом совпадая с интересами Японии, чьи жизненно важные торговые артерии пролегают через Тихий и Индийский океаны [Khurana, 2007].

Концепция ИТР вскоре была взята на вооружение в Токио и появилась в японском внешнеполитическом лексиконе в 2007 г. Находясь в Дели с визитом, японский премьер выступил в индийском парламенте с речью «Слияние двух океанов», в которой подчеркнул важность сотрудничества Японии и Индии по вышеупомянутым вопросам.

Сближение с Индией происходило на фоне разворачивания японской «дипломатии ценностей» и концепции «Дуги свободы и процветания», которая была направлена на сдерживание Китая и России, а её звеном стала Индия. Эта концепция стала одним из столпов японской дипломатии в 2006–2007 гг. и подразумевала формирование общности государств, разделяющих ценности демократии и прав человека, рыночной экономики. С уходом С. Абэ с поста главы государства упоминания о «Дуге свободы и процветания» постепенно исчезли из дипломатического лексикона, поскольку его преемник Я. Фукуда был настроен на демонстрацию более мягкой позиции по отношению к Китаю. Обращает на себя внимание и то, что, в отличие от С. Абэ, Я. Фукуда ни разу не упомянул Индию в своей речи на открытии сессии парламента или на своей первой пресс-конференции, что, по мнению наблюдателей, обозначило место, которое занимала Индия во внешней политике Японии [P.G. Rajamohan, D.B. Rahut, J.T. Jacob, 2008, p.17.].

Напротив, по мере роста опасений в связи с усилением наступательной политики Китая в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, в 2010 г. премьер-министр Н. Кан и его индийский коллега договорились расширять сотрудничество в сфере безопасности и обороны, а также улучшать возможности реагирования на различные вызовы безопасности.

Выступавший главным сторонником сближения с Индией С. Абэ не отказался от своих идей и уже в преддверии возвращения во власть высказал видение механизма обеспечения региональной стабильности, основанного на сотрудничестве четырёх игроков — Японии, США, Индии и Австралии. По мнению премьера, они состав-

ляют «демократический ромб безопасности», и объединение усилий всех углов этого ромба могло бы поставить заслон на пути китайской экспансии и не дать превратить ЮКМ в «Пекинское озеро». Таким образом, С. Абэ вновь дал понять, что видит в Индии важного стратегического партнера.

О том, что роль Индии в японской стратегии возрастает, свидетельствует и провозглашенная С. Абэ в августе 2016 г. стратегия «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». В ней премьер-министр выдвинул широкий подход к региональному развитию и безопасности, базирующийся на повышении взаимосвязанности Африки и Азии. Смещение фокуса внимания в сторону Индийского океана подразумевает большее вовлечение Индии в проблемы безопасности АТР. В свою очередь и правительство Н. Моды развило концепцию «Взгляд на Восток», выдвинув её новый вариант под названием «Действовать на Востоке». Таким образом, обоюдный разворот друг к другу создал предпосылки для политического сближения.

Причины такого разворота связаны со стремлением сформировать противовес растущему Китаю. Можно назвать это реакцией на выдвижение Пекином Инициативы пояса и пути (ИПП), направленной на значительное геополитическое и экономическое усиление Китая на широком пространстве, простирающемся от Восточной Азии до берегов Африки. Через три года после её появления С. Абэ обнародовал стратегию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», которую считают японским ответом на китайскую концепцию.

Токио беспокоит то, что Китай всё более напористо продвигает свои интересы в регионе, стремясь обеспечить в нём преобладающие позиции, что сопровождается вытеснением японского присутствия. В связи с целенаправленным курсом на формирование «морского пояса безопасности» китайской территории на дальних подступах к ней обостряются территориальные споры Пекина с соседними государствами, включая Японию [Панов, Нелидов, 2018, с. 82].

Нью-Дели воспринимает инициативы Пекина как попытку его окружения. Стратегия «нити жемчуга», которой Китай якобы следует последние годы, подразумевает строительство портов и другой инфраструктуры в соседних с Индией странах — Пакистане, Шри-Ланке, Бангладеш, Мьянме. Кроме того, Китай делает ставку на

Пакистан, в частности, порт Гвадар является ключевой опорной точкой его геополитической стратегии. Часть Экономического пояса Шелкового пути проходит по штату Кашмир, являющемуся спорной территорией между Индией и Пакистаном. Индию не устраивает и то, что масштабные инфраструктурные проекты закрепляют лидерство Пекина на осваиваемых территориях. Не менее важны интересы Индии и Японии, связанные с поддержанием стабильности в Южно-Китайском море, где проходят основные торговые коммуникации. Интересы Японии и Индии совпадают в том, что обе страны озабочены строительством военных объектов в ЮКМ, однако политика Индии не допускает вступления в жёсткие блоки и альянсы.

Определённую роль играют взгляды самого С. Абэ, подчёркивающего свое особое отношение к Индии. В книге «К прекрасной Японии», выпущенной еще в 2007 г., он писал: «Неудивительно, если через 10 лет японо-индийские отношения опередят японо-американское и японо-китайское взаимодействие». По мнению некоторых исследователей, ни один японский премьер-министр не вкладывал столько сил в двусторонние отношения, за исключением, пожалуй, деда С. Абэ, премьер-министра Н. Киси, первого японского лидера, посетившего Индию [P.G. Rajamohan, D.B. Rahut, J.T. Jacob, 2008, p.16.].

Во время визита в Токио Н. Модии в сентябре 2014 г. было заявлено о выходе отношений на уровень «особого стратегического и глобального партнёрства», а на следующий год лидеры в заявлении «Видение особого стратегического и глобального партнёрства 2025» провозгласили намерение придать ему более глубокий характер, широкий охват и практическую направленность. Выступая перед Индийским советом по международным делам в 2015 г., мининдел Ф. Кисида обозначил три основных «моста», соединяющих Японию и Индию: ценности, которые разделяют стороны (демократия, свобода, открытая экономика и главенство закона), развивающаяся экономика (взаимная заинтересованность, связанная с политикой С. Абэ стимулирования выхода японских предприятий на зарубежные рынки и курсом Н.Модии на привлечение инвестиций), открытые и стабильные моря (обеспечение свободы навигации).

После того, как С. Абэ выдвинул стратегию «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», в ноябре 2016 г. лидеры двух

стран провозгласили наступление новой эпохи в отношениях, основанной на сочетании японской стратегии свободного и открытого ИТР и индийской политики «Действовать на Востоке». Они подтвердили лидерство в деле обеспечения стабильности и процветания региона, при этом подчеркнув, что повышению эффекта от этих усилий будет способствовать сочетание японской Индо-Тихоокеанской стратегии и индийской политики «Действовать на Востоке».

Встречи двух лидеров носят всё более тёплый характер. Так, в ответ на гостеприимство Н. Моди, принявшего С. Абэ в 2017 г. в собственном загородном доме в штате Гуджарат, японский премьер в октябре 2018 г. пригласил индийского коллегу в свою резиденцию в местечке Нарусава, префектуре Яманаси, где ранее не бывали иностранные лидеры. Таким образом главы государств демонстрируют тесный дружеский контакт. Личная дипломатия становится важным связующим звеном двух стран, подкрепляя особый характер отношений.

Помимо активных двусторонних контактов, на устойчивую платформу поставлено взаимодействие в рамках многосторонних форматов. Существует ряд переговорных механизмов, связывающих Японию и Индию с третьими странами. В частности, это диалог США—Япония—Индия, начало которому было положено в 2011 г. В рамках диалога обсуждались вопросы региональной ситуации, такие как обеспечение морской безопасности, повышение взаимосвязанности стран региона. В 2015 г. уровень встреч «тройки» был повышен до министерского, а в ноябре 2018 г. состоялся первый трёхсторонний саммит США—Япония—Индия. Встреча длилась всего 15 минут и скорее имела символическое значение, подтвердив, что, по словам С. Абэ, Япония, США и Индия разделяют фундаментальные ценности и стратегические интересы [Japan times, 2018]. Примерно те же формулировки повторили в Белом доме, где также высоко оценили саммит, подчеркнув, что США разделяют уникальные и особые отношения с обеими странами на основании общих демократических ценностей.

Несколько лет существует формат диалога Япония—Австралия—Индия, первая встреча которого на уровне старших должностных лиц состоялась в 2015 г. В декабре 2018 г. прошла четвёртая встреча диалога, на этот раз на министерском уровне, в рамках которой

обсуждались вопросы безопасности на море, борьба с терроризмом, ликвидация последствий стихийных бедствий и т.д.

Наконец, это формат «четвёрки» США, Австралия, Япония и Индия, возобновлённый в ноябре 2017 г. Идея четырёхстороннего сотрудничества была впервые предложена С. Абэ еще в 2007 г., однако после проведения единственной встречи «четвёрка» распалась из-за осторожной позиции Австралии и Индии, не желающих провоцировать негативную реакцию со стороны Китая. Второе рождение четырёхстороннего механизма на уровне старших должностных лиц состоялось на полях саммита АТЭС в Маниле в 2017 г., а в ноябре 2018 г. состоялось несколько заседаний в этом формате, включая встречу на уровне министров иностранных дел в сентябре 2019 г.

Новой и весьма динамично развивающейся сферой взаимодействия является военное сотрудничество. Подписание Совместной декларации 2008 г. дало старт диалогу в сфере безопасности с использованием различных каналов. Проводятся регулярные встречи представителей оборонных ведомств. В 2010 г. начались консультации в формате «2+2» на уровне заместителей министров обороны и внешней политики, а 2018 г. было решено повысить их уровень до министерского. Ведётся диалог в сфере оборонной политики, развиваются контакты между управлениями береговой охраны.

Растёт уровень взаимодействия в военных учениях. Еще в 2007 г. Япония впервые получила приглашение участвовать в учениях «Малабар», проводимых ВС США и Индией. Начиная с 2015 г. учения официально стали трёхсторонними с участием США, Индии и Японии в качестве постоянных партнеров. То, что Индия пригласила японцев официально присоединиться к учениям, символизирует поворот в её политике, характеризующейся осторожностью и повышенным вниманием к тому, чтобы своими действиями не вызывать опасений со стороны Китая. Отрабатываемые на учениях маневры включают антисубмаринные операции, патрулирование, сбор информации, что свидетельствует о том, что предполагаемым противником вполне мог быть Китай.

Развивается и двустороннее взаимодействие японских и индийских вооружённых сил. В январе 2012 г. впервые прошли морские учения военных двух стран под названием «Джаймекс». В 2018 г. они были возобновлены после пятилетнего перерыва, в ходе учений основной акцент был сделан на обеспечение морской безопас-

ности. В ноябре 2018 г. состоялись первые учения на суше «Дхарма Гардиан», моделирующие антитеррористические операции. Таким образом, нарастает взаимодействие по широкому спектру операций, в котором участвуют не только морские, но и сухопутные силы.

Новой областью является сотрудничество в сфере совместного производства вооружений и в сфере двойных технологий. Решение администрации С. Абэ смягчить запрет на экспорт вооружений открыло дорогу для сотрудничества с зарубежными партнёрами. В принятой в июне 2014 г. Стратегии производства оборонной продукции и технологической базы говорится об укреплении сотрудничества с Индией, США, европейскими странами, Австралией и странами ЮВА. В декабре 2015 г. между Японией и Индией было подписано соглашение о передаче оборудования и технологий в сфере обороны, а также соглашение о защите секретной военной информации. Соглашения о защите секретной информации подписаны Японией с американскими союзниками — Австралией, Южной Кореей, НАТО, Великобританией. Это также ставит Индию в ряды стран, с которыми у Японии сформировались особо тесные отношения, подразумевающие возможность обмена конфиденциальными данными, касающимися безопасности и обороны. Таким образом, была создана юридическая база для двустороннего сотрудничества в столь чувствительной сфере, как передача военных технологий и обмен разведданными. В рамках министерского диалога по обороне с февраля 2015 г. действует совместная рабочая группа по сотрудничеству в сфере военного оборудования и технологий.

Использование японских технологий, совместная разработка и производство оборонного оборудования составляют основу будущего военно-технического сотрудничества двух стран. С целью его реализации в 2017 г. был учреждён японо-индийский форум по оборонной промышленности. В июле 2018 г. стороны объявили о первом проекте сотрудничества — исследованиях в области создания роботизированных беспилотных наземных транспортных средств [Basu, 2018].

Важным элементом сотрудничества является возможная продажа японской военной техники в Индию. На повестке дня уже долгое время находится вопрос о закупке Индией японских самолётов-амфибий ShinMaywa US-2. Данная модель может быть использо-

вана для решения широкого круга задач, например, патрулирования и спасательных операций, и является единственным в мире гидро-самолетом, способным осуществлять взлёт и посадку при пяти-балльном шторме. Продажа этого самолета Индии могла бы явиться для Японии знаковым событием, поскольку означает выход на мировой рынок третьего производителя «больших производителей» после российского и канадского [Парамонов, 2016. С.50].

Когда в 2010 г. Индия объявила тендер на закупку самолётов, преимущество ShinMaywa US-2 не подвергалось сомнению, однако по ряду причин переговоры о покупке гидропланов до сих пор не завершились. В 2014 г. была достигнута договоренность о покупке Индией гидропланов и об участии индийской стороны в разработке версии, адаптированной под её требования. В подписанном в 2015 г. документе «Япония — Индия: Видение 2025» также говорилось о совместной разработке и производстве вооружений, в частности, в качестве конкретного примера приводился ShinMaywa US-2. Японская компания Син Мэйва, которая является производителем самолётов-амфибий ShinMaywa US-2, предложила создать в Индии завод по производству деталей и компонентов для них, что позволило бы не только удовлетворять внутренний спрос, но и выставлять гидропланы для продажи на внешний рынок [India Times, 2018].

По сообщениям индийских СМИ, контракт на закупку самолётов-амфибий был готов к подписанию в 2016 г., однако сделка до сих пор не состоялась. Это свидетельствует о том, что реализация политических решений сталкивается с большим количеством вводных, таких как ценовая политика, особенности национальной системы закупок оборудования и т.д.

Ещё одной вехой на пути к установлению особых отношений в сфере безопасности является заключение соглашения, касающегося взаимного предоставления товаров и услуг, подразумевающего возможность использования военных баз друг друга. Такое соглашение есть у Японии только с США, Австралией и Великобританией, а в 2018 г. начались переговоры с Индией. Ожидается, что в результате заключения соглашения индийские вооружённые силы получат возможность использовать японскую базу в Джибути, а морские Силы самообороны смогут пользоваться объектами на Андаманских и Никобарских островах в Индийском океане. Эти острова расположены к северо-западу от Малаккского пролива, там, где проходят

основные транспортные артерии, по которым осуществляется транспортировка грузов, направляющихся в Азию. Они имеют важнейшее стратегическое значение с точки зрения обеспечения беспрепятственных торговых коммуникаций. Кроме того, на них строится взлетно-посадочная полоса, и вскоре оттуда станет возможным осуществлять полёты патрульных самолётов, предупреждающих о появлении подводных лодок Китая.

Обращает внимание то, что Япония выражает готовность участвовать в оснащении Андаманских и Никобарских островов, где Индия в ближайшие годы планирует наращивать военное строительство, а в январе 2019 г. открыла новую военную базу. Так, Япония и Индия обсуждали вопрос сотрудничества в сфере создания инфраструктуры на островах, в частности, строительство дизельного завода мощностью в 15мВт на острове Южный Андаман. Известно, что японская компания NEC построит систему подводных оптоволоконных кабелей, соединяющих Ченнай с Андаманскими и Никобарскими островами. Тот факт, что Японию приглашают вкладывать средства в эти территории, свидетельствует о повороте в политике Индии, которая до сих пор отклоняла зарубежные предложения инвестировать в острова [Barry, 2016]. С деятельностью по обустройству островов связан и такой аспект взаимодействия, как возможное сотрудничество Японии, США и Индии в области создания системы слежения за китайскими подводными лодками. Хотя об этом не говорится официально, в прессе и научных источниках стала появляться информация относительно возможного существования такой системы.

С 2008 г. Китай начал антипиратскую миссию в Сомали, и с тех пор его присутствие в Индийском океане стало постоянным. Согласно индийским источникам, в северной части Индийского океана присутствовало от 6 до 8 китайских военных кораблей. В 2017 г. Китай открыл первую постоянную военную базу за рубежом — в Джибути, а также получил в аренду на 99 лет глубоководный порт Хамбантота на Шри-Ланке. При содействии Китая осуществляется реконструкция портов Гвадар в Пакистане и Кьяукпью в Мьянме. По сообщениям СМИ, в 2015 г. китайская подлодка впервые в истории осуществила заход в порт Карачи [Газета.ру, 2015].

Индию не может не беспокоить наращивание Китаем военного присутствия в океане, который она привыкла считать «своим». Для

Индии, планирующей размещать в океане атомные подводные лодки, появление китайских подлодок вблизи своих территориальных вод, несомненно, вызовет проблемы. Кроме того, вероятность нахождения в Индийском океане китайских подлодок затрудняет навигацию индийских авианосцев, а если индийская активность в океане будет сдерживаться, то и присутствие Индии как морской державы в этом районе уменьшится.

Японские аналитики обращают внимание на то, что Китай планирует экспортировать подводные лодки в прибрежные страны, в частности, существуют планы продать восемь подлодок Пакистану и две — Бангладеш. Если он продаст лодки этим странам, то наверняка командирует туда китайских специалистов для обучения их эксплуатации, а это, по-видимому, позволит Китаю осуществлять сбор информации в районе Индийского океана [С.Нагао, 2016].

Еще одним фактором, способным повлиять на баланс сил в ИТР, является дальнейшее укрепление Китаем линии морской обороны. Так, в прессе появилась информация о том, что Китай планирует создание подводной линии обороны в ЮКМ. Как стало известно, первые элементы системы слежения были созданы в 2010 г., в 2011 г. в районе о. Хайнань была установлена вторая серия объектов, а в мае 2013 г. введена в действие третья система около базы АПЛ Санъя [Goldstein, 2016]. Информация о создании Китаем «подводной Великой стены» в основном носит неофициальный характер, однако всё чаще появляется в экспертных обзорах, посвящённых проблемам безопасности в районе Тихого и Индийского океанов.

По мере расширения присутствия китайского флота в Индийском океане Индия будет активизировать попытки его сдерживания или вытеснения. Будет ли она это делать самостоятельно или в сотрудничестве с другими игроками, зависит от дальнейшего развития ситуации в регионе и вектора движения индийско-китайских отношений.

С начала XXI века Индийский океан становится зоной японского присутствия. С 2001 г. Япония направляет туда корабли для обеспечения защиты линий коммуникаций. С 2017 г. вертолётоносцы «Кага», «Идзумо» ежегодно посещают Индию и Шри-Ланку. В сентябре-октябре 2018 г. «Кага» и ещё два корабля совершили заход в порты Индии, Шри-Ланки, Сингапура, Индонезии и Филип-

пин, а также провели совместные учения, направленные на улучшение боевой подготовки. Вслед за Китаем Япония в 2018 г. объявила о намерении создать в Джибути свою первую постоянную военную базу (до этого у неё была временная база для участия в борьбе с сомалийскими пиратами). Япония занимается созданием инфраструктуры в прибрежных государствах, в том числе долгое время предоставляла низкопроцентные кредиты и помощь Шри-Ланке, для того чтобы сделать из Коломбо современный порт, а весной 2019 г. стало известно, что Япония и Индия намерены заняться расширением и углублением терминала порта Коломбо. Таким образом, Япония вслед за Китаем стремится обеспечить своё присутствие в стратегически важных опорных пунктах в прибрежных государствах.

Намерение увеличить своё присутствие в Индийском океане также требует большего внимания к выработке Японией стратегии в этом районе земного шара. Эта стратегия, безусловно, будет основной акцент делать на сближение с Индией и поощрение её шагов, направленных на увеличение ответственности за поддержание стабильности в Индийском океане. По мнению японского аналитика С.Нагао, стратегия Японии должна заключаться в том, чтобы оказывать поддержку Индии как гаранту безопасности. Это государство обладает одним из крупнейших флотов в мире и способно противостоять расширяющему присутствию в Индийском океане Китая. Нарастание военного потенциала Индии в этом районе позволит США и Японии сосредоточить большие силы в ВКМ и ЮКМ. Япония также могла бы играть роль посредника между Индией и США с одной стороны, и прибрежными странами, которые по каким-либо причинам опасаются расширения их влияния (например, со Шри-Ланкой) — с другой. Ещё одним элементом японской стратегии он считает роль поставщика инновационных технологий. При этом Япония могла бы не только снабжать страны региона вооружением, но и осуществлять обучение и тренировки, что будет способствовать росту её престижа и установлению более тесных отношений со странами региона [Nagao, 2019].

В некоторых исследованиях отмечалось, что Япония, США и Индия вынашивают планы совместной разработки звуковой сенсорной сети (так называемой подводной стены) в восточной части Индийского океана, в районе Бенгальского залива, которая позво-

лила бы обнаруживать китайские подводные лодки, курсирующие между о. Хайнань и Индийским океаном [Nagaо, 2019]. В годы «холодной войны» США и Япония имели подобную сеть в Охотском море, а с начала 2005 г. они, по некоторым данным, создали сеть гидрофонов под названием «Рыболовный крючок» в Тихом океане. Узловыми точками этой сети являются Окинава, Гуам и Тайвань. Используя её, США и Япония могут отслеживать активность китайских подводных лодок в ЮКМ и в части Индийского океана. По мнению аналитиков, когда аналогичная сеть будет построена в Индии, ее можно будет интегрировать в японо-американскую систему слежения [Singh, 2016]. Отталкиваясь от предположения о возможности такого сотрудничества, С. Нагао считает, что соглашения о передаче технологий и об обмене информацией, подписанные между Японией и Индией в 2018 г., равно как и существующие японо-американское и американо-индийское соглашения об обмене секретной информацией, формируют базу для создания системы обмена данными о движении китайских подводных лодок.

Китайский фактор лежит и в основе нарастающего сотрудничества в сфере создания инфраструктуры как в Индии, так и в сотрудничестве с Индией в третьих странах. Задача увеличения экспорта японской инфраструктуры в качестве меры по стимулированию экономического роста изучалась в Японии и ранее. Так, в марте 2013 г. была создана экспертная комиссия по разработке инфраструктурной стратегии, однако с появлением ИПП это направление получило значительный импульс. В мае 2015 г. С. Абэ объявил о выдвижении Инициативы качественной инфраструктуры, подразумевающей капиталовложения порядка 110 млрд долл. в строительство и модернизацию различных объектов в Азии, а через год расширил действие Инициативы на страны Африки и Южной части Тихого океана и увеличил сумму содействия до 200 млрд долл. Под лозунгом создания качественной инфраструктуры Япония намерена заняться масштабными проектами в Индии.

В 2017 г. лидеры двух стран объявили о создании «Форума действия на Востоке», который стал бы платформой для реализации конкретных проектов, воплощающих сочетание японской Индо-Тихоокеанской стратегии и индийской стратегии «Действовать на Востоке». В частности, речь шла об улучшении инфраструктуры в

северо-восточных районах Индии, которые граничат с Китаем. Япония выделяет средства на проект строительства дорог на северо-восточной границе Индии, в штатах Мизорам, Ассам, Мегхалая. Как и Андаманские и Никобарские острова, северо-восток Индии является стратегическим районом, который оставался недо-развитым в связи с удаленностью от центра [New York Times, 2016].

Инфраструктурное строительство становится мощным двигателем японских инвестиций в экономику Индии. Япония является третьим по величине источником прямых инвестиций, с апреля 2000 по июнь 2018 г. они составили 28,16 млрд долл. В 2016 г. Индия стала крупнейшим получателем ОПР — около 1,8 млрд долл. [Nikkei Asian Review, 15.08.2018]. В ближайшие годы можно ожидать дальнейшего роста японских капиталовложений, что связано с планами Японии значительно повысить уровень участия в инфраструктурных проектах.

Масштабные планы включают проект промышленного коридора Дели-Мумбаи стоимостью в 90 млн долл., охватывающего 6 штатов и включающего строительство новых городов, промышленных парков, портов, аэропортов и железнодорожной линии длиной почти 1500 км, строительство дизельного завода на острове Южный Андаман, прокладку линии скоростного поезда Мумбаи—Ахмедабад, строительство метро в 6 городах, проекты «умных городов» и т.д.

Япония годами выделяла огромные средства на создание дорог, железнодорожных путей, метро, портов, в том числе в Индии. Например, она финансировала создание линии метро в Дели. Нынешние инфраструктурные инициативы характеризуются большими масштабами строительства. Одним из ключевых проектов является создание линии высокоскоростных железных дорог (синкансэн). Проект стоимостью 17 млрд долл. предполагает прокладку линии длиной 506 км, около 80 % будет профинансировано за счёт низкопроцентных кредитов японского правительства. Церемония начала строительства железнодорожной линии Ахмедабад—Мумбаи состоялась в сентябре 2017 г. с участием С. Абэ. Ожидается, что строительство будет завершено к 2022 г. По словам Н. Моди, большая часть компонентов будет производиться в Индии, тем самым способствуя росту производства в стране. Для Японии такое участие означает получение преимущества в конкуренции с Китаем, также

предлагающим странам Азии скоростные поезда по более низкой цене. Японские технологии сверхскоростных поездов до недавнего времени почти не имели распространения за рубежом, а единственный проект синкансэн на Тайване не окупается. Китай же в последние годы активно развивает технологии создания супербыстрых поездов, которые к тому же оказываются дешевле японских. В 2015 г. Китай опередил Японию в борьбе за контракт на строительство высокоскоростной дороги в Индонезии (по техническим причинам строительство было заморожено), а сейчас проявляет активный интерес к проектам в Таиланде, Малайзии, Индии.

Ещё одним результатом соединения политики Н. Моды «Действовать на Востоке» и стратегии «Свободного и открытого Индо-тихоокеанского региона» С. Абэ является «Коридор роста Азия—Африка», впервые упомянутый в совместном заявлении в ноябре 2016 г. и официально представленный на встрече Африканского банка развития в мае 2017 г. Цель масштабной программы, на которую стороны готовы выделить 40 млрд долл., заключается в повышении роста и взаимосвязанности стран Азии и Африки, для чего планируется реализовать проекты в сфере развития качественной инфраструктуры, институциональной взаимосвязанности, обучения и наращивания возможностей. В качестве сильных сторон, отличающих японо-индийские инфраструктурные проекты от китайских, называют акцент на финансовую ответственность реципиентов, внимание к привлечению местных трудовых ресурсов и их обучению, устойчивость в долгосрочном плане.

Чем отличается японо-индийский проект от китайского? Упор сделан на финансовую ответственность, чтобы не поощрять невозвратных долгов, как произошло со Шри-Ланкой, попавшей в долговой капкан Китая. Также Япония и Индия, скорей всего, будут согласовывать свои действия с США.

Инфраструктурное сотрудничество Японии и Индии осуществляется с привлечением третьих стран. Так, в сентябре 2017 г. на встрече министров иностранных дел Японии, США и Индии была достигнута договорённость о сотрудничестве в деле создания инфраструктуры в ИТР, прежде всего, в Южной и Юго-Восточной Азии, в частности в таких странах, как Непал, Бангладеш, Мьянма. Ожидается, что Индия займётся развитием портовой инфраструктуры, Япония — созданием промышленных парков, а США —

строительством электростанций [Nikkei Asian Review, 10.04.2018]. В феврале 2018 г. появилась информация о том, что инфраструктурное сотрудничество обсуждалось в формате индо-тихоокеанской «четвёрки». Такое сотрудничество, с одной стороны, позволит наполнить содержанием формат четырёхстороннего взаимодействия, придать ему долгосрочный характер, поскольку это не будет восприниматься Китаем столь негативно, как, например, взаимодействие в военной сфере и в сфере безопасности. С другой стороны, это позволит более рационально осуществлять экономическую стратегию по расширению присутствия на широком географическом пространстве.

Реализация инициативы качественной инфраструктуры позволяет Японии не только обеспечить контрактами свой бизнес, но и упрочить экономические позиции в странах, не желающих впасть в чрезмерную зависимость от Китая, а также получить доступ к обширному рынку, что немаловажно на фоне тенденции к падению японского экспорта после начала торговой войны США и Китая.

Помимо инфраструктурного строительства, экономическое сотрудничество Японии и Индии охватывает широкий спектр перспективных направлений. Прежде всего, следует сказать о набирающем силу взаимодействии в сфере мирного использования атомной энергии.

В ноябре 2016 г. Япония и Индия подписали соглашение о сотрудничестве в атомной сфере. Оно позволяет Японии передавать соответствующее оборудование и технологии Индии для использования в мирных целях. Для Японии это первый случай подписания атомного соглашения с государством, не присоединившимся к Договору о нераспространении ядерного оружия, обладающим ядерным оружием. Группа ядерных поставщиков, в которую входит и Япония, долгое время придерживалась запрета на экспорт в Индию ядерного оборудования и технологий. После снятия этого запрета в 2008 г. Индия подписала соглашение о мирном атоме с США, затем с Францией и некоторыми другими странами. Последовав их примеру, Япония, по мнению критиков, «признала» факт правомерности обладания Индией ядерным оружием [NHK, 11.11.2016].

Несмотря на неоднозначность подписанного соглашения, сотрудничество в этой сфере объективно выгодно обеим сторонам. Индия

нуждается в развитии атомной промышленности для покрытия внутренних энергетических потребностей и развития чистой энергетики, а для Японии такое соглашение откроет новые возможности в строительстве дорогостоящих объектов атомной инфраструктуры и продвижении интересов этой отрасли, пострадавшей после аварии на АЭС Фукусима. По информации некоторых источников, Япония может профинансировать строительство АЭС и заводов по утилизации ядерного топлива. Также есть вероятность, что Япония и Индия займутся совместным строительством компонентов для АЭС в рамках инициативы «Сделай в Индии».

Новым направлением является сотрудничество в деле освоения космоса. Меморандум о сотрудничестве в совместном освоении космоса стал одним из итогов саммита С. Абэ и Н. Модии в 2016 г. В октябре 2018 г. был учреждён Диалог по космосу, а его первое заседание прошло в марте 2019 г. На нём обсуждались вопросы безопасности космического пространства, системы глобальной навигации и др. Космические агентства обеих стран ведут изучение возможной организации совместной миссии на Луну. Как и в других областях сотрудничества, в освоении космоса эксперты видят антикитайскую подоплеку, отмечая, что движущей силой двустороннего сотрудничества в этой области стала стратегическая программа Китая, осуществляемая под эгидой военных [Financial Times, 2018].

Новые направления экономического сотрудничества, представляющие особый интерес, охватывают сферу высоких технологий, в частности, искусственный интеллект и интернет вещей, о чем предметно говорили С. Абэ и Н. Моуди на саммите осенью 2018 г. Такое сотрудничество основано на сочетании японской техники и технологий и индийских человеческих ресурсов. Выступая перед представителями делового сообщества, Н. Моуди заявил, что Япония является наиболее надёжным партнёром в сфере экономической и технологической модернизации и что «индийское программное обеспечение и японская техника могут творить чудеса».

Япония выступает ведущим партнёром в инициативах «Сделай в Индии», «Стартап Индия», «Цифровая Индия». Некоторые японские компании переезжают в Индию для участия в программе «Сделай в Индии». Растёт число японских компаний, работающих в Индии. Согласно информации ДЖЕТРО, их количество состав-

ляет 1441, причём за последний год оно выросло на 5,3 %. На настоящий момент почти 50 % присутствующих в Индии японских компаний заняты в обрабатывающей промышленности, в том числе в таких сферах, как производство транспортного оборудования, химическая промышленность, металлообработка, а также в последнее время растёт число предприятий пищевой промышленности [JETRO, 2018]. С тех пор как правительство Н. Моды провозгласило курс на превращение Индии в мировой хаб инноваций и взяло на вооружение программу «Стартап Индия», Япония заинтересовалась этим направлением сотрудничества, особенно в таких сферах, как искусственный интеллект и интернет вещей.

Идея создания хаба стартапов Япония–Индия была обнародована в совместном заявлении Н.Моды и С. Абэ в сентябре 2017 г., а в мае 2018 г. было подписано совместное заявление по инициативе стартапов. Хаб представляет собой платформу для содействия обмену информацией, делового сотрудничества и инвестиций. Предполагается, что индийское правительство будет содействовать в поиске партнёров для японских фирм, а Япония будет приглашать индийские стартапы к сотрудничеству с японскими. Япония планирует оказывать содействие с помощью компании ДЖЕТРО, поддерживать создание бизнес-планов, выдавать разрешения на длительное проживание в Японии для иностранных профессионалов, а также стартап-визы для предпринимателей.

В мае 2018 г. ДЖЕТРО учредила в Бангалоре «Хаб стартапов», деятельность которого направлена на помощь местным молодым компаниям, а также содействие японским фирмам, действующим на индийском рынке. В Бангалоре, который называют Силиконовой долиной Индии, действуют около 6000 компаний-стартапов. В будущем планируется учредить хабы и в других городах.

Достаточно активно развивается деловое взаимодействие в городе Пунэ, где с 2011 г. действует Индийско-японский деловой совет. В феврале 2018 г. ДЖЕТРО провела там ярмарку вакансий, на которой были рассмотрены заявки более чем от 1000 соискателей, в результате чего около 30 человек было принято на работу в 10 японских компаний. Японские предприятия не только восполняют нехватку кадров, но и завязывают долгосрочные контакты с местными специалистами, которые позволяют им расширяться на зарубежных рынках, а также используют кадры для того, чтобы

эффективно внедрять на английском языке новейшие технологии в своих компаниях. Особенностью индийских специалистов в сфере информационных технологий является то, что они обладают знаниями в разработке высокоточных программ и систем, где используются математические знания. Кроме того, уровень оплаты их труда примерно на треть ниже японских [Сэкай бозэки токэй, 2018].

Таким образом, нехватку кадров в сфере информационных технологий Япония рассчитывает восполнить за счет индийских специалистов. Для этого она планирует приглашать местных работников, в частности, намерена начать годичную визовую программу по привлечению квалифицированных кадров.

Для Японии такое участие является выгодным, поскольку означает не только получение прибыли от крупных инфраструктурных проектов и закрепление стратегических позиций в Индии, но и позволяет получить доступ к обширному рынку.

Условия для стимулирования торговли, включая устранение тарифов на 94 товара, изложены в Соглашении о всеобъемлющем экономическом партнёрстве (август 2011 г.). В 2017 г. торговый оборот Японии и Индии составил около 15 млрд долл. Несмотря на то, что торговый оборот растёт, его уровень остается низким. Япония не входит в десятку основных торговых партнёров Индии [Сэкай бозэки токэй, 2018].

При том, что в экономическом плане Индия и Япония не являются основными партнёрами друг друга, Токио выделяет впечатляющие суммы на инфраструктурное строительство в Индии по линии ОПР. По словам индийского эксперта Ш. Хана, рост масштабов японской ОПР в Индию связан с её стратегическими расчётами и тенденцией к сокращению ОПР в Китай. Поскольку слабо развитая инфраструктура в Индии может препятствовать транспортировке японских товаров из одной точки в другую, Япония вкладывает средства в её развитие. Также Япония хотела бы сделать Индию экспортным хабом на пути в Восточную Азию и минимизировать расходы на транспортировку своих товаров [Ask an expert. IDSA]. Индия важна для Японии и как плацдарм для проникновения на рынки третьих стран. За счёт сотрудничества с Индией Япония надеется создать условия для проникновения своих компаний на рынки африканских стран. В Африке достаточно сильны позиции индийских предприятий, у них накоплен богатый

опыт взаимодействия с местными властями и бизнесом, объединение с ними позволит более эффективно развивать бизнес на этом континенте.

Японский аналитик С. Сано считает, что Япония и Индия могли бы расширить сотрудничество и в Центральной Азии. Предпосылки такого сотрудничества связаны со стремлением Индии к расширению присутствия в регионе, о чём свидетельствует её политика «Объединение Центральной Азии». Проекты по развитию порта Чабахар и афганской автодороги Зарандж–Деларам, в которых Индия играла важную роль при поддержке Японии, даёт Токио и Нью-Дели возможность доступа к странам Центральной Азии в обход Пакистана. Кроме того, индийское предложение соединить сухопутные маршруты в Центральной Азии с международным транспортным коридором Север–Юг, чему могла бы посодействовать Япония, расширили бы географические рамки взаимосвязанности. Однако Японии следует обратить внимание на три момента: во-первых, необходимо соблюдать баланс в политике по отношению к Китаю и по отношению к Индии, которая видит в ИПП стремление сдерживать её, особенно в связи с созданием экономического коридора Китай–Пакистан. Во-вторых, Японии следует проявлять осторожность и не ввязываться в Большую игру. В-третьих, следует обращать внимание на безопасность не только в Центральной Азии, но и в Афганистане, который рассматривается как потенциальный экономический хаб, соединяющий Центральную Азию с Южной [Sano, 2018]. Япония проявляла интерес к участию в строительстве Индии порта Чабахар в Иране, однако в связи с тем, что ситуация вокруг Ирана остаётся напряжённой, вряд ли Япония будет участвовать в каких-либо проектах, связанных с этой страной. Центральноазиатское направление не является приоритетным в плане японо-индийского сотрудничества в третьих странах, однако в отдалённой перспективе оно может получить развитие.

В то время как экономическое взаимодействие двух стран постепенно набирает силу, в военно-политической сфере Индия становится одним из ключевых партнёров Японии. Некоторые эксперты приходят к заключению, что происходит формирование новой оси Токио–Нью-Дели [Кистанов, с.33]. Японские аналитики также считают, что отношения во многом подобны альянсу. Так, например, С. Нагао обращает внимание на то, какую позицию заняла

Япония по поводу противостояния Индии и Китая на плато Доклам в летом 2017 г. Участие авианосца «Идзумо» в учениях «Малабар» в разгар противостояния привлекло внимание китайской прессы, в которой прозвучали заявления о том, что Индия возлагает надежды на США и Японию. В августе японский посол в Дели К. Хирамацу сделал заявление о том, что Япония выступает против изменения статус-кво силой, что было воспринято как проявление солидарности с индийскими властями, критикующими Китай за попытки силой изменить сложившийся региональный порядок [Нагао, 2017].

Можно сказать, что сегодня отношения приближаются к уровню, который можно охарактеризовать как «квазиальянс». Такие отношения уже давно существуют у Японии с Австралией. В отличие от Австралии, Индия не является военно-политическим союзником США и придерживается политики неприсоединения, однако по многим вопросам, касающимся обеспечения безопасности, её позиции близки американской и японской. Индия становится одним из ключевых диалоговых партнёров обеих стран. Нарастает объём японо-индийского военно-политического сотрудничества.

Отношения с Китаем являются тем фактором, который временно и способствует сближению Японии и Индии, и сдерживает его. Во-первых, речь идёт о тесных политических связях Индии и Китая — как двусторонних, так и в форматах ШОС и БРИКС. Осторожная позиция Индии по отношению к четырёхстороннему сотрудничеству нашла отражение в выступлении Н. Модии на Диалоге Шангри-Ла, когда индийский лидер неоднократно делал акцент на слове «инклюзивный» по отношению к ИТР, тем самым подразумевая, что новые форматы сотрудничества не должны противопоставлять себя Китаю. Индия придерживается сбалансированной политики вовлечения и сдерживания Китая, и вряд ли следует рассчитывать на то, что она будет предпринимать шаги, ставящие под угрозу её отношения с мощным соседом.

То же можно сказать и о Японии. Хотя японо-китайские отношения переживают далеко не лучший период, Токио с присущим ему прагматизмом подходит к сочетанию политики вовлечения Китая в сотрудничество в Азии и сдерживания его влияния в других регионах. В 2018 г. состоялся визит С. Абэ в Китай, где стороны подтвердили намерение сотрудничать по широкому кругу вопросов. Несмотря на то, что выдвинутая С. Абэ Инициатива качественной

инфраструктуры во многом явилась ответом на ИПП, Япония не желает обострения соперничества с Китаем. Премьер-министр С. Абэ и китайский премьер Ли Кэцян в мае 2018 г. договорились сотрудничать по инфраструктурным проектам в третьих странах. В сентябре 2018 г. прошло заседание совместного государственно-частного комитета по рассмотрению возможных проектов, наиболее вероятным считается создание высокоскоростного поезда в Таиланде. Япония и Китай также рассматривают возможность партнёрства в сфере строительства станций по производству солнечной энергии. Во-первых, партнерство в сфере инфраструктурного строительства в третьих странах позволит оптимизировать затраты на реализацию проектов. Во-вторых, поддержка ИПП будет способствовать улучшению двусторонних отношений. Для Китая участие Японии позволит избежать обвинений в том, что он является инвестором с плохой репутацией.

Наконец, нельзя не упомянуть о тесной взаимозависимости экономик Китая и Индии, с одной стороны, и Китая и Японии — с другой. Объём экономического сотрудничества Японии и Индии с Китаем несопоставим с уровнем их двустороннего сотрудничества. Так, например, если торговый оборот Японии и Индии составил в 2017 г. порядка 15 млрд долл., то торговый оборот Японии и Китая достиг 300 млрд долл., а Китая и Индии — 85 млрд долл. [Bhaskar, 2018].

* * *

В условиях нарастания соперничества между Китаем и США, обострения региональной и глобальной конкуренции между Китаем и Японией наблюдается смещение стратегических интересов сторон в район слияния Тихого и Индийского океанов. Внимание к Индии, которое отчётливо выразил премьер-министр С. Абэ во время первого премьерского срока, в 2010-е годы приобрело более устойчивый характер. Сочетание японской стратегии Свободного и открытого ИТР и индийской политики «Действовать на Востоке» создало базу для долговременного сотрудничества по многим направлениям.

На фоне интенсивных политических контактов как на двустороннем, так и на многостороннем уровне, наблюдается наращивание сотрудничества в оборонной сфере. Присутствие японских

кораблей в Индийском океане становится всё более заметным, и можно предположить, что Токио в обозримой перспективе будет всё более активно участвовать в вопросах обеспечения безопасности в этом районе земного шара. Военно-техническое сотрудничество не только позволит оживить ВПК Японии, но и будет способствовать укреплению связи Токио—Дели, противостоящей Пекину. Китайский фактор оказывает непосредственное влияние и на участие Японии в налаживании индийской инфраструктуры, особенно это касается районов, имеющих стратегическое значение. Япония будет стремиться использовать Индию как противовес китайскому влиянию, особенно его расширяющемуся присутствию в Южно-Китайском море и в Индийском океане.

Экономическое сотрудничество двух стран, уже получившее импульс в связи с достигнутыми договорённостями, может в ближайшие годы выйти на качественно новый уровень. Интерес к японским технологиям и стремление привлекать высококлассных программистов из Индии позволит японским компаниям решить проблему нехватки кадров, а Индия, в свою очередь, решит проблему трудоустройства своих граждан, а также сможет привлечь финансирование в новые проекты. Экономическая взаимодополняемость, а также использование индийско-китайского соперничества дают японскому бизнесу возможность добиться большего успеха на индийском рынке. Кроме того, Индия представляется для Японии привлекательным партнером, сотрудничество с которым позволит Японии завоевывать рынки третьих стран.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Индо э но синсюцу никкэй кигё га тякудзицу ни дзока. Бизнесу тансин : [Уверенно растет число японских предприятий в Индии. Деловые новости] // Джетро. 26.12.2018. URL: <http://jetro.go.jp> (дата обращения: 31.05.2019).

Кистанов В.О. Антикитайская стратегия Японии в Индо-Тихоокеанском регионе. //Актуальные проблемы современной Японии. М., 2018.

Китайская подводная лодка зашла в Карачи // Газета.ру. 01.07.2015. URL:

https://www.gazeta.ru/politics/2015/07/01_a_6862685.shtml (дата обращения: 20.05.2019).

Нитиин гэнсирёку кётэй сёмэй но ими : [Смысл подписания японо-индийского соглашения в атомной сфере] // Эн Эйч Кей. 11.11.2016. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/256903.html> (дата обращения: 13.03.2019).

Панов А.Н., Нелидов В.В. Внешняя политика Японии в контексте военно-политической обстановки в Северо-Восточной Азии // Японские исследования. № 4. 2018. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029

Парамонов О.В. Выход Японии на мировой рынок вооружения: политический аспект // Японские исследования. № 3. 2016. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00021

С. Нагао. Нитибэйин санкаоку га Индоё ни кидзуку Кайтю но дзёхэки : [Подводная стена, которую создают Япония, США и Индия в Индийском океане]. 12.08.2016. URL: <http://business.nikkei.com/atcl/opinion/15/261283/081800007/> (дата обращения: 20.05.2019).

С. Нагао. Хонтони домэй ни нарихадзимэта Нихон то Индо но канкэй : [Японо-индийские отношения на самом деле превращаются в союзнические] // Никкэй бизинесу. 13.10.2017. URL: <http://business.nikkei.com> (дата обращения: 31.05.2019).

Сэкай боэки тоси хококу. Индо. 2018 : [Доклад о мировой торговле и инвестициях. Индия] // Джетро. С. 8. URL: https://www.jetro.go.jp/axt_images/world/gtir/2018/15.pdf (дата обращения: 31.05.2019).

A. Singh. India's 'undersea wall' in the Eastern Indian Ocean // Asia Maritime transparency initiative. 15.06.2016. URL: <https://amti.csis.org/indias-undersea-wall-eastern-indian-ocean/> (дата обращения: 31.05.2019).

As India collaborates with Japan on Islands, it looks to check China // The New York Times. 11.03.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/12/world/asia/india-japan-china-andaman-nicobar-islands.html> (дата обращения: 31.05.2019).

C.U. Bhaskar. Japan-India summit highlights how badly both countries need — and need to contain — China // South China Morning post. 02.11.2018. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/united-states/article/2171147/japan-india-summit-highlights-how-badly-both> (дата обращения: 31.05.2019).

Countering China: Japan, India and U.S. leaders meet in push for more open Asia-Pacific // The Japan Times. 01.12.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/12/01/national/politics-diplomacy/countering-china-japan-india-u-s-leaders-meet-push-open-asia-pacific/> (дата обращения: 13.05.2019).

E. Barry. As India collaborates with Japan on Islands, It looks to check China // The New York Times. 11.03.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/12/world/asia/india-japan-china-andaman-nicobar-islands.html> (дата обращения: 13.05.2019).

G.S. Khurana. Security of Sea Lanes: prospects for India-Japan cooperation // Institute for Defence Studies and Analyses. January 2007. P. 139–153.

India and Japan prepare joint mission to the moon // Financial Times. 04.01.2018. URL: <https://www.ft.com/content/e1556a6c-e6ef-11e7-97e2-916d4fbac0da> (дата обращения: 31.05.2019).

Japan shifts focus of its development assistance to Indo Pacific // Nikkei Asian Review. 15.08.2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-shifts-focus-of-its-development-assistance-to-Indo-Pacific> (дата обращения: 13.03.2019).

Japan, US and India team to fund Indo-Pacific infrastructure // Nikkei Asian review. 10.04.2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-US-and-India-team-to-fund-Indo-Pacific-infrastructure> (дата обращения: 13.03.2019).

L. Goldstein. China's 'Undersea Great Wall' // The National interest. May 16, 2016. URL: <https://nationalinterest.org/feature/chinas-under-sea-great-wall-16222> (дата обращения: 20.05.2019).

'Make in India' boost: Japan offers to set up plant in India for US-2 amphibious aircraft // The Economic Times. 14.07.2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/make-in-india-boost-japan-offers-to-set-up-plant-in-india-for-us-2-amphibious-aircraft/articleshow/50809244.cms> (дата обращения: 13.03.2019).

Om Pratap Singh asked: Why Japan provides her maximum Overseas Development Assistance (ODA) to India? // Institute for defense studies and analyses. URL: <https://idsa.in/askanexpert/WhyJapanprovidesher-maximumODA> (дата обращения: 10.05.2019).

P.G. Rajamohan, D.B. Rahut, J.T. Jacob. Changing paradigm of Indo-Japan relations: opportunities and challenges // Indian Council for Research on International Economic Relations. April 2008.

S. Nagao. What is Japan's Indian Ocean strategy? // Research Institute for Peace and Security. 28.02.2019. URL: http://www.rips.or.jp/en/rips_eye/1575/ (дата обращения: 31.05.2019)

S. Sano. India's role is key for including Central Asia in Japan's free and open Indo-Pacific strategy // Asia Pacific bulletin. No. 424. 16.05.2018. East West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/indias-role-key-including-central-asia-in-japans-free-and-open-indo-pacific-strategy> (дата обращения: 31.05.2019).

T. Basu. A review of India-Japan defense technology cooperation // Institute for defense studies and analyses. 31.08.2018. URL: <https://idsa.in/idsacomments/india-japan-defence-technology-cooperation-tbasu-310818> (дата обращения: 13.05.2019).

REFERENCES

A. Singh. India's 'undersea wall' in the Eastern Indian Ocean, *Asia Maritime transparency initiative*, 15.06.2016. URL: <https://amti.csis.org/indias-undersea-wall-eastern-indian-ocean/> (accessed: 31.05.2019).

As India collaborates with Japan on Islands, it looks to check China, *The New York Times*, 11.03.2016. URL: www.nytimes.com/2016/03/12/world/asia/india-japan-china-andaman-nicobar-islands.amp.html (accessed: 31.05.2019).

C.U. Bhaskar. Japan-India summit highlights how badly both countries need — and need to contain — China, *South China Morning post*, 02.11.2018. URL: <https://www.scmp.com/comment/insight-opinion/united-states/article/2171147/japan-india-summit-highlights-how-badly-both> (accessed: 31.05.2019).

Countering China: Japan, India and U.S. leaders meet in push for more open Asia-Pacific, *The Japan Times*, 01.12.2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/12/01/national/politics-diplomacy/countering-china-japan-india-u-s-leaders-meet-push-open-asia-pacific/> (accessed: 13.05.2019).

E. Barry. As India collaborates with Japan on Islands, It looks to check China // The New York Times. 11.03.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/03/12/world/asia/india-japan-china-andaman-nicobar-islands.html> (accessed: 13.05.2019).

G.S. Khurana. Security of Sea Lanes: prospects for India-Japan cooperation, *Institute for Defence Studies and Analyses*, January 2007: 139–153.

India and Japan prepare joint mission to the moon, *Financial Times*, 04.01.2018. URL: <https://www.ft.com/content/e1556a6c-e6ef-11e7-97e2-916d4fbac0da> (accessed: 31.05.2019).

Indo e no shinshutsu nikkei kigyō ga chakujitsuni zouka. Bizinesu tanshin [Number Japanese enterprises in India steadily growing], *JETRO*, 26.12.2018. URL: www.jetro.go.jp (accessed: 31.05.2019)

Japan shifts focus of its development assistance to Indo Pacific, *Nikkei Asian Review*, 15.08.2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/Japan-shifts-focus-of-its-development-assistance-to-Indo-Pacific> (accessed: 13.03.2019).

Japan, US and India team to fund Indo-Pacific infrastructure, *Nikkei Asian review*, 10.04.2018. URL: <https://asia.nikkei.com/Politics/International-relations/Japan-US-and-India-team-to-fund-Indo-Pacific-infrastructure> (accessed: 13.03.2019).

Kistanov V.O. Antikitajskaja strategija Japonii v Indo-tihookeanskom regione [Japan's anti-China strategy in the Indo-Pacific], *Aktual'nye problemy sovremennoj Japonii*, Moscow: IFES RAS, 2018. (In Russian).

Kitajskaja podvodnaja lodka zashla v Karachi [Chinese submarine entered the port of Karachi], *gazeta.ru*, 01.07.2015. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2015/07/01_a_6862685.shtml (accessed: 20.05.2019) (In Russian).

L. Goldstein. China's 'Undersea Great Wall', *The National interest*, May 16, 2016. URL: <https://nationalinterest.org/feature/chinas-under-sea-great-wall-16222> (accessed: 20.05.2019).

'Make in India' boost: Japan offers to set up plant in India for US-2 amphibious aircraft, *The Economic Times*, 14.07.2018. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/defence/make-in-india-boost-japan-offers-to-set-up-plant-in-india-for-us-2-amphibious-aircraft/articles-how/50809244.cms> (accessed: 13.03.2019).

Nichiin genshiryoku kyoutei shoumei no imi [The meaning of signing the nuclear cooperation agreement between Japan and India], NHK, 11.11.2016. URL: <http://www.nhk.or.jp/kaisetsu-blog/100/256903.html> (accessed: 13.03.2019) (In Japanese).

Om Pratap Singh asked: Why Japan provides her maximum Overseas Development Assistance (ODA) to India? *Institute for defense studies and analyses*. URL: <https://idsa.in/askanexpert/WhyJapanprovideshermaximumODA> (accessed: 10.05.2019)

P.G. Rajamohan, D.B. Rahut, J.T. Jacob. Changing paradigm of Indo-Japan relations: opportunities and challenges, *Indian Council for Research on International Economic Relations*. April 2008.

Panov A.N., Nelidov V.V. Vneshnjaja politika Japonii v kontekste voenno-politicheskoy obstanovki v Severo-Vostochnoj Azii [Japan's foreign policy in the context of military- political situation in North East Asia], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2018, 4. DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10029 (In Russian).

Paramonov O.V. Vychod Japonii na mirovoj rynek vooruzhenija: politicheskij aspekt [The output of Japan to global arms market: the political aspect // *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2016, 3. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00021 (In Russian).

S. Nagao. Hontouni doumei ni narihajimeta Nihon to Indono kankei [Japan-India relations are really turning into alliance], *Nikkei business*, 13.10.2017. URL: <https://business.nikkei.com/> (accessed: 31.05.2019) (In Japanese).

S. Nagao. Nichibeiin sankoku ga Indoyo ni kizuku kaichuu no jouheki [Underwater wall that Japan, USA and India build in the Indian ocean], *Nikkei business*, 12.08.2016. URL: <http://business.nikei.com/atcl/opinion/15/261283/081800007/> (accessed: 20.05.2019) (In Japanese).

S. Nagao. What is Japan's Indian Ocean strategy? *Research Institute for Peace and Security*, 28.02.2019. URL: http://www.rips.or.jp/en/rips_eye/1575/ (accessed: 31.05.2019).

S. Sano. India's role is key for including Central Asia in Japan's free and open Indo-Pacific strategy // *Asia Pacific bulletin*. No. 424. 16.05.2018. East West Center. URL: <https://www.eastwestcenter.org/publications/indias-role-key-including-central-asa-in-japans-free-and-open-indo-pacific-strategy> (accessed: 31.05.2019).

Sekai boueki toushi houkoku. Indo. 2018 [World trade and investment report. India], *JETRO*, p. 8. URL:

https://www.jetro.go.jp/axt_images/world/gtir/2018/15.pdf (accessed: 31.05.2019).

T. Basu. A review of India-Japan defense technology cooperation, *Institute for defense studies and analyses*, 31.08.2018. URL: <https://idsa.in/idsacomments/india-japan-defence-technology-cooperation-tbasu-310818> (accessed: 13.05.2019).

Вопросы исторической памяти в российско-японских отношениях*

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Вопросы исторического прошлого по-разному проявляют себя во внешнеполитических механизмах и процессах России и Японии. В статье анализируется роль и место проблем исторического прошлого в формировании образа страны-партнера в общественном мнении и политическом руководстве двух стран. По мнению автора, образ Японии в послевоенном СССР не ассоциировался с «историческими обидами», так как послевоенное поколение советских людей уже не помнило о русско-японской войне, а японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 годов не стала причиной негативного отношения к Японии на массовом уровне. К тому же считалось, что Япония, страдающая под пятой американцев, уже и так получила жестокий урок истории.

В настоящее время позиция России по единственной из нерешённых проблем исторического прошлого — проблемы линии границы, заключается в том, что решать её необходимо на основе Декларации 1956 года. Однако перспектива передачи Японии двух Южно-Курильских островов в соответствии с условиями указанной декларации не пользуется популярностью среди российских граждан.

Что касается Японии, в её общественном мнении преобладает отрицательное отношение к России, во многом связанное с оценкой её роли во Второй мировой войне как страны, совершившей в отношении Японии агрессивные действия и отторгнувшей от неё исконные территории. Ощущение себя жертвой в данном контексте создает японцам чувство психологического комфорта и позволяет ослабить чувство вины в связи с агрессивной политикой Японии в Азии в годы Второй мировой войны.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Автор приходит к выводу о том, что Япония, осознавая те риски, которые таит в себе существенное ухудшение отношений с Россией в связи с различием позиций сторон по проблемам исторического прошлого, в перспективе не станет раздувать территориальную проблему и иные «исторические обиды», тем более что перспектив их урегулирования уже практически не проглядывается.

Ключевые слова: проблемы исторического прошлого, российско-японские отношения, Русско-японская война, японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток, территориальный вопрос, общественные настроения.

Автор: *Стрельцов Дмитрий Викторович*, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

E-mail: dmstrel@gmail.com

The issues of historical memory in Russo-Japanese relations*

D.V. Streltsov

Abstract. The issues of the historical past manifest themselves differently in the foreign policy mechanisms and processes of Russia and Japan. The article analyzes the role and place of the problems of the historical past in the formation of the image of the partner country in the public opinion and political leadership of the two countries. According to the author, the image of Japan in the postwar USSR was not associated with «historical grievances», as the postwar generation of Soviet people did not remember the Russian-Japanese war, and the Japanese intervention in Siberia and the Far East of 1918–1922 did not cause a negative attitude to Japan at the mass level. In addition, it was believed that Japan, suffering under the heel of Americans, had already received a cruel lesson in history.

Currently, Russia's position on the only unsolved problem of the historical past, the problem of the border line, is that it must be solved on the basis of the 1956 Declaration. However, the prospect of the transfer of the two South Kuril Islands to Japan in accordance with the terms of this Declaration is not popular among Russian citizens.

As for Japan, its public opinion is dominated by a negative attitude towards Russia, largely due to the assessment of its role in the World War II as a country

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”).

that committed aggressive actions against Japan and alienated from it its ancestral territories. The feeling of being a victim in this context creates a sense of psychological comfort for the Japanese and allows them to alleviate their sense of guilt in connection with Japan's aggressive policy in Asia during the World War II.

The author comes to the conclusion that Japan, aware of the risks that are fraught with a significant deterioration in relations with Russia due to the different positions of the parties on the problems of the historical past, in the future will not inflate the territorial problem and other «historical grievances», especially since the prospects for their settlement are practically not palpable.

Keywords: problems of the historical past, Russian-Japanese relations, Russian-Japanese war, Japanese intervention in Siberia and the far East, territorial issue, public sentiment.

Author: *Streltsov Dmitry V.*, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Oriental Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University), the MFA of Russia, Leading researcher of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: dmstrl@gmail.com

Вопросы истории периодически возникают и в отношениях России с её дальневосточными соседями, дорастая в некоторых случаях до уровня крупных дипломатических проблем. Особенно это касается её связей с Японией, пожалуй, наиболее сложных и проблемных с точки зрения воздействия на них исторических и историко-политических факторов. Историческое знание о тех или иных событиях и действиях страны-партнера, а также его субъективная оценка являются неотъемлемой частью образа этой страны, формирующегося в политической элите и в общественном сознании в целом.

Между тем вопросы исторического прошлого по-разному проявляют себя во внешнеполитических механизмах и процессах двух стран. Например, в Японии в силу особенностей её политической системы политики находятся в гораздо более сильной зависимости от сложившихся в обществе стереотипов. Фактор популизма в мотивации политических решений, определяемый требованиями предвыборного цикла, особенно актуализируется в Японии в годы проведения всеобщих парламентских выборов, когда желание «понравиться» избирателям нередко превалирует над здравым смыслом и рациональным подходом к государственным интересам.

Что касается России, связь реальной политики с общественными настроениями носит здесь гораздо более опосредованный характер. В силу большей централизации власти и более персонализированного характера президентской внешней политики наиболее значимым в этом отношении становится то, какой образ Японии сложился у главы государства, у его личных советников, у руководителей внешнеполитических ведомств и иных представителей политического класса.

Однако есть и моменты, общие для двух стран. Как в Японии, так и в России укоренению стереотипов и предубеждений способствует школьная система преподавания национальной истории, нередко преподносящая многие исторические факты в соответствии с политической конъюнктурой, а иногда и в тенденциозном духе. Нельзя также не учитывать и влияние средств массовой информации, комментарии и выступления «лидеров общественного мнения» — экспертов по стране-партнеру, влиятельных учёных-политологов, ведущих различных ток-шоу и т.д., формирующие через СМИ видение обществом тех или иных вопросов двусторонних отношений.

Конечно, не следует преувеличивать роль общественного сознания в сфере реальной политики: механизмов явного и прямого воздействия общественного мнения на сферу принятия решений (например, когда они принимаются под непосредственным воздействием данных социологических служб) просто не существует. Кроме того, власти имеют возможность манипулировать общественным мнением с помощью средств массовой информации, регулируя настроения граждан, меняя сложившиеся стереотипы и установки в соответствии с политической конъюнктурой. Тем не менее, властная элита сама может пасть жертвой господствующих в обществе стереотипов, сформированных ею же в популистских целях: эти стереотипы становятся материальной силой и овладевают умами власть предержащих.

В целом историческая память в современную эпоху является мощным внешнеполитическим инструментарием, орудием в руках государств. Наличие у того или иного государства и его народа «исторических обид» нередко выступает критерием для оценки со стороны страны-партнёра степени той угрозы, которую она ощущает от этого государства [Pollmann 2016, p.308]. Цель настоящей

статьи — попытаться дать оценку того, как проявлялся фактор исторической памяти в советско-японских отношениях в послевоенный период и после окончания холодной войны.

Историческая память в советско/российско-японских отношениях: взгляд из Москвы

В послевоенном СССР Япония никак не ассоциировалась с нерешёнными проблемами истории или «историческими обидами». Послевоенное поколение советских людей уже не помнило о Русско-японской войне, которая, благодаря политическому просвещению масс, скорее была не более чем иллюстрацией кризиса царизма, борьбой империалистических хищников, но никак не священной войной за интересы великой страны. Что же касается японской интервенции в Сибирь и на Дальний Восток 1918–1922 гг., она всё же была эпизодом Гражданской войны, в результате которой окончательно сформировалось советское государство, поэтому нередко становилась объектом пропагандистской мифологии, целью которой было скорее героизировать Красную армию и партизанское движение, установивших Советскую власть, нежели подогреть ненависть к японским оккупантам.

И хотя это был единственный случай в истории двусторонних отношений, когда война шла на территории России, а оккупантами были японцы, в большинстве дидактических материалов советского времени, посвящённых интервенции на Дальнем Востоке, основной обличительный пафос направлен на белогвардейцев и белоказаков, которые по сравнению с японцами творили куда более страшные преступления против мирного населения, поддерживавшего красных.

Справедливости ради стоит сказать, что и японские карательные отряды оставили о себе недобрую память (достаточно вспомнить село Ивановка, в котором в результате карательной экспедиции японцев в марте 1919 г. погибли несколько сотен мирных жителей, в том числе женщины и дети. В 1995 г. японцами поставлен здесь памятник памяти жертв и покаяния японского народа за случившееся). Широкое хождение получила история о сжигании живьем в паровозной топке переданного японцами белоказакам красного партизана Лазо, не имевшая ничего общего с действительностью (на самом деле партизанский командир был расстрелян). Однако

миф этот оказался настолько живучим, что в 1972 г. в Уссурийске был установлен на постаменте с соответствующей табличкой якобы тот самый паровоз. Японцы также нередко представлялись в окarikатуренном виде — вспомним фильм «Волочаевские дни» (1937), где полковник Усидзима предстаёт слегка придурковатым. Претензии в отношении японцев были связаны в большей степени с хищнической эксплуатацией и вывозом ими природных ресурсов Сибири и Дальнего Востока в период военной оккупации, с отказом возвращать «царское золото», чем с творившимися ими зверствами.

Что касается периода Второй мировой войны, конфликт с Японией был скоротечным и победоносным, продолжаясь менее трёх недель. Японские войска не нанесли крупного ущерба советским гражданам и советской экономике, так как все боевые действия шли за пределами СССР. Поскольку заявление Токио о принятии условий Потсдамской декларации последовало уже через неделю после объявления СССР 8 августа 1945 г. войны Японии, больших людских потерь, сопоставимых с потерями в Европе, эта война нашей стране не принесла. И хотя Сталин, выступая по радио в связи с капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г., апеллировал к чувству исторической справедливости, аргументируя вступление СССР в войну с Японией не столько союзническими обязательствами, сколько нанесёнными ею «историческими обидами» (касающимися Русско-японской войны и интервенции и на Дальнем Востоке), «благородной ярости», не говоря о желании мстить, среди советских людей Япония не вызывала.

Сам же Сталин мыслил категориями глобального послевоенного мироустройства и не считал поверженную и оккупированную Японию достойной большого внимания в своих стратегических расчётах, оставив её в зоне влияния американцев. Солидарность с коммунистическим Китаем, основным союзником СССР в Азии, который не был приглашён на Сан-Францисскую конференцию в сентябре 1951 г., была основной причиной, по которой Москва решила не подписывать мирный договор с Японией. Полагая, что окончательную точку в спорах на Дальнем Востоке поставит лишь Третья мировая война, Сталин считал любой мирный договор с Японией временным.

Однако после смерти Сталина новое советское руководство провозгласило курс на мирное сосуществование, и вопрос об урегули-

ровании отношений с Японией вновь актуализировался. Советская политика по отношению к Японии в 1950-е годы строилась на постулате о необходимости «отрыва» Японии от союза с Америкой, превращения её в мирное и демократическое государство, с территории которого не исходит военной угрозы. Результатом этой политики явилось подписание Совместной советско-японской декларации 1956 года, в которой были зафиксированы условия мирного урегулирования. Стороны пришли к согласию о том, что не имеют никаких взаимных претензий по итогам прошедшей войны, а СССР отказывался от любых репарационных требований к Японии. С позиций Москвы это означало «прощение» Японии не только за милитаристскую политику 1930-х — 1940-х годов, но и за события более отдалённого исторического прошлого. Обещание Хрущева передать Японии два Южно-Курильских острова было фактически попыткой подкупить Токио, заставив его отказаться от союза с Соединёнными Штатами — попыткой, с самого начала обречённой на провал, так как к тому времени Токио уже окончательно определился в своём внешнеполитическом выборе.

«Прощение» Японии не вызывало внутри СССР какого-либо неприятия по той причине, что послевоенное поколение советских людей к тому времени уже смутно помнило об «исторических грехах» японцев, связанных с интервенцией на Дальнем Востоке в 1918—1922 гг., не говоря уже о Русско-японской войне, а «прощать» их за преступления, совершённые на территории даже союзного Китая, было не так сложно. К тому же Китай с начала 1960-х годов стремительно перемещался из категории союзника в категорию злейшего врага и военного противника, а потому поддерживать его нападки на Японию было в тот период как минимум нелогично.

Свою роль играло и то, что еще в 1950-е годы Япония, разместившая в соответствии с Договором безопасности американские военные базы на своей территории, представлялась советской пропагандой как страна, оккупированная Соединёнными Штатами и наряду с прочими странами афро-азиатского мира решающая, в соответствии с постулатами ленинской теории, задачу своего национального освобождения. Стереотип о том, что Япония является страной-сателлитом, находящейся в прямой внешнеполитической зависимости от заокеанского партнёра, прочно закрепился в сознании целого поколения советских людей. Они считали,

что страдающая под пятой американцев Япония уже получила жестокий урок истории, а потому дополнительно «пинать» её за прошлое — примерно то же, что «бить лежачего», что в России считается большим грехом.

Когда же Япония в 1960-е годы вступила в период высоких темпов экономического роста и стала проявлять интерес к освоению природных богатств Сибири и Дальнего Востока, внесение в повестку дня двусторонних отношений, уже отягощённых территориальной проблемой, каких-либо претензий, связанных с историческим прошлым, стало бы сильным препятствием для налаживания экономического сотрудничества, в котором Москва была заинтересована не меньше Токио.

К тому же брежневскому СССР приходилось вести войну на два фронта — против Америки и против Китая. Когда в начале 1970-х появились первые признаки американо-китайского примирения, Москва, испугавшись закулисного сговора двух соперников на антисоветской основе, попыталась «окучивать» Японию, предложив ей два острова в обмен на дружественный нейтралитет (министр иностранных дел Громыко даже специально ездил для этого в Токио в январе 1972 года). И хотя инициатива Москвы не имела успеха, СССР, будучи заинтересованным в стабильных экономических отношениях с Японией, предпочитал без нужды не раздражать ее какими-либо нападка́ми по поводу исторического прошлого, выдерживая при этом жёсткую позицию по территориальному вопросу.

Советская пропаганда уделяла мало внимания (во всяком случае, не создавала эмоционального накала) тем вопросам истории, которые будоражили азиатские народы, пострадавшие от японской агрессии. Это касалось вопроса репараций, проблемы учебников истории, особенно актуализировавшейся в начале 1980-х годов, визитов японских премьеров в храм Ясукуни (практика началась в 1985 г.). Что же касается японских территориальных претензий, эта тема была фактически табуирована как на уровне пропаганды, так и на уровне научных исследований, — считалось, что такой проблемы нет вообще, а её настойчивое продвижение Токио на повестку дня двусторонних отношений отражает лишь его реваншистские устремления и желание пересмотреть итоги Второй мировой войны.

Ящик Пандоры был открыт Горбачёвым только в 1991 г. Провозглашённое им «новое мышление» в числе прочего предполагало отказ от былых стереотипов и крайне самокритичное, если не сказать «мазохистское», видение собственной истории. Применительно к советско-японским отношениям это означало признание ряда несправедливостей, совершённых СССР в отношении Японии в период Второй мировой войны, в связи с чем необходимо строить двусторонние отношения «с чистого листа», не оглядываясь на тёмное прошлое. Действуя в духе «нового мышления», М.С. Горбачев признал наличие в двусторонних отношениях нерешённой проблемы принадлежности четырех Южно-Курильских островов, которые были названы поимённо в совместном заявлении, подписанном в ходе его визита в Токио в апреле 1991 г. После ухода Горбачёва эта линия была продолжена Б.Н. Ельциным, который выступил с официальными извинениями по поводу негуманного отношения к 600 тысячам японских военнопленных и сохранил линию на официальное признание проблемы принадлежности четырёх островов.

Ситуация качественно изменилась с начала 2000-х годов, когда президентом России стал В.В. Путин. Курс был взят на усиление идентичности России как победителя во Второй мировой войне, на акцентирование её статуса как страны-правопреемника СССР, который выступил одним из демиургов послевоенного мироустройства. Одновременно была концептуализирована ранее невнятно звучавшая позиция по поводу вступления СССР в войну против Японии — что это решение было принято на основе положений Устава ООН, направленных на скорейшее завершение войны и имевших правовой приоритет по отношению к любым договорным обязательствам стран-подписантов, включая и советско-японский Пакт о нейтралитете.

Позиция России по единственной из проблем исторического прошлого, оставшейся на повестке дня двусторонних отношений, — проблемы линии границы, стала заключаться в том, что решать её необходимо на основе Декларации 1956 года. Однако перспектива передачи Японии двух Южно-Курильских островов после подписания мирного договора, даже в соответствии с условиями указанной декларации, мягко говоря, не пользуется популярностью среди российских граждан, а её реализация, бесспорно, уда-

рила бы по авторитету российского президента и российской власти в целом. На этом фоне Москва устами министра иностранных дел С.В. Лаврова в качестве базового условия для обсуждения вопроса о выполнении условий декларации, касающихся передачи ей островов, выдвинула изначально неприемлемое для Японии условие — что та должна сперва официально признать итоги Второй мировой войны, по которым Южные Курилы перешли под суверенитет СССР. В июле 2019 г. в СМИ появилась информация, что Россия вообще отказывается вести на этот счёт с Японией какие-либо переговоры (в качестве причин называлось опасение, что на передаваемых островах могут быть размещены американские военные базы, а также неблагоприятные внутрисполитические последствия такого шага) [Japan Times 2019]. Таким образом, пограничная проблема как нерешаемый, но исключительно резонансный вопрос исторического прошлого, очевидно, будет ещё долго отравлять атмосферу двусторонних отношений.

Подход Японии к вопросам исторического прошлого в отношениях с Россией

В Японии имеется консервативная и прогрессивная традиции в подходе к её месту и роли во Второй мировой войне [Dien 2015, p. 363–377]. Консервативная традиция предполагает гламурный взгляд на собственную историю. Как полагают её сторонники, послевоенное японское государство является преемником довоенной императорской Японии, соответственно, не стоит огульно отрицать всё наследие довоенного времени, подводя под ним жирную черту, подобно тому, как послевоенная Германия полностью отмежеввалась от своего нацистского прошлого. Эта традиция предполагает преуменьшение агрессивного характера действий японской военщины (так как в противном случае смерть сотен тысяч японских военнослужащих становилась бы бессмысленной) и возвеличивание жертв, понесённых военным поколением японцев ради славы нации и государства. Сторонники этой традиции утверждают, что японская политика военного времени была оборонительной, что продвижение (а не агрессия) Японии на материке была реакцией на политику «белого колониализма» и даже ставила себе целью освободить от него азиатские народы, что разговоры о япон-

ских преступлениях военного времени (Нанкинская резня, «отряд 731», «женщины для утешения» и т.д.) были как минимум преувеличены и лишены доказательных оснований и что сама Япония стала жертвой суда победителей над побеждёнными [Rothermund 2011, p.14-15; Dian 2015, p.371]. Иными словами, вина страны заключается не в каких-то особых «преступлениях», связанных с экспансионистской политикой, а лишь в том, что она проиграла войну.

Из этого вытекает, что несправедливы и юридические итоги Второй мировой войны, зафиксированные без участия Японии и без учёта её интересов. Среди значительной части политического руководства страны, равно как и общественного мнения, распространена точка зрения о том, что основные условия послевоенного мироустройства, касающиеся договорённостей Сталина с союзниками относительно Японии, по которым СССР возвращал себе Южную часть Сахалина и получал Курилы в компенсацию за своё вступление в войну, являются проявлением территориального экспансионизма, противоречащего подписанной самими же союзниками Атлантической хартии (где говорится о том, что страны, её подписавшие, не стремятся к территориальным или другим приобретениям). Особый акцент при этом делается на то, что Ялтинские соглашения заключались тайно и без участия Японии, а значит, изначально к ней несправедливы.

Что касается Устава ООН, по которому Япония должна была признать все договорённости между союзниками, которые привели к окончанию Второй мировой войны, а также Сан-Францисского мирного договора, по которому Япония отказывалась от Курильских островов, то консерваторы оценивают признание этих документов как неизбежное зло, которое оправдывается лишь тем, что это позволило Японии вступить в ООН и стать полноценным членом международного сообщества. Вместе с тем многие в Японии не считают Ялтинско-Потсдамскую систему «священной коровой» и указывают на то, что многие её элементы утрачивают свое значение в современном мире и потому нуждаются в модификации.

В свою очередь, сторонники прогрессивной традиции в своей риторике акцентируют страдания в ходе войны простых японцев, ставших жертвами милитаристской элиты. По их мнению, гражданское население понесло колоссальные потери от войны, в том числе атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки. Прогрес-

сивная традиция делает упор на пацифизм, на протест против антиядерного оружия, распространившегося в мире после войны. Следует отметить, что «прогрессисты» считают жертвами милитаристского режима в первую очередь самих рядовых японцев, а не другие народы Азии, а потому не находят нужным каяться, испытывая перед этими народами коллективное чувство вины [Dien 2015, p.369]. Однако по вопросу о «северных территориях» «прогрессисты» занимают солидарную с консерваторами позицию, хотя упор делается не на несправедливость Ялтинских соглашений и не на советский «территориальный экспансионизм», а на гуманитарную составляющую проблемы — на страдания бывших жителей Курильских островов, которые в 1945–1947 гг. были насильственно переселены на основную территорию Японии и прожили свою жизнь в изгнании, на трудности, которые испытывают их потомки, лишённые права свободного посещения могил и т.д.

Следующий вопрос заключается в том, каким образом эти две традиции проявляли себя в практическом курсе Японии по отношению к СССР/ постсоветской России?

В послевоенный период Япония придерживалась «доктрины Ёсида», согласно которой Япония должна во всём поддерживать США на мировой арене, сосредоточившись на целях мирного экономического развития. Япония сделала ставку на военно-политический союз с Америкой, с которой, как констатировал премьер-министр Накасонэ в 1983 г., Япония связана «единством судьбы». В основе такого подхода, помимо всего прочего, лежала «благодарность» США за спасение Японии от сталинской оккупации. Для послевоенной Японии Советский Союз был главным внешним врагом, который к тому же захватил и оккупировал часть её исконных территорий.

Основная часть однопартийного правления ЛДП пришлось на проамериканские и антисоветские кабинеты, усердно проводившие доктрину Ёсида в жизнь. Лишь Хатояма Итиро в 1955–1956 гг. и отчасти Танака Какуэй (в 1973 г.) пытались вести с СССР диалог, пренебрегая базовыми постулатами доктрины Ёсида. Однако эти попытки были неудачными — мирный договор между двумя странами за несколько послевоенных десятилетий так и не был подписан, а политический диалог фактически заморожен, хотя официальные отношения были восстановлены еще в 1956 г.

Провал усилий по налаживанию добрососедских отношений был в немалой степени связан с преобладанием на массовом уровне такого видения недавнего исторического прошлого, в котором Советский Союз представлял в демонизированном свете.

В той своей части, которая была связана с ролью СССР в минувшей войне, историческое образование японцев способствовало формированию у целого послевоенного поколения своего рода «комплекса виктимности» — ощущения себя жертвой советского экспансионизма. Японцев учили, что СССР вероломно напал на Японию, нарушив пакт о нейтралитете, действовал в последние дни войны как «вор на пожаре», захватив под шумок исконные японские земли (Южные Курилы), насильственно увёз в сибирский плен около 600 тыс. бывших японских военнослужащих, которые, в соответствии с условиями Потсдамской декларации, после официально объявленной императором Японии 15 августа капитуляции должны были быть возвращены «к родным очагам». Поскольку ни СССР, ни современная Россия так в должной мере и не «покаялись» за содеянное, японцы считают её «недружественным» государством — положительный ответ на вопрос, относится ли респондент «с симпатией» к России, почти никогда не превышал 20 %, за исключением короткого периода «горбимании» (популярности СССР эпохи Горбачёва) конца 1980-х — начала 1990-х годов [Чугров 2016, с. 52].

Это, в свою очередь, создавало японцам чувство психологического комфорта — быть коллективной жертвой всегда приятнее, чем коллективным агрессором. Апеллирование к «комплексу жертвы» со стороны политиков было беспроблемным ходом, ведь за ним стоял общенациональный консенсус. Например, с начала 1980-х годов, когда произошёл новый виток холодной войны, в стране по инициативе правящей партии развернулось массовое движение за возвращение «северных территорий» и был учреждён День северных территорий, в ходе которого премьер-министр под прицелом телекамер «инспектировал» Южные Курилы, рассматривая их в бинокль с борта пограничного катера. Около 84 млн японцев (более 80 % взрослого населения страны) поставили к 2014 г. свои подписи под петицией за возвращение «северных территорий» [Brown 2016, p.81]. Это в немалой степени способствовало повышению рейтингов правящей партии.

С начала 1990-х годов Япония, вторая экономика мира, стала проявлять устремления к роли мирового политического лидера. Она начала активно претендовать на место постоянного члена в СБ ООН и выступать за пересмотр Устава ООН, в котором содержится тезис о «вражеских государствах». В выступлениях политических руководителей страны зазвучал тезис о необходимости «подвести черту» под своим послевоенным прошлым и стать «ответственной» державой, «обычной страной», не отягощённой никакими пацифистскими ограничениями. В политическую повестку дня был поставлен вопрос о пересмотре мирной конституции.

В качестве аргумента в пользу «подведения черты», помимо усилившихся в мире экономических и международно-политических позиций Японии, приводятся качественные сдвиги во всей послевоенной системе мирового порядка, происшедшие после окончания холодной войны: распад биполярного мира, развал СССР, крах социалистической системы, расширение НАТО на Восток, прецеденты, связанные с изменением границ государств, в том числе и в Европе. Согласно этой логике, политика «подведения черты» под послевоенным прошлым, помимо внутренних аспектов, связанных с отказом Японии от послевоенного пацифистского наследия и её превращением в полноценную военную державу, по сути, предполагает признание необходимости внесения в международные нормы и правила, основанные на договоренностях между союзниками во Второй мировой войне, определённых коррективов в соответствии со сложившимися реальностями.

Этой линии немало способствовали качественные изменения в японской внутренней политике, происшедшие после окончания холодной войны. Смена поколений привела к существенному поправлению электоральных слоёв, усилению националистических взглядов в японском обществе, запросу на проведение проактивной внешней политики, нацеленной на защиту национальных интересов страны с помощью не только экономических, но и военных рычагов. С начала 2000-х годов во власти закрепляется «антиосновное течение» ЛДП, традиционно делающее упор на собственных (т.е. отличающихся от американских), внешнеполитических интересах страны. Наиболее представительными кабинетами, выражающими эту тенденцию, стали правительства Дз. Коидзуми в 2001–2006 гг. и С. Абэ в период с 2012 г. по настоящее время.

По отношению к России эта традиция проявила себя неоднозначно. Первый всплеск надежд на пересмотр послевоенной парадигмы мирового порядка относится к концу биполярного периода. С провозглашением горбачёвского «нового мышления» в Японии возникли надежды, что решительный отказ от сталинского наследия приведёт и к пересмотру позиции России о неизбежности итогов Второй мировой войны в японском контексте. В Японии считали, что Москва, действуя по канонам «нового мышления», должна будет среди прочих преступлений сталинского режима в отношении Японии, в числе которых называются негуманное отношение к японским военнопленным и «вероломное нарушение» ею Пакта о нейтралитете 1941 года, исправить допущенную ею несправедливость в виде аннексии Южно-Курильских островов и, соответственно, вернуть их Японии. В 1990-е годы этот аргумент нередко приводился японской стороной с целью побудить Россию пойти на уступки по территориальному вопросу.

По мере усиления напористости российской внешней политики, направленной на отстаивание своих национальных интересов, которое ассоциировалось с приходом в 2000 г. Путина на пост президента, среди части консервативного политического истеблишмента Японии, недовольного подчинённым положением Японии в системе военно-политического союза с Америкой, усилились симпатии к России как к естественному «противовесу» мировым гегемонам в лице США и Китая. Именно их выразителем в значительной степени выступает премьер-министр С.Абэ, являющийся сторонником активного укрепления отношений с Москвой и заключения с ней мирного договора на основе взаимного компромисса по территориальному вопросу. Однако эта компонента пользуется лишь ограниченной поддержкой как в руководстве, так и в низах правящей ЛДП. Скорее в партии преобладают те националистические слои, которые настроены антироссийски и считают, что Япония должна использовать политику «дожимания» России по территориальному вопросу. Некоторые из них считают, что по мере утраты своих экономических и политических позиций в мире Россия станет более «сговорчивой» по территориальному вопросу, а потому никакой готовности к компромиссу в духе «дипломатии Абэ» проявлять не следует, нужна только исключительно жёсткая позиция. Например, когда в мае 2019 г. из «Голубой книги по дип-

ломатии» 2019 года, издаваемой МИД Японии, было исключено положение о том, что «четыре острова принадлежат Японии» (это было сделано явно по настоянию внешнеполитических советников Абэ, с тем чтобы подобная оценка не сказалась негативно на ведущихся с Россией переговорах), из органов внешнеполитического планирования ЛДП, отражающих мнение партийной элиты, прозвучала в адрес этого решения резкая критика [Асахи симбун, 2019].

Следует отметить, что такие взгляды во многом отражают широкие общественные настроения. Россию японцы в массе своей по-прежнему считают «недружественным государством» — она остаётся в их глазах «красной», «советской» и крайне непредсказуемой. Примечательно, что негативные ассоциации, связанные с Россией, преобладают в Японии вне контекста, связанного с Крымом и украинскими событиями: они сформировались гораздо раньше, еще в период холодной войны, и обладают высокой степенью устойчивости, воспроизводя себя в новых поколениях. Показательным в этом отношении является то, что если после крымских событий в мире наблюдалось резкое ухудшение отношения к России, в Японии ничего подобного не произошло — оно изначально было очень плохим, таковым и осталось. Например, согласно опросу Pew Research Center, если в США в 2013 г. плохого мнения о России придерживалось 43 % граждан, то после событий на Украине в 2014 г. — 72 % респондентов, в Европе, соответственно, эти цифры составили 54 и 74 %. В Японии же ухудшение имиджа России составило лишь не очень значительные 5 % — с 64 до 69 % [Казаков 2015, с. 32].

С другой стороны, в Японии существенно сократилась прослойка симпатизантов России из числа бывших сторонников просоветски настроенных левых партий. В период биполярного мира электорат Социалистической партии, отчасти Партии демократического социализма и Коммунистической партии позитивно оценивал роль СССР во Второй мировой войне, полагая, что его вступление в войну ускорило заключение мира и позволило Японии избежать новых жертв. Пафос левых был направлен против американского империализма, который после войны втянул Японию в свою орбиту, заставив подписать союзный договор. Однако в середине 1990-х годов Социалистическая партия Японии, которая в своей внешнеполитической ориентации традиционно делала ставку на СССР, практически полностью ушла с политической арены.

Коммунистические идеи на массовом уровне утратили свою привлекательность среди части японского общества, и новая Россия мало чем могла похвастать в плане привлечения симпатий рядовых японцев. На этом фоне советофобские и русофобские настроения, связанные с территориальной проблемой, перестали «балансироваться» симпатиями в отношении постсоветской России среди электората левых партий, рассматривавших СССР в качестве идеала и естественной альтернативы капиталистической системе.

В то же время наиболее левая партия, Коммунистическая, изначально придерживалась наиболее «антисоветской» точки зрения на проблемы истории Второй мировой войны. Ее официальная позиция не признает легитимным переход Советскому Союзу не только Южных Курил, но и Южного Сахалина и всех Курильских островов, который оценивается в качестве акта политики территориального экспансионизма сталинского режима. А ведь именно эта партия после фактического исчезновения социалистов с политической арены страны в конце 1990-х годов стала одним из главных проводников прогрессистской традиции антимилитаризма.

В постбиполярный период левые и левоцентристские силы Японии стали относиться к России в контексте территориальной проблемы даже более прохладно, чем консервативная ЛДП. Например, именно при правлении левоцентристской Демократической партии Японии в ноябре 2009 г. на уровне МИД страны была принята официальная формулировка о «незаконно оккупированных территориях», вызвавшая кризис в двусторонних отношениях [Newsru.com 2009]. Мотивом ДПЯ, делавшей ставку на популизм, очевидно, было получение внутривнутриполитических дивидендов от использования России в качестве «боксерской груши».

Эта же традиция сохранилась и в партиях, ставших преемниками ДПЯ после её роспуска в 2017 г. накануне парламентских выборов, включая вторую по силе оппозиционную Конституционно-демократическую партию (КДП). Когда С. Абэ в ноябре 2018 г. предложил решать территориальный вопрос с Россией на основе Декларации 1956 года, с наиболее резкой критикой его позиции выступили именно представители КДП. Например, председатель КДП Ю. Эдано заявил в ноябре 2018 г., что Япония не должна отступать от линии на то, что ей в историческом и юридическом смыслах принадлежат все четыре острова [Bloomberg 2018]. Крити-

ковал Абэ за «неспособность выразить позицию» страны на переговорах с Россией и генеральный секретарь КДП Фукуяма Тэцуро [The Mainichi 2019]. А депутат той же партии К.Эда назвал частые поездки Абэ в Россию «дипломатией данничества» [Brown 2019].

Что касается самого Абэ, для него отношения с Россией имеют сильно выраженный внутривнутриполитический контекст, связанный с возможностью набрать дополнительные кредиты доверия со стороны избирателей, в повышении которых он нуждается на фоне внутривнутриполитических скандалов со своим участием. Даже осознавая бесперспективность решения проблемы «северных территорий», С. Абэ апеллирует к гуманитарной её составляющей, а именно — к необходимости облегчить страдания бывших островитян и их потомков, а его усилия в этом направлении транслируются при помощи медиа в образ заботливого отца нации.

Антироссийское общественное мнение в силу нерешённой проблемы границы всегда будет служить серьёзным ограничителем на пути развития политического диалога с Россией, и курс на развитие с Россией добрососедских отношений потребует от политического руководства страны существенной смелости. Между тем в Токио, очевидно, опасаются, что испорченные отношения с Россией и её внешнеполитическая изоляция чреваты риском её блокирования с Китаем, который в перспективе представляет гораздо большую проблему для национальной безопасности Японии, чем Россия. С одной стороны, российский военно-технический потенциал может способствовать существенному усилению китайской военной мощи. С другой стороны, тревогу в Токио вызывает перспектива формирования внешнеполитического альянса Пекина и Москвы на антияпонской основе, в рамках которого последняя станет активно поддерживать территориальные претензии Китая к Японии. Не случайно в Японии с большим алармизмом восприняли визит В.В. Путина в Китай в сентябре 2015 г. для участия в церемонии, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны, а, точнее, «победы китайского народа над японскими агрессорами» [Коммерсант 2015].

Именно подобная негативная мотивация в большей степени, чем прямые выгоды от развития двусторонних отношений, заставляет японское руководство уделять большое (хотя и не первоочередное) внимание российскому направлению своей дипломатии. Логично предположить, что, действуя в рамках политики «хеджирования

рисков», Токио не станет слишком сильно ссориться с Россией по пограничному вопросу и раздувать иные «исторические обиды», тем более что перспектив их урегулирования уже практически не проглядывается.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дружба двух площадей // Коммерсант. 31.08.2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2799924> (дата обращения: 05.08.2019).

Казаков О.И. Российско-японские отношения в 2014 году // Ежегодник Японии 2015. С. 20–35.

Правительство Японии окончательно объявило Южные Курилы «незаконно оккупированными» Россией // Newsru.com. 24.11.2009. URL: <https://www.newsru.com/world/24nov2009/kurily.html> (дата обращения: 05.08.2019).

Тити-но иси хикицугу абэ сюсё, хоппо рёдо акэцу-э сэйнэндзё: сэйкэн рэгаси [Премьер Абэ выполняет волю своего отца: оставить после своего правления решенную проблему «северных территорий»] // Bloomberg. 21.12.2018. URL: <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2018-12-21/PJZAJ06JTSE801> (дата обращения: 05.08.2019).

Хоппо ёнто ва нихон-ни кидзоку»-но кисай сакудзё, дзимин-най-дэ хихан дзокусюу : [В ЛДП растёт критика по поводу вычеркивания положения о том, что «северные территории» принадлежат Японии] // Асахи симбун. 10.05.2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM5B557ZM5BUTFK010.html> (дата обращения: 05.08.2019).

Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33/2016. М.: НП РСМД, 2016. URL: <https://russian-council.ru/common/upload/Russia-Japan-Paper33-ru.pdf>

Brown J. Abe's underperforming Russia policy faces growing political backlash // Eastasiaforum. 13.03.2019. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/13/abes-underperforming-russia-policy-faces-growing-political-backlash/> (дата обращения: 05.08.2019).

Brown J. Japan, Russia and their Territorial Dispute: The Northern Delusion. NY: Routledge, 2016.

Despite agreement, Russia rejects starting talks on territorial dispute due to Putin's flagging support rate // Japan Times. July 14, 2019. URL:

<https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/14/national/politics-diplomacy/despite-agreement-russia-rejects-starting-talks-territorial-dispute-due-putins-flagging-support-rate/> (дата обращения: 05.08.2019).

Dian M. Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions // *International Relations*. 2015. Vol. 29(3). P. 363–377.

PM Abe avoids describing Russian-held Northern Territories as inherently Japanese // *The Mainichi*. July 2, 2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190202/p2a/00m/0na/023000c> (дата обращения: 05.08.2019).

Pollmann E. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol 3(3). P. 307–336. DOI: 10.1177/2347797016670704.

Rothermund, D. The Self-consciousness of Post-imperial Nations. A Cross-national Comparison // *India Quarterly*. 2011. Vol. 67(1). P. 1–18. DOI: 10.1177/097492841006700101

REFERENCES

Brown J. (2016). *Japan, Russia and their Territorial Dispute: The Northern Delusion*. N.-Y.: Routledge.

Brown J. (2019). 'Abe's underperforming Russia policy faces growing political backlash', *Eastasiaforum*, 13 March, URL: <https://www.eastasiaforum.org/2019/03/13/abes-underperforming-russia-policy-faces-growing-political-backlash/> (accessed: 5 August 2019)

Chichi-no ishi hikitsugu abe shusho, hoppo ryodo aketsu-e seinenjo: seiken regashi [Prime Minister Abe carries out the will of his father: to leave after his rule the solved problem of "Northern territories"], *Bloomberg*, December 21, 2018. URL: <https://www.bloomberg.co.jp/news/articles/2018-12-21/PJZAJ06JTSE801> (accessed: 5 August 2019) (in Japanese).

Chugrov S. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii: Rabochaya tetrad'* [The image of Russia in Japan and the image of Japan in Russia: the working paper], Moscow: Russian Council for International Affairs. URL: <https://russiancouncil.ru/common/upload/Russia-Japan-Paper33-ru.pdf> (accessed: 5 August 2019) (In Russian).

Despite agreement, Russia rejects starting talks on territorial dispute due to Putin's flagging support rate, *Japan Times*, 14 July, 2019. URL:

<https://www.japantimes.co.jp/news/2019/07/14/national/politics-diplomacy/despite-agreement-russia-rejects-starting-talks-territorial-dispute-due-putins-flagging-support-rate/> (accessed: 5 August 2019)

Dian M. (2015). Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions, *International Relations*, 29(3): 363–377, DOI: 10.1177/0047117815600932 (accessed: 5 August 2019)

Druzhba dvukh ploshchadey [The friendship of two squares], *Kommersant*, August 31, 2015. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2799924> (accessed: 5 August 2019) (In Russian).

‘Hoppo yontou wa nihon-ni kizoku’ kisai sakujo, jimon-nai de hihan zokushutsu [Inside the LDP there is growing criticism over the deletion of the provision that the four ‘Northern territories’ islands belong to Japan], *Asahi shimbun*, May 10, 2019. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASM5B557ZM5BUTFK010.html> (accessed: 5 August 2019) (In Japanese).

Kazakov O. (2015). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya v 2014 godu [Russo-Japanese relations in 2014], *Ezhegodnik Yaponiya*, 2015: 20–35. (In Russian).

PM Abe avoids describing Russian-held Northern Territories as inherently Japanese, *The Mainichi*, February 2, 2019. URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20190202/p2a/00m/0na/023000c> (accessed: 5 August 2019).

Pollmann E. (2016). Japan's security and historical revisionism: explaining the variation in responses to and impact of textbook controversies', *Journal of Asian Security and International Affairs*. 3(3): 307–336. DOI: 10.1177/2347797016670704 (accessed: 5 August 2019)

Pravitel'stvo Yaponii okonchatel'no ob'yavilo Yuzhnyye Kurily «nezakonno okkupirovannymi» Rossiyei [Japan's government has finally declared South Kuriles as ‘illegally occupied by Russia’], *Newsru.com*, November 24, 2009. URL: <https://www.newsru.com/world/24nov2009/kurily.html> (accessed: 5 August 2019) (In Russian).

Rothermund (2011). The Self-consciousness of Post-imperial nations. A Cross-national Comparison, *India Quarterly*, 67(1): 1–18. DOI: 10.1177/097492841006700101

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 77–105.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 77–105.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10004

Трансформация взглядов японских женщин на их положение в семье, экономике и обществе

Л.В. Жилина

Аннотация. В период Хэйсэй изменения в жизни японских женщин и в вопросах гендерного равенства, а также появившиеся новые экономические возможности, несомненно, способствовали трансформации взглядов женщин на семейную жизнь и материнство, на карьеру и на роль в обществе. Для понимания произошедших изменений автор проанализировал многочисленные японские источники, сделав акценты на изменение взглядов японок на брак/семью и на рождение детей; на положение на рынке труда (карьерные возможности) и на изменение роли в общественно-политической жизни страны.

Рост числа японских женщин, получающих университетское образование, свидетельствует о том, что они стали более образованными, чем раньше. Это, в свою очередь, открывает им доступ к лучшим рабочим местам, даёт возможность получать более высокие доходы и бóльшую финансовую независимость, позволяет им не только идентифицировать себя как «жёны» и «матери», но и делать успешные инвестиции в своё образование и карьеру. В результате перспектива замужней-семейной жизни представляется теперь японкам относительно непривлекательной по сравнению с возможностью проживать «полноценную» жизнь, проводить интересный досуг и получать удовлетворение от работы. Вместе с тем меняющиеся условия на рынке труда не только побудили женщин «вкладываться» в собственную карьеру, но и повлияли на матримониальные устремления тех, кто пошёл по этому пути. Некоторые из них решили совсем отказаться от материнства; другие откладывали его до тех пор, пока не построили карьеру. Таким образом, японки, решающие сделать приоритетом карьеру, должны будут заплатить за свой успех — часто ценой без-

детной и одинокой жизни. Модель, которую мы видим сегодня — результат изменений, идущих с 1990-х годов.

Ключевые слова: японские женщины, изменение взглядов, брак, общество, дети, карьера.

Автор: Жилина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, факультет Иностранных языков ОмГУ им. Ф.М.Достоевского. ORCID 0000-0002-6337-3870; E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

Transformation of Japanese women's views on their positions in the family, the economy, and society

L.V. Zhilina

Abstract. Throughout the Heisei period, changes both in Japanese women's individual life, gender equality and changes in economic opportunities for women undoubtedly helped fuel the transformation of their views on family life and motherhood, career-making and on their role in society. To understand these changes, the author analyzed a lot of Japanese sources, and focuses on four points: changes of Japanese women's views on marriage/family and on child-birth; changes of women's role in the labor market (in their career opportunities) and in social political life of the country.

Many Japanese women became more educated than they used to be, it can be indicated with increasing numbers of women obtaining university degrees, and therefore gaining access to better jobs, higher incomes and greater financial independence. It also allows women not only to identify themselves as “wife” and “mother”, but also to invest in education and careers. Thus, the prospect of settling down to married life appears relatively unappealing compared to the possibility of living a “fulfilling” life, leisure activities and high job satisfaction. And the changing labor market conditions not only spurred Japanese women to invest in careers, they also affected the family-formation behavior of women who followed this pathway. Some of these women decided to forgo motherhood entirely; others delayed fertility until they were well established in their careers. So women who chose to build their careers would have to ‘pay the price’ for their success, often by remaining single and childless. The pattern we see today is the result of changes since the 1990s.

Keywords: Japanese women, views' changes, marriage, society, children, career

Author: Zhilina Larisa V., PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, Department of Foreign Languages, F.M.Dostoevsky Omsk State University. ORCID 0000-0002-6337-3870; E-mail: larissa-zhilina@yandex.ru

За последние 30 лет во всех промышленно развитых странах произошли существенные изменения в поведении семьи и организации её жизненного уклада. Часто эти изменения называют «вторым демографическим переходом», который включает в себя откладывание брака и рождения детей, расширение практики гражданских браков, разводов и рождения детей вне брака, а также увеличение занятости матерей [Lesthaeghe, 1995]. Теоретические объяснения подобных изменений фокусируются на расширении экономических возможностей для женщин, росте их потребительских запросов, на снижении экономических перспектив для мужчин, а также на усилении секуляризации и повышении внимания к индивидуальной удовлетворенности [Lesthaeghe, 1998]. При этом общества, трансформированные в результате экономического развития, характеризуются низким уровнем рождаемости, что особенно проявляется в динамично развивающейся Восточной Азии. Яркий тому пример: в наиболее развитых странах, таких как Япония и Южная Корея, фиксируется самый низкий уровень рождаемости, что не сможет не отразиться на численности трудоспособного населения этих стран.

В Японии под давлением демографического кризиса власти пытались решить проблему, призывая женщин оставлять работу, рожать больше детей и заботиться о пожилых родителях. Эта идея нашла отражение в правительственных программах, которые поощряли молодые пары иметь детей, стимулировали семьи вернуться к традиционной модели домохозяйств «трёх поколений». Однако правительственные стимулы, увы, не принесли ожидаемых результатов, а численность трудоспособного населения вследствие старения нации продолжала неуклонно снижаться.

В 2013 г. премьер-министр Японии Абэ Синдзо в своём выступлении перед Генассамблеей ООН представил свою новую программу по восстановлению экономики, особо отметив необходимость повышения экономической активности женщин. Увеличение числа работающих женщин стало одним из основных направлений «абэномики», получив название «вименомикс» (womenomics) [Prime Minister of Japan, 2013].

И действительно, с 2012 г., после того как С. Абэ возглавил кабинет министров, доля работающих японок постепенно начала расти. Если в 2008 г. степень экономической активности населения составила 60,2 % (72,8 % среди мужчин и 48,4 % среди женщин),

то в 2017 г. — 60,5 % (70,5 % среди мужчин и 51,1 % среди женщин) [Statistical Handbook, 2015, 2018]. Иными словами, когда казалось, что Страна восходящего солнца была уже «обречена демографически», в экономику влилась целая армия социально активных женщин. Тогда же был выдвинут ряд стимулирующих совмещение работы с семейными обязанностями и общественной жизнью инициатив: неполный рабочий день, гибкий график, работа на дому. Тем не менее, хотя идея повышения рабочего потенциала Японии за счёт увеличения числа работающих женщин и являлась разумной в экономическом плане, на деле же реализация этой стратегии оказалась далека от идеальной.

Какими же были эти последние, составившие в Японии эпоху Хэйсэй¹, 30 лет для японских женщин?

Проблема семьи и брака

Хотя Японию всё ещё можно рассматривать как общество, в котором брак является нормой, число молодых людей, не спешащих создавать собственные семьи, неуклонно растёт. Такая трансформация традиционной модели брака предполагает изменение отношения к институту брака и ожиданий от него в среде японской молодёжи. Исследования показывают, что основным социальным институтом, на котором вызовы глобализации сказываются в первую очередь, оказывается семья. Зачастую это происходит из-за социального отчуждения, ослабления поддержки молодого поколения семьёй [Imamura, 1990], что влияет на качество родственных отношений внутри самой семьи и оказывает глубокое воздействие как на молодёжь, так и на социальные связи в японском обществе. В чём это проявляется? Прежде всего, в пролонгации периода, в котором уже весьма взрослые люди идентифицируют себя как «молодёжь»: дольше идёт их экономическое взросление (что не может не влиять на их экономическую самостоятельность); они затрачивают больше времени на получение образования; позже создают семьи; планируют иметь меньше детей и т.д. Ещё большее беспокойство старшего поколения в Японии вызывает ставший уже очевидным факт разрушения традиционных ценностей, особенно

¹ Хэйсэй (яп. 平成) «Установление мира» (08.01.1989—30.04.2019) — девиз правления 125-го императора Акихито.

тех, которые определяли семью как хозяйственную единицу японского общества.

В Японии по-прежнему мужчинам во многих аспектах, включая и занятость, отдаётся предпочтение, а женщины зажаты в социальные тиски низкооплачиваемой (по сравнению с мужчинами) работы и несут бремя домашних обязанностей. Хотя гендерное неравенство чаще понимается как проблема прав человека, для правительства Японии оно было и до сих пор остаётся, прежде всего экономической проблемой. Между тем по мере повышения уровня образования женщин у них появляется больше возможностей для трудоустройства. Они всё чаще «мигрируют» как студенты или как сотрудники международных компаний, часто меняют место жительства, что в свою очередь ведёт к разобщению семей. Такая массовая мобильность населения, приводимого в движение глобализацией, вызывает переформатирование личной жизни и любовных привязанностей, родственных уз и интимных связей, которые становятся хрупкими и неустойчивыми, порождая «новый тип мигрантов» [Zlotnik, 2004] — поколение молодых женщин, мигрирующих в поисках возможностей для лучшей жизни. В то же время немало молодых японок уклоняются от брака и деторождения, живут со своими родителями и делают карьеру [Orenstein, 2001].

А когда жители больших городов наконец-то решают вступить в брак, они сталкиваются с определёнными трудностями. В начале 1980-х годов даже появилось определение — *«dansei kekkon-nan jidai»* или «эпоха трудностей брака для мужчин» (яп. 男性結婚難時代). Многие учёные тогда пришли к выводу, что «откладывание» принятия решения о создании семьи сыграло главную роль в снижении рождаемости в Японии. Как утверждалось, именно это и привело к смещению и сокращению продолжительности репродуктивной жизни японских женщин [Hodge, Ogawa, 1991], что послужило толчком к более активному обсуждению обозначенной темы в контексте «бездетного общества», в которое постепенно стала превращаться Япония. Так где же корень обозначенной проблемы?

С 1960 по 1975 г. средний возраст вступающих в первый брак японцев практически не менялся. Тогда японки, как и большинство женщин Европы, после так называемого периода активного поиска супруга — *«konkatsu»* (яп. 婚活 — дословно: охота на брак), к двадцати пяти годам обычно выходили замуж. До этого возраста «деву-

шек на выданье» в Японии сравнивали с Рождественскими тортами, которые должны быть непременно съедены к 25-му декабря, а уж никак не после этой даты! [Tokuhiko, 2011, p.7]. Описывая трудности, с которыми сталкивались женщины в поиске партнёра, после того как им «стукнет» 25, профессор социологии Киотского университета Отиай Эмико назвала это время «кошмарным периодом, который оставил на каждом мужчине и на каждой женщине отпечаток единообразного жизненного сценария» [Ochiai, 1997, p. 55].

Однако в последние десятилетия в Японии всё больше и больше молодых людей не спешат создавать семьи, что связано с постепенным распространением индивидуалистического демографического поведения, стремлением молодых людей пожить в своё удовольствие и сделать карьеру [Маркарян, 2014, с. 200]. Это проявилось, прежде всего, в повышении возрастного порога вступающих в первый брак: мужчин с 28,4 (1987) до 30,4 (2015), а женщин — с 25,6 (1987) до 28,6 лет (2015) [The Fifteenth Japanese Survey, 2015]. В 2017 г. средний возраст брачующихся составил 31,1 года для мужчин и 29,4 года для женщин, т.е. за 30 лет возраст впервые брачующихся мужчин увеличился на 2 года 9 мес., а женщин — на 3 года 10 мес.

С повышением возраста невест и женихов появился ещё один печальный тренд — в 2015 г.² почти каждый четвёртый мужчина и одна из семи женщин так и не вступили в брак к 50 годам: среди мужчин — 23,37 %, а среди женщин — 14,06 %. В 1970 г. картина была оптимистичнее — в брак до 50 лет не вступили 1,70 % мужчин и 3,33 % женщин. Возможно, появление поколения «одиночек» стало результатом изменений в шкале брачных ценностей японской молодёжи. Существует мнение: холостяков стало больше из-за того, что увеличилось число женщин, предпочитающих делать карьеру, оставаясь свободными от брачных уз [Yamada, 1999].

В данной ситуации не может не настораживать то, что доля «одиночек» среди женщин, никогда не состоявших в браке, неуклонно растёт с 2005 г. (табл.1). Эволюция социальных ролей японок, направленная на их социально-профессиональную реализацию и на укрепление их экономической независимости, постепенно изменяет характер взаимоотношений между полами, и женщины уже по-новому оценивают собственные возможности и потребности.

² National Institute of Population and Social Security Research.

Таблица 1. Отношение незамужних японок к браку (1987–2015 гг.)

Японки, не состоящие в браке, в т. ч.	1987	1992	1997	2002	2005	2010	2015
никогда не состояли в отношениях (%)	49,5	44,7	40,3	41,9	38,9	39,5	59,1
собираются когда-нибудь вступить в брак (%)	92,9	90,2	89,1	88,3	90,0	89,4	89,3
не собираются когда-либо вступить в брак (%)	4,6	5,2	4,9	5,0	5,6	6,8	8,0
живут с родителями (%)	82	78	76,7	74,5	76,4	77,2	78,2
хотели бы выйти замуж в возрасте (лет)	25,6	26,5	27,4	28,1	28,1	28,4	28,6

Источник: составлено автором по данным The Fifteenth Japanese National Fertility Survey.

Предыдущие исследования показали, что повышение образовательного уровня японок в итоге негативно отразилось на браке — выпускницы университетов, которые не находили партнёра с аналогичным образованием во время учёбы, как правило, не выходили замуж за мужчину с более низким уровнем образования, а оставались незамужними [Raymo & Iwasawa, 2005]. Повысив собственную самооценку, японки стали по-другому оценивать мужчину как партнёра, предъявляя к нему новые требования. По мнению экспертов, расширение возможностей получения высшего образования женщинами считается одним из наиболее заметных социальных изменений, связанных с тенденциями более позднего и меньшего количества браков в Японии [Fukuda et al., 2019].

Кроме того, с 1990 г. число работающих на непостоянной основе мужчин выросло на 2,35 млн человек (на 70 %), а уровень их доходов — снизился. В свою очередь рост «армии» мужчин с низкими доходами, которых японки, как правило, не рассматривали в качестве потенциальных спутников жизни, породил тенденцию вступления в брак в более зрелом возрасте, что спровоцировало увеличение доли одиноких и привело к росту числа работающих и не спешащих выходить замуж женщин [Kawaguchi, 2015]. Они годами встречались с молодыми людьми без стабильного заработка, пред-

почитая оставаться под родительским крылом, пока не найдут «своего принца», тратя время и деньги на развлечения, путешествия и т.д. [Nakano, Wagatsuma, 2004]. За последние 5 лет доля женщин, предпочитающих браку личную финансовую стабильность, выросла с 15,1 % до 20,4 %.

В 2015 г. 25,9 % женщин и 30,2 % мужчин — т.е. 56,1 % японцев, не состоящих в романтических отношениях, заявили, что «не хотят даже кого-то искать для брака». А в 2018 г. таковых оказалось уже 68 %! Возможно, другой причиной снижения числа заключённых браков стало то, что семейная жизнь воспринимается молодыми людьми как форма принуждения, а не как источник радости. Наслаждение свободным образом жизни и одиночество ценятся выше, чем желание иметь семью, создание которой (по их мнению) является «лишением свободы» [Raumo, 2015]. Для них более приемлемо иметь любовные/партнёрские отношения без заключения официального брака как такового.

В итоге сложившаяся тенденция становится прямой причиной катастрофического сокращения рождаемости. Но отрицательных последствий, как мы понимаем, окажется куда больше. Негативные сдвиги в структуре населения, снижение рождаемости (при уже существующем низком уровне рождаемости в стране) вкупе с увеличением продолжительности жизни окажут неблагоприятное влияние на экономический рост Японии в будущем и скажутся на системе социального обеспечения [Жилина, 2016, с. 68]. Вероятно, это и подтолкнуло японское правительство к разработке тактики «поощрения» вступающих в брак. Хотя иногда подобные «политические решения» встречают сильное противодействие со стороны тех, кто считает брак сугубо личным делом каждого и полагает, что вмешательство государства в столь интимный вопрос недопустимо.

Традиционно в Японии не было принято наслаждаться собственной жизнью в браке. Японцы, вступая в брак, теряли многие из своих личных прав и приобретали множество обязанностей как супруг или супруга. Предполагалось, что иметь ребёнка — это привилегия исключительно семейных пар [Сэнда]. Но сейчас молодые не особо спешат обзаводиться потомством в браке. И совсем неутешительная новость для правительства, пытающегося повысить рождаемость в стране — рекордное число японцев (60 %) считает, что в браке «совсем даже не обязательно заводить детей» [Eiraku, 2019].

Да и статистика естественного движения населения Японии подтверждает эту тревожную тенденцию — японки стали рожать детей в более позднем возрасте: в 1985 г. возраст рожениц составлял 26,7 лет, а в 2015 г. он уже «перешагнул» 30-летний рубеж. По мнению экспертов, снижение уровня рождаемости может быть отчасти связано с увеличением возраста японок, когда они, наконец, решаются на первенца.

Совпадение систем жизненных ценностей партнёров, общий культурный уровень, степень их социальной зрелости, соответствие установок, интересов, оценок, взглядов — всё это позволяет формировать общую направленность в семейной жизни пары. Однако сегодня в Японии многие молодые люди вступают во взрослую жизнь «уже разочаровавшимися» в романтических отношениях с представителями противоположного пола. Зачастую это происходит из-за того, что они видят, как складывается брак их родителей, которые, проживая под одной крышей, не выглядят очень счастливыми. Очевидным становится и тот факт, что вместе с повышением образовательного уровня и социальной активности женщин у них практически не остается ни времени, ни возможностей для организации быта в собственных домохозяйствах, а без этого невозможна нормальная жизнь семьи. Так какие же они, идеальные отношения в браке, единые ценности, являющиеся важным фактором стабильности любой семьи? Как японцы представляют себе этот идеальный брак и роль женщины в нём? (Рис. 1).

Рис. 1. Представление роли женщины после вступления в брак (1973–2018 гг.)

Источник: исследование NHK [Eiraku, 2019]

Сейчас, как и в первые годы эпохи Хэйсэй, многие японки вынуждены оставлять работу ради воспитания детей и семьи. Позже, пытаясь вернуться к выполнению служебных обязанностей, они оказываются перед ограничениями жёстких гендерных ролей и социальных ожиданий и осознают, что именно они, женщины, должны полностью нести бремя ответственности за семью — даже когда работают.

Также проблемы, с которыми японки сталкиваются и на рынке труда, и на работе, породили ещё одно неожиданное явление — рост среди них доли тех, кто придерживается традиционных взглядов на роль женщины, поддерживает традиционную модель семьи (муж — на работе, жена занимается домашним хозяйством) [Лебедева, 2018, с.138]. Вопреки всем стремлениям премьер-министра С.Абэ увеличить долю женщин на рынке труда, опрос, проведенный Meiji Yasuda Institute of Life and Wellness в 2014 г., тоже выявил неожиданную проблему — более 65 % мужчин и 71 % женщин заявили, что пока дети маленькие, женщины должны концентрироваться на их воспитании, а не на работе. Этот опрос ясно дал понять, насколько в Японии укоренились представления о гендерных ролях и насколько основательно экономические и социальные условия закрепляют традиционные идеи [The Japan Times, 19.07.2014]. А нехватка доступных детсадов, необходимость ухода за стареющими родителями и отсутствие поддержки со стороны мужей являются дополнительными препятствиями на карьерном пути японок, которые отчаянно желают чего-то достичь в своей жизни. Кроме того, большинство женщин не могут совмещать родительские обязанности с работой, поскольку отсутствует поддержка со стороны работодателей, выплачивающих весьма скромные декретные, и они испытывают чрезмерную нагрузку на работе [Matsui, et al., 2010, p. 20].

В марте 2015 г. правительство обсудило вопрос о расширении поддержки семей с детьми и проведении реформ, которые позволили бы, по меньшей мере, 10 % работающих мужчин³ воспользоваться правом на отпуск по уходу за ребёнком. Но хотя у мужчин и есть такая возможность, они не спешат её использовать из боязни, что под угрозой окажется уже их личная карьера.

³ В 2008 г. всего 1,2 % мужей воспользовались этим правом, а в 2009 г. — 1,72 %.

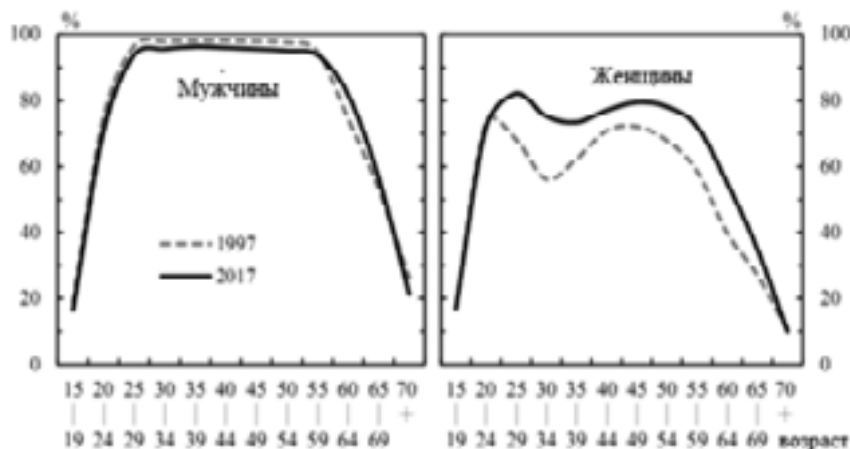

Рис. 2. Изменение трудовой активности японцев (1997, 2017 гг.)

Источник: Statistics Bureau, MIC [Statistical Handbook, 2018]

А что же женщины? Женщины, которые продолжают работать после рождения детей, вскоре узнают, что мужа не очень-то и готовы (и хотят) их поддерживать в домашних повседневных делах [Nishioka, et al., 2008, p. 11]. И вот около 70 % японок оставляют работу, выбирая материнство — многие уже никогда не возвращаются на свои рабочие места или выходят на работу после долгого перерыва. Модель занятости японских женщин разных возрастов долгое время описывалась М-образной кривой с провалом, приходящимся на возраст рождения и воспитания детей. Однако форма этой кривой в последние годы изменилась — доля работающих женщин в возрастной когорте 30–34, которая в 1997 г. оказалась в нижней точке М-образной кривой, к 2017 г. повысилась на 19 %, а в группе 35–39 лет — на 11,1 %, в результате чего «провал» в кривой несколько сгладился (рис.2).

Рост доли работающих среди женщин трудоспособного возраста в значительной степени связан с тенденцией уменьшения числа рождений на одну женщину (с 1,7 в 1988 г. до 1,44 в 2017 г.). Этому способствует и рост числа женщин, сознательно выбирающих незамужнюю жизнь. Кроме того, увеличение числа работающих женщин связано с их желанием иметь работу для пополнения семейного бюджета, но не менее важным является и получение денежных

средств непосредственно для себя. Многие стремятся не уходить с работы после рождения ребёнка [Маркарьян, 2014, с. 210]. На подобные изменения позитивно повлиял прогресс в совершенствовании правовой системы как в отношении работы, так и в отношении воспитания детей, а также развитие «доброжелательной» к японским мамам рабочей среды [Жилина, 2018, с. 62].

Тем не менее, несмотря на запущенный пакет программ, в стране по-прежнему существуют определённые проблемы. И как же правительство пытается их решать? Оно, прежде всего, инициировало создание системы сертификации работодателей, обеспечивающих рабочую среду, благоприятную для воспитания детей и способствующую улучшению баланса «работа—семья». Также с 2014 г. увеличено выплачиваемое в течение 6 месяцев декретного отпуска пособие (с 50 % до 67 % от зарплаты). Наконец, правительство пытается решить одну из самых острых проблем — проблему нехватки детских садов и яслей. К марту 2018 г. на 0,5 млн. выросло количество мест в государственных детских садах, а 10 мая 2019 г. верхней палатой Парламента был принят «Закон о бесплатных детских садах», согласно которому их посещение станет бесплатным для детей от 3 до 5 лет. Но, по мнению профессора университета Конан Маэда Масако, это приведёт к ещё большему росту потребности в детских учреждениях и дальнейшему увеличению очередей в них. Подобные популистские полумеры способны лишь усугубить проблему [Maeda].

Карьера

Желание современной женщины участвовать в общественной жизни наравне с мужчинами и достигать профессиональных высот по-прежнему часто вступает в противоречие с гендерными стереотипами, которые сложились в японском обществе. Проще говоря, молодые японки хотят иметь как карьеру, так и семью, но общество не позволяет им иметь и то, и другое. Хотя женщины и получили широкий доступ к высшему образованию, возможности карьерного роста для них были и остаются крайне ограниченными, прежде всего, из-за сложившейся в обществе социально-политической идеологии, которая удерживает их в определённых рамках в качестве периферийных участников рынка труда и продвигает идеали-

зированной образ — женщины-домохозяйки и женщины-матери [Liddle & Nakajima, 2000]. Несмотря на то, что женщины составляют немногим менее половины рабочей силы, они в основном выполняют не статусную и низкооплачиваемую «женскую» работу (уход за детьми/больными, услуги сферы образования, офисная работа в компаниях). Иными словами, в японском обществе женщин продолжают рассматривать как работников с частичной занятостью, поскольку существует устойчивая тенденция — они покидают рынок труда в 20–30 лет из-за того, что общество возлагает на них ответственность за семью и дом. При этом японки опасаются, что общество будет их осуждать, если вдруг они отклонятся от стандартного алгоритма.

Некоторые эксперты даже утверждают, что основная роль женского образования в Японии заключается в том, чтобы поставлять на рынок труда послушных работников «для поддержки работы мужчин» [Fujimoto, 2005, p.653], а также обеспечить им потенциальных партнёров для брака. Несмотря на ограничения в карьере, с которыми сталкиваются японки, многие из них всё же поступают в престижные университеты и стремятся сделать карьеру. Тем не менее, статистика с сайтов ведущих университетов Японии показывает: хотя число студенток и растёт, их по-прежнему меньше, чем студентов (в 2005 г. 1 740 151 муж. и 1 124 900 жен.; в 2017 г. — 1 626 987 и 1 263 893 соответственно).

Правительство, со своей стороны, попыталось активно участвовать в разрешении проблем, связанных с дискриминацией женщин на работе. В 1986 г. был принят «Закон о равных возможностях при найме на работу», который запретил дискриминацию по гендерному признаку в области профессионального обучения, соцобеспечения, при выходе на пенсию и при увольнении. При его пересмотре в 1999 г. добавились пункты по найму и продвижению по службе, а в 2007 г. — о дополнительной защите работающих беременных женщин. Но реальность оказалась такова, что за работу женщинам, как правило, платили и платят меньше, чем выполняющим аналогичные функции мужчинам. Поэтому перед правительством встает новая задача — обеспечивать соблюдение принятых законов.

Вместе с тем возможности для реализации японками своих карьерных устремлений существовали и существуют не во всех секторах

занятости. Так, например, банковская и правительственная сферы — преимущественно мужская вотчина и поэтому в них наименее благоприятные условия для выстраивания карьеры для женщин. Напротив, сфера общественных услуг более «дружелюбно» относится к женской карьере и возможностям её совмещения с материнством. В 2017 г. самая высокая доля женщин отмечалась в медицине, здравоохранении и соцобеспечении (75,2 % от общего числа занятых), гостиничном бизнесе и общепите (61,4 %), индивидуальных услугах и сфере развлечений (59,0 %).

Особым случаем стала «женская доля» в академической среде и в сфере образования. Преподаватели в университетах Японии считаются представителями престижной профессии [Nagatomo, 2012, p. 213], но доля штатных преподавателей-женщин в ВУЗах Японии невысока. Они редко преподают дисциплины, которые считаются «мужскими», но даже в тех областях, которые традиционно считались «женскими» — ведение домашнего хозяйства, гуманитарные науки или педагогика — женщины всё ещё в меньшинстве [Fujita, 2006]. Одна из причин, из-за чего женщин-преподавателей не так много, состоит в том, что в Японии существует два гендерных образовательных пути, которые привели к двум отдельным функциям высшего образования. Цель высшего образования для женщин — показать свою принадлежность среднему классу и улучшить свои брачные перспективы, в то время как для мужчин — получить квалификацию для дальнейшей карьеры [Fujimoto, 2005]. В то же время преподавательская стезя даёт японкам большие возможности для реализации своих карьерных устремлений, поскольку обеспечивает большую гибкость рабочего графика. Кроме того, по «Закону о стандартах труда» работающие в сфере образования имеют реальную возможность взять декретный отпуск на 14 недель⁴, что в сочетании с другими типами отпусков позволяет им целый семестр сохранять свои доходы.

В 1990 г. доля женщин среди профессоров составляла 5,3 %, среди доцентов — 8,7 %, а среди преподавателей и колледжей, и университетов — 13,3 %. Хотя к 2005 г. их доля увеличилась до 11,2 %, 17 % и 24,1 % соответственно [Fujita, 2006, p. 178], но и сегодня эти показатели оставляют желать лучшего. В университетах

⁴ За это время выплачивается 100 % зарплаты госслужащим, в частных фирмах могут перечислить 2/3 зарплаты.

же за 10 лет доля женщин-профессоров увеличилась всего на 4,8 % — с 18,9 % (2008) до 23,7 % (2017) [Education, 2010; Education and Research, 2017]. Многие из женщин-преподавателей отстают от мужчин в продвижении по службе, имеют меньший доступ к исследовательским фондам и меньше возможностей получения наставничества со стороны профессоров в вопросах исследований и публикаций [Sodei, 2005]. К тому же из-за укоренившегося в обществе идеализированного образа женщин-домохозяйек/матерей самой большой проблемой для женщин-учёных (и женщин других профессий) является поддержание баланса между семейной жизнью и профессиональной карьерой.

Известно, что японки реже, чем женщины в других развитых странах, занимают руководящие должности — и это тоже является отголоском существующего традиционного гендерного неравенства. По данным группы Catalyst⁵, в 2014 г. в Японии женщины занимали всего 0,8 % руководящих постов в управлении крупными компаниями. В 2015 г. этот показатель составил 3,1 % (в США — 19,2 %, в Канаде — 20,8 %) и только к 2016 г. достиг 7 %. Несмотря на то, что одной из первоначальных целей «вименомики» было повышение к 2020 г. доли женщин на руководящих должностях до 30 %, этот «замах» был потом пересмотрен и стал более скромным: 7 % — для госслужащих и 15 % — для чиновников и частных компаний.

Как мы видим, одной из наиболее ярких характеристик рабочей силы в Японии является дефицит женщин-управленцев. В частных компаниях доля женщин-руководителей выросла несущественно — с 9,7 % в 2007 г. до 10,3 % в 2017 г. (табл. 2).

Подобная ситуация стала результатом низкого положения женщин на рынке труда, практики найма и продвижения по службе и отсутствия в государственных и частных компаниях политики, способствующей поддержанию баланса «работа—семья». Кроме того, одна из причин, почему так мало женщин занимают высокие посты, в том, что немногие из них включают карьеру в свои жизненные приоритеты. И этот процесс начинается ещё в университетах, которые до сих пор продолжают демонстрировать гендерный уклон.

⁵ Catalyst, Inc. — НКО основана в 1962 г. феминисткой, писателем Феличе Шварц.

Таблица 2. Изменение доли японок на различных профессиональных поприщах (2006–2017 гг.)

Доля японок среди представителей различных профессий (%)	2006–2007	2008	2009	2010	2011	2012–2013	2015	2016	2017
Членов палаты представителей	—	—	9,4	10,9	10,9	8,1	9,5	9,3	10,1
Членов палаты советников	—	—	18,2	18,2	18,6	16,1	15,7	20,7	21,3
Судей	—	15,4	—	16,5	17,0	18,2	20,0	20,7	21,3
Прокуроров		12,2	—	13,6	—	14,9	22,4	22,9	23,5
Юристов (адвокатов)	—	14,4	—	16,3	16,9	17,7	18,2	18,3	18,4
Руководителей частных компаний	9,7	—	10,5	—	11,0	11,6	8,7	9,8	10,3
Преподавателей университетов	—	16,2	—	17,3	17,8	18,9	20,1	23,7	24,2
Научных работников	—	13,0	13,0	—	13,8	14,4	14,7	15,3	15,7
Врачей	17,2	18,1	—	18,9	—	19,6	20,4	20,4	21,1
Журналистов, работников издательств	—	14,7	—	15,6	15,9	16,7	17,6	18,4	19,4

Источник: составлено автором по данным Policy and Decision Making 2008–2017.

Вместе с тем наметился и позитивный тренд. Так в 2004 г. Nissan ввела «систему привлечения женского потенциала», в результате чего число женщин на руководящих постах в компании увеличилось в четыре раза. В известной косметической компании Shiseido, поставившей в 2005 г. перед собой цель увеличить в два раза процент женщин-руководителей, к концу 2013 г. этот показатель вырос с 11,7 % до 26,8 %. Хороший пример заразителен! И вот уже в 2009 г. японский банк Daiwa Securities впервые назначил на управленческую позицию женщину-менеджера филиала и четырёх жен-

щин ввёл в совет корпорации, а в июле 2014 г. промышленный гигант мирового масштаба Mitsubishi Heavy Industries заявил о своём намерении увеличить количество менеджеров-женщин в три раза: к 2020 г. их будет 250 человек. Президент компании считает, что для успешного продвижения бизнеса «необходима работа с персоналом без разграничения по половому признаку». В компании Sony, где женщины занимали лишь 5 % руководящих должностей, пошли ещё дальше — в 2013 г. компания поставила задачу увеличить до 15 % долю менеджеров-женщин и даже устроила «курсы по лидерству» для женщин, стремящихся занять руководящие должности [Асахи симбун, 08.07.2014].

Для поддержания этих тенденций Министерство здравоохранения, труда и благосостояния Японии даже предложило японскому бизнесу финансовые субсидии за продвижение сотрудников женского пола до руководящих позиций в компаниях. Бюджет программы составил ¥120 млн — каждая реализующая эту программу фирма могла получить до ¥300 тыс. [The Japan Times, 28.09.2015]. Есть свидетельства того, что присутствие женщин в советах директоров и в составе высшего руководства оказывает положительное влияние на результаты деятельности компаний. Компании с руководителями-женщинами могут иметь преимущества на рынках потребительских товаров, где доминируют женщины-потребители, а советы директоров с женщинами в своём составе могут повысить качество корпоративного управления благодаря более широким взглядам на стратегию компании [OECD, 2012].

Политическая сфера

В последние 30 лет участие женщин в японской политике развивалось поэтапно и по всему политическому спектру. Возможно, самой успешной женщиной-политиком стала Дои Такако⁶. Вступая на пост председателя Социалистической партии Японии (СПЯ), Т. Дои произнесла фразу «просто сделай это!», что и было её жизненным девизом. Она стала первой женщиной-председателем Палаты представителей Парламента Японии (1993–1996 гг.).

⁶ Т. Дои (30.11.1928 – 20.09.2014) — японская пресса окрестила её «великим спасителем» и «японской Жанной д'Арк».

Ещё один заметный «бум» возник в 2005 г., когда премьер-министр Коидзуми Дзюньитиро, распустив нижнюю палату, назначил всеобщие выборы в Парламент на 11 сентября 2005 г. На парламентских выборах Коидзуми сделал ставку на кандидатов-женщин. В результате ЛДП одержала сокрушительную победу, получив 296 из 480 мест в Палате представителей Парламента и увеличив представительство на 83 мандата [Молодякова, 2006, с. 24-40]. Среди 83 «детей Коидзуми», ставших депутатами палаты представителей, женщин было 15, но при этом показатель их успешности был намного выше, чем у мужчин — 93,7 % [Nakano, 2013].

Затем в 2009 г. появились «Девушки Одзавы». Одзава Итиро, отвечавший за стратегию выборов в кампании ДПЯ, в попытке отстранить ЛДП от власти на выборах в нижнюю палату в августе 2009 г. решил «десантировать» 164 новых кандидата (в т.ч. 32 женщины) в округа, где ЛДП выдвинула кандидатов-мужчин старшего возраста. И ему удалось-таки внедрить 143 члена ДПЯ (их них 26 женщин) в нижнюю палату. Хотя женщины составили около 1/5 избранных членов ДПЯ, они стали «звездами экрана» в выборной кампании.

Но в целом среди политических лидеров страны всё ещё мало женщин. В 2010 г. женщины-законодатели составляли в Палате представителей 10,9 %, в 2017 г. — 10,1 %, а в Палате советников их доля выросла с 18,2 % в 2010 г. до 20,7 % в 2017 г. [Policy and Decision Making, 2010, 2017]. По доле женщин в Парламенте Японии в 1997 г. занимала 79-е место (2015—119-е, 2018—162-е) [Women in National Parliaments, 1997-2018]. А в марте 2019 г. она опустилась на 165-е место из 193-х — самый низкий показатель среди стран G20! По мнению Мива Ацуко, директора Азиатско-Тихоокеанского информационного центра по правам человека, основная причина заключается в том, что когда более 100 стран ввели гендерные квоты, Япония этого не сделала. А это могло бы стать позитивным трендом для устранения дисбаланса. Ведь для решения различных проблем современного общества крайне важно, чтобы голоса женщин и их проблемы были отражены в политике. Это окажет положительное влияние и на решение демографических проблем Японии, и на достижение баланса «работа—семья» [Johnston, 2019].

Почему же в Японии мало женщин в политике? И, что ещё более важно, почему в японской политике мало влиятельных жен-

щин? Ключ к ответу на первый вопрос можно найти в характеристиках кандидатов. С одной стороны, кандидаты-мужчины, как правило, уже имели опыт работы в политике, находились на службе в муниципалитете или в качестве выборного должностного лица «при портфеле» (яп. 鞆持ち *kaban-mochi*). С другой стороны, многие из женщин-кандидатов зачастую являются «случайными» политиками, которые ранее даже и не стремились к политической карьере. Они часто приходят в политику как представители международных организаций, научных кругов или СМИ. Но некоторые из них уже имеют признание на национальном уровне, что, конечно, является преимуществом для кандидатов, которым не хватает опыта в политике [Nakano, 2013].

Однако сохранить за собой место на политической арене не так-то просто. Когда мужчины-политики теряют свои места в Парламенте, они настроены на то, чтобы, инвестируя в свою политическую карьеру, оставаться в политике как можно дольше и продолжать проводить кампании в своих округах в течение многих лет и, таким образом, готовиться к следующим выборам. Напротив, женщины, потеряв свои места, как правило, уходят из политики навсегда. Вот почему в Японии мало женщин — членов Парламента, которые смогли задержаться там не на один срок. Хотя есть и исключения — Коикэ Юрико⁷ и Нода Сэйко⁸.

Кроме того, в определённой степени успешность женщин в политике зависит от поддержки со стороны их семей, поскольку многие члены Парламента вынуждены всё время курсировать между Токио и домом и полагаться на свои семьи при участии в различных мероприятиях, проводимых в их избирательных округах. Поддержание баланса между работой и личной жизнью в рамках такого плотного графика особенно трудно для женщин с детьми. Это происходит и потому, что в Японии всё ещё считается, что женщина — это хранительница домашнего очага, нуждающегося в её повседневном «управлении».

Нельзя не отметить и то, что политическая культура в Японии во многом ориентирована на мужчин, а переговоры проходят не

⁷ Ю. Коикэ — политик, губернатор Токио с августа 2016 г., член Палаты представителей в 2005–2009 гг.

⁸ С. Нода — политик, член Палаты представителей с 2005 г., министр внутренних дел и связи.

только в палатах Парламента, но и при встречах в нерабочее время, когда женщины-политики чувствуют себя весьма некомфортно (хотя, конечно, и здесь есть свои исключения). Безусловно, в последние годы периода Хэйсэй и в политической сфере произошли определённые изменения. Некоторые женщины-политики, в их числе и губернатор Токио Ю. Коикэ, стали завоёвывать популярность в обществе: новая политическая партия Японии, во главе с женщиной — губернатором Токио, уже на предстоящих парламентских выборах может составить серьёзную конкуренцию ЛДП, которую возглавляет нынешний премьер-министр [Sieg, Miyazaki]. Но как бы то ни было, в японском общественном мнении по-прежнему громко звучат голоса противников расширения диапазона реализации социальных женских ролей. Консервативные японские политики, в основном члены правящей партии, беспокоятся о традиционной системе ценностей и считают, что занятость женщин наносит определённый вред японской экономике [The Economist, 28.03.2014].

* * *

Как показал анализ проведённых в Японии исследований, в период Хэйсэй семья перестала быть определяющей ценностью для японской молодёжи. Это отчасти объясняет такую тенденцию современного японского общества, как неуклонный рост числа людей, осознанно выбирающих одинокую жизнь. Постепенно происходит трансформация традиционной роли женщины в обществе, что приводит к более позднему созданию семьи, обзаведению потомством в более зрелом возрасте, а иногда и вовсе к отказу от материнства. Также растёт число японок, которые отождествляют свою успешность в жизни именно с профессиональными достижениями. В результате сложившаяся ситуация создаёт почву для ролевого конфликта, возникающего по причине совмещения женщиной её традиционных семейных ролей (жены и матери) и профессиональной карьеры.

На этом фоне в Японии постепенно растёт уровень занятости женщин, тогда как уровень трудоустройства мужчин остаётся практически неизменным. Однако радоваться по поводу положительной динамики ещё рано — рост показателей не обязательно означает «активное участие женщин в экономической жизни общества».

Отмечается сокращение доли женщин среди постоянных работников, основная их часть работает на непостоянной основе. А это — один из основных факторов, препятствующих сокращению разницы в уровне доходов женщин и мужчин.

Вместе с тем можно констатировать, что, выйдя на рынок труда, японские женщины показали своё огромное желание работать, продемонстрировали свой немалый потенциал. Однако для более полного использования этого потенциала в Японии необходимо создать определённые условия, а именно: обеспечить поддержку семьи, продвигать прогрессивные культурно-социальные нормы, пропагандировать необходимость увеличения вклада женщин в жизнь общества, а также создать социальную среду, в которой появятся новые женщины-политики. Всё это поможет как самим женщинам, так и мужчинам, осознать необходимость расширения участия женщин в жизни общества и приведёт к оживлению экономической и политической жизни в стране.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Жилина Л.В. Молодёжь Японии: устремления и ориентиры // Азия и Африка сегодня. 2016. № 1. С. 65–71.

Жилина Л.В. Японки: траектория карьеры // Азия и Африка сегодня. 2018. №5. С. 58–64. DOI:10.7868/s0321507518050112

Канрисёку ни дзёсэй су:ти мокухё-ка тэйдзи дэ сэйка, икудзи мо рё:ритсу : [Женщины на руководящих должностях. Совместимость воспитания детей с целевыми показателями «Результаты в установленное время»] // Асахи симбун. 08.07.2014.

Лебедева И.П. Идеология пожизненного найма и её влияние на современное японское общество // Ежегодник Япония. 2018. Т. 47. С. 126–148. DOI: 10.24411/0235-8182-2018-10006

Маркарян С.Б. Традиционное и новое в японской семье // Японское общество: изменяющееся и неизменное / рук. проекта Э.В. Молодякова. М.: АИРО-XXI. 2014. С. 194–218.

Молодякова Э.В. Как выбирают лидера страны в современной Японии (на примере Коидзуми Дзюньитиро) // Ежегодник Япония. 2006. С. 24–40.

Сэнда Юки. Нихондзин но кадзоку-кан хэнка суру исики хэнка синай сейдо : [Японская семья: сознание меняется, система оста-

ётся]. URL: <http://www.nippon.com/ja/currents/d00095/> (дата обращения: 05.03.2019).

Education and Research Fields. Women and Men in Japan, 2017 // Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men17/index.html (дата обращения: 05.03.2019).

Education. Women and Men in Japan, 2010 // Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-andmen10/index.html (дата обращения: 05.03.2019).

Eiraku Maiko. Women in Japanese society // NHK World — Japan. 07.01.2019. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/nhknewsline/backstories/womeninjapanese/> (дата обращения: 05.03.2019).

Fujimoto Kayo. From women's college to work: inter-organizational networks in the Japanese female labor market // Social Science Research. 2005. Vol. 34. p. 651–681.

Fujita Fumiko. The Status of Women Faculty: A View from Japan // Journal of Women's History. 2006. Vol.18(1). pp.177–180.

Fukuda Setsuya, Yoda Shohei, Mogi Ryohei. Educational Assortative Mating in Japan: Evidence from the 1980–2010 Census // National Institute of Population and Social Security Research. January, 2019. URL: http://www.ipss.go.jp/publication/e/WP/IPSS_WPE29.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

Hodge Robert W., Naohiro Ogawa. Fertility Change in Contemporary Japan. Chicago: University of Chicago Press, 1991.

Imamura Anne E. The Japanese Family. A Young family. Asia Society. 1990. p. 7–17.

Ingrained ideas on gender roles // The Japan Times. 19.07.2014. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2014/07/19/editorials/ingrained-ideas-gender-roles/> (дата обращения: 05.03.2019).

Japanese women and work: Holding back half the nation // The Economist. 28.03.2014. URL: <https://www.economist.com/news/briefing/21599763-womens-lowly-status-japanese-workplace-has-barely-improved-decades-and-country> (дата обращения: 05.03.2019).

Johnston Eric. Japan ranks at bottom of G20, and in lowest quarter globally, for percentage of female MPs // The Japan Times. 06.03.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/03/06/national/japan->

ranks-bottom-g20-lowest-quarter-globally-percentage-female-mps/ (дата обращения: 05.03.2019).

Kawaguchi Akira. Japanese Women Face Tough Reality in Work and Marriage // Nippon.com. 20.08.2015. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a04601/> (дата обращения: 05.03.2019).

Lesthaeghe Ron. On Theory Development and Applications to the Study of Family Formation // Population and Development Review. 1998. 24 (1), p. 1–14.

Lesthaeghe Ron. The Second Demographic Transition—An Interpretation. In Karen O. Mason and Jensen An-Magrit (ed.). Gender and Family Change in Industrial Countries. Oxford, U.K.: Clarendon Press, 1995, p. 17–62.

Liddle J. & Nakajima S. Rising suns, rising daughters: Gender, class and power in Japan. New York: Zed Books Ltd, 2000.

Maeda Masako. Japan Struggles to Ward Off a Childless and Aging Society-Family Society. Jan 16, 2019. URL: <https://www.nippon.com/en/currents/d00452/> (дата обращения: 05.03.2019).

Matsui Kathy, et al. Womenomics 3.0: The Time Is Now? // Goldman Sachs, Japan Portfolio Strategy. 01.10.2010. URL: http://www.goldman-sachs.com/our-thinking/investing-in-women/bios_pdfs/womenomics3_the_time_is_now_pdf.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

Meguro Yoriko. Population, Fertility and Development from a Gender Perspective: Building Strategies for Empowerment of Women. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/csw/meguro.htm> (дата обращения: 05.03.2019).

Nagatomo Diane. The Impact of Gender on the Professional Identity of Seven Female Teachers of English in Japanese Higher Education // Jinmonkagaku kenky [Humanities research] 2012. № 8, p. 213–226.

Nakano L., Wagatsuma M. An intimate look at generational change. In: Mathews G. and White B. (eds.). Japan's changing generations: Are young people creating a new society. London: Routledge, 2004, p. 137–154.

Nakano Yuko. Among Equals? Women in Japanese Politics — Japan Chair Platform. 11.07. 2013. URL: <https://www.csis.org/analysis/japan-chair-platform-among-equals-women-japanese-politics> (дата обращения: 05.03.2019).

NHK Survey Reveals that 70 % Of Respondents Don't Want To Get Married! URL: <https://japansauce.net/2019/01/09/nhk-survey-reveals-that-70-of-respondents-dont-want-to-get-married/> (дата обращения: 05.03.2019).

Nishioka Hachiro, et al. The Family Changes in Contemporary Japan: Overview of the Results of the Fourth National Survey on Family // The Japanese Journal of Population. 2008. Vol.10, № 1(March 2012), p. 1–31.

Ochiai Emiko. The Japanese family system in transition: a sociological analysis of family change in postwar Japan. Tokyo: LTCB International Library Foundation, 1997.

OECD. Closing the Gender Gap: Act Now. OECD Publishing, 2012.

Orenstein Peggy. Parasites in Prkt-a-Porter // The New York Times Magazine. 01.06.2001, p. 31–35.

Policy and Decision Making. Women and Men in Japan 2017 // Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men17/index.html (дата обращения: 05.03.2019).

Policy and Decision Making. Women and Men in Japan, 2010 // Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men10/index.html (дата обращения: 05.03.2019).

Prime Minister of Japan and His Cabinet. Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations. 26.09.2013. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html (дата обращения: 05.03.2019).

Raymo James M. & Iwasawa Miho. Marriage market mismatches in Japan: An alternative view of the relationship between women's education and marriage. American Sociological Review, 2005. 70(5), p. 801–822.

Raymo James M. Living alone in Japan: Relationships with happiness and health // Demographic research. 2015. Vol.32, p.1267 1298.

Sieg Linda, Miyazaki Ami. Politics is faster, more effective in Tokyo, Koike says // Japan Today. 09.08.2017. URL: <https://japantoday.com/category/politics/Politics-is-faster-more-effective-in-Tokyo-Koike-says> (дата обращения: 05.03.2019).

Sodei Takako. A comparative study of the research conditions of women scientists and the present states of women's gender studies in Asian countries toward the sustainable development. The Fifth Conference of the Science Council of Asia (SCA) May 11–13, 2005.

Statistical Handbook of Japan, Annual 2015 // Statistics Bureau, 2015. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2015all.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).

Statistical Handbook of Japan, Annual 2018 // Statistics Bureau, 2018. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2018all.pdf> (дата обращения: 05.03.2019).

The Fifteenth Japanese National Fertility Survey, 2015. Marriage process and fertility of married couples. Attitudes toward marriage and family among Japanese singles // National Institute of Population and Social Security Research URL: http://www.ipss.go.jp/ps-doukou/e/doukou15/Nfs15R_points_eng.pdf (дата обращения: 05.03.2019).

Tokuhiro Yoko. Marriage in Contemporary Japan. London: Routledge, 2011.

Women in National Parliaments // Inter-Parliamentary Union. 1997, 2000, 2003, 2005, 2008, 2012, 2015, 2017, 2018. URL: <http://www.ipu.org/WMN-e/classif.htm> (дата обращения: 02.03.2019).

Yamada Masahiro. The age of parasite singles. Tokyo: Chikuma Shinsho, 1999.

Zero applicants for Japan plan to promote women to senior posts // The Japan Times. 28.09.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/09/28/national/zero-applicants-for-japan-plan-to-promote-women-to-senior-posts/> (дата обращения: 05.03.2019).

Zlotnik Hania. Population growth and international migration // International migration: prospects and policies in a global market, (Ed.) Massey D. S., Taylor J. E. Oxford: Oxford University Press, 2004, p. 15–34.

References

Education (2010). Women and Men in Japan. Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men10/index.html (accessed: 5 March 2019).

Education and Research Fields (2017). Women and Men in Japan. Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men17/index.html (accessed: 5 March 2019).

Eiraku, M. (2019). Women in Japanese society. NHK World — Japan. January 7. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/nhknewslines/backstories/womeninjapanese/> (accessed: 5 March 2019).

Fujimoto, K. (2005). From women's college to work: inter-organizational networks in the Japanese female labor market, *Social Science Research*, 34: 651–681.

Fujita, F. (2006). The Status of Women Faculty: A View from Japan, *Journal of Women's History*, 18(1): 177–180.

Fukuda, S., Yoda, S., Mogi, R. (2019). Educational Assortative Mating in Japan: Evidence from the 1980-2010 Census, *National Institute of Population and Social Security Research*. URL: http://www.ipss.go.jp/publication/e/WP/IPSS_WPE29.pdf (accessed: 5 March 2019).

Hodge, R.W., Ogawa, N. (1991). *Fertility Change in Contemporary Japan*. Chicago: University of Chicago Press.

Imamura, A.E. (1990). The Japanese Family. For video letter from Japan II: A young family'. *Asia Society*, 7–17.

Ingrained ideas on gender roles, *The Japan Times*, 19.07.2014. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2014/07/19/editorials/ingrained-ideas-gender-roles/> (accessed: 5 March 2019).

Japanese women and work: Holding back half the nation, *The Economist*, 28.03.2014. URL: <https://www.economist.com/news/briefing/21599763-womens-lowly-status-japanese-workplace-has-barely-improved-decades-and-country> (accessed: 5 March 2019).

Johnston, E. (2019). Japan ranks at bottom of G20, and in lowest quarter globally, for percentage of female MPs, *The Japan Times*. 06.03.2019 URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/03/06/national/japan-ranks-bottom-g20-lowest-quarter-globally-percentage-female-mps/> (accessed: 5 March 2019).

Kanrishoku ni josei, s chi mokuhy -ka 'teiji de seika', ikuji mo ry ritsu [Women in leadership positions. Compatibility of child-parenting with target indicators "Results at a set time"], *Asahi shinbun*, 8 Jul 2014.

Kawaguchi, A. (2015). Japanese Women Face Tough Reality in Work and Marriage, *Nippon.com*. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a04601/> (accessed: 5 March 2019).

Lebedeva, I.P. (2018). Ideologiya pozhiznennogo nayma i yeyo vliya-niye na sovremennoye yaponskoye obshchestvo [The ideology of life-time employment and its influence on contemporary Japanese society] *Yezhegodnik Yaponiya*, 47: 126–148. (In Russian).

Lesthaeghe, R. (1995). The Second Demographic Transition — An Interpretation. In Karen O. Mason and Jensen An-Magrit (ed.). *Gender and Family Change in Industrial Countries*. Oxford, U.K.: Clarendon Press, 17–62.

Lesthaeghe, R. (1998). On Theory Development and Applications to the Study of Family Formation, Population and Development Review, 24 (1): 1–14.

Liddle, J., & Nakajima, S. (2000). *Rising suns, rising daughters: Gender, class and power in Japan*. New York: Zed Books Ltd.

Maeda, M. (2019). Japan Struggles to Ward Off a Childless and Aging Society-Family Society. URL: <https://www.nippon.com/en/currents/d00452/> (accessed: 5 March 2019).

Markaryan, S.B. (2014). Traditsionnoye i novoye v yaponskoy sem'ye [Traditional and New Things in the Japanese Family] in *Yaponskoye obshchestvo: izmenyayushcheyesya i neizmennoye*. Moscow: АИРО-XXI, 194–218. (In Russian).

Matsui, K., et al. (2010). *Womenomics 3.0: The Time Is Now?* Goldman Sachs, Japan Portfolio Strategy. URL: http://www.goldmansachs.com/our-thinking/investing-in-women/bios/pdfs/womenomics3_the_time_is_now_pdf.pdf (accessed: 5 March 2019).

Meguro, Y. *Population, Fertility and Development from a Gender Perspective: Building Strategies for Empowerment of Women*. URL: <http://www.un.org/womenwatch/daw/csw/meguro.htm> (accessed: 5 March 2019).

Molodyakova, E.V. (2006). Kak vybirayut lidera strany v sovremennoy Yaponii (na primere Koidzumi Dzyun»itiro) [How is the leader of the country in contemporary Japan chosen (on the example of Koizumi Jun'ichiro)] *Yezhegodnik Yaponiya*, 24–40. (In Russian).

Nagatomo, D. (2012). The Impact of Gender on the Professional Identity of Seven Female Teachers of English in Japanese Higher Education. *Jinmonkagaku kenkyu* [Humanities research], 8: 213–226.

Nakano, L., Wagatsuma, M. (2004). An intimate look at generational change. In: Mathews, G. and White, B. (eds.). *Japan's changing generations: Are young people creating a new society*. London: Routledge, 137–154.

Nakano, Y. (2013). *Among Equals? Women in Japanese Politics — Japan Chair Platform*. URL: <https://www.csis.org/analysis/japan-chair-platform-among-equals-women-japanese-politics> (accessed: 5 March 2019).

NHK Survey Reveals that 70 % Of Respondents Don't Want To Get Married! URL: <https://japansauce.net/2019/01/09/nhk-survey-reveals-that-70-of-respondents-dont-want-to-get-married/> (accessed: 5 March 2019).

Nishioka, H., et all. (2008). The Family Changes in Contemporary Japan: Overview of the Results of the Fourth National Survey on Family, The Japanese Journal of Population, 10(1): 1–31.

Ochiai, E. (1997). The Japanese family system in transition: a sociological analysis of family change in postwar Japan. Tokyo: LTCB International Library Foundation.

OECD. (2012). Closing the Gender Gap: Act Now. OECD Publishing.

Orenstein, P. (2001). Parasites in Prkt-a-Porter, The New York Times Magazine, Jul 1: 31–35.

Policy and Decision Making (2010). Women and Men in Japan 2010. Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men10/index.html (accessed: 5 March 2019).

Policy and Decision Making (2017). Women and Men in Japan 2017. Gender Equality Bureau Cabinet Office. URL: http://www.gender.go.jp/english_contents/pr_act/pub/pamphlet/women-and-men17/index.html (accessed: 5 March 2019).

Prime Minister of Japan and His Cabinet. (2013). Address by Prime Minister Shinzo Abe, at The Sixty-Eighth Session of The General Assembly of The United Nations. 26.09.2013. URL: http://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201309/26generaldebate_e.html (accessed: 5 March 2019).

Raymo, J. M. & Iwasawa, M. (2005). Marriage market mismatches in Japan: An alternative view of the relationship between women's education and marriage, American Sociological Review, 70(5): 801–822.

Raymo, J.M. (2015). Living alone in Japan: Relationships with happiness and health, Demographic research, 32: 1267–1298.

Senda, Y. Nihonjin no kazoku-kan henka suru ishiki henka shinai seido [Japanese family: consciousness is changing, the system remains], *Nippon.com*. URL: <http://www.nippon.com/ja/currents/d00095/> (accessed: 5 March 2019).

Sieg, L., Miyazaki, A. (2017). Politics is faster, more effective in Tokyo, Koike says, Reuters, 07.08.2017. URL: <https://www.reuters.com/>

article/us-japan-politics-koike/politics-is-faster-more-effective-in-japans-capital-new-governor-says-idUSKBN1AN0R7 (accessed: 5 March 2019).

Sodei, T. (2005). A comparative study of the research conditions of women scientists and the present states of women's gender studies in Asian countries toward the sustainable development. The Fifth Conference of the Science Council of Asia (SCA), May 11-13.

Statistical Handbook of Japan, Annual 2015, Statistics Bureau, 2015. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2015all.pdf> (accessed: 5 March 2019).

Statistical Handbook of Japan, Annual 2018, Statistics Bureau, 2018. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/handbook/pdf/2018all.pdf> (accessed: 5 March 2019).

The Fifteenth Japanese National Fertility Survey. (2015). Marriage process and fertility of married couples. Attitudes toward marriage and family among Japanese singles. National Institute of Population and Social Security Research. URL: http://www.ipss.go.jp/ps-doukou/e/doukou15/Nfs15R_points_eng.pdf (accessed: 5 March 2019).

Tokuhiro, Y. (2011). Marriage in Contemporary Japan. London: Routledge.

Women in National Parliaments (1997, 2000, 2003, 2005, 2008, 2012, 2015, 2017, 2018). Inter-Parliamentary Union. URL: <http://www.ipu.org/WMN-e/classif.htm> (accessed: 5 March 2019).

Yamada, M. (1999). The age of parasite singles. Tokyo: Chikuma Shinsho.

Zero applicants for Japan plan to promote women to senior posts (2015). The Japan Times. 28.09.2015. URL: <http://www.japantimes.co.jp/news/2015/09/28/national/zero-applicants-for-japan-plan-to-promote-women-to-senior-posts/> (accessed: 5 March 2019).

Zhilina, L.V. (2016). Molodezh' Yaponii: ustremleniya i oriyentiry [Youth of Japan: aspirations and landmarks] Aziya i Afrika segodnya, 1: 65–71. (In Russian).

Zhilina, L.V. (2018). Yaponki: trayektoriya kar'yery [Japanese women: career path] Aziya i Afrika segodnya, 5: 58–64. (In Russian).

Zlotnik, H. (2004). Population growth and international migration. International migration: prospects and policies in a global market, (Ed.) Massey D. S., Taylor J. E. Oxford: Oxford University Press, 15–34.

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 106–131.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 106–131.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10005

О модели занятости японских женщин

И.П. Лебедева

Аннотация. Все большее число японок включаются в экономическую жизнь страны, но японский рынок труда по-прежнему остается более благожелательным к мужчинам, чем к женщинам. Хотя многое было сделано за последние годы в плане создания условий для более полноценного участия женщин в экономической жизни страны, в целом модель их занятости не претерпела серьезных изменений. Женщинам труднее, чем мужчинам получить место постоянного работника, с точки зрения условий труда (уровня зарплаты, возможностей повышения квалификации и профессионального роста, содержания выполняемой работы и т.д.) они с самого начала оказываются в худшем, чем мужчины, положении. Как и прежде, из-за жестких условий пожизненного найма многие женщины — постоянные работники японских фирм после рождения ребёнка прерывают свою карьеру, а возвращаясь на рынок труда по прошествии нескольких лет, предпочитают устраиваться на места непостоянных работников. Домашняя работа и заботы о воспитании детей также по-прежнему возложены в основном на женщин. «Стеклянный потолок», в который упираются японки, стремящиеся сделать карьеру, «стена в 1 млн иен», выталкивающая женщин в зону непостоянной занятости — всё это тоже реалии сегодняшнего дня. Сложившаяся в сфере женской занятости ситуация стала одним из главных факторов возникновения ряда болезненных социальных явлений, таких, как снижение числа браков, рост доли незамужних молодых женщин, повышение возраста первого замужества и рождения первого ребёнка, сокращение числа детей в семье, снижение показателя фертильности и т.д. Между тем едва ли не главной причиной консервации ситуации в сфере женской занятости являются широко распространённые в обществе, в том числе и среди самих японок, представления о разделении ролей женщин и мужчин в семье, в обществе, на работе. Поэтому до реальных изменений в этой области, по-видимому, еще далеко.

Ключевые слова: вименомика, постоянная и непостоянная занятость, гендерные различия, стереотипы сознания, модель женской занятости.

Автор: *Лебедева Ирина Павловна*, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

E-mail: lebedeva130250@mail.ru

On the employment model of Japanese women

I.P. Lebedeva

Abstract. An increasing number of Japanese women are joining the economy, but the Japanese labor market is still more friendly to men than to women. Although much has been done in recent years in terms of creating conditions for a fuller participation of women in the economic life of the country, in general, their employment model has not undergone major changes. It is more difficult for women than for men to get a position of regular worker, in terms of working conditions (salary level, opportunities for professional growth, job content, etc.) they are in a worse position than men. As before, due to the harsh conditions of life-time employment, many female regular employees of Japanese firms after a child's birth interrupt their careers, and returning to the labor market after a few years, they prefer to take jobs as non-regular workers. Housekeeping and childcare are also still mainly entrusted to women. The "glass ceiling" that Japanese women, making a career, clash with, "1 million yen wall" that pushes women into a non-regular employment zone — these are also today's realities. The situation in the field of female employment has become one of the main factors of the emergence of a number of painful social phenomena, such as a reduction of the number of marriages, an increase in the share of unmarried young women, in the age of first marriage and first child birth, a decrease in the number of children in a family and fertility rate, etc. Meanwhile, perhaps the main reason for the preservation of the situation in the field of women's employment is that ideas about the separation of the roles of women and men in the family, society, and at work are widespread in society, including among the Japanese women themselves. Therefore, it seems that it will take quite a long time till real changes become tangible.

Keywords: *womenomics*, regular and non-regular employment, gender differences, stereotypes of consciousness, female employment model.

Author: *Lebedeva Irina P.*, Doctor of Sciences (Economics), Chief researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: lebedeva130250@mail.ru

Среди основных направлений экономической политики С. Абэ, получившей название *абэномика*, наиболее успешной, по крайней мере, по формальным показателям оказалась *вименомика*, целью которой было создание условий для расширения участия женщин в экономической жизни общества¹. Так, за период с 2012 г. по 2018 г. число работающих японок увеличилось почти на 3 млн человек (с 26 млн 460 тыс. до 29 млн 340 тыс.), а их доля в общем числе занятых повысилась с 42,5 % до 44,1 % [Labor Force, December 2012 table 11; December 2018 table II–2–1]. При этом особенно важно, что возросла степень экономической активности в наиболее проблемных группах, т.е. среди женщин в возрасте от 25 до 44 лет, на который приходится рождение и воспитание детей. Если в 2012 г. работали порядка 2/3 (67,7 %) японок этого возраста, то в 2018 г. — более 3/4 (76,5 %) [Women and Men, p. 21].

Эти достижения стали возможны в первую очередь благодаря целому ряду мер, предпринятых правительством в последние годы.

Справедливости ради следует отметить, что вопросами расширения участия женщин в экономике предполагало серьёзно заняться еще правительство демократов. В июне 2012 г. оно приняло программу, которая называлась «Оживление экономики путём содействия большей активности женщин». В рамках этой программы были выделены три главных направления:

- изменение сознания мужчин;
- срочное принятие разного рода схем и мер поддержки, облегчающих имеющим детей женщинам устройство на работу;
- повышение степени использования мужчинами отпуска по уходу за ребёнком, начиная с государственных служащих.

В рамках первого направления было предложено, в частности, ввести в школьную программу, начиная с младших классов, специальные уроки, на которых мальчикам должны прививать новый взгляд на гендерное разделение ролей в семье. Что касается второго направления, то будучи в основном обращено к частным компаниям, оно носило чисто рекомендательный характер и не было обязательным к исполнению. В рамках же третьего направления было принято постановление о том, чтобы к 2020 г. довести долю

¹ О первых шагах в рамках *вименомики* см.: [Мизинова].

мужчин, берущих отпуск по уходу за ребёнком, до 13 % от общего числа государственных служащих [Исии—Кунц, с. 2].

Что же касается *вименомики* С. Абэ, то начало ей положило принятие в июне 2013 г. «Стратегии возрождения Японии», в которой в качестве одного из главных факторов экономического роста называлось повышение экономической активности женщин. Среди разного рода мер, предпринятых в последующие годы для воплощения этой идеи в жизнь, можно выделить следующие:

- значительное расширение сети детских дошкольных учреждений;

- отмену или субсидирование платы за пребывание детей в детских дошкольных учреждениях;

- повышение размеров пособий на время отпуска по уходу за ребёнком;

- принятие закона «О содействии экономической активности и продвижению женщин» (2016 г.);

- принятие законов, создающих более благоприятные условия работы для женщин.

За пять лет (2013–2017 фин. гг.) число мест в детских дошкольных учреждениях увеличилось на 535 тыс., а число детей, числящихся на «листе ожидания», по данным на апрель 2018 г., сократилось до 19 985. По плану, принятому в июне 2017 г., за пять лет, т.е. до конца 2022 фин. г., предполагалось создать еще 320 тыс. мест в детских дошкольных учреждениях. Однако уже в сентябре того же года сроки реализации этого плана были сокращены и перенесены на конец 2020 фин. г. Иными словами, к этому времени проблема нехватки мест в детских дошкольных учреждениях должна быть полностью решена, а «лист ожидания» — сведён к нулю [Women and Men, p. 35].

В январе 2019 г. С. Абэ заявил, что правительство планирует отменить плату за пребывание детей в детских дошкольных учреждениях, а уже в мае 2019 г. был принят Закон о бесплатном дошкольном образовании, который, как ожидается, приведёт к значительным изменениям в сфере женской занятости. Для всех детей в возрасте от 3 до 5 лет, а также для детей в возрасте до 2 лет из семей с низкими доходами обучение (пребывание) в детских дошкольных учреждениях будет бесплатным. Родители детей, посещающих частные учреждения, не подведомственные местным орга-

нам власти, будут получать субсидии: на ребёнка в возрасте от 3 до 5 лет — до 37 тыс. иен в месяц, в возрасте до 2 лет — до 42 тыс. иен в месяц. Ежегодные расходы на эти цели составят порядка 776 млрд иен, а покрываться они будут за счёт средств от повышения в октябре 2019 г. потребительского налога (с 8 % до 10 %) [Japan Today].

В 2014 г. были улучшены условия предоставления отпуска по уходу за ребёнком. В течение первых 8 недель после рождения ребёнка женщины получают пособие по родам, составляющее 2/3 от их заработной платы. После этого наступает собственно период отпуска по уходу за ребёнком, который продолжается 14 месяцев. В течение первых 6 месяцев этого отпуска женщины получают пособие в размере 67 % от заработной платы (прежде — 50 %), в последующие 6 месяцев — в размере 50 % (последние два месяца не оплачиваются). Для того чтобы стимулировать мужчин к более активному участию в уходе за ребёнком в первые годы его жизни, условия оплаты отпуска были улучшены и для них. В первые полгода они теперь также могут получать пособие в размере 67 % от заработной платы (прежде — 50 %), в следующие полгода — в размере 50 %. В отличие от женщин, им также оплачивается и отпуск в последние два месяца (в размере 50 % от заработной платы). Поскольку налоги и взносы в систему социального обеспечения с этих пособий не выплачиваются, в действительности их размеры составляют порядка 80 % и 60 % от уровня заработной платы работников [Women and Men, p. 35].

В плане реализации задач *вименомики* особую роль играет вступивший в силу в апреле 2016 г. закон «О содействии экономической активности и продвижению женщин» — *Дзёсэй кацуро суйсинхо* (в англ. варианте — Act on Promotion of Women's Participation and Advancement in the Workplace).

Если прежде частные компании вольны были сами решать — поддерживать ли инициативы правительства по расширению участия женщин в экономике и усилению их позиций в разных областях, то теперь закон напрямую обязывает их это делать. В соответствии с законом правительство, местные органы власти в сотрудничестве с представителями крупных компаний (с числом занятых от 300 человек) обязаны были разработать так называемые Планы действий владельцев предприятий. В них должны быть ука-

заны конкретные цифры, касающиеся доли женщин среди работников разных категорий, а также перечислены конкретные меры по расширению женской занятости и созданию благоприятных для этого условий. Кроме того, компании обязаны были разместить информацию о рабочих местах для женщин в базе данных Министерства здравоохранения, труда и благосостояния.

Целый комплекс мер был предусмотрен для государственного сектора. Так, все министерства и ведомства должны были представить планы с указанием конкретных цифр по следующим позициям: доля женщин, допущенных к экзаменам на замещение должностей государственных служащих; доля мужчин, берущих отпуск по уходу за ребёнком; количество дней, используемых от ежегодного отпуска. Некоторые учреждения должны были указать также число рабочих дней без сверхурочных работ [White Paper on Gender, p. 5–6].

Интересно отметить, что в списке государственных ведомств, на которые распространяются требования закона, числится и Управление делами императорского двора.

Разумеется, все префектуры также были обязаны составить план действий по тем же направлениям, при этом местные органы власти должны были определять целевые установки не «под копирку», а с учётом ситуации с женской занятостью в каждой конкретной префектуре.

Претворение в жизнь закона шло весьма быстро. В течение года соответствующие планы действий были разработаны не только всеми центральными и местными ведомствами, но и абсолютным большинством крупных частных компаний. Так, по данным на конец декабря 2016 г., 99,8 % от общего числа крупных японских компаний (15 740) представили свои планы действий, а 3875 из них разместили эти планы и другую требуемую информацию в базе данных Министерства здравоохранения, труда и благосостояния. Более того, свои планы по расширению женской занятости добровольно представили также 2155 предприятий меньшего размера [White Paper on Gender, p. 7–8].

При этом закон предусматривает оказание государством поддержки (в форме предоставления контрактов и субсидий) компаниям, которые создают для женщин условия, позволяющие им успешно сочетать работу и семейные обязанности. Достижения

компаний в этой области отмечаются вручением специального сертификата — *Эрубоси* (Eruboshi). По данным на конец 2018 г., его получили 775 компаний [Women and Men, p. 28].

Что же касается законов, призванных создать более комфортные условия работы для женщин, то речь идет о законах, касающихся непостоянных работников, основную часть которых как раз и составляют женщины.

Так, в апреле 2013 г. были внесены поправки в Закон о трудовом контракте. Он ввёл механизм перехода работников с фиксированным сроком контракта (т.е. непостоянно занятых) в категорию работников с открытым контрактом (т.е. постоянно занятых). Если временный контракт возобновляется и срок пребывания работника в фирме превышает пять лет, по его требованию предприниматель обязан предоставить ему бессрочный контракт, т.е. перевести в постоянные работники. Кроме того, в закон было внесено положение, запрещающее устанавливать для работников с фиксированным контрактом условия, отличающиеся (без видимых на то причин) от условий работы постоянных работников. В 2015 г. аналогичные поправки были внесены в Закон о командированных работниках: если срок их службы превышает три года, при желании они могут поменять форму занятости на постоянную. Кроме того, закон ввёл требование такого же подхода к командированным работникам, как и к постоянному персоналу в отношении оплаты труда, внутрифирменного обучения, социальных гарантий. Наконец, в июне 2018 г. было принято новое законодательство о реформе режима труда. Оно установило пределы для сверхурочных работ и ввело наказание для нарушителей закона, а также зафиксировало требование равной оплаты за равный труд для постоянных и непостоянных работников [Takahashi K., p.116; Women and Men, p. 35].

Иными словами, японское правительство никак нельзя упрекнуть в бездействии. Действительно, за последние годы в Японии было немало сделано в плане создания условий для облегчения жизни работающих японок, а следовательно — и для вовлечения в экономику всё большего числа женщин. Однако проблема заключается в том, что увеличение в последние годы числа работающих японок пока не привело к сколько-нибудь заметным изменениям в модели их занятости, сформировавшейся в предшествующие десятилетия.

Обратимся, прежде всего, к вопросу о формах занятости японских женщин.

Как известно, под влиянием системы пожизненного найма в Японии образовался глубокий водораздел между сферами постоянной и непостоянной занятости. Он проявляется в значительных различиях между постоянными и непостоянными работниками японских фирм с точки зрения оплаты труда, доступа к системе внутрифирменного обучения и возможностей карьерного роста, охвата системой социального страхования и т.д. Между тем даже простое сопоставление степени распространения постоянной занятости среди японок и японцев разных возрастных групп позволяет увидеть, насколько велики гендерные различия на японском рынке труда в плане возможностей получения постоянной работы (табл. 1).

**Таблица 1. Доля постоянных работников
в общем числе работающих по найму (%)**

2012 г.										
Возрастные категории	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
мужчины	34,5	58,5	79,6	85,3	89,1	90,7	90,9	90,4	85,7	42,9
женщины	18,8	52,3	60,7	52,4	46,2	41,4	39,6	39,7	37,1	23,5
2017 г.										
Возрастные категории	15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64
мужчины	32,5	60,5	83,0	87,3	89,4	90,4	91,1	90,9	87,8	48,0
женщины	18,1	56,2	66,4	56,6	49,4	43,5	40,2	40,2	37,6	22,4

Рассчитано и составлено по: [Basic survey on employment, 2012, Figure 1–8; Employment Status, 2017, Table 11–1].

Как показывают данные таблицы, во всех возрастных категориях доля мужчин, работающих на условиях постоянной занятости, существенно превышает соответствующие показатели для женщин. Причем такое положение сохраняется несмотря на то, что после принятия в 1985 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме на работу прошло уже более 30 лет.

Данные показывают также, что абсолютное большинство японских мужчин (порядка 90 %) вплоть до достижения предельного возраста пребывания в фирме (т.е. возраста принудительного увольнения, который составляет сейчас 60 лет) продолжают работать на условиях постоянной занятости. Но в отношении женщин складывается совершенно другая картина: в когортах старше 30 лет доля постоянных работников среди них начинает непрерывно снижаться и к предельному возрасту опускается до уровня ниже 40 %.

Обращают на себя внимание довольно высокие и даже возросшие за последние годы показатели постоянной занятости среди женщин в возрастных группах 20–24 года, 25–29 лет и 30–34 года. Однако при их оценке необходимо учитывать следующие обстоятельства.

Во-первых, основной части женщин, нанятых на условиях постоянной занятости (до 80 %), предназначается так называемая обычная работа — *иппансёку*, в то время как мужчины занимаются главным образом так называемой комплексной работой — *согосёку*. Выделение этих двух видов работы стало ответом предпринимателей на принятие в 1985 г. Закона о равных правах женщин и мужчин при найме. Поскольку закон запрещал какую-либо дискриминацию по признаку пола в пределах одной и той же категории работников, компании пошли на выделение для постоянных работников двух типов карьеры: одна — для тех, кто будет заниматься *согосёку*, а вторая — для тех, кто будет выполнять *иппансёку*. Для карьеры, связанной с *согосёку*, нанимались преимущественно мужчины, на которых в полной мере распространялись все привилегии пожизненного найма. А карьера, связанная с *иппансёку*, предназначалась, главным образом, для женщин, ограничивалась выполнением различной офисной работы и предполагала значительно более скромные возможности для повышения квалификации и карьерного роста, а также более низкую заработную плату [Подробно см.: Лебедева, с. 103–107].

Это разделение было необходимо компаниям прежде всего для того, чтобы избежать ненужных расходов на внутрифирменное обучение таких «неперспективных», с точки зрения менеджмента, работников, как женщины, поскольку большинство из них после замужества и рождения ребёнка увольнялись. Другим аргументом служило то, что японская система управления трудом ориентирована на группу, а не на отдельного работника. Поскольку группой управлять легче, если она однородна, то разделение работников на

«женские» и «мужские» группы облегчало для японского менеджмента управление персоналом [Хара, с.170–171].

Во-вторых, даже среди женщин, которые были приняты на места постоянных работников для выполнения *согосёку* (комплексной работы), рассчитывать на равную с мужчинами профессиональную карьеру могут далеко не все. Как правило, в этой группе мужчины опережают женщин в карьерном росте на одну–две ступени [Steinberg С., Nakane М., р. 19]. О том, что женщины, работающие на условиях постоянной занятости, вынуждены довольствоваться более скромной карьерой, чем мужчины, свидетельствуют и данные табл. 2, отражающие различия в степени возрастания заработной платы работников разного уровня образования.

Таблица 2. Динамика заработной платы постоянных работников разного уровня образования (тыс. иен; индексы)

Категории работников	Средняя школа	Высшая ступень средней школы	Среднее специальное образование	Университет
Мужчины				
До 19 лет	200,6(100,0)	206,3(100,0)	—	—
От 20 до 24 лет	243,7(121,5)	243,0(117,8)	232,8(100,0)	253,6(100,0)
От 35 до 39 лет	329,5(164,3)	339,7(164,7)	342,3(147,0)	374,1(147,5)
От 45 до 49 лет	364,5(181,7)	386,2(187,2)	414,0(177,8)	493,0(194,4)
От 50 до 54 лет	367,4(183,2)	406,2(196,9)	439,3(188,7)	542,2(213,8)
От 55 до 59 лет	356,4(177,7)	398,5(193,2)	442,1(189,9)	525,3(207,1)
Женщины				
До 19 лет	171,4(100,0)	181,8(100,0)	—	—
От 20 до 24 лет	194,1(113,2)	204,8(112,7)	220,3(100,0)	239,4(100,0)
От 35 до 39 лет	220,6(128,7)	240,7(132,4)	282,8(128,4)	336,8(153,7)
От 45 до 49 лет	241,8(141,1)	262,5(144,4)	321,5(145,9)	420,1(175,5)
От 50 до 54 лет	266,6(155,5)	269,9(148,5)	329,1(149,4)	440,8(184,1)
От 55 до 59 лет	227,3(132,6)	267,2(147,0)	326,1(148,0)	435,0(181,7)

Составлено и рассчитано по: [Basic Survey on Wage... 2017. Contractual cash earning by type of employment, sex, school career and age group]

Примечание: для работников первых двух категорий за 100 принята заработная плата группы в возрасте до 19 лет, для работников двух других категорий — в возрасте от 20 до 24 лет.

Как показывают данные таблицы, во всех возрастных когортах женщины, имеющие то же образование, что и мужчины, существенно уступают им как по уровню заработной платы, так и по степени её возрастания по мере увеличения стажа работы. Гендерные различия в оплате труда закладываются еще в самом начале трудовой деятельности постоянных работников японских компаний, и становятся всё более очевидными по мере перехода от молодых возрастных когорт к старшим. Так, в абсолютном выражении разрыв в заработной плате по категории работников, закончивших среднюю школу, составляет 29,2 тыс. иен в первые годы и достигает 100,8 тыс. иен в возрастной группе 50–54 года (когда работники японских фирм получают максимальную заработную плату). По категории работников, закончивших высшую ступень средней школы, эти показатели составляют соответственно 24,5 тыс. иен и 136,3 тыс. иен. Для лиц, имеющих среднее специальное образование, разрыв увеличивается с 12,5 тыс. иен до 110,2 тыс. иен, а для обладателей университетских дипломов — с 14,2 тыс. иен до 101,4 тыс. иен.

Как известно, и карьерный рост работников японских компаний, и крутизна повышения их заработной платы напрямую связаны с интенсивностью внутрифирменного обучения, в процессе которого фирмы готовят для себя работников нужной квалификации. Между тем у женщин возможностей подключения к этой системе существенно меньше, чем у мужчин. Так, по данным за 2015 г., доступ к системе повышения квалификации на основе обучения с отрывом от производства (OFF-JT) имели 50,9 % постоянных работников-мужчин и только 36,9 % работников-женщин. При этом и содержание самого процесса обучения также было различным. Так, мужчины изучали в основном вопросы управления, аудит, основы логического мышления и т.д., а женщины — навыки делового общения, офисные процедуры и правила [Хара, с.155].

Профессор университета Нихон дзёси дайгаку Хара Хироми считает, что сложившаяся ситуация — следствие трёх видов дискриминации, которой подвергаются женщины в японских фирмах.

Во-первых, дискриминации, проистекающей из укоренившихся в обществе предубеждений. Например, принято считать, что у женщин производительность труда ниже, чем у мужчин, или что не следует продвигать женщин на руководящие должности, поскольку

это вызовет неодобрение со стороны мужчин, занимающих должности того же ранга. Во-вторых, так называемой статистической дискриминации. Принимая решение о найме той или иной женщины или её продвижении по службе, работодатель опирается не на объективную оценку её возможностей, а на свои представления о том, как вели себя её предшественницы (увольнялись ли после замужества, участвовали ли в сверхурочных, насколько оказались способны и т.д.). Между тем жизненный путь этой женщины может оказаться совсем другим. В-третьих, институциональной дискриминации. Под ней имеются в виду все те элементы системы пожизненного найма, которые действительно оказываются весьма обременительными для женщин: длинный рабочий день, частые сверхурочные работы, укороченный отпуск, жёсткий режим труда, ротация с переводом в другой город и т.д. [Хара, с. 163–171].

К неравенству возможностей для профессионального роста, с которым сталкиваются с первых же дней работы молодые японки, принятые на места постоянных работников, со временем добавляется еще более сложная проблема — принятие решения о замужестве и рождении ребёнка. Как показывает практика, это по существу выбор между продолжением карьеры и жизнью *сэнгё сюфу* (профессиональной домохозяйки). И выбор этот сделать тем сложнее, чем выше уровень образования женщин и чем успешнее их карьера. Ведь уход с работы на время отпуска, связанного с рождением и воспитанием ребёнка, означает «отпадение» от системы внутрифирменного обучения и повышения квалификации, а следовательно — и замедление карьерного роста. Этот фактор, а также целый ряд других моментов, о которых речь пойдёт ниже, приводят к тому, что многие женщины, начинавшие свою трудовую деятельность в качестве постоянных работников, после окончания отпуска по уходу за ребёнком уже не возвращаются на прежние рабочие места, а предпочитают либо вообще не работать, либо устроиться на непостоянную работу. Об этом наглядно свидетельствуют приводимые ниже данные (табл. 3).

Как отмечалось выше, непостоянная занятость в Японии ассоциируется с нестабильной работой, невысокими заработками, ограниченными возможностями для повышения квалификации, гораздо более низкой, чем у постоянных работников, степенью социальной защищённости. Да и сам статус непостоянного работ-

Таблица 3. Доля постоянных работников среди женщин разных возрастных групп на первом месте работы и при повторном найме (%)

Доля постоянных работников	Возрастные группы					
	до 29 лет	от 30 до 34	от 35 до 39	от 40 до 44	старше 45 лет	в среднем
на первом месте работы	51,7	62,4	71,8	85,8	87,9	77,5
при повторном найме	20,6	22,5	25,2	21,0	20,9	22,1

Источник: [Labor Situation, p. 166]. Данные Национального обследования семей с детьми, проведённого в 2014 г.

ника — знак того, что его носитель занимает весьма невысокое положение в социальной иерархии. При этом именно женщины составляют основной контингент непостоянно занятых. По данным за 2017 г., численность непостоянных работников составила 20 млн 360 тыс., или 37,2 % от общего числа работающих по найму (без высших управленцев компаний). Среди них женщин насчитывалось 13 млн 890 тыс. (68,2 %), а мужчин — 6 млн 470 тыс. (31,8 %). В этом плане состав непостоянно занятых представляет собой картину, прямо противоположную той, что наблюдается в сфере постоянной занятости. Здесь из 34 млн 320 тыс. человек на долю мужчин приходится 67,5 % (23 млн 180 тыс.), а на долю женщин — 32,5 % (11 млн 140 тыс.). Причём, если среди женщин, работающих по найму, доля непостоянных работников составляет 56 %, то среди мужчин — 22,0 % [Родорёку тёса, с. 8].

Как показывают данные табл. 4, основную часть работающих японок составляют замужние женщины, и в последние годы именно за счёт них возросли масштабы женской занятости. Благодаря этому заметно изменилось соотношение между семьями наёмных работников, в которых работают оба супруга, и семьями, где добытчиком средств является лишь супруг. Так, если в 1990 г. семьи, где работали оба супруга, составляли лишь половину от общего числа семей (9 млн 490 тыс. из 18 млн 700 тыс.), то к 2017 г. их доля поднялась до 65 % (11 млн 880 тыс. из 18 млн 290 тыс.) [Дандзё кёдо, табл. 1–3–4].

**Таблица 4. Сдвиги в структуре работающих женщин
с точки зрения их семейного положения (%)**

Годы	Незамужние	Состоящие в браке	Вдовы, разведенные	Всего
1955	64,7	20,9	14,4	100,0
1965	50,3	38,6	11,1	100,0
1975	38,0	51,3	10,8	100,0
1985	31,3	59,2	9,6	100,0
1995	33,5	57,1	9,4	100,0
2005	32,5	56,8	10,3	100,0
2011	30,9	57,5	11,1	100,0
2017	27,4	60,3	12,3	100,0

Источник: [Labor Situation, p. 157]. Данные за 2017 г. рассчитаны автором по: [Labor Force, 2017. Table I–4].

При этом, большинство вышедших на рынок труда замужних японок выбрали непостоянную занятость, главным образом — в качестве *пато* (частично занятых), с нагрузкой менее 35 часов в неделю. По расчетам профессора Оиси Акико, если в 1987 г. среди замужних работающих японок (немногим более 10 млн) почти 60 % являлись постоянными работниками, то спустя 25 лет, в 2012 г., из 16 млн 570 тыс. постоянными работниками были уже лишь 35,8 %, а остальные относились к категории непостоянно занятых [Оиси, с. 7]. По нашим расчетам, за последующие 5 лет — к 2017 г. — число замужних работающих японок возросло еще на 1 млн 320 тыс., из них порядка 40 % устроились на места постоянных работников, а 60 % пополнили ряды непостоянно занятых. В результате структура занятости замужних работающих женщин практически не изменилась: в 2017 г. из 17 млн 882 тыс. лишь 6 млн 457 тыс. (36,1 %) являлись постоянными работниками, а 11 млн 425 тыс. (63,9 %) относились к категории непостоянно занятых [Labor force, 2012, table 11–1; 2017, table I–4].

То есть, с одной стороны, налицо процесс, который проф. А. Оиси называет *фуфу коё кёгасэгика* — нарастание доли семей, в которых по найму работают оба супруга, и сокращение доли семей с *сэнгё сюфу* (профессиональными домохозяйками), а с другой сто-

роны — застой в плане расширения постоянной занятости среди замужних японок.

Какие же факторы обуславливают такое положение дел?

Едва ли не главным фактором является довольно широкое распространение в обществе представлений о том, что основное предназначение замужней женщины — рождение детей, забота о подрастающем поколении и ведение домашнего хозяйства. Конечно, ситуация постепенно меняется. Так, если в 1992 г. традиционную модель семьи в целом поддерживали 55,6 % женщин и 65,7 % мужчин, то четверть века спустя, в 2017 г., соответствующие показатели составили 37,0 % и 44,7 %. Доля же тех, кто не поддерживает или скорее не поддерживает традиционную модель, среди женщин возросла за те же годы с 38,3 % до 58,5 %, а среди мужчин — с 28,6 % до 49,4 % [Дандзё кёдо, табл. 1—3—5]. Иными словами, положительные сдвиги в общественном сознании происходят, но не столь быстро, как того требует всё более и более обостряющаяся проблема нехватки рабочей силы.

Кроме того, рост занятости замужних женщин не привёл к сколько-нибудь заметному облегчению бремени их домашних дел за счет более активного участия в них их мужей. Причём это касается даже тех женщин, которые являются постоянными работниками. Так, согласно результатам «Национального обследования семей с детьми», которое периодически проводит Японский институт политики в сфере труда и переподготовки, в 2014 г. в семьях, где жены являются постоянными работниками, мужья тратят на стирку, уборку и стирпню в среднем 34 минуты в день. В семьях, где жены работают по временным контрактам или являются командированными работниками, этот показатель составляет 28 минут; там, где они работают в качестве *пато* (частично занятых) — 21 минуту, а если вообще не работают — 20 минут. При этом более чем в четверти семей, где жены являются постоянными работниками (27,4 %), мужья вообще не занимаются домашней работой [Labor Situation, p. 160].

В этом плане Япония разительно отличается от других развитых стран и целого ряда стран со средним уровнем развития, о чём можно судить по данным проведённого в 2012 г. международного обследования стран — членов ОЭСР «Семья и гендерные роли». Они показывают соотношение между временем, затрачиваемым на

домашние дела женщинами (в семьях, где работают оба супруга, возрастные группы — от 35 до 59 лет), и временем, которое отводят на эти цели их мужья [Junya Tsutsui, p.97]²:

Чили	Чехия	Дания	Финляндия	Франция	Ирландия	Израиль
9,15	8,24	2,09	2,07	3,32	3,97	4,81

Япония	Мексика	Норвегия	Польша	Словакия	Тайвань
10,12	11,37	2,82	4,17	8,08	4,26

Такая ситуация свидетельствует, прежде всего, об отсутствии подвижек в менталитете японских мужчин, считающих, как и прежде, что домашняя работа и воспитание детей — удел женщин. Правда, некоторым оправданием им служит жёсткий режим их труда — ранний приход на службу, длинный рабочий день за счёт сверхурочных, а иногда и работа в выходные дни. Так, по данным за 2017 г., более 60 часов в неделю работали 14,7 % постоянных работников-мужчин в возрасте от 30 до 40 лет и 14,9 % — в возрасте от 40 до 50 лет [Дандзё кёдо, табл. 1–3–1]. Кроме того, следует учитывать, что многим из них приходится тратить по 2–2,5 часа в день на дорогу до места службы и обратно.

При этом японки предпочитают всю домашнюю работу делать сами, не прибегая к помощи посторонних лиц, как это принято во многих развитых и не очень развитых странах. Здесь даже среди семей с высокими доходами (более 12 млн иен в год на семью из четырёх человек) услугами фирм, специализирующихся на оказании помощи в ведении домашнего хозяйства, пользуются не более 5–6 % [Labor Situation, p. 160]. По-видимому, это связано с присущим японкам стремлением содержать дом в идеальной чистоте и порядке.

Для многих женщин невозможность сочетать домашние обязанности с постоянной работой связана также и с жёсткими условиями труда, с которыми сопряжена постоянная занятость в Японии. Международные сравнения показывают, что в Японии они гораздо более жестки, чем в других развитых странах, а среди стран — членов ОЭСР её превосходят лишь Мексика и Венгрия. Так, при

² Без учёта времени, выделяемого на отдых и воспитание детей.

ответе на вопросы о том, «каким образом и кто определяет время работы», «кто определяет и распределяет объем работы на день», «насколько просто получить разрешение отлучиться на час-два по семейным обстоятельствам», японские женщины выбрали варианты ответов, свидетельствующие о невозможности ни изменить время работы, ни самим распределять дневную нагрузку, ни отлучиться по семейным обстоятельствам [Tsutsui, p. 87–89].

Следует также напомнить о широко распространённой в японских компаниях практике сверхурочных работ для постоянных сотрудников, которая касается и женщин. Более того, оказывается, что и среди женщин есть те, кто работает свыше 60 часов в неделю: по данным за 2017 г. их доля составляла 2,6 % (в абсолютном выражении — это более четверти миллиона человек) [Дандзё кёдо, табл. 1–3–1].

Наконец, консервации сложившейся модели занятости замужних японок способствует и действующая в стране система налогообложения и социального обеспечения. Будучи сформирована в период высоких темпов роста, она изначально была рассчитана на модель семьи, предполагающую наличие работающего супруга и находящейся на его иждивении супруги. Во-первых, глава семьи платит за неработающую супругу взносы в систему пенсионного обеспечения и медицинского страхования. Во-вторых, он имеет право на вычет из налогооблагаемой базы в случае, если его супруга работает, но получает в год менее 1 млн 30 тыс. иен (если доход мужа составляет менее 10 млн иен, то эта планка повышается до 1 млн 400 тыс. иен). И, наконец, если годовой доход супруги превышает 1 млн 300 тыс. иен, то она обязана самостоятельно платить взносы в систему пенсионного обеспечения и медицинского страхования [Ямада Масахиро. Кэккон курайсису, с. 54–55]. Сами японки называют такие нормы «стеной в 1 млн иен», поскольку очевидно, что они обрекают их на непостоянную занятость — зону дешевого труда. Профессор М. Ямада даже описывает случаи, когда на некоторых предприятиях женщины вынуждены были вернуть выплаченные им бонусы, так как возможные финансовые потери их семей из-за превышения установленного лимита дохода превосходили размеры бонусов.

И, конечно, расширению постоянной занятости среди замужних японок препятствуют и все те проблемы, с которыми сталкиваются

женщины — постоянные работники японских компаний. Выше уже говорилось об отставании женщин от мужчин в карьере и заработной плате, проявляющемся буквально с первых дней работы, о своеобразном разделении труда между ними — на выполняющих *иппансёку* (преимущественно женщин) и *согосёку* (преимущественно мужчин), о потерях в плане продвижения по службе и росте заработной платы, которые несут женщины из-за отрыва от системы внутрифирменного обучения на время отпуска по уходу за ребёнком.

Таким образом, целый ряд факторов — как субъективных, так и объективных — сдерживает трансформацию модели женской занятости, сформировавшейся в предшествующие десятилетия, и она по-прежнему существенно отличается от мужской модели.

О том, что проблема гендерного неравенства, в том числе и в экономической сфере, ещё весьма далека от своего разрешения, свидетельствуют и те позиции, которые Япония занимает в международных рейтингах. Причем, как показывают данные The Global Gender Gap Report Всемирного экономического форума, за последнее десятилетие позиции Японии не только не улучшились, но даже ухудшились: по общему индексу неравенства она опустилась с 80-го места в 2006 г. до 114-го в 2017 г. [The Global Gender, p. 190]³.

Конечно, сразу же следует оговориться, что столь заметное ухудшение позиций Японии нельзя рассматривать как свидетельство того, что ситуация с гендерным неравенством в стране настолько ухудшилась. О том, что это не так, говорит и некоторое повышение значения японского индекса — с 0,645 в 2006 г. до 0,657 в 2017 г. Ухудшение же позиций Японии в рейтинге означает лишь, что другие страны за это время достигли гораздо большего прогресса в этой области и что прилагаемых ею усилий пока явно недостаточно.

Напомним также, что индекс Всемирного экономического форума не учитывает уровень социально-экономического развития страны, а лишь измеряет степень гендерного неравенства в разных областях. Совершенно очевидно, что жизнь японских женщин далеко не так тяжела и драматична, как, например, жизнь женщин в соседствующих с ней в рейтинге африканских государствах.

³ Индекс рассчитывается для 144 стран. Первый доклад был опубликован в 2006 г.

Индекс гендерного неравенства Всемирного экономического форума представляет собой среднее арифметическое четырех суб-индексов — «экономическая активность и возможности», «доступность образования», «здоровье, продолжительность жизни», «участие в политике».

Вот как изменились значения индекса и субиндексов и соответствующие им позиции Японии за период 2006—2017 гг.

Таблица 5. Изменение позиций Японии в рейтинге гендерного неравенства Всемирного экономического форума

Индекс и субиндексы	2006 г.		2017 г.	
	место Японии	показатель	место Японии	показатель
Индекс гендерного неравенства	80	0,645	114	0,657
экономическая активность и возможности	83	0,545	114	0,580
доступность образования	60	0,986	74	0,991
здоровье, продолжительность жизни	1	0,980	1	0,980
участие в политике	83	0,067	123	0,078

Источник: [The Global Gender, p. 190].

Очевидно, что именно субиндекс «экономическая активность и возможности», наряду с субиндексом «участие в политике», «тянут» вниз общий показатель и смещают Японию на нижние строчки рейтинга.

Обратимся к субиндексу «экономическая активность и возможности». Как показывают данные таблицы, его абсолютное значение за период 2006—2017 гг. несколько возросло, что свидетельствует о некотором улучшении ситуации в плане гендерного равенства в экономической сфере. Он рассчитывается как среднее арифметическое значений следующих пяти индикаторов:

— степень экономической активности женщин относительно показателей мужчин;

- равенство в оплате труда при выполнении одинаковой работы;
- уровень доходов женщин относительно доходов мужчин (по паритету покупательной способности валют, долл.);
- доля женщин в общем числе юристов, высших должностных лиц, топ-менеджеров относительно доли мужчин;
- доля женщин в общем числе специалистов, инженерно-технических работников относительно доли мужчин.

Вот как выглядела ситуация в этих областях в 2017 г.

**Таблица 6. Показатели гендерного неравенства
в экономической сфере (2017 г.)**

	Место Японии	Значения- субиндекса и индикаторов	Показатели для женщин (А)	Показатели для мужчин (В)	Отношение А к В
Экономическая активность и возможности	114	0,580	—	—	—
степень экономической активности	79	0,781	66,4 %	85,0 %	0,78
равенство в оплате труда	52	0,672	—	—	0,67
уровень доходов	100	0,524	28,724 тыс.долл.	54,818 тыс.долл.	0,52
доля среди юристов, высших должностных лиц, топ- менеджеров	116	0,142	12,4 %	87,6 %	0,14
доля среди специалистов и инженерно- технических работников	101	0,654	39,5 %	60,5 %	0,65

Источник: [The Global Gender, p. 190].

Поскольку полное гендерное равенство достигается при значении 1 (100), то «дистанция до равенства» (по выражению составителей доклада) для японских женщин составляет:

по степени экономической активности	—	22;
по равенству в оплате труда	—	33;
по уровню доходов	—	48;
по доле среди юристов, высших должностных лиц, топ-менеджеров	—	86;
по доле среди специалистов и инженерно-технических работников	—	35.

Конечно, далеко не все женщины готовы мириться со сложившейся моделью занятости, и в первую очередь — молодые японки, получившие высшее образование.

Расширение доступа девушек к высшему образованию — одно из несомненных достижений Японии. О том, насколько вырос уровень образования молодых японок, можно судить по данным о доле лиц с высшим образованием среди работающих женщин разных возрастных групп (2017 г., %) [Employment Status, Table 2–1]:

25–29 лет	—	42,7
30–34 года	—	33,3
35–39 лет	—	26,6
40–44 года	—	19,6
45–49 лет	—	15,4
50–54 года	—	13,0
55–59 лет	—	13,1
60–64 года	—	10,5
65–69 лет	—	5,8

Нынешние молодые японки по уровню образования уже практически не уступают своим ровесникам-мужчинам (для которых соответствующие показатели составляют 42,7 % в когорте 25–29 лет и 39,6 % в когорте 30–34 года), не говоря уже о том, насколько они превосходят в этом отношении не только своих бабушек, но и матерей. Из года в год растет число выпускниц японских вузов, стремящихся попасть в солидные фирмы на места постоянных работников, реализовать свой потенциал и сделать карьеру. Преодолевая все те трудности, которые воздвигает на их пути система пожиз-

ненного найма, рано или поздно они вынуждены делать выбор между продолжением карьеры и жизнью *сэнгё сюфу* (по крайней мере — на несколько лет). И выбор этот сделать тем сложнее, чем выше уровень образования женщин и чем успешнее их карьера. Неудивительно поэтому, что наибольшая доля незамужних женщин отмечается среди обладательниц университетских дипломов [Toward Active, p. 6].

Конечно, нельзя не видеть позитивных изменений в этой области. Так, ушла в прошлое практика увольнения женщин сразу после замужества, значительно снизилась доля женщин, увольняющихся после наступления беременности (до 15 % в середине 2010-х годов). Но что касается женщин, увольняющихся сразу после родов, то в середине 2010-х годов их доля была лишь незначительно ниже показателя тридцатилетней давности (около 40 %). Характерно, что среди причин увольнений на первое место женщины поставили «невозможность сочетать работу с уходом за ребёнком» [Labor Situation, p. 161].

Прямым результатом ситуации, сложившейся в сфере женской занятости, стало повышение возраста первого замужества японок и рождения ими первого ребёнка. Так, первый показатель повысился с 25,5 лет в 1985 г. до 29,4 лет в 2016 г., а второй — с 26,7 лет до 30,7 лет. Одновременно возрос и уровень безбрачия среди молодых женщин. Так, за период 1985–2015 гг. доля не состоящих в браке японок в когорте 25–29 лет повысилась с 30,6 % до 61,3 %, в когорте 30–34 года — с 10,4 % до 34,6 %, а в когорте 35–39 лет — с 6,6 % до 23,9 % [Сёсика, с. 6, 13].

В результате в Японии — стране, где существует едва ли не культ детей, происходит сокращение среднего числа детей в семье, а вплоть до последнего времени наблюдалось и снижение показателя фертильности. Так, показатель фертильности, в 1947–1950 гг. составлявший 4,32, снизился до 2,14 в 1971–1974 гг., 1,57 в 1989 г., 1,26 в 2005 г. — низшего за весь послевоенный период уровня. С конца 2010-х годов началось некоторое его повышение — до 1,44 в 2016 г., но при этом среди стран G7 в худшем положении находится лишь Италия (с показателем 1,35). В США, например, показатель фертильности составляет 1,82, Великобритании — 1,80, Германии — 1,50, Франции — 1,96, Канаде — 1,61 [Сёсика, с. 6; Дэта букку, с. 65].

Таким образом, сложившаяся модель женской занятости не только препятствует более активному участию японок разных возрастов в экономической жизни общества (по оценкам правительства, в настоящее время хотели бы работать, но не работают порядка 2,4 млн женщин), но и стала одним из главных факторов возникновения ряда болезненных социальных явлений. Эту модель пока не смогли изменить ни меры, принятые в последние годы для облегчения жизни работающих женщин в плане возможностей сочетать работу с выполнением семейных обязанностей, ни законы, направленные на смягчение гендерных различий при найме на работу и продвижении по службе. По-видимому, устойчивость этой модели придаёт то обстоятельство, что она опирается на довольно широко распространённые в обществе, в том числе и среди самих японок, представления о разделении ролей женщин и мужчин и в семье, и в обществе, и на работе. Поэтому вряд ли можно ожидать здесь быстрых изменений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Дандзё кё:до: санкаку хакусё 2018 : [Белая книга о гендерном равенстве 2018). URL: <http://www.cao.go.jp/> (дата обращения: 10.05.2019).

Дэта букку кокусай ро:до: хикаку 2018 : [Международные сопоставления в сфере труда 2018). URL: <http://www.jilpt.go.jp/> (дата обращения: 11.11.2018).

Исии-Куни М. Нихон-ни окэру дандзё кё:до: санкаку : [Гендерное равенство в Японии] // Материалы лекции для стажеров Японского фонда. Университет Отяномидзу, март 2013.

Лебедева И.П. Японский рынок труда: национальные особенности // Восток. 2015. №1.

Мизинова А.Е. Проблема вовлечения женщин в трудовую деятельность в современной Японии // Ежегодник «Япония 2014». М., 2014.

Оиси Акико. 1980 нэндайхаба ико:- но ко:ё: кё:гасэги-но дзо:ка то соно хайкэй : [Рост совместной занятости со второй половины 1980-х годов и фон, на котором это происходит] // Нихон ро:до: кэнкю: дзасси. № 689. December 2017.

Ро:до:рёку тё:са 2018 : [Обследование рабочей силы 2018] // Ministry of Health, Labour and Welfare. URL: <http://www.mhlw.go.jp/> (дата обращения: 05.10.2018).

Сё:сика сякай тайсаку хакусё. Хэйсэй 30 нэмпан : [Белая книга о политике в обществе со снижающейся рождаемостью 2018]. URL: <http://www.cao.go.jp> (дата обращения: 05.05.2019).

Хара Хиromи. Дзёсэй-но кацуро га сусуманай гэнъин : [Причины того, почему не повышается экономическая активность женщин] // Нихон-но родо: сидзё:. Кэйдзайгакуся- но ситэн : [Японский рынок труда. Взгляды экономистов] / под ред. Кавагути Дайдзи. Токио, 2017.

Ямада Масахиро. Кэккон курайсису — тю:рю: тэнраку фуан : [Кризис брака — опасения выпасть из среднего слоя]. Токио, 2016.

Basic survey on employment structure 2012. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 10 May 2019).

Basic Survey on Wage Structure 2017. Contractual cash earning by type of employment, sex, school career and age group. URL: <http://www.mhlw.go.jp/> (accessed: 10 May 2019).

Employment Status Survey 2017. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 05 October 2018).

Japan Today, May 11, 2019.

Labor Force Survey, December 2018. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 30 December 2018).

Labor Force Survey. December 2012. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Labor Situation in Japan and Its Analysis: Detailed Exposition 2016/2017. URL: <http://www.jilpt.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Steinberg C., Nakane M. Can women save Japan? // IMF Working Paper. WP/12/248. October 2012.

Takahashi K. The Work and Lives of Japanese Non-regular Workers in the “Mid-Prime Age Bracket (Age 35–44)” // Japan Labor Review. Vol. 12. №3. Summer 2015.

The Global Gender Gap Report 2017. URL: http://www.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf (accessed: 10 October 2019).

Toward Active Participation of Women as the Core of Growth Strategy // Cabinet Office, Government of Japan. June 2013. URL: <http://www.cao.go.jp> (accessed: 5 October 2018).

Tsutsui J. Female Labor Participation and the Sexual Divisions of Labor: A Consideration on the Persistent Male-Breadwinner Model // Japan Labor Review. Vol.13, No 3. Summer 2016.

White Paper on Gender Equality 2017. URL: <http://www.cao.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Women and Men in Japan 2019. URL: <http://www.cao.go.jp/> (accessed: 5 October 2019).

References

Basic survey on employment structure 2012. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 10 May 2019).

Basic Survey on Wage Structure 2017. Contractual cash earning by type of employment, sex, school career and age group. URL: <http://www.mhlw.go.jp/> (accessed: 10 May 2019).

Danjo kyo:do: sankaku hakushyo 2018 [White Paper on Gender Equality 2018]. URL: <http://www.cao.go.jp/> (accessed: 10 May 2019).

Detta bukku kokusai ro:do: hikaku [Databook of International Labour Statistics]. URL: <http://www.jilpt.go.jp/> (accessed: 11 November 2018).

Employment Status Survey 2017. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Hara Hiromi. (2017). Dzyosei-no katsuro ga susumanai gen'in [Why the economic activities of women do not grow up], *Nihon-no ro:do: shijyo: Keidzaigakushya-no shiten* [Japanese labor market. Views of economists], ed. by Kawaguchi Daiji, Tokyo.

Ishii-Kunts M. (2013). Nihon ni okeru danjo kyo:do: sankaku [Gender Equality in Japan], *Materialy lektsii dlya stazherov Yaponskogo fonda* [The materials of Lecture for the probationers of the Japan Foundation], Ochyanomizu University, March.

Japan Today, May 11, 2019.

Labor Force Survey, December 2012. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Labor Force Survey, December 2018. URL: <http://www.stat.go.jp/> (accessed: 30 December 2018).

Labor Situation in Japan and Its Analysis: Detailed Exposition 2016/2017. URL: <http://www.jilpt.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Lebedeva I.P. (2015). Yaponsky rinok truda: natsionalnie osobennosti [Japanese labor market: national peculiarities], *Vostok*, 2015, No.1.

Mizinova A.E. (2014). Problema vovlecheniya zhenschin v trudovuyu deyatel'nost' v sovremennoi Yaponii [The problem of women joining in economic activities in contemporary Japan] // *Yearbook "Japan 2014"*, Moscow.

Oishi Akiko. (2017). 1980 nendaihaba iko:-no ko:jo: kyo:gasegi-no dzo:ka to sono haikei [The growth of joint employment since the middle of 1980s and its background], *Nihon ro:do: kenkyu: dzassi*, No 689. December.

Ro:do:ryoku chyo:sa 2018 [Labor Force Survey 2018], *Ministry of Health, Labour and Welfare*. URL: <http://www.mhlw.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Shyo:shika shyakai taisaku hakushyo. Heisei 30 nempan [White Paper on the policy in society with declining birthrate 2018]. URL: <http://www.cao.go.jp> (accessed: 5 May 2019).

Steinberg C., Nakane M. (2012). Can women save Japan? *IMF Working Paper*, WP/12/248, October.

Takahashi K. (2015). The Work and Lives of Japanese Non-regular Workers in the “Mid-Prime Age Bracket (Age 35–44)”, *Japan Labor Review*, Vol. 12. №3. Summer.

The Global Gender Gap Report 2017. URL: http://www.weforum.org/docs/WEF_GGGR_2017.pdf (accessed: 10 October 2019).

Toward Active Participation of Women as the Core of Growth Strategy, *Cabinet Office, Government of Japan*, June 2013. URL: <http://www.cao.go.jp> (accessed: 5 October 2018).

Tsutsui J. (2016). Female Labor Participation and the Sexual Divisions of Labor: A Consideration on the Persistent Male-Breadwinner Model, *Japan Labor Review*, Vol.13, No.3, Summer.

White Paper on Gender Equality 2017. URL: <http://www.cao.go.jp/> (accessed: 5 October 2018).

Women and Men in Japan 2019. URL: <http://www.cao.go.jp/> (accessed: 5 May 2019).

Yamada Masahiro. (2016). Kekkon kuraisisu. Chyu:ryu: tenraku fuan [The crisis of marriage. A fear of falling out of middle stratum], Tokyo.

Экономические связи Японии с государствами Юго-Восточной Азии в XXI веке

Я.В. Мищенко

Аннотация. Статья посвящена анализу современного состояния экономических отношений между Японией и странами Юго-Восточной Азии — торговли как базовой и наиболее традиционной формы экономического сотрудничества, взаимного инвестирования, официальной помощи развитию. Рассматриваются изменения, произошедшие в этой области, в период с рубежа XX–XXI вв. по настоящее время. Приводятся статистические данные, на основании которых даётся оценка современного состояния экономических связей Японии и стран ЮВА.

Проведённый анализ позволил сделать вывод, что Япония в начале XXI века больше была обращена в сфере внешней торговли к США, крупным экономикам Северо-Восточной Азии, нежели к странам Юго-Восточной Азии, но вместе с тем у них есть определённая, заметная ниша в торговле с Японией. На основании проведённых расчётов из числа стран Юго-Восточной Азии были определены ключевые партнёры Японии по каждому из трёх основных направлений экономического сотрудничества — торговли, взаимных капиталовложений, официальной помощи развитию. Выявлено, что основными внешнеторговыми партнёрами Японии среди стран ЮВА являются Сингапур, Малайзия, Таиланд, Индонезия — т.е. экономически более развитые страны. Страны АСЕАН сохраняют в XXI веке позиции значимых для Японии поставщиков минерального топлива, сырья, продуктов питания, морепродуктов. Япония, в свою очередь, экспортирует в ЮВА промышленные товары, прежде всего, продукцию машиностроения. В работе показано, что начиная с середины 2000-х годов значительно увеличились объёмы ПИИ из Японии в наиболее развитые страны ЮВА. На порядок более скромные торгово-инвестиционные связи

Японии с менее развитыми странами ЮВА (Лаос, Мьянма, Камбоджа) компенсируются предоставлением им официальной помощи развитию (ОПР).

Проводится анализ наиболее актуальных и действенных в XXI веке форматов многостороннего сотрудничества Японии и государств ЮВА.

Ключевые слова: Япония, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, торговля, официальная помощь развитию, инвестиции.

Автор: Мищенко Яна Вадимовна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра японских исследований Института Дальнего Востока РАН; старший преподаватель МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: yanamischenko@gmail.com

Economic ties between Japan and South-East Asia in the 21st century

Ya.V. Mishchenko

Abstract. The article analyzes the current state of economic relations between Japan and the countries of Southeast Asia — trade as the basic and most traditional form of economic cooperation, mutual investment, official development assistance. The changes that occurred in this area in the period from the turn of the 21st century to the present time are considered. The latest statistical data — the basis of the assessment of the current state of economic relations between Japan and Southeast Asian countries — is given.

The analysis made it possible to conclude that Japan in the early 21st century was more turned in the field of foreign trade to the United States, the major economies of North-East Asia, rather than to the countries of South-East Asia, but at the same time, they have a certain, noticeable niche in trade with Japan. Based on the calculations carried out, the key partners of Japan in each of the three main areas of economic cooperation — trade, mutual investment, official development assistance — are identified from among the countries of South-East Asia. It was revealed that the main foreign trade partners of Japan among Southeast Asian countries are Singapore, Malaysia, Thailand, Indonesia — that is, economically more developed countries. ASEAN countries retain in the 21st century the position of significant suppliers of mineral fuel, raw materials, food, seafood to Japan. Japan, in turn, exports to Southeast Asia industrial goods, primarily engineering products. It is shown that since the middle of 2000-s the volume of FDI from Japan in the most developed countries of Southeast Asia has signifi-

cantly increased. Japan's much more modest trade and investment ties with the less developed Southeast Asian countries (Laos, Myanmar, Cambodia) are balanced by official development assistance (ODA).

The analysis of the most relevant and effective in the 21st century formats of multilateral cooperation of Japan and Southeast Asian countries is also conducted.

Keywords: Japan, ASEAN, South East Asia, trade, official development assistance, investment

Author: *Mishchenko Yana V.*, Ph.D. (Economics), Senior Researcher of the Center for Japanese Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; Senior Lecturer of Lomonosov Moscow state University. E-mail: yanamishchenko@gmail.com

Страны Юго-Восточной Азии — давние партнеры Японии по внешнеэкономическим связям. Во второй половине XX в. стороны сыграли важную роль в экономике друг друга: Япония черпала в этих странах недостающие ресурсы, переносила туда производственные базы, чтобы экономить на стоимости рабочей силы, ресурсов и поддерживать международную конкурентоспособность своей продукции. В то же время Япония оказывала странам ЮВА содействие в их экономическом развитии: передавала отработанные технологии, которых еще не было в этих странах, была привлекательным, богатым капиталом партнёром, оказывала разнообразную помощь, в частности официальную помощь развитию. Экономические отношения Японии со странами данного субрегиона в целом носят стабильный и позитивный характер — здесь нет места острой конкуренции, торговым войнам и другим негативным тенденциям. Однако они развиваются не обособленно от остального мира, а на фоне и в канве глобальных и региональных экономических тенденций, взаимосвязей и взаимозависимостей. Рассмотрим, с какими показателями внешнеэкономического сотрудничества Япония и страны ЮВА вступили в новый век и произошли ли за почти две его декады какие-либо существенные изменения в отношениях сторон.

Торговля Японии со странами ЮВА в XXI веке

Вопросы торгового сотрудничества Японии и стран Юго-Восточной Азии уже длительное время находятся в фокусе внимания отечественных и зарубежных учёных и исследователей. Так, В. Амиров в своей статье «Япония и международное экономическое сотруд-

ничество в Восточной Азии», опубликованной в сборнике «Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в.» со ссылкой на данные ОЭСР приводит следующую таблицу, в которой представлены основные внешнеторговые партнеры Японии

Таблица 1. Основные торговые партнеры Японии, 2001 г., %

Экспорт		Импорт	
Страна	Доля	Страна	Доля
США	30,4	США	18,3
КНР	7,7	КНР	16,5
Южная Корея	6,3	Южная Корея	4,9
Тайвань	6	Индонезия	4,3
Гонконг	5,8	Тайвань	4,1
Германия	3,9	Австралия	4,1
Сингапур	3,6	ОАЭ	3,7
Великобритания	3	Малайзия	3,7
Таиланд	2,9	Саудовская Аравия	3,5
Нидерланды	2,8	Германия	3,5
Малайзия	2,7		
Всего (млрд долл.)	403,2		349,2

Источник: Амиров 2003: 177-207.

Как видно из табл. 1, в 2001 г. Сингапур, Таиланд и Малайзия занимали 7, 9 и 11 позиции среди крупнейших торговых партнеров Японии по экспорту с суммарной долей в японском экспорте 9,2 %. В это же время Индонезия и Малайзия входили в число 10 крупнейших торговых партнёров Японии по импорту (суммарная доля в японском импорте — 8 %). Первую, вторую и третью строчки среди основных стран и экспортёров, и импортёров занимали США, КНР и Южная Корея. Таким образом, можно сделать вывод, что Япония в начале XXI века в сфере внешней торговли больше была обращена к США, крупным экономикам Северо-Восточной Азии, нежели к странам Юго-Восточной Азии, но вместе с тем у них была определённая, довольно заметная ниша в торговле с Японией.

Таблица 2. Удельный вес стран ЮВА во внешней торговле Японии, 2010–2017 гг., %

Страна	2010		2015		2017	
	Доля в экспорте Японии	Доля в импорте Японии	Доля в экспорте Японии	Доля в импорте Японии	Доля в экспорте Японии	Доля в импорте Японии
АСЕАН	14,7	14,6	15,2	15,1	15,2	15,3
Сингапур	3,3	1,2	3,2	1,2	3,2	1,3
Таиланд	4,4	3	4,5	3,2	4,2	3,4
Малайзия	2,3	3,3	1,9	3,3	1,8	2,9
Индонезия	2,1	4,1	1,9	3,1	1,9	3
Филиппины	1,4	1,1	1,5	1,4	1,6	1,5
Бруней	0	0,6	0	0,4	0	0,3
Вьетнам	1,1	1,2	2	2,3	2,2	2,8
Лаос	0	0	0	0	0	0
Мьянма	0	0,1	0,2	0,1	0,1	0,2
Камбоджа	0	0	0,1	0,2	0,1	0,2

Составлено по: Japanese Trade and Investment Statistics / JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed: 12.07.2018)

Как показывают данные табл. 2 и 3, в торговле с Японией страны ЮВА относительно непропорционально делятся на группу стран, экономически более развитых или в данное время успешно развивающихся, с которыми у Японии хорошо налажены взаимные торговые связи — Сингапур, Таиланд, Малайзия, Индонезия, Филиппины, Вьетнам, и страны, у которых торговые отношения с Японией развиты гораздо слабее — Лаос, Мьянма, Камбоджа, Бруней (за исключением поставок в Японию энергетического сырья).

Таблица 3. Страны ЮВА во внешней торговле Японии, 2018 г.

Страна	Экспорт		Импорт	
	Объём, тыс. долл.	Доля, %	Объём, тыс. долл.	Доля, %
Всего	737 845 678	100	748 108 538	100
АСЕАН	114 393 567	15,5	112 175 933	15
Сингапур	23 403 482	3,2	9 740 899	1,3
Таиланд	32 249 169	4,4	25 067 547	3,4
Малайзия	13 940 312	1,9	18 924 962	2,5
Индонезия	15 784 266	2,1	21 528 186	2,9
Филиппины	11 259 249	1,5	10 431 198	1,4
Бруней	99 108	>0	2 338 543	0,3
Вьетнам	16 408 226	2,2	21 103 911	2,8
Лаос	133 383	>0	155 799	>0
Мьянма	695 016	0,1	1 279 129	0,2
Камбоджа	421 355	0,1	1 605 760	0,2

Составлено по: Japanese Trade and Investment Statistics / JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed: 18.07.2019)

Таблица 4. Товарная структура торговли Японии со странами ЮВА, 2017 г., млн иен

Структура японского экспорта в страны ЮВА					
	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Сингапур	Вьетнам
Продукция химической промышленности	148 746	155 569	313 122	178 338	175 061
Готовые изделия и полуфабрикаты	378 139	270 339	806 999	148 700	371 155

Продолжение табл. 4.

Структура японского экспорта в страны ЮВА					
	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Сингапур	Вьетнам
Продукция общего машиностроения	387 596	245 327	709 667	344 821	323 960
Электрооборудование	179 685	355 935	666 594	422 246	440 437
Транспортное оборудование	270 133	175 232	349 648	340 160	79 222
Всего	1 502 174	1 431 252	3 300 429	2 540 554	1 688 086
Структура японского импорта из стран ЮВА					
	Индонезия	Малайзия	Таиланд	Филиппины	Вьетнам
Минеральное топливо	745 900	756 500	12 537	1 128	51 641
Сырье	446 211	117 107	107 323	137 600	24 093
Готовые изделия и полуфабрикаты	287 247	175 856	275 081	129 208	254 193
Электрооборудование	170 897	608 525	642 488	399 365	501 862
Продукты питания	117 270	46 078	460 430	120 595	171 219
Всего	2 230 688	2 161 907	2 550 228	1 096 133	2 079 142

Составлено по: Japan Statistical Yearbook 2019. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/1431-06.html> (accessed: 18.07.2019)

Торговля энергоресурсами между Японией и странами Юго-Восточной Азии

По данным на начало 2018 г., Бруней обладает 0,1 % доказанных мировых запасов нефти и столько же природного газа, Индонезия

и Малайзия — по 0,2 % мировых доказанных запасов нефти каждая, а также 1,5 % и 1,4 % мировых доказанных запасов природного газа, Мьянма — 0,6 % мировых запасов природного газа, Вьетнам — 0,3 % мировых доказанных запасов нефти и столько же — природного газа, Таиланд — 0,1 % мировых запасов природного газа [BP Statistical Review 2018: 12-26]. Это богатство ключевыми углеводородными энергоносителями ряда стран ЮВА нашло отражение в развитии их торговых отношений с Японией — они стали важными поставщиками в Японию природного газа в сжиженном виде. Так, в 2017 г. Бруней поставил в Японию 5,1 млрд куб м СПГ, Индонезия — 8,9 млрд куб м СПГ, Малайзия — 20,2 млрд куб м СПГ [BP Statistical Review 2018: 34]. Совокупно на эти три страны Юго-Восточной Азии пришлось 30 % суммарного японского импорта СПГ в 2017 г. Это высокий показатель, свидетельствующий о стратегической важности стран ЮВА в обеспечении Японии природным газом. Он примерно равен доле Австралии в поставках в Японию этого энергоносителя (35 млрд куб. м в 2017 г., или 30,7 %) [BP Statistical Review 2018: 34].

Удельный вес стран ЮВА (а именно, Малайзии, Индонезии, Сингапура, Вьетнама, Таиланда и Филиппин) в снабжении Японии минеральным топливом составляет 10,2 % (данные на начало 2018 г.) [Japan Statistical Yearbook 2019]. Для стран ЮВА Япония тоже является важным импортером их энергоресурсов. Так, в 2016 г. Бруней поставил в Японию 5,5 млрд куб м сжиженного природного газа из экспортированных им 8,3 млрд куб м СПГ, т.е. из общего объёма брунейского экспорта СПГ более 2/3 было направлено в Японию [BP Statistical Review 2017: 34].

Движение капитала между Японией и странами ЮВА: официальная помощь развитию и прямые иностранные инвестиции

Официальная помощь развитию (ОПР) Японии странам ЮВА

Оказывать помощь странам ЮВА Япония начала еще в 1950-е годы. Поначалу японская ОПР в эти страны, а также Китай воспринималась как своего рода завуалированные репарации за японскую агрессию в первой половине XX в. Однако с течением времени характер японской ОПР начал претерпевать изменения.

Если в 2000-е годы Япония свернула ОПР, например, Китаю (кроме сферы экологии), то страны ЮВА и по сей день остаются получателями японской помощи.

По мере развития экономики и международных экономических связей ОПР стала рассматриваться японской стороной как эффективный механизм продвижения экспорта своих товаров и услуг, как особого характера капиталовложения (выдаваемые в ряде случаев на возвратной основе), которые помогут Японии в приоритетном порядке получать доступ к месторождениям полезных ископаемых, концессии на их разработку, послужат облегчению ведения дел японским бизнеса в этих странах и закреплению на их рынках. Наконец, ОПР усиливала восприятие Японией странами региона как богатого капиталами партнёра, который является ответственным глобальным и региональным актором, заинтересованным в экономическом развитии и благополучии своих партнёров.

Важной особенностью современной японской ОПР странам ЮВА становится все большее ее фокусирование на выравнивании уровней социально-экономического развития стран субрегиона в целях ускорения процессов региональной интеграции. Как будет показано ниже, Япония рассматривает интеграционный блок АСЕАН как основу для формирования Восточноазиатского сообщества, в котором она собирается участвовать (наряду с Китаем и Южной Кореей). Япония содействует нивелированию значительной разницы в уровнях социально-экономического развития между странами ЮВА, модернизации их экономик, созданию региональной транспортной и финансовой инфраструктуры и т.д. [Лебедева 2014: 58].

Японская ОПР часто оказывается в форме предоставления средств на возвратной основе. С одной стороны, такой формат помощи может вызывать определённый скепсис со стороны мирового сообщества, порождать сомнения относительно того, смогут ли бедные страны в более или менее обозримой перспективе вернуть полученные средства. С другой стороны, японские менеджеры полагают, что именно понимание необходимости возврата полученных денежных средств может дисциплинировать страны-получатели и способствовать их более рациональному и эффективному использованию [Лебедева 2013: 98].

**Таблица 5. Японская ОПР странам Юго-Восточной Азии
в 2016 г., млн долл.**

Страна	Суммарная ОПР	ОПР в виде грантов	ОПР в виде правительственных займов
Камбоджа	136	109	27
Вьетнам	1166	105	1061
Мьянма	507	308	199
Лаос	59	47	12
Всего (в мире)	7012	5590	1422

Составлено по: Japan Statistical Yearbook 2019. URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/1431-06.html> (accessed: 05.07.2019)

Среди стран ЮВА лидером по получению японской ОПР в последнее время стал Вьетнам (в 2016 г. он получил 16,6 % суммарной японской ОПР, составившей 7 млрд долл.). При этом львиную долю японской ОПР он получает в виде возвратных займов, тогда как Камбоджа, Мьянма и Лаос большую часть японской ОПР пока получают в виде грантов, которые идут непосредственно на цели развития и на оказание технического содействия.

Тот факт, что именно на Вьетнам приходилась в последние годы значительная часть японской ОПР странам ЮВА, также подтверждают и данные о его доле в накопленном объеме помощи.

Так, на конец 2016 г. накопленный объем японской ОПР Вьетнаму составил 2704,8 млрд иен в виде займов, и 150,6 млрд иен в виде грантов; Мьянме — 1012,8 млрд иен в виде займов и 290,4 млрд иен в виде грантов; Камбодже — 116, 8 млрд иен в виде займов и 197,2 млрд иен в виде грантов; Лаосу — 48,4 млрд иен в виде займов и 153 млрд иен в виде грантов [Official Development Assistance 2018].

Данные табл.6 показывают, что со второй половины 2010-х годов значительно увеличились объёмы ПИИ из Японии в страны ЮВА — они стали исчисляться уже не миллионами, а миллиардами долларов в год для каждой из стран Ассоциации. Для сравнения приведём объёмы «входящих» инвестиций в Японию из стран ЮВА.

*Прямые японские инвестиции***Таблица 6. Прямые иностранные инвестиции Японии
в страны ЮВА 1995–2018 гг., млн долл.**

Страна	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018
Сингапур	676	–1521	557	3845	7010	9478	15 909
Таиланд	935	593	2125	2248	4057	4917	6582
Индонезия	946	585	1185	490	3213	3622	3255
Малайзия	371	–4	524	1058	2918	909	770
Филиппины	1061	510	442	514	1531	1098	989
Вьетнам	–	39	153	748	1446	2014	1841

Составлено по: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment / JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (accessed: 05.07.2019)

**Таблица 7. Прямые иностранные инвестиции из стран ЮВА
в Японию 1995–2018 гг., млн долл.**

Страна	1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018
Сингапур	4	83	598	1575	1893	3216	–296
Таиланд	1	–15	–6	9	335	–444	1211
Индонезия	–3	1	0	43	84	194	35
Малайзия	6	3	0	184	–1	–19	87
Филиппины	–1	6	1	–1	16	25	33

Составлено по: Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment / JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (accessed: 05.07.2019)

Данные табл. 6, 7 и 8 показывают, что за исключением Сингапура в этой сфере сотрудничества между сторонами наблюдается устойчивый дисбаланс.

Таблица 8. Накопленные ПИИ Японии в странах ЮВА и стран ЮВА в Японии (1996 г. — конец 2017 г., млн долл.)

Страна	Входящие японские ПИИ	Исходящие ПИИ в Японию
Сингапур	63097	22566
Таиланд	63383	2000
Индонезия	30507	333
Малайзия	14528	731
Филиппины	15056	121
Вьетнам	15648	6

Источник: FDI Stock / JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (accessed: 21.07.2018)

Япония также инвестирует, но в меньших объёмах, и в другие, менее развитые страны ЮВА. В последние годы возросли объёмы японских капиталовложений в экономику Мьянмы: в 2017 г. они достигли рекордных показателей — 1,48 млрд долл. После смены в 2011 г. в Мьянме формы правления с военной на гражданскую Япония стала 4-м крупнейшим инвестором в экономику страны (после Сингапура, Китая и Нидерландов). Ранее японские инвестиции в Мьянму колебались вокруг более скромных отметок: 252 млн долл. в 2012 г., 55 млн долл. в 2013 г., 590 млн долл. в 2015 г., 280 млн долл. в 2016 г. Возрастание инвестиционных потоков связано с конкретными проектами сотрудничества: проектом стоимостью 333 млн долл. по строительству недвижимости в Янгоне, коммерческой столице страны, которым занимается японская строительная корпорация Fujita, и проектом частно-государственного партнёрства, основным субподрядчиком в котором выступает японская корпорация Kajima и который оценивается в 400 млн долл. Кроме того, корпорация JFE Steel совместно с партнёрами из Мьянмы в сфере стальной промышленности (Meranti Myanmar Co.) приступили к строительству завода в специальной экономической зоне Тилава [The Japan Times, 29.05.2018].

В последние годы нарастают объёмы японских инвестиций в Камбоджу. В 2015 г. Япония была 3-м крупнейшим инвестором в

экономику Камбоджи после Китая и Южной Кореи. В стране действовало уже 250 японских компаний, тогда как в 2010 г. — только 19 [The Japan Times, 23.08.2016]. Японские инвестиции в Камбодже направляются в такие сферы, как торговля, туризм, консалтинг, услуги в области недвижимости, сельское хозяйство и строительство. Помимо этого, японская сторона содействует финансированию строительства в Камбодже дорог, мостов, школ и больниц.

Экономический рост в Лаосе стал фактором привлечения внимания японских инвесторов, которые ныне рассматривают данную страну как перспективную и прибыльную производственную базу. Политическая нестабильность в Таиланде, а также наводнения заставили японских инвесторов задуматься о перемещении значительной части производственных баз из Таиланда, в частности в Лаос [Global Times, 12.02.2014]. Если эти планы будут реализованы, в страну может быть направлен значительный объём японских инвестиций. Стабильная политическая ситуация, развитие инфраструктуры, совершенствование законодательства наряду с дешёвой рабочей силой являются важными стимулами для активизации сотрудничества. Японские инвесторы намерены вкладывать средства в промышленность, сферу услуг, сельское и лесное хозяйство. В 2009 г. в стране реализовывалось 27 японских инвестиционных проектов, в 2013 г. — уже 60. [Global Times, 12.02.2014].

Впрочем, относительно скромные объёмы японских инвестиций в Мьянму, Лаос, Камбоджу несколько компенсируются направлением туда японской официальной помощи развитию.

Форматы многостороннего экономического сотрудничества

Многостороннее экономическое сотрудничество Японии и стран ЮВА развивается весьма активно на уровне различных *межгосударственных инициатив*. В основном оно осуществляется в различных диалоговых форматах с интеграционным объединением АСЕАН: «АСЕАН+1», «АСЕАН+3», «АСЕАН+6». Также Япония и некоторые страны ЮВА участвуют в крупных многосторонних проектах Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и Транстихоокеанского партнёрства (ТТП).

«АСЕАН+3» — один из первых современных форматов многостороннего сотрудничества, в котором представлены страны АСЕАН

и Японии. Он был институционализирован в 1999 г., когда на 3-м его саммите лидеры стран-участников подписали Совместное заявление о сотрудничестве в Восточной Азии [Overview of ASEAN plus three: 07.2018]. Однако начало ему было положено в 1997 г., когда разразился азиатский экономический кризис и Япония сыграла позитивную роль в содействии смягчению кризиса, выступив в качестве страны-донора помощи пострадавшим государствам. Этот вклад Японии в развитие восточноазиатского сотрудничества способствовал дальнейшему формированию пространства регионального сотрудничества в Восточной Азии. Распространение кризиса с Таиланда на Индонезию, Южную Корею, Филиппины, Малайзию еще больше подчеркнуло взаимозависимость экономик стран Восточной Азии. Глава МИД Филиппин Д. Сиазон заявил, что «благодаря экономическому кризису руководители стран Восточной Азии стали испытывать большой интерес к институционализации системы встреч на высшем уровне в формате «АСЕАН плюс три» [Тэрада 2009: 141].

На 11-м саммите «АСЕАН плюс три» в Сингапуре в 2007 г. было принято второе совместное заявление стран-участников по сотрудничеству в Восточной Азии («Построение основ сотрудничества «АСЕАН плюс три»). Документ подчеркивал, что именно данный формат станет основным механизмом создания Восточноазиатского сообщества. Таким образом, деятельность формата «АСЕАН плюс три» скорее может быть расценена как проявление тенденции *регионализма*, нежели как непосредственно экономической интеграции. В этом формате подчеркивалось понятие региона на основе региональной организации, региона, для которого первостепенной является задача достижения общих интересов и элементы проведения общей политики; региона, в котором проводится четкое разграничение между входящими и не входящими в него странами. Примечательно, что в период экономического кризиса 1997 г. США не участвовали в оказании экстренной помощи Таиланду и не помогали Индонезии, тогда как Япония выделила Южной Корее, Таиланду и Индонезии 44 млрд долл помощи, впоследствии добавив еще 30 млрд долл. [Тэрада 2009: 141].

Впрочем, до 1999–2000-х годов Япония все же проявляла больший интерес к более узкому диалоговому формату сотрудничества — «АСЕАН +1». Это объясняется, вероятно, тем, что

именно формат «АСЕАН+1» оказался способен показать реальные результаты — создание зоны свободной торговли между Японией и странами АСЕАН с постепенным снижением и в перспективе ликвидацией торговых пошлин между странами. Остальные, более широкие форматы взаимодействия со странами АСЕАН при участии Японии требовали согласования позиций и интересов еще большего количества стран-участников, а потому результаты их претворения в жизнь проявлялись значительно медленнее. Так или иначе, только на манильской встрече 1999 г., когда министр иностранных дел Японии К. Обути представил «План подготовки кадров Восточной Азии и усиления обмена» («План Обути»), и в 2000 г., когда японский премьер-министр Ё.Мори предложил три принципа развития восточноазиатского сотрудничества (построение партнёрства, открытое региональное сотрудничество, диалог и взаимодействие по широкому спектру вопросов, в том числе политики и обеспечения безопасности), а также предложил проводить в рамках «АСЕАН+3» встречи глав МИД стран-участников стало очевидно намерение Японии более активно задействовать формат «АСЕАН+3». Таким образом, на рубеже XX—XXI вв. Япония выказала готовность своё сотрудничество с АСЕАН развивать в форме не закрытого, а более открытого регионализма — двустороннее взаимодействие Токио с блоком АСЕАН перевести в формат многостороннего, с более активным привлечением к диалогу Пекина и Сеула как значимых региональных игроков.

Впоследствии деятельность «АСЕАН+3» была нацелена на создание зоны свободной торговли Восточной Азии и Восточноазиатского саммита как средне- или долгосрочного ориентира. Экономическая интеграция региона Восточной Азии была еще одной сферой общих интересов стран — участников формата «АСЕАН+3». Двигаться к достижению этой цели стороны стали посредством развития системы двусторонних соглашений о свободной торговле («АСЕАН+1»). Особенно активно такие соглашения с партнёрами заключали Япония и Китай. АСЕАН в период 2004–2010 гг. заключил ряд региональных торговых соглашений о зоне свободной торговли с основными своими торговыми партнёрами по Восточноазиатскому саммиту: Китаем, Южной Кореей, Японией, Индией, Австралией и Новой Зеландией. Соглашение о создании

ЗСТ с Японией было достигнуто в 2008 г. (Соглашение о всестороннем экономическом партнёрстве). По данному документу, ликвидировать торговые пошлины между Японией и АСЕАН планируется в 2026 г., тогда как по аналогичному соглашению с Китаем и Южной Кореей — в 2012 г., с Индией — в 2019 г., с Австралией и Новой Зеландией — в 2020 г. [Костюнина 2017: 442–443]. Таким образом, можно говорить о том, что создание зон свободной торговли с участием АСЕАН и ряда стран Азиатско-Тихоокеанского региона, в том числе ЗСТ на двусторонней основе с Японией (формат «АСЕАН+1») — это устойчивая тенденция развития международных и региональных экономических отношений в XXI веке

Формула «АСЕАН плюс один», ставшая полноценным интеграционным форматом для Японии и АСЕАН, начала реализовываться с заключения в 2002 г. Соглашения о зоне свободной торговли с Сингапуром [Арапова 2016: 93]. Интерес стран к таким соглашениям объяснялся тем, что если бы впоследствии удалось свести воедино все заключенные двусторонние и внутрирегиональные соглашения о свободной торговле (Китай — АСЕАН, Южная Корея — АСЕАН и т.д.), то это открыло бы путь к объединению всего восточноазиатского рынка. В 2003 г. эти планы активно обсуждались на саммите «АСЕАН+3» на о. Бали. Именно тогда Китай предложил изучить вопрос о возможности создания восточноазиатской зоны свободной торговли, а Сингапур выступил с идеей для этой цели заключить между Японией и Китаем соглашение о свободной торговле.

В настоящее время действует рабочий план по сотрудничеству в формате «АСЕАН плюс три» на 2018–2022 г., принятый 7 августа 2017 г. [Overview of ASEAN plus three: 07.2018] Он нацелен на реализацию амбициозной задачи — создания Восточноазиатского экономического сообщества уже к 2020 г. [ASEAN Plus three cooperation, 07.08.2017]. Предыдущий аналогичный План (2007–2017 гг.) ставил целью обеспечение развития всеобъемлющего и взаимовыгодного партнерства между участниками и еще более усилил восприятие «АСЕАН +3» как важного двигателя восточноазиатского регионализма.

Формат «АСЕАН+6» (Япония, Китай, Республика Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия) существует, по сути, с 2005 г.,

когда именно в таком составе стали проводиться Восточноазиатские саммиты. На 5-м саммите в 2010 г. было оформлено присоединение к нему России и США. Таким образом, формат «АСЕАН+6» довольно скоро перерос в «АСЕАН+8». Первый саммит такого формата состоялся в 2011 г. на о. Бали [Ассоциация государств Юго-Восточной Азии]. Иными словами, как только к механизму внутрирегионального восточноазиатского совещания присоединились государства Азиатско-Тихоокеанского региона — Индия (Южная Азия), Австралия и Новая Зеландия (Океания), стала очевидной целесообразность включить в этот формат, уже вышедший за пределы Восточной Азии и перешагнувший рамки регионализма, другие важнейшие государства АТР — США и Россию.

Таким образом, при сохранении регионального восточноазиатского формата диалога «АСЕАН плюс 3», постепенно в конце первой — начале второй декады XXI века вокруг АСЕАН и при участии Японии сформировался более широкий механизм диалогового сотрудничества, что свидетельствует об усилении тенденции к мультилатерализму. Обе эти тенденции нашли отражение в двух крупных проектах масштабного экономического сотрудничества, которые сейчас развиваются в АТР. Формат «АСЕАН+6» стал базой для формирования проекта Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (ВРЭП), ядро которого — АСЕАН, движущая сила — Китай, и в котором участвуют Япония, Южная Корея, Индия, Австралия, Новая Зеландия, т.е. 6 государств, с которыми у АСЕАН подписаны соглашения о свободной торговле.

США стали лидером другого мегапроекта многостороннего экономического сотрудничества в АТР — Транстихоокеанского партнерства. В этом проекте также ярко проявилось усиление тенденции мультилатерализма, которая оказалась настолько сильна, что даже выход США из ТТП в 2017 г. и их отсутствие там до сих пор не смогли аннулировать и заморозить этот проект. В начале 2018 г. остальные 11 стран ТТП, в число которых из АСЕАН входят Бруней, Вьетнам, Малайзия, Сингапур, в условиях взятого Японией на себя фактического лидерства в этом проекте, подписали обновлённое соглашение о создании Всеобъемлющего прогрессивного Транстихоокеанского партнерства.

Заключение

Рассмотрение торгово-экономических связей Японии и стран Юго-Восточной Азии, их двусторонних и многосторонних форматов в XXI веке позволило выявить следующие тенденции. Торговля между Японией и этими странами носит относительно сбалансированный характер, однако более динамично развиваются торговые отношения Японии с экономически более развитыми или успешно развивающимися государствами ЮВА. Основные торговые партнёры Японии по Ассоциации — это Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины, Таиланд, Вьетнам, тогда как торговля с Брунеем (за исключением поставок энергоресурсов), Лаосом, Мьянмой и Камбоджей развита заметно слабее и характеризуется значительно меньшими количественными показателями. Страны ЮВА являются важными поставщиками в Японию энергоресурсов (особенно сжиженного природного газа), сырья и продуктов питания, тогда как Япония специализируется на поставках в эти страны в основном электрооборудования, продукции общего машиностроения, транспортного машиностроения и т.д. В целом торговля Японии и стран ЮВА в первые две декады XXI века развивалась динамично, без масштабных торговых дефицитов и угрозы возникновения «торговых войн».

В последние десятилетия зафиксирована тенденция увеличения притока японских инвестиций в страны ЮВА: если раньше они исчислялись сотнями миллионов долларов, то после 2005 г. стали выходить на миллиардные показатели. Основные реципиенты японских ПИИ — Индонезия, Малайзия, Филиппины, Сингапур, Вьетнам, Таиланд. Также активизировались японские инвестиции в менее развитые страны субрегиона — Лаос, Мьянму и Камбоджу.

В XXI веке наметилась тенденция сокращения японской официальной помощи развитию. Среди стран ЮВА основными получателями ОПР сейчас являются Вьетнам, Камбоджа, Лаос и Мьянма. В частности, масштабное содействие развитию Вьетнама отражает скрытый коммерческий характер японской ОПР — японская сторона готова предоставлять Вьетнаму правительственные займы, чтобы получать там контракты и закрепляться в различных нишах динамично развивающегося вьетнамского рынка, проявляя при этом особый интерес к вьетнамскому ТЭК.

Что касается многосторонних форматов сотрудничества Японии и стран ЮВА, то они осуществляются одновременно по нескольким каналам. Прежде всего, это каналы диалогового сотрудничества Япония — АСЕАН: «АСЕАН плюс один», т.е. непосредственное взаимодействие Японии и 10 стран ЮВА, входящих в Ассоциацию; это более широкий формат восточноазиатского диалогового сотрудничества «АСЕАН плюс три», с привлечением Китая и Южной Кореи; наконец, это межрегиональный формат «АСЕАН плюс шесть», в котором участвуют государства разных регионов макро-региона АТР.

Апогеем развития многосторонних форматов экономического сотрудничества с участием Японии и стран ЮВА стали две крупнейшие региональные инициативы: проект Транстихоокеанского партнёрства и проект Всеобъемлющего регионального экономического партнерства. В обоих проектах участвует Япония и страны ЮВА — во ВРЭП в полном составе АСЕАН, в ТТП — отдельные страны субрегиона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Амиров В. Япония и международное экономическое сотрудничество в Восточной Азии // Япония: экономика, политика, общество на заре XXI в. М., 2003. С. 177–207.

Арапова Е.Я. Экономическая интеграция в Восточноазиатском регионе. Ретроспективный анализ и будущие возможности. М.: Проспект, 2016, 208 с.

Ассоциация государств Юго-Восточной Азии // Центр АСЕАН при МГИМО МИД России, URL: <http://asean.mgimo.ru/ru/asean-c/11-rus/informatsiya/113-assotsiatsiya-gosudarstv-yugo-vostochnoj-azii> (дата обращения: 01.10.2018).

Ковригин Е.Б. Япония — АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная экономика. №2. 2014. URL: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economimics/2_2014/SE.2014.2.040-074.Kovrigin.pdf (дата обращения: 07.08.2018).

Лебедева И.П. Роль Японии в экономическом развитии стран АСЕАН // Япония в Азии: состояние и перспективы региональных связей. М.: ИВ РАН, 2014. С. 56-66.

Лебедева И.П. Роль Японии в экономическом развитии стран Восточной Азии // *Япония в Азии: параметры сотрудничества.* М.: 2013. С. 96–120.

Тэрада Такаси. Восточноазиатский регионализм и Япония: формирования понятий региона и инициативы по их закреплению // *Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе: политические, экономические и социально-культурные аспекты.* М., 2009. С. 134–159.

ASEAN Plus Three Cooperation Work Plan 2018-2022 // ASEAN. 07.08.2017. URL: <https://asean.org/asean-plus-three-cooperation-work-plan-2018-2022/> (дата обращения: 26.09.2018).

BP Statistical Review of World Energy 2017 // BP Global. 2017. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf> (дата обращения: 05.07.2018).

BP Statistical Review of World Energy 2018 // BP Global. 2018. P. 34. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf> (дата обращения: 17.02.2018).

FDI Stock // JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (дата обращения: 21.07.2018).

Foreign Trade 2006. Japan Foreign Trade Council. Japan, 121 p.

Japan Statistical Yearbook 2018 // Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications, Japan. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/index.html> (дата обращения: 11.07.2018).

Japan Statistical Yearbook 2019 // Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications, Japan. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/index.html> (дата обращения: 17.02.2019).

Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment // JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (дата обращения: 21.07.2018).

Japanese investment in Cambodia rises, but weak infrastructure a problem // The Japan Times. 23.08.2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/08/23/business/japanese-investment-in-cambodia-rises-but-weak-infrastructure-a-problem/> (дата обращения: 27.07.2018).

Japanese investment in Laos flourishes // Global Times. 12.02.2014. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/842043.shtml> (дата обращения: 27.07.2018).

Japanese investment in Myanmar soars to all-time high // The Japan Times. 29.05.2018. URL:

<https://www.japantimes.co.jp/news/2018/05/29/business/japanese-investment-myanmar-soars-time-high/> (дата обращения: 22.07.2018).

Japanese Trade and Investment Statistics // JETRO. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (дата обращения: 12.07.2018).

Official Development Assistance // Ministry of Foreign Affairs of Japan, 27.06.2018. URL:

<https://www.mofa.go.jp/policy/oda/data/index.html> (дата обращения: 18.07.2019).

Overview of ASEAN Plus Three Cooperation // ASEAN Secretariat Information Paper, 07.2018. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/01/Overview-of-APT-Cooperation-Jul-2018.pdf> (дата обращения: 26.09.2018).

References

Amirov V. (2003). *Yaponiya i mezhdunarodnoe ekonomicheskoe sotrudnichestvo v Vostochnoj Azii* [Japan and international economic cooperation in East Asia], *Yaponiya: ekonomika, politika, obshestvo na zare XXI veka*, Moscow: 177-207. (In Russian).

Arapova E.Y. (2016). *Economicheskaya integraciya v Vostochnoaziatskom regione. Retrospektivnii analiz I budushie vozmozhnosti* [Economic integration in the East Asian region. Retrospective analysis and future opportunities], Moscow: Prospect. (In Russian).

ASEAN Plus Three Cooperation Work Plan 2018–2022, *ASEAN*, 07.08.2017. URL: <https://asean.org/asean-plus-three-cooperation-work-plan-2018-2022/> (accessed: 26 September 2018).

Associaciya gosudarstv Yugo-Vostochnoj Azii, *MGIMO*. URL: <http://asean.mgimo.ru/ru/asean-c/11-rus/informatsiya/113-assotsiatsiya-gosudarstv-yugo-vostochnoj-azii> (accessed: 1 October 2018). (In Russian).

BP Statistical Review of World Energy 2017, *BP Global*. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/en/corporate/pdf/energy-economics/statistical-review-2017/bp-statistical-review-of-world-energy-2017-full-report.pdf> (accessed: 5 July 2018).

BP Statistical Review of World Energy 2018, *BP Global*. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corpo>

rate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2018-full-report.pdf (accessed: 17 February 2018).

FDI Stock, *JETRO*. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (accessed: 21 July 2018).

Japan Foreign Trade Council (2006). Japan, 121 p.

Japan Statistical Yearbook 2018, *Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications*, Japan. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/67nenkan/index.html> (accessed: 11 July 2018).

Japan Statistical Yearbook 2019, *Statistics Bureau, Ministry of Internal Affairs and Communications*, Japan. URL: <http://www.stat.go.jp/english/data/nenkan/68nenkan/index.html> (accessed: 17 February 2019).

Japan's Outward and Inward Foreign Direct Investment, *JETRO*. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics/> (accessed: 21 July 2018).

Japanese investment in Cambodia rises, but weak infrastructure a problem, *The Japan Times*, 23 August 2016. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2016/08/23/business/japanese-investment-in-cambodia-rises-but-weak-infrastructure-a-problem> (accessed: 27 July 2018).

Japanese investment in Laos flourishes, *Global Times*, 12 February 2014. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/842043.shtml> (accessed: 27 July 2018).

Japanese investment in Myanmar soars to all-time high, *The Japan Times*, 29 May 2018. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/05/29/business/japanese-investment-myanmar-soars-time-high/> (accessed: 22 July 2018).

Japanese Trade and Investment Statistics, *JETRO*. URL: <https://www.jetro.go.jp/en/reports/statistics.html> (accessed: 12 July 2018).

Kovrigin E.B. (2014). Yaponiya — ASEAN: evoluciya oficialnoj pomoshi razvitiyu [Japan — ASEAN: evolution of official development assistance], *Prostranstvennaya ekonomika*, №2. URL: http://spatial-economics.com/eng/images/spatial-economics/2_2014/SE.2014.2.040-074.Kovrigin.pdf (accessed: 07 August 2018). (In Russian).

Lebedeva I.P. (2013). Rol Yaponii v ekonomicheskom razvitii stran Vostochnoi Azii [Japan's role in East Asian countries' economic development], *Yaponiya v Azii: parametri sotrudnichestva*, Moscow: 96-120. (In Russian).

Lebedeva I.P. (2014). Rol Yaponii v elonomicheskom razvitii stran ASEAN [Japan's role in the ASEAN countries' economic development], *Yaponia v Azii: sostoyanie i perspektivi regionalnih svyazei*, Moscow: 56–66. (In Russian).

Official Development Assistance, *Ministry of Foreign Affairs of Japan*, 27 June 2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/policy/oda/data/index.html> (accessed: 18 July 2019).

Overview of ASEAN Plus Three Cooperation, *ASEAN Secretariat Information Paper*, 07.2018. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2016/01/Overview-of-APT-Cooperation-Jul-2018.pdf> (accessed: 26 September 2018).

Terada Takashi. (2009). Vostochnoaziatskiji regionalism i Yaponiya: formirovanie ponyatii i iniciativi po ih zakrepleniyu [East Asian regionalism and Japan: formation of concepts of the region and initiatives for their consolidation], *Yaponiya v Aziatsko-Tihookeanskom regione: politicheskie, ekonomicheskie i socialno-kulturnie aspekti*, Moscow: 134–159. (In Russian).

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 155–174.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 155–174.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10007

Посольство из Корё в Японию 1366–1367 гг.

Е.Б. Сахарова

Аннотация. Статья посвящена посольству из корейского государства Корё, прибывшему в Японию в 1366 г. с требованием усмирить японских пиратов, терроризировавших южное побережье Корейского полуострова. История данного посольства, пришедшегося на переходный и турбулентный для всего дальневосточного региона период, ярко иллюстрирует процесс поисков и выработки новых идеологических моделей как в корейской, так и в японской политической культуре. Помимо изложения запутанных, порою почти детективных подробностей этого посольства и обзора основных японских и корейских источников, статья включает перевод трёх документов корейских послов, копии которых сохранились в Японии.

Ключевые слова: Исии Масатоси, японо-корейские отношения, Корё, эпоха Муромати, династия Юань, вако:, «Икоку тё:дзё: ки».

Автор: Сахарова Евгения Борисовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, Институт классического востока и античности ВШЭ. E-mail: saharovae@gmail.com

Mission from Koryō to Japan, 1366–1367

E.B. Sakharova

Abstract. In 1366 a mission from Korean state Koryō arrived in Japan. The main aim was to demand to pacify the pirates-wakō terrorizing the southern coast of the Korean Peninsula. The paper focuses on the complicated, sometimes almost detective, circumstances of this mission and includes translation of the three Korean mission documents, copies of which preserved in Japan.

Keywords: Isii Masatoshi, Japanese-Korean relations, Koryō, Muromachi period, wakō, “Ikoku chyōjō ki”.

Author: Sakharova Evgeniya B., Ph.D. (History), Senior researcher, Institute for Oriental and Classical Studies of National Research University “Higher School of Economics” (HSE). E-mail: esakharova@hse.ru

В 1366 г. в провинцию Идзумо прибыло посольство из Корё¹. Для дальневосточного региона это время приходится на переходный период, сопровождавшийся политической нестабильностью. В Китае с 1351 г. развернулось антиюаньское движение («восстание красных повязок»); правившему в это время монгольскому императору Тогон-Тэмур (1333–1368) было суждено стать последним императором некогда могущественной империи Юань (1271–1368). Уже в 1368 г. китайские войска войдут в столицу Ханбалык, и династия Юань падёт. Затем последовал период военного противостояния между новой китайской династией Мин и остатками Юань. Государство Корё, бывшее вассалом Юань, также оказалось вовлечено в это противостояние.

Для Японии это тоже время раскола — период Северного и Южного дворов (1336–1392). В 1361 г. сын императора Годайго (1288–1339), принц Канэси (?–1383), захватил Дадзайфу на Кюсю и основал здесь свою ставку, т.е. бакуфу в это время фактически не контролирует Кюсю.

Политический раскол способствовал всплеску активности пиратов. В корейских источниках сообщения о нападении японцев на прибрежные районы Корейского полуострова фиксируются с середины XIII века, но устойчивые представления о «вако:» (倭寇, букв. «японские разбойники») и регулярное применение самого термина относятся ко времени после 1350 г. В 1350 г. летопись «Корё са» («История Корё», 1451 г.) фиксирует нападение японцев на 300 кораблях и отмечает, что «с этого времени начались нападения вако:». Такое же сообщение есть и в «Корё са чёрё» («Извлечения из истории Корё», 1452 г.). В том же году в «Корё са» еще четырежды сообщается о нападении японских разбойников. Далее нападения фиксируются ежегодно. Лишь на два года правления Конмин-вана

¹ Корё — государство на Корейском полуострове, просуществовавшее с 918 по 1392 г.

(прав. 1352–1374), при котором было отправлено рассматриваемое посольство, не приходится сообщений о нападениях вако:. Главной целью пиратов было продовольствие, нападали на корабли с рисом и на склады.

В 1352, 1357, 1358 и 1360 г. вако: доходили до окрестностей корейской столицы Кэгён (совр. г. Кэсон) [Танака 1997, с. 4]². Южное побережье Корейского полуострова буквально изнывало под натиском пиратов, многие деревни были заброшены, так как крестьяне бежали от опустошительных набегов. Между тем корейская экономика так и не восстановилась в полной мере после монгольских нашествий второй трети XIII в. (за период с 1231 по 1259 г. монголы семь раз вторгались на территорию Корё). А во второй половине XIV в. (в период с 1359 по 1362 г.) обширные районы северной и центральной Кореи были опустошены восставшими против Юань «красными повязками». Южные районы страны, пострадавшие от монголов в меньшей степени, нежели северные и центральные, были житницей страны [Duncan 2000, pp. 182–183].

Таким образом, отправка посольства³ в Японию была вызвана критической ситуацией — государство Корё, вступившее в полосу политического и экономического кризиса, не справлялось с задачей обуздания пиратов.

Подробное исследование данного посольства, включающее воспроизведение и анализ всех основных источников, а также историографию и обсуждение многочисленных спорных вопросов, принадлежит Исии Масатоси (1947–2015)⁴.

Источники

Копии документов, привезённых корёскими послами, сохранились среди документации буддийского храма Дайгодзи в числе документов молельни Хо:онъин (Хо:онъин-мондзё). Это копии трёх документов: два послы привезли с собой, один был составлен, видимо по запросу японской стороны, уже в Японии. Имеющиеся в копиях

² Подробнее о вако:, в том числе об их этническом составе, см. [Танака 1997; Мураи 1991; Shapinsky 2014].

³ Термины «посольство» и «послы» (使) отсутствуют в «Корё са», где приводятся лишь военные должности отправленных в Японию чиновников.

⁴ Исследование впервые вышло в виде журнальной публикации в 2010 г. и вошло в третий том четырехтомного посмертного издания трудов ученого [Исии 2017].

документов лакуны в основном восстанавливаются по упоминаниям и цитатам в японских источниках или по контексту. Записи об отправке и итогах посольства имеются в корейской летописи «Корё са» («История Корё», 1451 г.).

Помимо копий трёх документов корёских послов и сообщений «Корё са», сведения об этом посольстве имеются в следующих японских источниках.

Фрагмент о прибывших ко двору корёсцах содержится в 39-м свитке «**Тайхэйки**» («Повесть о великом мире») — произведение в жанре «гунки», охватывает период с 1318 по 1367 г.

Дневники придворных сановников — «**Моромори ки**» (師守記), написан Накахара Моромори (занимал в Дадзёкан должность младшего секретаря, 少外記 сё:гэки, даты жизни неизвестны), с перерывами охватывает 1339–1374 гг., и «**Го-гумай ки**» (後愚昧記), дневник Сандзё: Кинтада (1324–1383, дослужился до должности внутреннего министра, 内大臣 найдайзин), с перерывами охватывает период с 1361 г. до смерти автора.

Краткие сведения о посольстве приводятся в «**Дзэнрин кокухо:ки**» (善隣国宝記) («Записи о драгоценных для страны добрососедских отношениях», 1470 г.; далее **ДК**), сборнике дипломатической переписки за период с древности до 1475 г.

Важные сведения о посольстве содержатся также в «**Икоку тё:дзё: ки**» (異国牒状記) («Записи официальных посланий чужеземных стран», 1367 г.; далее **ИТК**). Об этом источнике подробнее будет сказано ниже, т.к. его составление и содержание напрямую связано с рассматриваемым посольством.

Все перечисленные выше сведения японских и корейских источников о посольстве опубликованы в 6-м томе «Дай Нихон сирё:» («Исторические материалы Великой Японии») [Дай Нихон сирё: 1908].

Документы посольства из Корё

Первые два документа, привезённые корёскими послами, очень похожи и частично совпадают: оба содержат сетования на участвовавшие нападения пиратов и чинимый ими ущерб. Но первый (далее — **документ 1**) представляет собой **распоряжение** (詔) отправить чиновников с официальным письмом в Японию с требованием пре-

сечь деятельность пиратов (賊). Второй же (далее — документ 2) — это собственно **официальное письмо** (咨).

Третий документ (далее — документ 3)⁵, по крайней мере, частично был написан уже в Японии и содержит: списки прибывших членов посольства, перечисление даров императору и сёгуну, отчёт о передвижениях посольства по прибытии к берегам Японии вплоть до вступления в столицу, а также разъяснение относительно употреблённого в документах 1–2 титула «хуан-ди».

Прибытие в Японию

Согласно «Тайхэйки», в 1366 г. (Дзё:дзи, 5–9–23) в провинцию Идзумо прибыло посольство из корейского государства Корё во главе с послом по имени Ким Рён. Но в Киото 17 членов посольства во главе с Ким Рёном добрались лишь во 2-й луне следующего года. Чуть позже в столицу с Кюсю прибыл ещё один посол из Корё — Ким Иль более чем с тремя десятками спутников⁶, согласно ДК, бывший глава ведомства ритуалов [Дзэнрин кокухо:ки 2008, с. 97–99]. По ДК, это случилось в том же 2-м месяце, в 27-й день. В записи «Корё са» об отправке посольства с целью потребовать усмирить пиратов (海賊) упомянут лишь Ким Иль. Сказано, что временно исполняющий обязанности заместителя командующего корпусом⁷ Ким Иль отправлен в Японию, чтобы потребовать пресечь деятельность пиратов (Корё са, Конмин, 15–11–14, 1366 г.) [Дайнихон сирё: 1908, с. 826]. При этом получается, что Ким Иль был отправлен в Японию всего через несколько месяцев после прибытия на архипелаг Ким Рёна и иже с ним. В конце документа 1 (распоряжение) сказано, что посланы темник Ким Иль и тысяцкий Ким Рён, в этом же документе говорится о предоставлении им одного корабля. Почему послы, из которых старшим по рангу и должности был именно Ким Иль, добирались отдельно и разными маршрутами, не ясно, но в

⁵ В нумерации этих документов я следую за Исии Масатоси [Исии 2017].

⁶ Запись имени этого посла в японских источниках встречается в двух вариантах 金一 и 金乙. В корейских источниках также зафиксированы два (других!) варианта имени: 金逸 («Корё са») и 金凡貴 (Документ 1, перевод приведён ниже). В японской историографии принято все эти варианты считать записью имени одного человека, что объясняется фонетической близостью иероглифов и (или) скорописными вариантами их написания [Исии 2017, с. 394].

⁷ 檢校中郎将, кор. комгё чуннанчан.

результате обязанности главного посла взял на себя Ким Рён, который и привёз документы, включая официальное послание. Ведущая роль Ким Рёна нашла отражение и в «Корё са»: в жизнеописании монаха Синдона (?–1371) говорится о том, что Ким Рён доложил о результатах своего посольства [Дайнихон сирё: 1908, с. 826]. Известно, что из Японии в Корё оба посла возвращались вместе («Моромори ки», Дзё:дзи, 6–6–26) [Исии 2017, с. 355].

В документе 3 зафиксированы передвижения посольства во главе с Ким Рёном в Японии. В этой части есть лакуны, однако последовательность топонимов такова: сначала ветром корабль прибило к Кидзуки (Идзумо, район совр. г.Идзумо на побережье Японского моря), затем прибыли в провинцию Оки (т.е. на остров Оки), оттуда переплыли в провинцию Хо:ки (западная часть современной префектуры Тоттори), куда прибыли в 16-й день 12-й луны. Из-за обилия снега в горах в 1-ю луну были вынуждены оставаться в Хо:ки. Наконец, во 2-й луне (почти через полгода по прибытии в Японию!) прибыли в столицу. Такие странные передвижения корейского посольства объясняются благодаря сведениям «Тайхэики» и «Го-гумаи ки» [Тайхэики 1962, т.3, сс. 450–451; Дайнихон сирё: 1908, с. 819–820, 824–825]. В этих источниках сказано, что в Идзумо послов ограбили разбойники, отобрав у них привезенные дары. Так что впоследствии послы смогли представить лишь их список. Сам список примечателен тем, что в нём перечислены подарки и для императора Японии, и для сёгуна.

Сведения об ограблении посольства подтверждает и ИТК, где о возникшей щекотливой ситуации сказано следующее:

«Дары, по-видимому, уже утрачены. Но даже если бы они и были, всё равно следовало бы распорядиться вернуть их, поскольку в тех случаях, когда не даётся официального ответа, дары принято возвращать. Даже при отсутствии даров, [следует сообщить] о невозможности их вернуть» [Исии 2009, с. 7, 14; Исии 2017, с. 383–384].

Документы 1–2

Оба документа начинаются одинаково: «По высочайшему повелению императора (皇帝) от Ведомства по Покорению Востока». Ведомство по Покорению Востока (征東行中書省, кор. Чондонхэн Чунсосон) было учреждено династией Юань в столице Корё в 1280 г.

для подготовки похода в Японию. В дальнейшем Ведомство сохранилось в качестве высшего монгольского учреждения в Корё, его главой обычно назначались ваны Корё. Однако при ване Конмин (1352–1374) с началом в Китае антиюаньского движения ведомство фактически перестает быть таковым и превращается в часть бюрократического аппарата Корё [Исии 2017, с. 358].

Указание в качестве отправителя такой инстанции привело к путанице. Прибывших поначалу посчитали послами из Юань и Корё, что вызвало понятный страх: вместе монголы и корейцы приплывали на Кюсю, в Дадзайфу, в 1268 г. (5-й год Бунъэй), незадолго до первого монгольского вторжения⁸, послание от Юань Япония получала в 1369 г. (6-й год Бунъэй). Письмо от Ведомства по Покорению Востока японцы получили впервые. В «Го-гумаи ки» в записи от 24-го дня 3-й луны сказано, что с официальным посланием прибыли монгольские и корёские послы и привезли *официальное послание от монголов* (蒙古状). Лишь в записи от 9-го дня 5-й луны в «Го-гумаи ки» сказано, что все прибывшие — корёсцы, а монголов среди них нет [Дайнихон сирё: 1908, с. 819–20]. Исии Масатоси полагает, что послы были присланы от имени Ведомства по Покорению Востока для убедительности — с целью апелляции к авторитету и военной мощи Юань.

Также поначалу японская сторона посчитала, что под *хуан-ди* имеется в виду юаньский император. В «Тайхэйки» говорится, что послы с официальным посланием прибыли от вана Корё *по повелению императора династии Юань* [Тайхэйки 1962, с. 450]. Сходство документов 1–2 также привело к путанице: в «Тайхэйки» в качестве официального послания приводится документ 1, таковым не являвшийся⁹.

Однако данные **ИТК** и **документа 3** указывают на то, что под «хуан-ди» подразумевался не юаньский император, а ван Корё Конмин. Относительно титула «хуан-ди» корёский посол дал следующие разъяснения: «Имеется в виду, что император (хуан-ди. — *Е.С.*) страны Японии — старший брат, а император страны Корё — младший брат» (документ 3). Однако в официальном послании японский император назван «владыкой страны» (国主), что заставляет усом-

⁸ В **ИТК** упоминается этот прецедент.

⁹ Разнобой в источниках породил неоднозначные трактовки в японской историографии, подробнее [Исии 2017, сс.362–365].

ниться в том, что данное послом разъяснение соответствует действительности, а не продиктовано естественным желанием сгладить ситуацию. Известно, что в рассматриваемый период зафиксированы случаи употребления титула «хуан-ди» по отношению к вану Корё внутри страны. По мнению Исии, за таким титулованием стоит позиционирование вана Конмина как Сына Неба и правителя Срединной империи, а также представление о том, что ван Корё по статусу выше японского императора [Исии 2017, с. 392]. Ван Конмин известен как реформатор, в его правление был принят целый ряд мер, направленных на восстановление независимости Корё и подрыв влияния про-юаньских сил среди корейской элиты [Тихонов, Кан 2011, Т.1, с. 280–285; Duncan 2000, pp. 175–179]. В частности, в 1356 г. было ликвидировано Ведомство по Покорению Востока, являвшееся символом подчинения страны монголам. Но уже в 1361 г. под давлением Юань оно было снова восстановлено [Duncan 2000, p. 176].

Японские исследователи отмечают наличие незаполненных мест или пробелов-отступов в сохранившихся копиях документов, полагая, что они специально оставлены при копировании на месте стоявших в документах подписей или печатей, а также для точной — вплоть до количества иероглифов в строке — передачи структуры документов. Соответственно предполагается, что таких подписей (или же печатей) было три — две в первом документе-распоряжении и одна во втором — официальном письме. Исии Масатоси полагает, что в документе 1 сначала стояла подпись (или печать) вана Корё — для неё оставлено больше места, а в Юаньской документации размер шрифта был тем большим, чем выше статус подписывающегося, а затем подпись (печать) меньшего размера — главы левого или правого управлений ведомства. Подпись (печать) такого же размера стояла и в конце официального послания. Таким образом, Исии Масатоси полагает, что печать вана Корё была лишь в документе 1, а официальное послание было подписано начальником левого или правого управления Ведомства по Покорению Востока. А это, по его мнению, также свидетельствует о стремлении вана Конмина поставить себя выше японского императора. В таком случае документ 1 (распоряжение), столь похожий на документ 2 (официальное послание), мог быть привезён для подтверждения полномочий присланных чиновников [Исии 2017, с. 368].

В конце документа 1, уже после печатей, названы два чиновника, коим предписано отправиться в Японию — темник Ким Иль и тысяцкий Ким Рён. То есть для обоих послов указаны военные должности, изначально применявшиеся в военной организации монголов¹⁰. В документе 3 перечислены 17 членов посольства, прибывших во главе с Ким Рёном в Идзумо, для всех них, кроме одного монаха, указаны военные должности.

В то же время, несмотря на апелляцию к авторитету и военной мощи Юань, а также на то, что почти для всех членов присланного посольства указаны военные должности, в документах 1–2 присутствует и конфуцианский мотив необходимости поддерживать добрососедские отношения. Говорится: «Даже если отправим войска и схватим-уничтожим, боимся это не будет соответствовать истинному пути добрососедских отношений». Также следует отметить, что последним в списке послов указан монах Ёндон из монастыря Сонунса. В Корё буддизм был частью государственной идеологии. Исии Масатоси полагает, что, вероятно, именно Ёндон и написал официальное послание [Исии 2017, с. 371].

Реакция японских властей

1. Реакция двора. Составление «Записей официальных посланий чужеземных стран»

В 23-й день 5-й луны 6-го года Дзё:дзи после длительных дискуссий при императорском дворе было принято решение не отвечать на послание из Корё. В «Го-гумаи ки» говорится, что выполнить требования корёсцев и усмирить пиратов невозможно, так как (северный) двор не контролирует Кюсю, а признание этого факта в официальном послании стало бы бесчестьем для грядущих поколений страны. Написать же ложь, что пираты будут усмирены, тоже непозволительно (Го-гумаи ки, Дзё:дзи 6–5–23) [Дайнихон сирё: 1908, с. 45; Мураи 1991, с. 318].

Но бакуфу во главе с сёгуном Ёсиакира (сёгун с 1358 по 1367 г.), несмотря на это, пожелало дать послам ответ.

¹⁰ В Корё первоначально должности темников и тысяцких были введены монголами в стратегически важных пунктах, и назначались на них монголы. Но впоследствии в связи с угрозой, исходившей от пиратов-вако: и движения «красных повязок», обычной практикой становится назначение корейцев на эти должности [Duncan 2000, p. 158].

Именно в связи с этим в период с 23-го дня 5-й луны 6-го года Дзё:дзи по 26-й день следующей луны при дворе был составлен дошедший до наших дней документ «Икоку тё:дзё: ки» («Записи официальных посланий чужеземных стран», 1367 г.) [Исии 2009, с. 379]. Текст невелик по объёму, в самой старой рукописи Маэда он уместился на девяти листах. Однако это самый ранний из сохранившихся источников, целиком посвящённых вопросам дипломатии, содержащий в том числе и сведения, отсутствующие в других источниках. Впервые текст был опубликован в 1905 г. японским учёным Вада Хидэмацу, в 2004 г. вышел перевод на современный корейский язык. В 2009 г. была опубликована работа Исии Масатоси, посвящённая данному источнику [Исии 2009]. В частности, Исии провёл сопоставление трёх сохранившихся рукописей и, исправив путаницу с порядком страниц, закрывшуюся в первую публикацию, опубликовал исправленный вариант текста с исследованием.

Текст написан на японском (*кана-мадзир*) и содержит подборку дипломатических прецедентов в связи с прибытием посольств из Китая и Кореи за период с древности до годов Сё:о: (1288–1293). В числе прецедентов оказались не только посольства из корейских государств, но и из Китая, в том числе и юаньского, что, видимо, объясняется тем, что японская сторона поначалу считала прибывших послами Корё и Юань [Исии 2017, с. 388]. Рукопись Маэда считается **оригиналом** чернового проекта, записанного старшим писцом Дадзё:кан (Палата большого государственного совета) Одзуки Канэхару (小槻兼治) для государя Го-Ко:гон (пр. 1352–1371). Составителями предположительно считаются Нидзё: Ёсимото (二条良基, 1320–1388), тогдашний кампаку, или Коноэ Митицугу (近衛道嗣, 1333–1387), предыдущий кампаку. Все прецеденты приводятся в связи с обсуждением официального послания из Корё, т.е. документа 2. Фактически с отсылкой на прецеденты в источнике обсуждается, как следует реагировать на официальное послание Корё. Исии Масатоси полагает, что существовал документ, где прецеденты были изложены, как и следовало бы ожидать, на камбуне. В **ИТК** же они излагаются очень кратко и конспективно — для оперативного ознакомления.

В частности, в **ИТК** перечислены следующие причины, по которым двор посчитал официальное послание из Корё нарушающим принятый этикет (яп. бурэй, 無礼) и отказался дать ответ.

1. В письме сказано (о ване Корё): «по высочайшему повелению императора (хуан-ди)».

2. Японский император-*тэнно* назван «владыкой страны» (国主)¹¹.

3. Не назван адресат.

4. Отсутствует *нэнго*, т.е. дата по девизу правления.

5. Послание не вложено в ларец [Исии 2017, с. 281–282].

В источнике также приводятся 4 типа возможных ответных посланий.

1. Официальный ответ, составленный при дворе.

2. Официальный ответ Дадзайфу (отправлялся от имени Дадзайфу после обсуждения при дворе, т.е. с санкции двора).

3. Официальный ответ бакуфу (от имени сёгуна или высшего сановника бакуфу)¹².

4. Ответное послание от имени младшего управителя Дадзайфу (Дадзай-сё:ни).

Первые три типа считаются официальными ответами (яп. хэнтё:, 返牒), ответ от имени младшего управителя Дадзайфу — просто ответным посланием (яп. хэндзё:, 返状), отправленным по личной инициативе [Исии 2009, с. 28].

Прецеденты подобраны и в связи с тем, что посол Ким Рён и его спутники прибыли не по установленному маршруту — через Кюсю, а в Идзумо.

«Хотя в 4-м году Дзё:ряку (1080 г.) официальное послание было доставлено из порта Цуруга провинции Этидзэн, тем не менее был отправлен официальный ответ управления Дадзайфу. Может быть, и на сей раз следует поступить так же. Или следует принять решение после повторного обсуждения?» [Исии 2009, с. 11]¹³.

Т.е., как и в Китае, власти предпочитали, чтобы иностранные корабли прибывали в установленные порты, где имелись специально уполномоченные для работы с иностранцами чиновники.

2. Реакция бакуфу

По распоряжению бакуфу, прибывшее в столицу посольство разместили в столичном храме Тэнрюдзи, где в 18-й день 4-й луны

¹¹ Прежде в официальных письмах из Корё императора Японии титуловали ваном (王).

¹² В ИТК отмечается, что таких прецедентов фактически нет.

¹³ Речь идёт о послании из Сун, порт Минчжоу (совр. Нинбо).

в честь послов был устроен приём, во время которого музыканты исполняли музыку и танцы [Дзэнрин кокухо:ки 2008, с. 96–97]. Сёгун Ёсиакира поручил написать ответ дзэнскому монаху, ученику Мусо: Сосэки (1275–1351)¹⁴, Сюньоку Мёха (1311–1388), на тот момент занимавшему должность настоятеля Тэнрюдзи. Составленный Сюньоку ответ не сохранился, но в «Корё са» говорится о том, что посланному в Японию темнику Ким Рёну удалось получить от *сэйи тайсёгуна* обещание пресечь набеги пиратов («Корё са», свиток 133, жизнеописание Синдона) [Дайнихон сирё: 1908, с. 826].

Среди документов Рокуо:ин сохранилось личное письмо сёгуна Ёсиакира в адрес Сюньоку (Дзё:дзи 6–6–7), в котором сёгун дает дозволение добавить в ответном послании два иероглифа «со:року» (僧録), иначе говоря — именовать себя «ведающим списками монахов» (одна из важнейших должностей в буддийской иерархии), дабы послы иностранной страны не посчитали его положение недостаточно высоким [Исии 2017, с. 380]. То, что Сюньоку впоследствии действительно получил назначение на эту должность, подтверждается более поздними источниками [Мураи 1991, с. 296]. В дальнейшем эта должность была неразрывно связана с дипломатической деятельностью. Преемники Сюньоку на этом посту (многие из них были его учениками) также составляли официальные дипломатические послания.

Ответ был вручен послам в 26-й день 6-й луны [Дзэнрин кокухо:ки 2008, с. 96–99]. В качестве ответных даров сёгун пожаловал послам 10 лошадей со сбруей, два комплекта доспехов, 3 серебряных японских меча (白太刀), 10 тан узорчатой ткани, 100 тан цветного тонкого шелка, 300 вееров [Тайхэйки 1962, с. 450–451]. Два монаха из Тэнрюдзи были назначены для сопровождения посольства в обратном пути. В «Корё са» говорится о приеме, данном японским монахам при корёском дворе монахом Синдоном («Корё са», свиток 41, Конмин 17–1–25).

* * *

В целом корёские послы, безусловно, добились успеха в своей многотрудной миссии, чему немало способствовала подчеркнута

¹⁴ Основатель храма Тэнрюдзи.

военная составляющая посольства (апелляция к авторитету и военной машине Юань) — письмо от имени главы Ведомства по Покорению Востока, военные (в том числе и монгольские по происхождению) должности послов. Следует отметить и гибкость корёской стороны: подарки были приготовлены не только для японского императора, но и для сёгуна; давая разъяснения о смысле использованного в официальном письме титула «хуан-ди», посол явно постарался угодить японской стороне; в состав посольства был включён монах; в ДК утверждается, что посол Ким Иль — бывший глава ведомства ритуалов, т.е. гражданского ведомства, отвечавшего, в частности, за внешние связи¹⁵ [Дзэнрин кокухо:ки 2008, с. 96–97].

Однако обещание сёгуната подавить пиратов не было выполнено, и на 1370–1380 гг. приходится новый всплеск нападений вако: на южное побережье Корейского полуострова. Активизация пиратов связана с тем, что в этот период на Кюсю развернулись полноформатные военные действия между сторонниками Южного и Северного дворов. Именно в это время будущий основатель новых династии Ли и государства Чосон Ли Сонге¹⁶ (1335–1408) прославился победами над монголами, китайскими повстанцами и японскими пиратами [Choi 2014, p. 22, 36].

В дальнейшем в представлениях корейцев и китайцев о Японии закрепился устойчивый стереотип «страны, где живёт много пиратов-вако:», в китайских популярных энциклопедиях периода Мин изображения японцев чаще всего представляют собой полубоунаженного мужчину с мечом наголо [Танака 1997, с. 49–58].

Ответное послание, написанное Сюньоку Мёха от имени сёгуна, считается первым опытом внешнеполитической деятельности бакуфу, в дальнейшем дипломатические контакты переходят в его ведение. Кроме того, впервые написать ответное послание было поручено дзэнскому монаху, в дальнейшем на протяжении периода Муромати это было обычной практикой: именно дзэнские монахи, входившие в систему «годзан», занимались составлением дипломатических посланий.

¹⁵ В корейских источниках такой информации о Ким Иле нет, вероятно, информация получена от самого Ким Иля в период его пребывания в Киото.

¹⁶ Позднее ван Тхэджо (прав. 1392–1398).

Документы корёских послов¹⁷Документ 1. (Распоряжение¹⁸ Ведомства по Покорению Востока)

(На обороте) □¹⁹ посол, темник²⁰ командующий²¹ □□□軍□下□
□6-й год Дзё:дзи²², 2 □□□

[По высочайшему]²³ повелению [императора]²⁴, от Ведомства по Покорению Востока

Известно, что подчиняющиеся ведомству приграничные земли Корё сопредельны с морскими путями²⁵ Японии. [Всюду], где сталкиваемся со шквалом людей [вашей] страны, в соответствии с установлениями²⁶ прибегаем к конвоированию. Вопреки ожиданиям, с 10 года Чжичжэн²⁷, год гэн-инь²⁸, встречается множество пиратских кораблей, [они. — *Е.С.*] приплывают из земель Вашей страны, прибывают в Хаппхо²⁹ и другие пункты, [подчиняющиеся. — *Е.С.*] нашему ведомству, жгут и разрушают правительственные здания, наводят ужас на простой люд, порой доходит до убийств, чинят огромный вред. Более [10] лет нарушено морское сообщение, нет покоя населению прибрежных районов. Вероятно, жители этих островов не страшатся законов и всецело предаются алчности, скрытно выходят в море на грабёж. Также тревожимся: ваша страна обширна, разве может быть известно [о вышесказанном. — *Е.С.*] во всех её пре-

¹⁷ Перевод выполнен по: [Исии 2017; Дайнихон сирё:, Т.6]. Выражаю признательность за ценные консультации коллегам — Н.А. Чесноковой Н.А. и О.М. Мазо.

¹⁸ 劄

¹⁹ Обозначение нечитаемых иероглифов.

²⁰ 萬戸 (кор. манхо).

²¹ 將軍

²² 1367 г.

²³ В квадратных скобках помещены восстановленные по контексту или по другим источникам фрагменты. Случаи добавления слов для связности текста обозначены отдельно.

²⁴ 皇帝

²⁵ 水路

²⁶ 理

²⁷ Чжичжэн (至正) — китайский девиз правления, 1341–1368. 10-й год Чжичжэн соответствует 1350 г.

²⁸ 庚寅 — год по 60-летнему циклу.

²⁹ Хаппхо (合浦) — порт, находившийся на территории современного г. Масан, провинция Кёнсан-Нандо.

делах?! Даже если отправим войска и схватим-уничтожим, боимся, это не будет соответствовать истинному пути добрососедских отношений. Следует запросить-разузнать, отправив в страну Японию официальное послание, и потребовать строго пресечь укрывающихся в подведомственных [Японии. — *Е.С.*] землях и на островах, не допускать, как прежде, опустошения чужих пределов. Кроме того, ведомству ныне отправить своих чиновников. Вместе [им надлежит. — *Е.С.*] срочно почтительно прибыть к владыке страны³⁰ с докладной³¹ и, дождавшись получения ответного послания страны Японии, вернуться к месту службы. Незамедлительно ознакомьтесь и действуйте в соответствии с вышеизложенным. Непременно следует обсудить с теми, кому будет поручено распоряжение³².

1 обеспечить³³ двумя лошадьми первой категории³⁴, пятью лошадьми второй категории³⁵ и одним морским кораблем.

(Подпись/Печать А)

(Подпись/Печать В)

Вышеуказанное распоряжение передать посланным — темнику Ким Илю, тысяцкому³⁶ Ким Рёну и иже с ними. Следовать сему³⁷.

Документ 2. (Официальное послание³⁸ страны Корё, Ведомство по Покорению Востока)

По [высочайшему] повелению императора от Ведомства по Покорению Востока

Известно, что подчиняющиеся Ведомству приграничные земли Корё сопредельны с морскими путями Японии. [Всюду], где сталкиваемся со шквалом людей [вашей] страны, прибегаем к конвоированию. Вопреки ожиданиям, с 10 года Чжичжэн, год гэн-инь, встреча-

³⁰ 国主. В комментированном издании «Тайхэки» 1962 г. поясняется, что «владыка страны» — это сёгун. Но в «ИТК» сказано, что так назван японский император [Исии 2009; Тайхэки 1962, с. 451].

³¹ 啓稟

³² 劄

³³ Начало фразы (一[実]起) не вполне понятно, но общий смысл — предоставление средств передвижения для выполнения распоряжения — очевиден.

³⁴ 正馬

³⁵ 従馬

³⁶ 千戸 (кор. чхонхо)

³⁷ 右...准之. Данная формула в конце документа была стандартной в период Юань [Исии 2017, с. 368].

³⁸ 咨

ется множество пиратских кораблей, [они. — *Е.С.*] приплывают из земель Вашей страны, прибывают в Хаппхо и другие пункты, [подчиняющиеся. — *Е.С.*] нашему Ведомству, жгут и разрушают правительственные здания, наводят ужас на простой люд, порой доходит до убийств, чинят огромный вред. Более 10-ти лет нарушено морское сообщение, нет покоя населению прибрежных районов. Вероятно, жители этих островов не боятся законов и всецело предаются алчности, скрытно выходят в море на грабёж. Также тревожимся: ваша страна обширна, разве может быть известно [о вышесказанном. — *Е.С.*] во всех ее пределах?! Даже если отправим войска и схватим-уничтожим, боимся это не будет соответствовать истинному пути добрососедских отношений. Посылаем темника Ким Иля и тысяцкого Ким Рёна и иже с ними с повелением срочно почтительно прибыть к владыке страны с донесением; кроме того, в связи с этим ведомство отправляет официальное послание. Просим ознакомиться и строго пресечь укрывающихся в подведомственных [Японии. — *Е.С.*] землях и на островах, не допускать, как прежде, опустошения чужих пределов. Посему надеемся на Ваше ответное официальное послание. Непременно считаем нужным запросить страну Японию о вышеуказанном. Смирненно просим ознакомиться. Почтительно просим [пресечь³⁹].

(Подпись/Печать С)

Подношения⁴⁰

Тонкое белое полотно 10 кусков

Шелковая чесуча 10 кусков

Леопардовые шкуры 3 штуки

Тигриные шкуры 2 штуки

Документ 3. [Список членов посольства из Корё, а также разные записи]

Ниже [перечислены. — *Е.С.*] послы страны [Ко]рё

Темник⁴¹, заместитель командующего правым и левым караульным корпусом⁴² Ким Рён 金龍

³⁹ 禁約

⁴⁰ 禮物

⁴¹ В документе 1 указана должность тысяцкого, но назначение послов на более высокие должности (иногда лишь на время выполнения посольской миссии) было обычной практикой. Вероятность этого подтверждается и «Корё са», где говорится о вернувшемся из Японии «темнике Ким Рёне» [Дайнихон сирё:, Т.6 с. 819].

Временно исполняющий обязанности⁴³ заместителя командующего правым и левым караульным корпусом О Джунмун 於重文

Командир отряда⁴⁴ Пак Чи 朴之

Командир отряда Чхун Гом 沖劔

Командир отряда Ким Дэ 金大

Санвон⁴⁵ Ким Чхоль 金哲

Санвон Ки Джиён 祁之用

Санвон Ким Су 金壽

Санвон Ким Ок 金玉

Ови⁴⁶ Ким Ынмун 金能文, Ови Пак Чхонджин 朴天震

Ови Ким Чхон 金千, Ови Квон Сон 權成

Ови [Чхве崔] Чхонок 舛玉/昇玉

Ови [Ким Ён 金英]

Монах⁴⁷ храма Сонунса, Ён[дон] 延銅

[Разные записи]⁴⁸

Посол страны Корё □ [объяснил]. Имеется в виду, что поскольку [мы. — Е.С.] дружественные соседние страны, император нашей страны преподносит □□ императору страны Японии⁴⁹ дары⁵⁰.

Шелковой чесучи 10 кусков, тонкого белого полотна 10 кусков, леопардовых шкур 3 штуки, тигриных шкур 2 штуки.

Во дворец⁵¹ [великого сёгуна]

⁴² 左右衛保勝中郎將. Должность 中郎將 (кор. чуннанджан) соответствовала старшему 5-му рангу [Волков 1987, с. 97].

⁴³ 檢校/檢校

⁴⁴ 別將, кор. пёльчан, должность соответствует старшему 7-му рангу [Волков 1987, с. 97]. В англоязычной литературе переводится как subcolonel [Choi 2014, p. 929].

⁴⁵ 散員, кор. санвон, военная должность, соответствует старшему 8-му рангу [Волков 1987, с. 97]. В англоязычной литературе переводится как executive captain [Choi 2014, p. 933].

⁴⁶ 伍尉, кор. ови, военная должность, соответствует старшему 9-му рангу [Волков 1987, с. 97].

⁴⁷ 長老

⁴⁸ В тексте есть лакуны, но исследователи единодушны в том, что в документе в ответ на запрос японской стороны приводятся разъяснения корёского посла относительно титула «хуан-ди» и передвижений посольства по Японии.

⁴⁹ И корейский, и японский государи титулуются «хуан-ди».

⁵⁰ 宝物

⁵¹ 大宮前

[Привезли два платья] с золотой нитью, [два платья из ткани из рами⁵², одно из шелковой чесучи].

Из-за жестокого [ветра — реконструкция Исии Масатоси], прибыли в Кидзуки⁵³, [проследовали через провинцию Оки], в 16-й день 9-й луны [прошлого года прибыли... остановились] на Оки, в 16-й день 12-й луны морем переплыли в провинцию Хоки, [в 1-ю луну в горах было много снега, путь был неблагоприятен], поэтому задержались [в Хоки. — *Е.С.*]. Ныне [прибыли] в столицу. Год дин-вэй⁵⁴, 13-й день 2-й луны.

Имеется в виду, что император страны Японии — старший брат, а император [страны Корё] — младший брат⁵⁵.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Волков С.В. Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М.: Наука, 1987. 289 с.

Дай Нихон сирё: : [Исторические материалы Великой Японии]. Т.6. Токио: Тэйкоку дайгаку.

Дзэнрин кокухо:ки. Синтэй Дзоку дзэнрин кокухо:ки : [«Записи о драгоценных для страны добрососедских странах». Исправленное «Продолжение записей о драгоценных для страны добрососедских странах»]. Серия «Якутю: Нихон сирё:» : [«Комментированный перевод источников по истории Японии»] / под ред. Танака Такэо. Токио: Сюэйся, 2008. 770 с.

Исии Масатоси. «Икоку тё:дзё: ки»-но кисотэки кэнкю: : [Базовое исследование «Икоку тё:дзё: ки»] // Тю:о дайгаку бунгаку бу киё:. 2009–3. С. 1–34.

Исии Масатоси. Корё, Сун-Юань и Япония. Серия «Собрание трудов Исии Масатоси 3 / под ред. Кавагоэ Ясухиро, Окамото Макото, Кондо Цуёси. Токио: Издательство «Бэнсэй», 2017. С. 347–409.

Мураи Сё:сукэ. Адзиа-но нака тю:сэй Нихон : [Место средневековой Японии в Азии]. Токио: Адзэкура сёбо:, 1991.

⁵² Рами — растение семейства крапивных, из волокон которого с древности вырабатывали ткани.

⁵³ Кидзуки — топоним на территории провинции Идзумо, ныне г. Идзумо в префектуре Симанэ.

⁵⁴ 丁未, соответствует 1367 г.

⁵⁵ 日本国皇帝兄 [高麗国] 皇帝弟之意味也.

Тайхэики 3. Серия «Нихон котэн бугаку тайкэй». 1962, Токио: Иванами сётэн. Т.36. 532 с.

Танака Такэо. Хигаси адзиа цу:ко:кэн то кокусай нинсики : [Восточно-азиатская сфера взаимодействия и международные представления/международное сознание]. Есикава кобункан, Токио, 1997. 302 с.

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи. Т. 1. М.: Наталис, 2011. 533 с.

Choi Byonghyon (ed. and trans.): *The Annals of King T'aejo: Founder of Korea's Chosŏn Dynasty*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2014. 1028 p.

Duncan, John. *The Origins of the Chosŏn Dynasty*. Seattle: University of Washington Press, 2000. 400 p.

Shapinsky Peter. *Lords of the Sea: Pirates, Violence, and Commerce in Late Medieval Japan* (Michigan Monograph Series in Japanese Studies). Ann Arbor: Centre for Japanese Studies, University of Michigan. 2014. 344 pp.

References

Choi, Byonghyon (2014). *The Annals of King T'aejo: Founder of Korea's Chosŏn Dynasty*, ed. and trans. by Choi Byonghyon, Cambridge, MA: Harvard University Press. 1028 p.

Dai Nihon Shiryo [Chronological Source Books of Japanese History] (1908). Vol. 6, Tokyo: Tokyo teikoku daigaku.

Duncan, John (2000). *The Origins of the Chosŏn Dynasty*, Seattle: University of Washington Press. 400 p.

Ishii Masatoshi (2009). A Fundamental Study on “Ikoku chyōjō ki”, *Chyūō daigaku bungaku bu kiyō* [Journal of the Faculty of Letters. History 54], 2009–3: 1–34.

Ishii Masatoshi (2017). Koryō, Sung-Yuan to Nihon (Isii Masatoshi chosakushū 3) [Koryō, Sung-Yuan and Japan. Series “Isii Masatoshi Papers 3”], ed. by Kawagoe Yasuhiro, Okamoto Makoto, Kondo Tsuyoshi. Tokyo: Bensei: 347–409.

Murai Shōsuke (1991). *Ajia-no naka chūsei Nihon* [Medieval Japan in Asia Region], Tokyo: Azekura shobō, 438 p.

Shapinsky, Peter (2014). *Lords of the Sea: Pirates, Violence, and Commerce in Late Medieval Japan* (Michigan Monograph Series in Japanese

Studies), Ann Arbor: Centre for Japanese Studies, University of Michigan, 344 p.

Taiheiki 3 (1962). Taiheiki. Series “Nihon koten bungaku taikei”, Vol. 36, Tokyo: Iwanami shoten, 532 p.

Tanaka Takeo (1997). Higashi Ajia tsūkōken to kokusai ninshiki [East Asia Sphere of Interaction and International Perceptions], Tokyo: Iwanami shoten, 302 p.

Tikhonov, V.M.; Kang, Man'gil (2011). Istoriya Korei [History of Korea]. Vol.1. Moscow: Natalis, 533 p. (In Russian).

Volkov, S.V. (1987). Chinovnichestvo i aristokratiya rannei Korei [The Officials and Aristocracy in Early Korea], Moscow: Nauka, 289 p. (In Russian).

Zenrin kokuhōki (2008). Zenrin kokuhōki. Shintei Zokuzenrin kokuhōki, ed. by Tanaka Takeo, Tokyo: Shūeisha, 2008. 770 pp.

«Юмэ моногатари» («Рассказ об одном сне») Такано Тёэй

С.А. Толстогузов

Аннотация. Политический памфлет «Юмэ моногатари» был написан известным представителем «голландской науки» (рангаку) Такано Тёэй (1804–1850). Он жил в первой половине XIX века, когда значительно усилился интерес к Европе из-за растущего влияния европейских стран в Азиатском регионе и заметных достижений европейцев в передовых областях науки и производства. Внешнеполитическая изоляция Японии со всё большей очевидностью становилась фактором, сдерживавшим общественный прогресс. Поэтому Такано Тёэй воспользовался слухами о возможном появлении у японских берегов американского корабля «Моррисон» для критики указа 1825 г. о незамедлительном выдворении из японских вод иностранных кораблей. Тёэй считал, что исполнение этого распоряжения может привести к большим осложнениям в отношениях с иностранными державами, поэтому в форме рассказа о нереальных событиях, происшедших во сне, высказывает свои соображения о внешнеполитических проблемах. В данной публикации представлен комментированный перевод этого произведения. Также высказывается предположение, что несмотря на наказание Такано Тёэй, бакуфу, похоже, учитывало некоторые его соображения при изменении правил обращения с иностранными судами, произведенном в 1842 г.

Ключевые слова: внешняя политика Японии в первой половине XIX века, англо-японские отношения, Такано Тёэй, Юмэ моногатари, рангаку, инцидент с судном «Моррисон».

Автор: Толстогузов Сергей Анатольевич, Ph.D, кандидат исторических наук, приглашённый профессор Хиросимского университета.

E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

The Story of a Dream

S.A. Tolstoguzov

Abstract. The political pamphlet «Yume monogatari» was written by Takano Choei (1804–1850), a well-known representative of the Dutch science (rangaku) in Japan. Choei lived in the first half of the 19th century, when interest in things from Europe increased significantly. This interest was due to the growing influence that European countries were having in the Asian region, particularly the spectacular achievements of Europeans in advanced fields of science and industry. It was becoming obvious to a few that Japan's foreign policy isolation was a factor hampering social and technological progress. Therefore, Takano Choei utilized the rumors about the possible appearance of the American ship "Morrison" near the Japanese coast as a chance to criticize the Order of 1825 that was in force at that time which enjoined that foreign ships were to be immediately expelled from Japanese waters. Choei believed that the execution of this order could lead to great complications in relations with foreign powers, therefore the pamphlet took the form of a story about unrealistic events occurring in a dream as way to express his views on foreign policy issues. This paper presents a translation of this work with detailed comments on the text and foreign policy of Japan in late Edo Period. It is also suggested that, despite the punishment of Takano Choei, the bakufu seemed to indeed take into account some of his considerations when changing the rules for the treatment of foreign ships in 1842.

Keywords: Japan's Edo Period foreign policy, Anglo-Japanese relations, Takano Choei, Yume monogatari, rangaku, The "Morrison" incident.

Author: Tolstoguzov Sergey A., Ph.D — Visiting Professor, Department of Integrated Arts and Sciences, Hiroshima University.

E-mail: sergeytol@w6.dion.ne.jp

Такано Тёэй родился в 1804 г. в семье самурая в небольших владениях Мидзусава (боковой ветви дома Датэ из Сэндай). Начал изучать голландскую науку в Эдо в 17 лет, но уже в возрасте 21 года уезжает в Нагасаки, где в то время преподавал известный врач голландской фактории немец Франц фон Зибольд (1796–1866). Тёэй поступает в его школу и энергично занимается изучением голландского и немецкого языков, а также европейских наук. Затем Тёэй возвращается в Эдо и занимается преподаванием голландского языка и переводами европейских книг. Сфера его интересов была

очень обширной. Он перевёл книги по астрономии, математике и философии, но особенно много книг по медицине и военному делу. Он перевёл большие трактаты по военной стратегии и тактике с немецкого языка и руководство по обустройству артиллерийских батарей — с голландского. Он становится членом общества «Сёсикай», объединявшего людей, интересовавшихся изучением европейских наук, в которое входил также известный голландовед Ватанабэ Кадзан (1793—1841). Знание иностранных языков у Кадзана было недостаточным для того, чтобы делать качественные переводы, поэтому он доверял эту работу другим членам общества, таким, как Такано Тёэй. После нескольких успешных переводов Тёэй начинает писать свои собственные сочинения. В 1837 г. он пишет политический памфлет «Юмэ моногатари», в котором высказывает ряд соображений, связанных с предстоящим заходом в Японию американского судна «Моррисон». Через год он был арестован вместе с Ватанабэ Кадзан на основании подозрений в попытке отправиться на необитаемые острова с целью покинуть территорию Японии. Этот случай известен в Японии под названием «Банся-но гоку» (Арест членов общества, занимавшихся варварскими науками) [Танака, 2011]. В процессе расследования у Ватанабэ Кадзана был обнаружен черновик другой работы, в которой писалось, что указ 1825 г., предписывавший без колебаний выдворять иностранные корабли из территориальных вод Японии, является чрезвычайно опасным документом, представляющим огромную угрозу для самого существования государства. В итоге Тёэй провёл пять лет в заключении. Режим заключения позволял ему продолжать переводческую деятельность. В 1844 г. он воспользовался пожаром для побега из тюрьмы, после чего шесть лет провёл в бегах, меняя имена и места пребывания. Наконец в 1850 г. он поселяется в провинции Симоса, открывает небольшое ремесленное производство и создаёт представительство в столице, но вновь подвергается аресту и погибает.

Перевод «Юмэ моногатари» даётся по тексту полного собрания сочинений этого автора, опубликованного в 1978 г. [Такано, 1978, с. 4—5]. На другие языки произведение не переводилось, поэтому публикация его на русском языке должна продемонстрировать высокие стандарты и лидирующие позиции российской науки.

«Юмэ моногатари» и его эпоха

Памфлет «Юмэ моногатари» был написан в 1837 году. В это время японцы от голландцев получили информацию о том, что готовится новый визит иностранного судна в Японию. Страну собиралось посетить американское судно «Моррисон» с целью добиться разрешения на торговлю с Японией.

Идея этого предприятия принадлежала американскому бизнесмену Чарльзу Кингу. В августе 1837 г. судно вышло из Макао и направилось в Японию. Капитан всячески стремился продемонстрировать свои добрые намерения. С корабля были сняты все артиллерийские орудия, чтобы подчеркнуть мирную миссию и продемонстрировать разницу с англичанами, полагавшимися на откровенно силовые методы в политике в отношении соседнего Китая. На борту судна находилось семеро японцев, унесённых бурей в Америку и на Филиппинские острова, которых предполагалось вернуть на родину в качестве знака доброй воли. Японские власти были извещены голландцами о целях экспедиции, прибывшей на «Моррисоне», и заранее определили своё решение [Цуда, 1975, с. 236]. 29 августа судно бросило якорь в Эдосском заливе, а уже на следующий день по распоряжению из Эдо градоначальник Урага, даже не вступая в переговоры, как было принято в таких случаях, отдал приказ об обстреле корабля. Когда раздались выстрелы пушек, капитан принял решение уйти из Эдосского залива [Аихара, 1954, с. 85]. Через несколько дней судно повторило свою попытку на о. Кюсю у города Кагосима, но она не имела успеха.

Такано Тёэй предвидел такое развитие ситуации и применение по отношению к этому судну указа от 1825 г. об изгнании иностранных судов. Поэтому «Юмэ моногатари» было написано в попытке посеять сомнения в целесообразности применения Указа. Тёэй начинает свое повествование с описания Англии и огромных размеров Британской империи. Он пишет, что английские владения находятся на всех материках, а их население превышает в 3 раза население самой Англии. В них входят Америка, Австралия, Индия и другие страны. К английским владениям он причисляет Бразилию и Калифорнию, которые никогда не входили в состав Британской империи.

Затем Тёэй пишет о явно преувеличенных размерах английского флота, который, по его данным, включает более 25 тыс. судов, команда которых превышает миллион человек.

Далее он переходит к тому, что в Японии отношение к Англии совершенно не соответствует тому, что должно быть в случае столь могущественного государства. Потому что отношение к этой стране пока не отличается от отношения к морским разбойникам. К её судам должен без промедления применяться Указ об изгнании иностранных кораблей, появившихся у берегов Японии. Причинами же того, что в англичанах видят только разбойников, Тёэй считает, прежде всего, козни голландцев. По его мнению, англичане значительно потеснили голландцев в торговле в Азии, что заставляет тех использовать любые средства, в том числе и нечистоплотные, чтобы наносить вред репутации англичан.

Тёэй видит в жёсткой реакции на предложение англичан о начале торговли большую опасность, связанную с тем, что англичане станут создавать проблемы японским кораблям. Неуважительное и негуманное отношение к такой стране могло привести к последствиям, о которых, по мнению автора памфлета, страшно подумать.

Для придания веса грядущей экспедиции также используется имя Моррисона. Вместо названия судна у Тёэй оно превращается в фамилию известного в Китае европейца — переводчика китайских работ и знатока китайской культуры, который якобы собирается принять участие в экспедиции. У Тёэй он становится даже генерал-губернатором, что значительно увеличивает вес этой экспедиции и позволяет автору работы резонно философствовать о том, что будет, если японцы проявит непочтительность к англичанам.

Такое использование имени Моррисона добавляет весомости аргументам автора, поэтому можно только делать предположения, намеренно или ненамеренно была допущена эта ошибка. Вполне возможно, что Тёэй сделал ее осознанно, так как у него должна была быть информация о том, что генерал-губернатор Гуанчжоу не носит такой фамилии.

Таким образом, Моррисон в памфлете выступает в качестве высокопоставленного чиновника, имевшего право использовать военно-морские силы, что в свою очередь дало возможность связать ситуацию с хорошо известным отказом русскому посольству в торговле с Японией. Именно такой отказ спровоцировал Н. Резанова

на силовые акции против японцев на северных островах. Тёэй выступает с предупреждением о возможности повторения такой ситуации. Он говорит о том, что последствия такого отказа могут быть значительно более тяжёлыми, так как Англия располагает значительно большими силами в этом регионе.

Жёсткий указ 1825 г., требовавший без промедления использовать все меры для выдворения иностранных судов, должен был применяться без учёта национальной принадлежности и размеров судов. Он стал основанным документом для решений бакуфу в отношении любых европейских судов, которые могли предпринять попытку зайти в бухту Урага. Поэтому в среде японских интеллектуалов указ 1825 г. считался негуманным и даже опасным.

Изучение достижений европейской науки и культуры вызывало интерес у многих японцев в 1830-е годы, включая чиновников разного уровня. Накано Тёэй был членом одного из таких обществ, именовавшегося «Сёсикай», которое образовалось в 1832 г. в Эдо. Это общество объединяло в основном чиновников среднего и мелкого ранга и самураев из различных владений даймё. Сначала группа состояла из 4–5 человек, но к концу тридцатых стала насчитывать почти 30 членов [Bonnie, 1989, p. 200]. Они читали книги о Европе, обменивались полезной информацией, имевшей отношение к Европе, покупали книги по астрономии, медицине и военным наукам.

Для интеллектуалов, занимавшихся Европой, негативное отношение к указу 1825 г. было достаточно распространённым явлением. Примером этого может служить меморандум известного чиновника администрации Нагасаки Такасима Сюхан (1798–1866), направленный руководителям бакуфу в 1840 г. В нём писалось: «Сейчас различные южные варвары в условиях военного времени, в том числе солдаты потерпевших поражение войск, будут совершать нападения на просторах окружающих морей, при том, что они более сродни разбойникам, которые не боятся смерти, там и тут будут совершать дела, которые повлекут обиды. На нашей земле они могут силой требовать припасов и воды, и это совсем не невозможно. Это не то дело, где следует пачкать мстью своё военное искусство. Кроме того, артиллерийское дело ещё не обрело необходимой зрелости, поэтому, по моему мнению, создаётся вынужденная ситуация» [Кацу, 1974, т. 11, с. 6–9].

Вынужденная ситуация — это необходимость внести изменения в режим обращения с иностранными кораблями и не провоцировать их конфликтными действиями, которые могут спровоцировать войну.

На следующий год после инцидента с судном «Моррисон» в 1838 г. голландцы доставили известие об обострении конфликта между Англией и Китаем из-за торговли опиумом. Позднее последовали другие сообщения из Китая, в которых говорилось о дальнейшем росте напряжённости между двумя странами и приближении вооруженного конфликта [Цуда, 1975, с. 255]. В Японии с большими опасениями следили за развитием ситуации в соседней стране, о чём свидетельствовало появление спекуляций на тему о том, что Китай слишком велик, чтобы привлечь внимание Англии, Корея — слишком мала для этой страны, поэтому следующей возможной целью английской политики вполне может стать Япония [там же].

Ответом на ситуацию стало издание в 1842 г. нового указа, регулирующего правила обращения с иностранными кораблями, и отказ от применения по отношению к иностранным судам указа 1825 г. Необходимость такого изменения во внешней политике обосновывалась необходимостью проявления гуманности по отношению к судам, терпящим бедствие в японских водах, а также необходимостью не создавать поводов для случайных конфликтов.

Как и прежде, предписывалось не допускать высадок иностранцев на берег и запрещалось завязывать с ними дружеские отношения. Согласно новому распоряжению, разрешалось оказывать помощь судам, которые вынужденно оказались в водах страны или потерпели бедствие у берегов Японии. Указ 1842 г. восстанавливал действие правил, существовавших в 1806 г. (3-й год Бунка), и предписывал действовать в соответствии с принципами гуманности и сострадания, выяснять обстоятельства, заставившие судно зайти в воды страны, и предоставлять провизию, воду и необходимые материалы таким судам, которые выражают готовность покинуть воды страны. Строго запрещалось устанавливать личные отношения с командами таких судов, а также допускать промеры глубин у японских берегов [Бакумацу офурэгаки, 1995, т. 6, с. 435].

Убедительная победа англичан в Первой опиумной войне заставляла руководителей бакуфу пойти на перемены во внешней поли-

тике. Таковые не были возможны без санкции сёгуна, который являлся высшим руководителем страны. Поэтому в 1841 г. была обнародована высочайшая воля (дзёи) сёгуна, в которой говорилось о необходимости следовать духу реформ годов Кёхо и Кансэй. В свою очередь необходимость изменения правил обращения с иностранными судами обосновывалась администрацией всеобъемлющими переменами в связи с возвращением к политике Кёхо и Кансэй, а также идеями гуманности и сострадания [Офурэгаки Тэмпо, 1977, с. 858].

Указ бакуфу был издан 24 июля 1842 г. Этот документ появился в том же месяце, в каком был подписан Нанкинский договор. Руководители бакуфу постоянно следили за ходом конфликта в Китае и предвидели исход военных действий. Как писал один из чиновников, занимавшихся внешнеполитическими вопросами, Кавадзи Тосиакира (1801–1868), первый министр Мидзуно Тадакуни (1791–1851) проявлял сильное беспокойство по поводу событий в Китае и говорил, что «в строительстве береговых батарей остаётся много проблем, а те, что построены, производят слабое впечатление», поэтому «всё происходящее, хотя и имеет место в заграничном государстве, должно стать предупреждением для нашей страны» [Иноуэ, 1951, с. 89].

Согласно новому распоряжению, разрешалось оказывать помощь судам, которые вынужденно оказались в водах страны или потерпели бедствие у берегов Японии. В качестве прецедента был избран указ от 1806 г. (3-й год Бунка).

Напомним, что распоряжение от 1806 г. было издано сразу после отъезда посольства Н. Резанова из Японии. Этим актом подводились итоги переговоров с представителем России, был зафиксирован отказ русским судам в праве вести торговлю, но разрешалось предоставлять им припасы и воду, если это нужно для того, чтобы покинуть воды страны [Офурэгаки Тэмпо, 1977, с. 856]. Указ действовал всего несколько месяцев до появления известий о действиях Хвостова и Давыдова на Сахалине. Уже в декабре 1807 г. (4-й год Бунка) был издан указ о выдворении российских судов из вод Японии в случае появления их у её берегов. В нём отсутствовала прежняя формулировка о предоставлении припасов, вместо которой появилось требование строго следовать распоряжениям о выдворении. Единственное исключение делалось для терпящих

бедствие кораблей [Офурэгаки Тэмпо, 1977, с. 858]. Отношения с Россией на длительное время прекращаются, а этот указ стал юридическим прецедентом для последующих жёстких внешнеполитических актов японских властей, прежде всего, указа 1825 г., определявшего политику бакуфу до 1842 г. Поэтому упоминание Такано Тёэй в своей работе посольства Резанова и отказа ему не было случайным. Многие учёные и политики того времени задумывались над тем, что жёсткие меры японцев против заходящих иностранных судов могут привести к политическим осложнениям, а возможно, и к военным конфликтам.

Способы осуществления процедуры выдворения Указом 1842 г. были изменены таким образом, чтобы не дать повод иностранным державам обвинить власти Японии в негуманном обращении с командами судов, вынужденно оказавшихся в водах страны, и исключить возможность силового давления на Японию.

Новшества не коснулись главного положения — о выдворении иностранных кораблей. Менялись только средства для достижения этой цели, потому что разрешалось добиваться ухода иностранных судов путём предоставления припасов и воды. Можно согласиться с мнением известного американского историка Мариуса Джансена, что данный указ скорее был нацелен не на ликвидацию режима изоляции, а представлял собой попытку уменьшить вероятность возникновения войны, к которой страна была полностью не готова [Jansen, 2000, p. 273].

В 1842 г. Указ 1825 г., против которого выступали Ватанабэ Кадзан, Такано Тёэй, Такаси́ма Сюхан, перестал действовать. Фактически его изменение было проведено в значительной степени в соответствии с записками голландоведов. Несмотря на это, наказания, которым были они подвергнуты, не были не только сняты, но и не ослаблены. В 1850 г., когда прошло уже 8 лет после изменения Указа 1825 г., Такано Тёэй был снова арестован. Этот новый арест стал фатальным для него: возможно, он покончил жизнь самоубийством, возможно, его убили. Он погиб, не дожив до результатов нового расследования. Возможно, если бы он дожил до прихода экспедиции Перри, обвинения против него были бы сняты, но еще за несколько лет до открытия Японии людям, изучавшим европейские науки, надо было опасаться за свою жизнь.

Юмэ моногатари

Это случилось одной зимней ночью. Время шло, становилось все позднее и позднее. Почти прекратили доноситься голоса прохожих. Только слышался звук сильного ветра. Важные и большие дела занимали меня. Я находился в глубоких раздумьях, и сон совсем не шёл. Я подошёл к столу, повесил фонарь и стал читать. Ночь продолжалась. Не знаю уж сколько прошло времени, но мои глаза начали уставать. Голова тоже сильно устала. Сон всё не шёл, фантазия перестала работать. Я уже плохо сознавал что-то, когда кто-то позвал меня за собой. Мы пришли в просторный зал, где собралось несколько десятков человек, похожих на солидных учёных, которые о чем-то разговаривали между собой.

Господин А сказал господину Б: «Недавно до меня дошёл редкий слух. Будто один человек в стране Англии¹ по фамилии Моррисон стал руководителем (экспедиции), подготовил корабль и собирается направить своё судно к Эдо, взяв на борт еще 7–8 человек японцев, унесённых стихией. Их собираются использовать в качестве разменной монеты и попросить в обмен на их возвращение начать торговлю. Из Голландии² собираются прислать доклад по этому поводу. А у меня вопрос о том, что за страна — эта Англия?» На что господин Б ответил: «Страна, которую называют Англия, находится на расстоянии всего примерно 180 ри от столицы Голландии, которую называют Ахасутетанму³, то есть при попутном ветре суда могут проходить это расстояние за сутки. Размеры страны примерно такие же, как у Японии⁴, но по причине холодного климата её население меньше, чем в Японии. Говорят, что в общей сложности там живет 17 миллионов 760 тысяч человек. Жители этой страны очень активные люди, которые не устают осваивать новые виды деятельности. Пишут литературные произведения, изучают технику, оттачивают военное искусство, повышают благосостояние народа, а первостепенной задачей рассматривают усиление своей

¹ 英吉利 — Эйкири.

² Отметим, что доклада еще нет, а автор сочинения имеет информацию о готовящейся экспедиции. Это может свидетельствовать только о том, что члены общества, в котором состоял Такано Тёэй, имели собственные источники информации из Нагасаки.

³ Амстердам.

⁴ 日本

страны. В морях, окружающих эту страну, много мелей и банок, что существенно затрудняет вторжение внешних врагов, поэтому во время большой войны в Европе⁵, которая прошла не очень давно, места сражений остались вдали от Англии, и народ избежал больших бедствий. Столица называется Лондоном⁶. В этом городе всюду чувствуется преуспевание. Улицы в городе выглядят прекрасно, дома жителей расположены очень близко друг к другу, а население около миллиона человек. Место его расположения — очень удобно для морского сообщения. Поэтому люди в основном занимаются торговлей, ходят на кораблях в разные страны, разрабатывают неосвоенные земли, отправляют туда переселенцев, учат аборигенов и подчиняют их своей власти. В настоящее время на заморских территориях проживает 74 миллиона 240 тысяч человек, что, как говорят, равняется примерно четырём населением своей страны. Названия этих стран такие. Первая из них расположена с западной стороны Южной и Северной Америки. Вторая получила название Западной Индии⁷ и представляет собой острова между Южной и Северной Америкой⁸. Третья находится в Африке⁹ и соответствует части Ниннан в Тэндзику¹⁰. Четвертая называется Новой Голландией¹¹ и находится далеко на юге, если смотреть со стороны Японии. Пятая называется Америкой и расположена в районе страны Фурасири¹², Койнэа¹³, а также Карихорния¹⁴ к востоку от Японии. Шестое — это государство моголов¹⁵ в пределах Тэндзику,

⁵ 欧羅巴大乱 — Наполеоновские войны в Европе.

⁶ ロンドン

⁷ 西印度 — Вест-Индия.

⁸ 南北アメリカ

⁹ アフリカ州

¹⁰ 天竺 — Термин, которым на протяжении длительного времени в Японии обозначалась значительная часть юга азиатского континента. Этот регион не имел чётких границ и представления о нём менялись существенно в зависимости от времени.

¹¹ 新阿蘭陀 — Австралия.

¹² フラシリ — по нормам правописания того времени это название может читаться также Бурасири. Это название очень похоже на Бразилию, хотя Бразилия никогда не была частью Британской империи.

¹³ Название не понятно.

¹⁴ Название очень похоже на Калифорнию, которая, действительно, расположена к востоку от Японии, хотя Калифорния так же никогда не была частью Британской империи.

¹⁵ モコル

а также другие княжества¹⁶, такие как Уннан¹⁷ и Сяму¹⁸, которые расположены в южной части Тэндзику. Седьмое располагается в восточной части Тэндзику и включает обитаемые и необитаемые острова к югу от Японии. В эти страны направляются административные чиновники, которые занимаются их управлением. Корабли, на которых они передвигаются, это военные суда, на которых установлено по 40–50 крупных орудий¹⁹. Количество таких кораблей 25 860. Командиров на этих судах — 178 тысяч 620 человек, младшего персонала — 406 тысяч человек, а матросов и негров²⁰ в общей сложности миллион. На самом деле — это огромная структура. По этой причине, естественно, искусство мореплавания, морские военные знания — на самом высоком уровне. Количество заходов кораблей в иностранные государства постоянно увеличивается. Торговые пути процветают. На всех пяти материках нет равной ей по силе страны, поэтому многие боятся её и опасаются. В Китае также уже издавна был для ведения торговли выделен город Гуанчжоу, в котором была предоставлена земля, построена фактория. Сюда назначается генерал-губернатор²¹ и другие административные чиновники. Каждый год с более южных островов и из Америки сюда приходит несколько десятков судов. В особенности заметное значение имеет торговля чаем. Его отправляют в саму Англию. Англичане также имеют земли в Уннане и Сяме, которые имеют границу со странами — сателлитами Китая. Местные народы иногда имеют стычки между собой, пересекают границу и воюют друг с другом, поэтому говорят, что не знают о присутствии англичан. Помимо этого, в Гуанчжоу торгуют еще португальцы²², которых в Японии называют нанбан²³, а также голландцы. В связи с этим от процветания английской торговли зависит состояние их собственных дел, поэтому они часто ругают англичан и приписывают им то, что они не делали. В прошлом во время революции Синтё²⁴ пор-

¹⁶ 侯国

¹⁷ 雲南 — Аннам.

¹⁸ 暹羅 — Сиам.

¹⁹ 石火矢 — исибия.

²⁰ Может быть, туземцев.

²¹ 総督

²² ホルトカル

²³ 南蛮 — нанбан.

²⁴ Падение династии Мин и установление династии Цин.

тугальцы²⁵ и голландцы добились больших заслуг, поэтому им были предоставлены обширные земельные владения, и они стали пользоваться большим расположением, поэтому к этим наветам относились с большим доверием, из-за чего по отношению к английской торговле внушалась подозрительность и недоверие, и говорилось, что она ведётся недостойными методами. Однако уже во времена императора Цяньлун²⁶ долги стали расти день ото дня, а сама торговля стала идти плохо. В это время в их стране много обсуждался вопрос о том, что делать с торговлей дальше. Были также люди, которые выступали за приостановку торговли. В то время чай приобрёл большую популярность и получил значительно большее распространение, чем другие товары. В особенности среди народа, для которого этого продукта стало бы остро не хватать, если торговля с Китаем будет нарушена, что было бы для людей неприятным известием. Кроме того, чай получил значительное распространение на южных островах во владениях Англии, в Тэндзику и в Америке, но выращенный там продукт значительно уступает китайскому чаю и не столь хорош. Более того, он там не производится в количествах, достаточных для замещения поставок из Китая, поэтому прекращение торговли с Китаем стало бы очень непростым делом. Кроме того, судя по ходу обсуждения, упоминавшиеся ранее недостойные методы торговли могли являться на самом деле следствием действий административных чиновников низового звена в Гуанчжоу и никаким образом не связанными с действиями китайского императора. Поэтому отметим также, что в этот период также имело место одно важное празднование дня рождения императора Цзяци²⁷. По этому случаю было решено направить многочисленное посольство для вручения подарков и доклада о своих проблемах, что является вполне надлежащим делом. Метрополия в качестве официального посланника выбрала господина Коруту Макарутэ-нэри²⁸, который по причине неразвитости в Китае астрономии, географии, медицины и материального производства отобрал себе в

²⁵ ホルカル (скорее всего здесь грамматическая ошибка и слог ト пропущен).

²⁶ 乾隆 (шестой император династии Цин — 1736–1795). Японское чтение — Канрю.

²⁷ 嘉慶 — Седьмой император Китая, правивший с 1796 по 1820 г. Японское чтение — Какэй.

²⁸ コルトマカルテネリ — Лорд Макартни.

помощники на корабли несколько человек, которые могли способствовать достижению совершенства в этих областях. В связи с этим подготовка была проведена очень основательная, начиная с книг и кончая посудой. Были выбраны надлежащие переводчики китайского языка. В итоге направилось 4 корабля, на одном из которых ехал сам посланник, на другом — вице-посланник, также в экспедицию включили корабль с охраной и посыльное судно, которые отправились из метрополии в Китай. В качестве следующего шага виделось установление торговых отношений с Японией и Кореей. Посольство получило письмо от короля, в котором говорилось, что он слышал, что в последнее время ситуация в торговле в Гуанчжоу стала очень хорошей, а английская фактория — самой большой европейской факторией в этом городе.

Тогда господин А продолжил свои вопросы: Хотелось бы знать ещё, а этот человек, которого зовут Моррисон, что про него известно, кроме имени?

Господин Б ответил: Про него приходилось слышать достаточно много. Этот человек в прошлом жил в Англии и был известен своими способностями к наукам. Он был приглашён на должность профессора в одно учебное заведение в своей стране и имеет доход, соответствующий 5—6 тысяч коку²⁹. Он очень сожалеет о недружественных настроениях в Китае по отношению к Англии и считает их следствием, в первую очередь, языковой проблемы. Чтобы продемонстрировать это, 20 лет назад он решил переехать на жительство в Гуанчжоу и стал здесь заниматься преподаванием. Уже он овладел китайским языком настолько, что осуществил перевод на английский язык нескольких работ и написал «Госяинфу»³⁰. В последнее время он стал хорошо известен, получил повышение по службе и стал выполнять важные обязанности в администрации Гуанчжоу, стал генерал-губернатором в этом городе³¹ и имеет в своём подчинении все военные суда, которые ходят в южных морях, поэтому мы слышали, что под его контролем по меньшей

²⁹ Для Японии того времени такой доход соответствовал рангу самурая — *xata-moto*.

³⁰ 五車韻府 — один из первых, если не первый, англо-китайский словарь Dictionary of Chinese Language, в трёх томах, опубликованный в 1819 г. в Макао. Составителем является британский миссионер Роберт Моррисон [Dictionary of Chinese Language].

³¹ 広東吏の総督

мере 20–30 тысяч моряков, поэтому может соответствовать 40–50 тысячному таймё³².

Господин Б продолжал: Издавна возвращение людей, унесённых стихией, было поручено Голландии, и Англия, как соседняя с ней страна, не может не знать об этом. В прошлом был случай, когда перевозчики риса из района Бидзэн попали на английские территории на островах в Тэндзику. Тогда англичане передали их голландцам. Однако в данном случае они везут людей, унесённых стихией, на своём судне, назначают для этой миссии высокопоставленного человека, в то время как можно было бы отправить простого капитана. Ведь, надо думать, Моррисон поедет не для проведения публичных лекций, в этом есть, наверное, особый смысл? Что вы думаете по этому поводу?

Господин А отвечал: Здесь, похоже, есть дальний расчёт. Его сложно определить в точности. Мои мысли, конечно, очень недалёкие и простые по сравнению с высоким мнением, однако я попытаюсь высказать некоторые соображения. На протяжении уже многих лет приходится слышать о том, что они желают начать торговлю с Японией. Чтобы торговые суда, которые ходят по морям, в случае нехватки дров и воды, могли заходить в порты и просить то, что не хватает³³. В этих целях они предпринимали определённые меры, но не могли подать прошение напрямую по причине языковых проблем. Кроме того, это государство не рассматривается как заслуживающее какого-то снисходительного обращения. Когда упоминается название этой страны, то на самом высоком уровне она воспринимается как страна исключительно морских разбойников. Если их судно приблизится к берегу, его должны изгонять с использованием огнестрельного и иного оружия³⁴, даже не выяснив при-

³² Может читаться также как даймё. Записано в тексте как 天 (タイ) 名. Скорее всего, здесь также допущена ошибка в правописании и вместо 天 должен быть очень похожий иероглиф 大. Тогда возможно понимание этого места как даймё с владениями в 40–50 тыс. коку.

³³ Трактовка торговли очень односторонняя, но она соответствует представлениям о торговых отношениях с внешним миром, существовавшим в японских указах того времени, таких как указ 1842 г., который часто называют «Синсуй кюё рэй» («Указ о предоставлении дров и свежей воды»).

³⁴ Имеется в виду Указ 1825 года, который предписывал изгонять военными средствами любое иностранное судно, приблизившееся к берегам Японии. Тэйи прямо говорит о том, что этот указ был направлен против английских кораблей.

чин, заставивших корабль это сделать, и даже без распоряжения сверху принимать меры для изгнания судна. В общем, такое невиданное в мире поведение имеет свои причины в сообщениях голландцев, преследующих свои корыстные цели, выставив англичан сплошь морскими разбойниками. На этот раз судно выходит, имея письмо на китайском языке, чтобы в большом и малом опровергнуть всё, что про них говорится. Кроме того, желание прямо³⁵ идти к берегам Японии, избрав поводом возвращение унесённых стихией, желание уведомить заранее голландцев о появлении судна с Моррисоном на борту демонстрирует намерение избежать применения мер об изгнании. Если подумать о том, почему они направляются не в Нагасаки, а непосредственно к Эдо, можно также напомнить о том, что в случае с посольством годов Цяньлун в Китае, отправляя подарки, возникли с доставкой сложности, так как невозможно было отправить все подарки по суше. Было подано прошение о разрешении доставки по морю до ближайшего к Пекину пункта, минуя должностных лиц, приставленных к ним в Гуанчжоу, прямо пожаловавшись на чиновников низкого ранга. Поэтому, исходя из понимания существующих процедур, представляется, что они пытаются избежать помех и наветов со стороны голландцев, которые присутствуют в Нагасаки.

Господин Б отвечал: В период правления первых представителей нынешней династии совершенно отсутствовала ситуация, когда вся торговля с южными варварами сконцентрирована в руках одних голландцев, а с другими она не велась вовсе. Кроме того, тогда совершенно не думали об отсутствии торговли в соответствии с нормами политики сакоку³⁶. По мере течения времени и приближении к сегодняшнему дню, несмотря на свою затратность, было принято решение о проведении изгнания иностранных кораблей, которое должно исполняться также в этом случае. В этой ситуации, как мы должны представлять себе, что должна думать противная сторона?

Господин А продолжил: В странах Европы считается глубоко почётным уделять внимание народу и беречь жизни людей. В про-

³⁵ Имеется в виду намерение судна двигаться прямо к столице Японии городу Эдо.

³⁶ Политика изоляции страны и ограничения контактов с иностранными государствами, проводимая в Японии.

шлом во время войны со страной, называемой Нэмарука³⁷, англичане осадили город Бэнхака³⁸. Однако оборона города хорошо продумана, погибло много англичан, а один военный корабль сильно пострадал от артиллерийского огня. Находившиеся на корабле быстро придумали одну хитрость. Они сообщили, что на корабле находятся несколько десятков пленных датчан³⁹. Под предлогом необходимости их передачи они попросили прервать ненадолго военные действия и отправили таковое послание датскому⁴⁰ королю. Тогда датский король, понимая, что это скорее всего уловка, но рассуждая, что потеря одного корабля не окажет решающего влияния на победу, а если на вражеском корабле действительно окажется хоть один датчанин, это будет для него чревато опасностью получить ранение или погибнуть, поэтому он приказал приостановить военные действия. Во время перемирия англичане починили свой корабль и ушли на нём от датчан. Если хорошо подумать об этом случае, то понимаешь, что в соответствии с принципами европейской морали, если на вражеском корабле могут быть люди из твоей страны, то не следует открывать огонь. Однако Англия не является по отношению к Японии страной-противником⁴¹, а является страной, с которой нет отношений. Посторонние люди, которые проявили жалость к людям, унесённым стихией, и из соображений гуманности хотят доставить их домой. В любом случае, если мы откажемся разговаривать с ними, а тем паче ещё начнём изгонять, то Япония будет рассматриваться как безжалостная к своему народу, негуманная страна. И даже возможно, что в крайней ситуации это недовольство негуманным и неправильным поведением может создать проблемы для морского сообщения по той причине, что вблизи Японии есть много островов, принадлежащих Англии, и если англичанам придёт в голову мстить, это будет большим несчастьем для нашей страны. Даже если до этого

³⁷ Имеется в виду Дания, которая тогда именовалась Дэнэмарука.

³⁸ Имеется в виду Копенгаген, который именовался в японской литературе Кобэнха^{ка}.

³⁹ Тэнэмарука (Дэнэмарука).

⁴⁰ Тиринэмарука — Знак катаканы チ вместо テ, которые очень похожи, а リ вместо значка долготы (две черты вместо одной). Скорее всего, это ошибки переписчика, не очень хорошо знавшего географию. Одно слово написано в трех разных вариантах.

⁴¹ 敵国ニモ無之 — тэкикоку ни мо корэ наси.

дело не дойдёт, но будет проведено изгнание, к нам будут относиться как к стране, которая не понимает разумных доводов и несправедливо относится к другим странам. Поэтому наша страна потеряет имидж страны, уважающей принципы справедливости. Невозможно представить, какие от этого могут последовать проблемы, но если задуматься над этим, то можно предположить, что это приведёт к отставанию⁴² во внутреннем развитии и даже, осмелею сказать, нанесёт урон нашему военному потенциалу⁴³.

Господин А сказал: «Как же надо поступить с ними? Это всё связано с высокой политикой и не является простым вопросом, но всё равно, я хочу, чтобы вы высказались по этому поводу».

Господин Б сказал: Это дело касается дел политики государства, по которым разумные люди низкого статуса могут высказываться на основании древнего изречения, в котором говорится, что нижестоящие должны сообщать содержание своих скромных мыслей. Отложим вопрос о том, что у них могут быть некие скрытые планы, остановимся на том факте, что они привезут людей, унесённых стихией, и апеллируют к гуманизму. С учётом того, что земли в районе Эдо имеют важное значение для страны, нельзя давать разрешение прибывшим сходить на сушу, поэтому необходимо разрешить сойти на сушу в Нагасаки или ином другом порту, и принять от них людей, унесённых стихией, и в качестве жеста, приветствующего такого рода действия, вознаградить их и оказать им милость. Мои скромные мысли также заключаются в следующем. Мы высочайшим распоряжением возложили на голландцев почётную обязанность служить нашими глазами и ушами за рубежом. Они ведут торговлю в Китае, Средней Азии⁴⁴, на территории Тэндзику и в других странах. Во всех случаях они докладывают только лишь информацию не первостепенной важности, то есть не имеющую особо важного значения, если смотреть с позиций той страны, которой она касается. В Китае, Корее, а также в России они ведут себя спокойно, и если к ним обращаются за информацией в отношении Японии, они также не сообщают о важных делах, имеющих особое значение. Даже если вопросы имеют важное значение, то они не такие, которые имеют негативный характер. На этот раз англичане

⁴² 国内衰微 — кокунай суйби.

⁴³ 武威ヲ損シ候ヤウニモ — буи о сон си соро я(ё) ни мо.

⁴⁴ Область применения термина не ясна.

также будут использовать свой шанс и, когда их будут спрашивать о Китае, Корее и России, будут стараться изо всех сил, отвечая на вопросы. Добиваясь желательного для себя решения по вопросу о торговле, они будут многое говорить о ситуации в этих странах. Далее можно сделать следующее. Получив подробную информацию о современной ситуации, то есть легко получив то, что в своё время получили Собы⁴⁵ и Тёкэн⁴⁶, можно добиться больших заслуг перед страной. А когда они станут выкладывать свои просьбы, внимательно выслушать их. Когда же дело дойдёт до вопроса о торговле, сообщить им о том, что со времени основания государства существуют жёсткие правила на этот счёт. Сообщив содержание этих запретов, мы не потеряем имидж гуманности, а у них не возникнет беспредельного раздражения и будет возможно уладить все вопросы спокойно.

В годы Бунка в Японию приезжало посольство Рэсаноцу⁴⁷ и его просьба о торговле не была удовлетворена. Вернувшись в свою страну, посол от того, что нечего сказать в своё оправдание, от горя совершил самоубийство, а его подчинённый Хорэтоу⁴⁸ от горечи и досады, имея лишь одно судно, устроил большой шум на землях Эдзо, нормализация последствий которого повлекла необходимость значительных усилий со стороны государства⁴⁹. В нынешнем случае Моррисон находится на службе в расположенном близко от Японии Гуанчжоу и контролирует множество военных кораблей. Также особую важность имеет наличие недалеко от Японии большого количества островов, которые контролируются англичанами. Так что ситуация имеет значительные отличия от случая с Рэсаноцу. Если он, паче чаяния, столкнётся с неподобающим обращением, какой ущерб это может нанести? Реально я думаю, что такой, о

⁴⁵ 蘇武 (Су Ву).

⁴⁶ 張騫 (Чжан Тиэн).

⁴⁷ レサノーツ Рэзанов. Посольство прибыло в Японию в сентябре 1804 г. (1-ый год Бунка). В японском написании допущена ошибка и вместо знака フ написан знак ツ.

⁴⁸ ホレートウ Хвостов. Вместо レдолжен быть знак ス.

⁴⁹ Экспедиция Хвостова и Давыдова на Сахалин в 1805 г. по распоряжению Н. Рэзанова, получившего отказ в Японии начать регулярные торговые отношения между Россией и Японией. Использование военной силы Хвостовым и Давыдовым вызвало существенное ухудшение отношения к России в Японии и рост внимания к обороне северных регионов Японии.

каком страшно подумать. В этом случае не вполне ясно, кто те люди, которые были унесены стихией. Это простые моряки или достаточно образованные люди⁵⁰. Ясно только то, что участие самого Моррисона не является свидетельством обычной ситуации. Всё вышесказанное не означает, что это истина в последней инстанции и наивысшая мудрость всех времён и народов. Если я в ответ услышу, что высказываться, не робея, о политике страны такому мало сведущему человеку не соответствует моим служебным обязанностям, я отвечу, что этот немалый проступок вызван вынужденной ситуацией. В любом случае к нему подтолкнули мысли о положении страны. За это не должно последовать серьёзного наказания. Так за разговорами я вдруг услышал стук дощечек обходящего квартал дежурного⁵¹. Я открыл глаза и огляделся. Я увидел, что нахожусь не в зале собраний, а в своей спальне. Передо мной нет никаких людей. Огонёк в лампе догорает. Вдалеке слышится крик петуха, извещающий о наступлении утра. Постепенно ночь сменилась утром. Обдумывая всё это, что было похоже на сон и не было сном, что было похоже на воспоминания и не было воспоминаниями, мне всё это казалось странным и удивительным. Поэтому я взял кисть и записал на бумаге всё то, что смог вспомнить.

8-й год Тэмпо, год петуха, весна⁵²

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аихара Рёити. Тэмпо хатинэн бэйсэн Морисонго торай но кэнкю : [Исследования американской экспедиции на корабле «Моррисон» в 1837 году]. Токио: Ядзинся, 1954.

Бакумацу офурэгаки сюсэй : [Сборник распоряжений правительства периода Бакумацу] / под ред. Исии Рёсукэ и Харафудзи Хироси. Токио: Иванами сётэн. 1994–1995. т. 4, 6.

Иноуэ Киёси. Нихон гэндай си : [Современная история Японии]. Токио: Токио дайгаку сёппанкай. Т. 1. 1951.

Кацу Кайсю. Дзэнсю : [Собр. Соч.]. Токио: Коданся. Т. 11. 1974.

⁵⁰ Т.е. имеющие достаточно высокий статус.

⁵¹ В период Эдо жители по очереди должны были обходить свой квартал ночью, чтобы извещать жителей в случае пожаров и важных происшествий. При себе дежурный имел специальные дощечки, которыми стучал во время своего обхода.

⁵² Весна 1837 г.

Офурэгаки Тэмпо сюэй : [Сборник распоряжений за период Тэмпо]. Токио: Иванами сётэн. 1977. Т. 2.

Такано Тёэй. Дзэнсю [Полн. собр. соч.]. Токио: Дай ити сёбо. 1978. Т. 2.

Танака Хироюки. «Банся но гоку» но субэтэ : [Всё об «Аресте членов общества, занимавшихся варварскими (европейскими) науками»]. Токио: Ёсикава кобункан, 2011.

Толстогузов С.А. Указ от 23 июля 1842 г. и «режим изоляции» Японии // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 135–142.

Цуда Хидэо. Тэмпо кайкаку : [Реформы Тэмпо], Нихон но рэкиси [История Японии]. Т. 22. Токио: Сёгаккан, 1975.

Bonnie Abiko. Persecuted Patriot. Watanabe Kazan and Tokugawa Bakufu : [Гонимый патриот. Ватанабэ Кадзан и Токугава Бакуфу]. Monumenta Nipponica. Vol. 44, No. 2 (Summer, 1989).

Dictionary of Chinese Language : [Словарь китайского языка]. URL: <http://news.cri.cn/gb/1321/2011/04/28/5454s3232970.htm> (дата доступа: 02.01.2019).

Jansen M. The Making of Modern Japan. Cambridge, Massachusetts, London. 2000.

Tolstoguzov S. The International Situation in East Asia and the Establishment of a Modern Army and Modern Warfare in Japan: The Memorandum of Takashima Shūhan. Asiatische Studien — Études Asiatiques. 2018. 72(1).

References

Aihara, Ryoichi. (1954). Tenpo hachinen beisen Mirisongo torai no kenkyu [The Research of the American Expedition on the Vessel «Morrison» in 1837]. Tokyo: Yajinsha.

Bonnie, Abiko. (1989). Persecuted Patriot. Watanabe Kazan and Tokugawa Bakufu. *Monumenta Nipponica*. Vol. 44, No. 2 (Summer, 1989).

Dictionary of Chinese Language. URL: <http://news.cri.cn/gb/1321/2011/04/28/5454s3232970.htm> (accessed: 2 January 2019).

Inoue, Kiyoshi. (1951). Nihon gendai shi [The Modern Japanese History], Tokyo: Tokyo daigaku shuppankai, 1951, Vol. 1.

Ishii Ryōsuke and Harafuji Hiroshi, eds, Bakumatsu ofuregaki shūsei [The Collection of Ofuregaki Orders of the Bakumatsu Period], Tokyo: Iwanami shoten, 1994, Vol. 4.

Jansen, M. (2000). *The Making of Modern Japan*, Cambridge, Massachusetts, London.

Katsu, Kaishu. (1974). *Zenshu* [Collected works]. Tokyo: Kodansha, 1974, Vol. 11.

Ofuregaki Tenpo shusei [The Collection of Ofuregaki Orders of the Tenpo Period], Tokyo: Iwanami shoten, 1994, vol. 2.

Takano, Choei. (1978). *Zenshu* [Collected works], Tokyo: Dai ichi shobo, 1978. Vol. 2.

Tanaka, Hiroyuki. (2011). “Bansha no goku” no subete [The All about “Indictment of the Society for Western (or barbarian) Study”], Tokyo: Yoshikawa kobunkan.

Tolstoguzov, S. *The International Situation in East Asia and the Establishment of a Modern Army and Modern Warfare in Japan: The Memorandum of Takashima Shūhan, Asiatische Studien — Études Asiatiques*. 2018. 72(1).

Tolstoguzov, S. Ukaz ot 23 iyulya 1842 g. i «rezhim izolyatsii» Yaponii [23 July 1842 Bakufu’s Edict and the “seclusion policy” in Japan], *Voprosy istorii*, 2012, №5: 135–142. (In Russian).

Tsuda, Hideo. (1975). *Tenpo kaikaku* [Tenpo Reforms], *Nihon no rekishi* [The Japanese History], Tokyo: Shogakkan, 1975, Vol. 22.

История изучения Синрана (1173–1263) и школы Син в англоязычной научной литературе

А.Ю. Гунский

Аннотация. Статья посвящена истории изучения религиозно-философского наследия Синрана, одного из реформаторов японского буддизма периода Камакура, в англоязычной научной литературе. Определены основные этапы в развитии англоязычной научной литературы о Синране, подходы, характерные для каждого этапа, приведён краткий обзор основных работ. Для современного этапа, начавшегося после окончания Второй мировой войны, выделены следующие направления в изучении мысли Синрана: историко-философские работы и переводы источников, работы компаративного характера, историографические исследования.

Ключевые слова: японский буддизм, Син-буддизм, историография буддизма, ориентализм, вера, синдзин, Синран.

Автор: Гунский Алексей Юрьевич, магистрант кафедры философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. E-mail: gunskey@inbox.ru

The study of Shinran (1173–1263) and Shin-Buddhism in the English-language historiography

A.Yu. Gunskey

Abstract. The article is devoted to the history of studying the religious and philosophical heritage of Shinran, one of the reformers of Japanese Buddhism of

the Kamakura period, in the English-language historiography. The article defines the main stages of development of English-language studies on Shinran, approaches, and major works, specific to each stage. For the present stage, the following types of research are defined: historical, philosophical works and translations of sources, comparative studies, historiographic studies.

Keywords: Japanese Buddhism, Shin-Buddhism, historiography of Buddhism, Orientalism, faith, shinjin, Shinran.

Author: *Gunskii Aleksei Yu.*, St. Tikhon's Orthodox University.

E-mail: gunsky@inbox.ru

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Общие замечания

В представленной работе рассматривается история изучения наследия японского буддийского мыслителя Синрана (1173–1263), основателя буддийской Истинной школы Чистой Земли (Дзёдо Синсю)¹. Синран был одним из трёх главных реформаторов японского буддизма периода Камакура (1185–1333 гг.), времени больших изменений в японском обществе и буддизме. Он создал учение, в котором главным элементом стало не выполнение обрядов и медитативных упражнений, не интеллектуальное постижение тонкостей буддийского учения, а вера в спасительную помощь будды Амиды. Причём вера обретается не собственными усилиями человека, а является исключительно даром «иной силы» будды Амиды. И в этом отношении учение Синрана не без оснований сравнивают с учением «о спасении только верой» у европейских протестантов.

Мы ограничимся историографическим обзором англоязычных научных работ, поскольку они составляют большую часть всего корпуса литературы, посвящённой изучению мысли Синрана. Такое преобладание во многом обусловлено тем, что многие исследователи так или иначе связаны с образовательными и миссионерскими организациями школы Син, и их основная цель — познакомить западного читателя с данным направлением буддизма и способствовать его продвижению на Западе.

¹ Обычно в литературе используется краткое название «школа Син» или «Син-буддизм». Иногда это направление называется «линией Хонгандзи» по названию главного храма этой школы.

Кроме того, в США существует довольно многочисленная англоязычная японская диаспора, среди которой подобные издания вызывают значительный интерес. Публикации на других европейских языках (французском, немецком) единичны. Они находятся в русле общих тенденций, имеющих в англоязычной литературе. Аналогичная ситуация существует и в отечественном востоковедении, где публикации, касающиеся Синрана и школы Син, крайне немногочисленны.

Представленный историографический обзор не претендует на всеохватывающую полноту и не включает, естественно, обзор всех публикаций, посвящённых Син-буддизму. Мы стремились выделить основные этапы в развитии научной литературы в этой области, познакомить с авторами и наиболее значительными работами, проследить основные тенденции, существующие в изучении Син-буддизма.

1.2. Периодизация историографии изучения Синрана и школы Син

Историю изучения Синрана и школы Син можно подразделить на несколько этапов. Начальный этап — это первая встреча японцев с Западом в лице иезуитских миссионеров, прибывших в Японию в XVI веке. Они оставили первые сведения о школе Син в своих записках и донесениях.

Второй этап связан с открытием Японии для иностранцев в середине XIX века. Он заканчивается во время Второй мировой войны. В период ускоренной модернизации Японии и формирования идеологии японского национализма на Западе и в англоязычной японской литературе появляются первые работы, знакомящие иностранного читателя с учением Синрана и школой Син.

В послевоенный период начинается третий этап, который и продолжается вплоть до настоящего времени. На этом этапе получает развитие академическое изучение Синрана, публикуется ряд научных монографий, посвящённых данной теме.

2. ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА ЕВРОПЕЙЦЕВ СО ШКОЛОЙ СИН

Европейцы впервые столкнулись с учением Синрана и школой Син в середине XVI века. Когда первые иезуитские миссионеры прибыли в Японию, они довольно быстро получили сведения о

школе Син и её учении и составили о нём свои представления. Так, один из видных деятелей миссии, Алессандро Валиньяно, считал, что учение Синрана является «протестантским» или «лютеранским» в том смысле, что основную роль в нём играет «спасение только верой» (*sola fide*). По его мнению, сходство учений Синрана и Лютера объяснялось тем, что у них был общий учитель — дьявол, враг рода человеческого, и что Синран практически ничего не изменил в этом учении, кроме имени персоны, которой поклоняются. Для Валиньяно было вполне естественно, что в Японии это учение привело к тем же последствиям, что и в Европе — господству греха, разделением на разные учения и секты и постоянным междоусобным войнам [Amstutz, 1997, p. 46]. В школе Син иезуиты увидели главное препятствие для своей миссионерской деятельности в Японии, и для целей проповеди и постепенного освобождения японского населения от власти «идолопоклонства» предпочли использовать конфуцианскую терминологию, считав конфуцианство лучшей частью японской идеологии [Amstutz, 1997, pp. 44–46]. Однако христианство вскоре было запрещено японским правительством, иезуиты изгнаны, и контакты Японии с европейцами прервались на 250 лет.

3. ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКА — ОКОНЧАНИЕ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

3.1. Работы христианских миссионеров

Новая встреча европейцев с учением школы Син произошла во второй половине XIX века, после открытия Японии для иностранцев. Прибывшие в страну христианские миссионеры снова выделили те черты Син-буддизма, на которые обратили внимание их предшественники: его значительную роль в японском обществе и культуре, существенное отличие Син-буддизма от других направлений буддизма и сходство с протестантским учением. В конце XIX — начале XX в. большинство миссионерских сочинений признавало, что школа Син представляет собой влиятельную и аутентичную форму азиатского буддизма. Одним из образцов такого рода сочинений начала XX века может служить небольшая работа известного англиканского миссионера и учёного Артура Ллойда *Shinran and his work*, опубликованная в Токио [Lloyd, 1910]. В книге

достаточно точно описаны основы учения школы Син, приведены и прокомментированы выдержки из произведений учителей Син-буддизма, описаны ритуалы данной школы. Кроме того, в неё включён китайский и японский текст и английский перевод одного из самых известных произведений Синрана — «Песни об истинной вере» (正信偈, «Сё:син-гэ»)², которое кратко излагает содержание учения и является основой ежедневного домашнего обряда последователей школы Син [Lloyd, 1910, pp. 35–56].

Ллойд находил поразительное сходство в учениях Син-буддизма и христианства [Lloyd, 1910, p. 35] и проводил множество смелых параллелей между ними. Например, он усматривал тождество между христианской Святой Троицей и троицей (триадой) в амидаизме, в которую входят будда Амида (Амитабха) и сопровождающие его бодхисаттвы Каннон и Сэйси (Авалокитешвара и Махастахапрабха), олицетворяющие сострадание и мудрость будды Амиды. Ллойд сопоставлял историю бодхисаттвы Ходзо (санскр. Дхармакара), прошедшего долгий путь на благо всех живых существ и ставшего в итоге буддой Амидой, правящем в созданном им Западном Рае, с кенозисом Христа, принявшим человеческое рождение, и т.д. [Lloyd, 1910, pp. 21, 77].

Значительное место Ллойд уделил анализу возможного влияния на развитие почитания Амиды гностицизма, несторианства и манихейства [Lloyd, 1910, pp. 157–182] (такого рода представления были широко распространены в то время³). Вместе с тем он допускал, что не внешние исторические влияния, а сам Бог, проявляющий Себя многими способами, привёл христиан и последователей Син-буддизма разными путями к пониманию существования одного и только одного Господа и Спасителя человечества. Господь хочет, чтобы все люди были спасены и пришли к познанию Истины, через веру в Него, а не собственными добрыми делами и поступками, — пишет Ллойд [Lloyd, 1910, p. 5].

Работа Ллойда во многом опиралась на сочинение «Сто вопросов о школе Син» (真宗百話 «Синсю хякува», автор — Нисимото Рюкэн 西元龍拳). Это краткое, но достаточно полное изложение основных положений школы Син составил один из наставников

² В русском переводе см. [Трубникова, Бабкова, 2014, с. 474–483].

³ Краткий обзор различных теорий возникновения культа будды Амиды и возможных внешних влияний на этот процесс см. [Хантаева, 2000, с. 32–39].

школы. Его перевёл на английский язык другой англиканский миссионер, А.К. Рэйшауэр в 1912 г. в трудах «Азиатского общества Японии» (Asiatic Society of Japan) под названием A Catechism of the Shin Sect (Buddism). В 1921 г. сочинение вышло отдельным изданием, подготовленным Издательским бюро миссии Хонгандзи, главного храма школы Син [Reischauer, 1921].

3.2. Первые научные исследования японских авторов

Первым представителем Син-буддизма, получившим признание в академических кругах на Западе, стал Нандзё Бунью (1849–1927), ученик Макса Мюллера, основатель японской санскритологии и потомственный священник школы Син. В области, касающейся Син-буддизма, можно отметить две его работы. Во-первых, он был соредактором издававшейся Максом Мюллером небольшой серии Buddhist texts from Japan, в которой были опубликованы санскритские оригиналы двух из трёх главных доктринальных текстов данного направления, «Большой» и «Малой» сутр о Чистой Земле [Sukhavati-Vyuha, 1883]⁴. Также Нандзё Бунью издал краткий обзор двенадцати главных школ японского буддизма, в который был включён и очерк о школе Дзёдо Синсю, основанной Синраном [Nanjio, 1886].

В первой половине XX века возрастает число англоязычных работ японских авторов, представляющих традицию Син-буддизма западному читателю. Наиболее значительной среди них стало исследование профессора и президента Университета Отани Сасаки Гэссё A Study of Shin Buddhism [Sasaki, 1925], написанное в сотрудничестве с известным буддийским философом Дайсэцу Тэйтаро Судзуки. Сам Д.Т. Судзуки до Второй мировой войны пишет ряд работ, посвящённых школе Син.

В это время появляются и первые переводы работ Синрана. Так, в 1921 г. в Лондоне под названием Buddhist Psalms of Shinran Shonin [Buddhist Psalms, 1921] выходит подборка стихотворных гимнов

⁴ Санскритский оригинал третьей базовой сутры школы Син, «Сутры созерцания будды Бесконечной Жизни», так и не был обнаружен; вероятно, этот текст сложился в Китае. Английский перевод трёх главных сутр буддизма Чистой Земли был издан Максом Мюллером в его знаменитой серии Sacred Books of the East, перевод «Сутры созерцания» был выполнен с китайского языка известным японским учёным Дж. Такакусу [Sacred Books, 1894].

Синрана, написанных на японском языке (Синран писал и на китайском, официальном языке буддийской учёности). Данное издание носило не научный, а ознакомительный характер, в нём отсутствовали какие-либо пояснения и комментарии.

В целом исследователи отмечают, что в первой половине XX века на английском языке существовало значительное число публикаций о школе Син (хотя по большей части в японских изданиях), и количественно они превосходили публикации, касающиеся, например, дзэн-буддизма [Amstutz, 1997, p. 63].

3.3 Изменение отношения к Син-буддизму

Несмотря на относительное обилие информации о Син-буддизме в период возобновления контактов Японии с иностранцами, вскоре интерес Запада к этой традиции был утрачен, и школа Син начала маргинализироваться в сознании западных интеллектуалов.

Это было обусловлено, в частности, изменением отношения к Син-буддизму со стороны христианских миссионеров. Несмотря на высокую оценку школы Син, даваемую отдельными миссионерами (А. Ллойд относился к их числу), отношения между христианами проповедниками и местным населением постепенно становились всё более враждебными. Этому способствовала крайне настойчивая форма проповеди христианства, с одной стороны, и всё возрастающее противодействие японских общин и государства напору христианской миссии — с другой. Со временем христианские проповедники, как и их предшественники XVI века, предпочли для целей христианской проповеди опираться на конфуцианские понятия, а не на «протестантский буддизм» [Amstutz, 1997, p. 64]. Некоторым признаком произошедшей перемены стало как раз то обстоятельство, что «протестантская аналогия» надолго исчезла из сочинений христианских авторов, а в работах по истории христианства в Японии, выходявших в 50-е — 60-е годы XX века, школа Син часто вообще не упоминалась [Amstutz, 1997, p. 169, notes 34–35].

Однако конфликт христианских миссионеров с местными конфессиями не был уникален для Японии и не имел большого значения за пределами христианской миссии. Общая утрата интереса европейских интеллектуалов к традиции Син-буддизма обладала собственной логикой. Западная интеллигенция в XIX веке уже в значительной степени отошла от традиционного христианства и

обратила свой взгляд на Восток в поисках новых религиозных идей. Бульшая часть западной интеллигенции, тяготевшей к рационализму, к вере в достижения науки, социальный и нравственный прогресс, достигаемый собственными усилиями просвещённого человечества, искала «чистой», научной и философской религии, подтверждающей их собственные убеждения. Она склонялась к различным формам философского монизма и отрицала веру в личного Бога, не принимала организованные формы религиозного поклонения, культ, упование на волю Божию, спасение «по благодати», а не собственными силами и т.д. На Востоке пример подобной религии виделся в истинном учении Будды, некоем «первоначальном буддизме», очищенном от клерикальных наслоений позднейшего времени, предрассудков и догматизма, свойственного, по их мнению, позднему буддизму махаяны⁵.

Другая часть западной интеллигенции, склоняющаяся к мистике, оккультизму, восточной экзотике, в своих поисках обращалась к эзотерическим учениям Тибета и Японии. В любом случае, для западных религиозных искателей Син-буддизм представлялся какой-то странной репликой христианства, которое ими отрицалось. Как и христианство, Син-буддизм основывался на представлении о всемилостивом божестве, которое сжалилось над грешным человечеством и к которому люди обращаются с верой и поклоняются в различных формах, надеясь обрести спасение на небесах после смерти. Кроме того, Син-буддизм имел развитый культ и иерархию, организованную общинную жизнь, его учение было лишено какой-

⁵ В отечественной науке пример подобного рода идеализации буддизма являл собой известный буддолог Ф.И. Щербатской. Он разделял многие характерные для дореволюционной либеральной интеллигенции взгляды: веру во всемогущество науки, жизнеутверждающий атеизм, веру в прогресс человечества. Эти же черты он находил и в буддизме. По его мнению, буддийские философские учения, «будучи правильно поняты, обнаруживают замечательную близость как раз к самым последним, самым новейшим достижениям в области нашего научного мирозерцания... Мирозерцание без Бога, психология без души, вечность элементов материи и духа, ...наследственность, жизненный процесс вместо бытия вещей, в области практики — отрицание права частной собственности, отрицание национальной ограниченности, всеобщее братство всех людей, наконец, общая всем нам необходимая вера в то, что мы движемся и должны двигаться к совершенствованию — независимо от Бога, души и свободы воли, вот основные черты как буддийского, так и нашего современного, новейшего мирозерцания» [Щербатской, 1919, с. 47], о подходах Ф.И. Щербатского к буддизму см.: [Лысенко, 1994, с. 54–59].

либо мистики и экзальтации. Не представляя экзистенциального интереса для образованных слоёв Запада, Син-буддизм не привлекал и научного интереса западных исследователей религии, за исключением относительно узкой сферы сравнительного изучения религий. Однако и здесь он имел ряд особенностей, которые снижали его ценность как предмета исследования.

Во-первых, западное научное сообщество находилось под влиянием эволюционизма и отождествляло понимание предмета исследования с пониманием его происхождения и эволюции. В гуманитарной сфере господствовали методы библейской критики, которая стремилась реконструировать (иногда достаточно произвольно) истинное первоначальное учение Христа, позднее искажённое мифами, догматами, церковной иерархией и т.д. Подобные представления переносились и на буддизм. Син-буддизм как поздний извод махаяны, которая и сама по себе рассматривалась в это время как вырожденная форма истинного «первоначального буддизма», с этих позиций не представлял интереса. В целом западные ученые (и их японские коллеги, находящиеся под влиянием западной буддологии) помещали школу Син в конец истории буддизма как маргинальное явление [Amstutz, 1997, p. 69].

Во-вторых, западное сравнительное религиоведение того времени склонялось к тому, чтобы рассматривать универсальный религиозный опыт в качестве объективной внутренней структуры любой религии, однако Син-буддизм с его мирским трезвомыслием, строгой социальной организацией, иерархией, организованным культом плохо подходил для подобной трактовки. Кроме того, хотя школа Син и играла большую роль в социальных и политических процессах Японии в Средние века и в Новое время, упор на религиозный опыт в значительной мере исключал изучение подобных аспектов как не относящихся к сфере сравнительного религиоведения [Amstutz, 1997, p. 68].

3.4. Син-буддизм в контексте ориентализма

Для лучшего понимания истории западных буддологических исследований их следует рассматривать в более широких рамках концепции ориентализма. Это понятие получило признание после выхода в 1978 г. работы американского культуролога Эдварда Саида «Ориентализм. (Западные концепции Востока)» [Саид, 2006].

Согласно его концепции, следует различать Восток как географическое понятие (East) и Восток как культурный продукт, всецело изобретённый на Западе (Orient). Восток (Orient) для западной Европы выступает как «Другой», и тем самым «Восток помог Европе (или Западу) определить по принципу контраста свой собственный образ, идею, личность, опыт... Восток — это неотъемлемая часть европейской материальной цивилизации и культуры. Ориентализм выражает и репрезентирует эту часть культурно и даже идеологически как вид дискурса⁶ с соответствующими ему институтами, словарём, учёной традицией, образным рядом, доктринами...» [Саид, 2006, с. 8]. Согласно Э.В. Саиду, ориентализм не является некоей абстрактной областью, сферой чистого научного знания: «Ориентализм — это западный стиль доминирования, реструктурирования и осуществления власти над Востоком» [Саид, 2006, с. 10]. Исследование Саида было посвящено западному восприятию Ближнего Востока, однако его концепция доказала свою применимость и во многих других областях.

В частности, концепция чистого философского и научного «первоначального буддизма» в западной буддологии также вполне укладывалась в ориенталистские рамки. Она имела основанием западные исследования древних языков (санскрита и пали), плохо известных в самих азиатских странах. Знание древних языков будто бы позволило европейским специалистам понять истинный, не искажённый последующими наслоениями смысл буддийского учения и открыть духовные основания индоевропейского мира, на которые европейские эксперты и философы тут же предъявили свои права. Концепция первоначального, чистого, научного и философского буддизма, недоступного самим азиатам, позволяла критиковать позднюю, мифологизированную азиатскую культуру [Amstutz, 1997, p. 69].

Син-буддизм не имел своего места в подобном ориенталистском дискурсе, и, как уже было сказано, не вызывал интереса западных

⁶ М.В. Гришин, один из немногих отечественных исследователей ориентализма, в данном контексте определяет дискурс как «...культурную ситуацию, при которой мышление, обращённое на определённый объект, и соответственно высказывание о нём исходят не столько из реальных качеств наблюдаемого объекта, сколько из его априорных характеристик, содержащихся в признанном и утверждённом традицией, школами или влиятельными научными направлениями корпусе текстов» [Гришин, 2013, с. 16–17].

исследователей. Однако ориентализм оказывал влияние на японский буддизм с другой стороны. Япония после открытия её для Запада впервые за долгое время столкнулась с «Другим», причём «Другим» мощным и влиятельным, превосходящим её во многих отношениях. В этих условиях Японии необходимо было определить и сформировать собственный образ перед лицом Запада, найти и осознать свою идентичность. При этом, поскольку модернизация страны сопровождалась широким внедрением западной науки, технологий, системы образования, западной культуры, такое само-осознание неизбежно должно было выражаться в рамках общепринятых западных научных и общественных концепций.

Проблема самоопределения встала и перед японским буддизмом. В условиях быстрой модернизации буддизм в короткие сроки потерял доверие общества. В новых условиях он рассматривался как устаревшая, архаичная религия, несовместимая с научной мыслью и рациональным мышлением, необходимым для современной Японии, и подобные настроения прямо выразились в волне правительственных гонений на буддизм вскоре после революции Мэйдзи. В японском буддизме Нового времени возникает целое поколение молодых реформаторов, стремящихся к его обновлению и доказывающих, что буддизм является авторитетной и привлекательной традицией, сохраняющей свою ценность и в новые времена.

Одним из наиболее известных на Западе реформаторов подобного типа стал японский мыслитель Дайсэцу Тэйтаро Судзуки (1870–1966), сумевший соединить буддийский материал с западными подходами. Д.Т. Судзуки получил широкую известность своими работами по Дзэн-буддизму, менее известно, что всю свою долгую жизнь он интересовался буддизмом Чистой Земли. В недавно изданном трёхтомнике избранных произведений Д.Т. Судзуки работы, посвящённые Син-буддизму, составили второй том [Suzuki, 2015] (в первом содержатся его исследования по Дзэн буддизму, в третьем — работы компаративистского характера). Общие принципы толкования Син-буддизма, принятые Д.Т. Судзуки, создавали представление о нём как об учении, всецело сфокусированном на настоящем, основанном на религиозном опыте и не-двойственности как его основной характеристике. Тем самым Д.Т. Судзуки вписал Син-буддизм в общую традицию махаяны, переинтерпретировав некоторые уникальные черты учения школы Син, сместив

акценты и опустив определённые моменты этого учения. Переосмыслено было и центральное понятие учения Синрана — вера-*синдзин* 信心, у самого Синрана означавшего акт взаимодействия человека и будды Амиды. Д.Т. Судзуки фактически приравнял обретение веры к достижению просветления и сатори, тем самым превратив веру-*синдзин* в общебуддийский гнозис, акт «правильного знания», в ходе которого человек осознаёт своё единство с Буддой в его высшем космическом теле. Такой подход, как мы увидим ниже, впоследствии был воспринят рядом исследователей⁷.

4. ИССЛЕДОВАНИЯ СИН-БУДДИЗМА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX — НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

4.1. Переводы основных текстов школы Син

Одним из главных достижений работ Д.Т. Судзуки о Син-буддизме было то, что они популяризовали само это понятие и представили Син-буддизм как серьёзную аутентичную буддийскую школу, составляющую определённого рода дополнение к Дзэн-буддизму. Подобное понимание было донесено до заинтересованного западного читателя, но общественного интереса это направление буддизма по-прежнему не вызывало. Син-буддизм не представлял собой ни подходящую альтернативу, ни дополнение к уже существующему на Западе христианству. В нём практически отсутствуют оккультные, экзотические или мистические элементы, привлекательные для западных искателей религиозных истин, не удовлетворённых христианством, в нём нет медитаций, посвящений, тайных практик, астрологии, геомантии, магии, практик целительства и т.д. Кроме того, в Америке уже довольно давно существует значительная японская диаспора, исповедующая Син-буддизм, однако в силу определённых исторических причин она достаточно замкнута, и Син-буддизм в ней принял черты этнической религии. В самой Японии Син-буддизм в значительной мере сохранил влияние, к этому направлению до сих пор принадлежит около четверти японских буддийских храмов. Однако и здесь Син-буддизм занял скорее оборонительную позицию, отступая под натиском процессов секуляризации и новых религиозных движений.

⁷ Подходы Д.Т. Судзуки к интерпретации учения Син-буддизма подробно рассматривались нами ранее [Гунский, 2019].

Тем не менее, в сфере академических исследований изучение наследия Синрана и школы Син во второй половине XX века развивалось достаточно успешно. Во многом этому способствовала последовательная и планомерная работа по переводу основных текстов школы на английский язык, выполняемая конфессиональными образовательными организациями данной школы. Особое значение имел выход полного «Собрания творений» Синрана, опубликованного в печатном виде в 1997 г. [Collected Works, 1997], а позднее размещённого на сайте shinranworks.com. После этого события наследие Синрана стало доступно для широкого круга западных исследователей, что привело к росту числа компаративных исследований, связанных с Синраном и его школой.

Из конфессиональных авторов школы Син, активно работавших в области перевода основных текстов традиции на английский язык, следует отметить Инагаки Хисао — профессора университета Рюкоку. Профессор Инагаки в течение своей долгой научной деятельности выполнил перевод значительного числа базовых текстов буддизма Чистой Земли: трёх главных сутр этого направления, образующих доктринальную основу школы Син [Inagaki, 2000], и работ индийских, китайских и японских учителей, входящих в ряд «семи патриархов» данной школы — Нагарджуны, Васубандху, Тань-луаня, Шань-дао, Гэнсина, Хонэна. Большинство этих переводов размещены в открытом доступе на его сайте⁸. Профессор Инагаки входил в группу переводчиков, работавших над переводом «Собрания творений» Синрана. Тем не менее позднее, в 2004 г., он опубликовал свой авторский перевод основного произведения Синрана «*Kēgē-sinse*» [Kyogyoshinsho, 2003]. Также на его сайте представлен перевод традиционного жизнеописания Синрана, написанного правнуком последнего — Какунё, «*Хонгандзи Сёнин Синран дэннэ*». Кроме того, Инагаки Хисао перевёл на английский язык первый из шести разделов «Жизнеописаний святых-мёконин⁹» («*Мёконин-дэн*»), содержащий двадцать биографий, собранных учёным храма Хонгандзи Госэем (1721–1794) (Gosei's Myokonin Stories).

⁸ URL: <http://web.mit.edu/stclair/www/horai/index.html>

⁹ Мёконин (妙好人, «чудесно-хороший человек») — «святые подвижники» буддизма Чистой Земли, обычно происходившие из низших слоёв общества и часто неграмотные.

4.2. Историко-философские работы

В конце 1960-х годов вышло в свет первое научное исследование биографии Синрана *The Life of Shinran Shonin: The Journey to Self-Acceptance*, выполненное Альфредом Блумом [Bloom, 1968]. Эта работа не потеряла значения и до настоящего времени — прежде всего потому, что сведений о жизни Синрана сохранилось крайне мало. Последним крупным открытием в данной области стало обнаружение в начале 1920-х годов десяти писем Эсинни, жены Синрана. В работе Блума были проанализированы практически все имеющиеся на данный момент источники.

О самом Блуме следует сказать подробнее, поскольку он являлся одной из ключевых фигур в продвижении данного направления буддизма на Западе. Интересна сама судьба этого человека. Его родители, евреи по происхождению, были обращены в одну из баптистских церквей, и он вырос в строгой фундаменталистской атмосфере. Он служил переводчиком в оккупированной после Второй мировой войны Японии и там впервые встретился с учением Синрана. Позднее получил теологическое и филологическое образование и со временем обратился в Син-буддизм. Оставшуюся жизнь (а он прожил более девяноста лет) Блум посвятил пропаганде учения Синрана на Западе. Он занимал должность профессора Гавайского университета и был деканом Института буддийских исследований в Беркли (это небольшой конфессиональный колледж), активно печатался, начиная с 1960-х годов, в нескольких работах сопоставлял Син-буддизм и христианство. Значительное количество миссионерских материалов представлено на его сайте¹⁰.

Из ранних работ А. Блума можно выделить небольшую монографию *Shinran's Gospel of Pure Grace* [Bloom, 1965]. Она излагает принятое в традиции школы Син понимание идей Синрана и может служить стандартным введением в его учение. Во вводной части книги рассматривается история буддизма Чистой Земли в Индии, Китае и Японии через традиционное представление о «семи патриархах» этой школы, предшествовавших Синрану (от Нагарджуны до Хонэна). Далее рассматриваются и анализируются основные понятия учения Синрана: условия человеческого существования в «последние времена», вера, спасение, будущая судьба человека. Из

¹⁰ URL: <http://bschawaii.org/shindharmanet/>

других значительных работ Блума следует назвать *The essential Shinran: A Buddhist Path of True Entrusting* — комментированную подборку цитат из сочинений Синрана, распределённых по тематическому принципу [Essential Shinran, 2007]. Поскольку идеи Синрана рассеяны в разных местах его многочисленных текстов, значимость такой подборки трудно переоценить. Подобного же рода антологией текстов амидаистских учителей (не только школы Син) является двухтомник *The Shin Buddhist Classical Tradition. A Reader in Pure Land Teaching*, также изданный Блумом [Classical Tradition, 2013, 2014].

Как было сказано выше, сведений о жизни Синрана сохранилось немного, и практически все исследования в данной области основываются на одной базе источников. Различными являются лишь способы интерпретации имеющегося материала. Характерным образцом такого исследования является *Young Man Shinran: A Reappraisal of Shinran's Life*, выполненное Такахатакэ Такамити [Takahatake, 1987]. Исследование посвящено раннему периоду жизни Синрана (до 42 лет), когда происходило его становление как самостоятельного мыслителя; этот период слабее всего представлен в источниках. В работе рассматривается происхождение и детство Синрана, затем его пребывание в качестве монаха школы Тэндай на горе Хиэй, ученичество у проповедника «исключительного Нэмбуцу» Хонэна (1133–1212) и жизнь изгнанника в удалённой провинции Этиго.

Автор подвергает существующие источники критическому рассмотрению и пытается компенсировать недостаток прямых сведений о Синране, сочетая исторический и религиозно-философский анализ. С одной стороны, он привлекает обширные сведения об исторической обстановке, в которой жил Синран, с другой — подвергает подробному рассмотрению учение и обряды школы Тэндай, пытаясь найти источники идей Синрана. Само название книги служит парафразом исследования известного психолога и психоаналитика Эрика Эриксона, вышедшего в 1958 г., — *Young Man Luther — A Study in Psychoanalysis and History* (в русском переводе см. [Эриксон, 1996]). Э. Эриксон исследует кризис идентичности у молодого Лютера — внутренний конфликт, истоки которого уходили в его детство и юность, а разрешение привело к формулированию реформационных идей Лютера. Такахатакэ Такамити применяет анало-

гичный подход к Синрану и пытается объяснить его идеи безнадёжности человеческого существования и полного упования на спасительную силу будды Амиды через внутренний кризис, пережитый им в молодости. Однако в реальности подобный анализ лишь обозначен автором на нескольких страницах, завершающих работу, с прямой отсылкой к идеям Эриксона, большая же её часть представляет собой критическое рассмотрение современных автору японских исследований, посвящённых Синрану. Книга содержит много сведений, полезных для понимания обстоятельств жизни Синрана; вместе с тем исследователи отмечают достаточно вольное обращение автора с идеями Синрана, а также определённое количество содержащихся в ней фактических ошибок [Hirota, 1988].

Одной из лучших работ, удачно сочетающих описание истории формирования школы Син и краткое, но ёмкое изложение основных концепций данной школы, является книга Джеймса Доббинса *Jodo Shinshu: Shin Buddhism in Medieval Japan* [Dobbins, 2002]. Хронологически исследование охватывает период от Хонэна, учителя Синрана, до восьмого патриарха школы Син Рэннэ (1415–1499), благодаря усилиям и таланту которого она стала ведущей школой японского амидаизма и одной из самых массовых школ японского буддизма в целом. Доббинс рассматривает учение Хонэна, жизнь и учение Синрана, раннюю историю школы Син и её главные тексты, основание главного храма этого направления, Хонгандзи, отношения с другими буддийскими школами, отдельные ответвления внутри школы Син и разницу между ними, деятельность и учение Рэннэ. Автор исследует формирование школы Син в рамках общей концепции «ереси и ортодоксии», насколько эти понятия применимы к буддизму. Школа Син в период становления была «еретичной» по отношению к старым школам буддизма и в течение долгих лет и даже столетий подвергалась преследованиям со стороны правительства и других школ. После смерти Синрана развитие школы Син проходило в борьбе различных идей и течений уже среди его последователей, и лишь постепенно выделилось основное направление, связанное с его прямыми наследниками и храмом Хонгандзи. Все эти факторы определяли не только идеологию, но и институциональные формы школы, прошедшей путь от общины «соратников» (*добо*) Синрана (который не считал себя учителем) до строго иерархической организации при Рэннэ.

В 2004 г. Дж. Доббинс издал монографию, посвящённую письмам Эсинни, жены Синрана, *Letters of the Nun Eshinni: Images of Pure Land Buddhism in Medieval Japan* [Dobbins, 2004]. Первую часть книги, состоящую из двух глав, занимает небольшой биографический очерк Эсинни и перевод десяти её сохранившихся писем к младшей дочери Какусинни. Письма были обнаружены при разборе архивов одного из храмов школы Син и явились своего рода сенсацией в научном мире. Они подтвердили историческое существование Синрана (что было поставлено под сомнение в начале XX века¹¹) и стали важнейшим источником в изучении его жизни. Однако большая часть исследования, включающая в себя три главы, посвящена попытке описания «мира Эсинни», обыденных реалий средневековой Японии, и здесь письма Эсинни служат только некоей стартовой точкой для раскрытия мысли автора. В третьей главе он рассматривает вопрос о том, как учение Синрана реально функционировало и воспринималось в свете средневековых понятий и представлений. Четвёртая глава посвящена статусу женщин, в том числе монахинь, в средневековой Японии, и восприятию женщин в контексте учения Син-буддизма. В пятой главе автор пытается показать, как взгляды Синрана, рождённые в средневековом обществе, преломляются и отфильтровываются в попытках создать современную, модернизированную версию Син-буддизма.

Одним из ведущих современных специалистов по Синрану является Деннис Хирота, профессор университета Рюкоку и главный редактор английского перевода «Собрания творений Синрана». Написанная им работа *Shinran: An Introduction to His Thought* [Hirota, 1989] была вдохновлена идеями известного японского специалиста по махаяне Уэда Ёсифуми, поэтому последний указан в качестве соавтора этой работы. Это исследование характеризуется

¹¹ В начале 20-го века традиционные биографии Синрана были подвергнуты радикальной критике, получившей название Синран массацурон (親鸞抹殺論) — гипотезе о том, что Синран никогда не существовал. Эта гипотеза основывалась на тех обстоятельствах, что имя Синрана не упоминалось ни в одном достоверном историческом источнике своего времени, его жизнь описана только в традиционных биографиях, составленных поздними авторами и изображающих его воплощением будды Амиды, рукописи его работ, рассеянные по различным храмам, не могут быть точно атрибутированы. Наиболее активно эта теория продвигалась японскими учёными Танака Ёсинари (1860–1919) и Ясиро Кунидзи (1873–1924) [Dobbins, 2011, p. 7].

двумя особенностями. Во-первых, здесь предпринята попытка интерпретировать учение Синрана в философских категориях мадхьямики и йогачары, то есть найти ему место в общемахаянской традиции не-двойственности. И второе, связанное с первым, — в этой работе предпринята попытка избежать сравнения Син-буддизма с христианством путём отказа от перевода понятия *синдзин* словом «вера» (faith). Позднее Д. Хирота писал, что основную идею Уэда можно выразить следующим образом: фундаментальная разница между *синдзин* и верой заключается в том, что вера основывается на дуализме Бога-творца и человека как сотворённой твари, *синдзин* же означает единство Будды и человека, точнее, становление человека Буддой [Hirota, 2003]. Такое понимание близко нетрадиционному подходу Д.Т. Судзуки в интерпретации мысли Синрана, Уэда сам прямо ссылается на его толкование [Ueda, 1981, p. 508]. В соответствии с принятым подходом, Хирота значительную часть своей работы (две главы из четырёх) посвящает рассмотрению махаянской концепции не-двойственности и пути бодхисаттвы, стремящегося к достижению состояния буддовости. Первая глава содержит биографию Синрана, а четвёртая — краткое, но информативное изложение его основных идей. В частности, в ней подробно анализируются различные аспекты веры-*синдзин*. Акт обретения веры трактуется автором скорее как обретение рождения в Чистой Земле здесь и сейчас, в этой жизни, а не после смерти. По концепции данная работа выступает как некоторое противопоставление упомянутой выше публикации А. Блума «Shinran's Gospel of Pure Grace», в которой представлено строго традиционное понимание учения Синрана. Хирота же излагает его современное переосмысление.

4.3 Дискуссии о переводе понятия «вера» — *синдзин*

В связи с работами Хирота будет уместным несколько подробнее сказать о дискуссии относительно перевода понятия *синдзин* на английский язык. Обычно данное понятие переводилось и переводится как faith — вера. Однако, в 1978 г. Международный центр храма Хонгандзи (Hongwanji International Center) при издании писем Синрана отказался от перевода и оставил термин *синдзин* в английской транскрипции. Данное решение аргументировалось тем обстоятельством, что понятие «вера» имеет слишком сильные хри-

стианские коннотации и создает впечатление о Син-буддизме как о теистическом учении. При издании на английском языке «Собрания творений Синрана» термин *синдзин* также передавался в транскрипции. Тем не менее, не все конфессиональные учёные поддерживали данное решение. Так, Инагаки Хисао, в своём переводе основного трактата Синрана «*Kōgyōshinshō*» [Kyogyoshinsho:, 2003] по-прежнему переводит *синдзин* как *faith*¹².

С решением издательского комитета не согласились и некоторые независимые исследователи. Они подчёркивали, что протестантское понимание веры не является единственным, понятие «вера» многогранно, и *синдзин* может рассматриваться как один из примеров общего явления веры. Отказ же от перевода данного понятия по сути вводит западного читателя в заблуждение [Friedrich, 2008, p. 113]. Позднее издательский комитет изменил своё решение и посчитал возможным переводить *синдзин* как «верящее сердце» — *entrusting heart*¹³. Кроме того, часто в качестве перевода в научных публикациях встречается слово «доверие» — *entrusting*. В целом можно констатировать, что в настоящее время не существует общепринятого перевода термина *синдзин*, и это объяснимо, поскольку перевод этого ключевого понятия во многом связан с интерпретацией всего учения Синрана.

4.4 Работы компаративного характера

Традиционно наследие Синрана привлекает внимание исследователей, работающих в области сравнительного религиоведения. Наиболее часто его учение сравнивают с учением «о спасении только верой» ранних протестантов, Лютера и Кальвина, и сам Син-буддизм иногда называют «японским протестантизмом». Тем не менее, сравнительных исследований в этой области немного, и они представлены в основном научными статьями.

¹² Следует также заметить, что, по мнению Инагаки Хисао, будда Амида в своём «вселенском теле» является высшей Личностью (*highest personality*), а не некоей абстрактной концепцией или принципом [Inagaki, 2000, p. 24].

¹³ Второй компонент слова «синдзин» 信心, иероглиф «син» 心, имеет значение «сердце», но в буддийском контексте оно используется для перевода санскритского понятия «читта», означающего сознание или ум, иногда психику в целом. Обычный английский перевод этого слова — *mind*, но иногда встречается и перевод *heart and mind*.

В качестве одного из примеров такого исследования можно назвать статью Пола Ингрэма *Shinran Shonin and Martin Luther: A Soteriological Comparison* [Ingram, 1971]. Автор является профессором Тихоокеанского Лютеранского университета в США. Ингрэм заостряет внимание на значительных расхождениях в учениях Лютера и Синрана. В качестве принципиальных отличий он называет отсутствие представления о первородном грехе у Синрана, который повреждённость человеческой природы объясняет наступлением эпохи «конца буддийского Закона» (*mannō*) и упадком буддийского учения, когда человеческие страсти особенно сильны. Ингрэм указывает, что будда Амида, хотя и является «спасителем», но не является «творцом» этого мира и к нему не применимы все атрибуты, которые приписываются Богу в христианской традиции — всемогущество, всеведение и т.д. Кроме того, будда Амида не является судьёй этого мира, он старается спасти все живые существа из пучины страстей и страданий, поэтому, используя христианскую терминологию, учение Синрана может быть названо учением о всеобщем спасении. Автор считает, что будда Амида был обычным человеком, прошедшим все этапы пути бодхисаттвы и ставшим буддой, поэтому и в этом отношении он также не сравним с Богочеловеком Иисусом Христом. Значительные отличия автор усматривает и в ряде других, менее важных, моментов. Наибольшее сходство в учениях Синрана и Лютера Ингрэм видит в трактовке понятия «вера». И для Лютера, и для Синрана вера не является простой убеждённостью или интеллектуальным принятием какой-либо доктрины — это акт установления отношений между человеком и Богом (или Буддой), причём активной стороной является Бог (или Будда). Человек не может сам решить, что с какого-то момента своей жизни он начнёт верить. Вера — это дар, приходящий свыше, через действие благодати или «Иной силы» будды Амиды, и этот дар не зависит от морального или психического состояния человека. Поэтому обретение веры одновременно означает, что человек спасён. Автор даёт следующие сотериологические формулировки для сравниваемых учений: «спасение верой только действием Иной силы» в случае Синрана и «спасение верой только дарованием благодати» в случае Лютера.

Из других работ, проводящих сравнение учения Синрана с ранними протестантами, можно назвать также статью Кеннета Ли

Comparative Analysis of Shinran's Shijin and Calvin's Faith [Lee, 2004] и статью Джин Хиггинс Luther and Shinran on Fides Sola: A Textual Study [Higgins, 1988].

Одной из заметных компаративистских работ последнего времени, получивших положительные отзывы специалистов, стало исследование корейского протестантского учёного Киль Хисона Understanding Shinran: A Dialogical Approach [Keel, 1995]. Данная работа не является систематическим изложением учения Синрана, автор пытается найти и понять точки соприкосновения и расхождения между учением Синрана и христианской точкой зрения. Автор в полной мере использует своё знание христианской проблематики спасения по благодати и христианской эсхатологической диалектики «уже» и «ещё нет» для толкования мысли Синрана о соотношении между актом веры, происходящем в этой жизни, и будущим освобождением, достигаемом через рождение в Чистой Земле. Киль Хисон подчёркивает, что учение Син-буддизма имеет сложные, иногда противоречивые отношения с общемахаянской логикой не-двойственности и пустоты. Он подчёркивает, что вписывание мысли Синрана в общемахаянские подходы фактически уничтожает уникальность и парадоксальность его учения о спасении через обретение веры. Кроме того, по мысли автора, махаяна с её учением о тождестве сансары и нирваны, дзэнским принятием вещей «такими, как они есть», жизни «здесь и сейчас» легко ведёт к некритическому принятию этого мира и его ценностей, и тем самым утрачивает своё трансцендентное измерение, отрицание и преодоление этого мира, ярко выраженное в раннем буддизме и присутствующее в учении Синрана. В нём дуализм «этого мира» и «мира горнего» присутствует в полной мере: этот мир не может превратиться в Чистую Землю, и проблема человеческой греховности не может быть полностью решена, пока мы остаёмся на этой земле. Киль Хисон считает, что Синран воплотил лучшее, что есть в японской мысли: серьёзность и честность в осмыслении проблем человеческого существования; отказ от ориентации на земную жизнь и от обретения пользы в этом мире, присущей старым школам буддизма и синтоизму; разрыв с буддизмом как с государственной идеологией, обслуживающей интересы правящего сословия, и напряжённый поиск личного спасения, демократический, эгалитарный дух учения.

Вера, в понимании Синрана, означает встречу ума-сердца человека и ума-сердца Будды, и Киль Хисон подробно разбирает терминологию Синрана, описывающую такую встречу. После этого он анализирует динамику веры, включающую в себя возникновение веры от «слышания» имени будды Амида (в этот момент и приходит в действие «Иная Сила», энергия Изначального Обета будды Амида, заключённая в его имени), и акт утверждения веры, когда будда Амида «принимает человека и более не отпускает» (*сэсю фуса* 摂取不捨). Кроме того, последовательное применение принципа «спасение только верой» неизбежно приводит к ряду парадоксов, которые Синран понимал и открыто формулировал. Киль Хисон обсуждает эти парадоксы и решения, предлагаемые Синраном.

Одну из глав своей работы Киль Хисон посвятил рассмотрению особенностей буддологии Синрана. Синран выделял два аспекта высшей духовной реальности — «тела Закона» (Дхармакая, *хоссин* 法身). Первый аспект, превосходящий все определения и понятия, лишённый форм и различий, «тело Закона» как «Таковость» (*хоссо* 法相, *хоссин* 法相法身), соответствовал общемахаянским представлениям о высшем из «трёх тел Будды». Однако Синран выделял ещё «тело искусных средств» (*хобэн хоссин* 方便法身), аспект высшей реальности, проявляющий формы и обращённый к человеку. Именно этот аспект «тела Закона» представляет будда Амида. При таком подходе будда Амида оказывается необходимым посредником между высшей неизреченной реальностью и обычным человеком, а повествование о будде Амиде, излагаемое в амидаистских сутрах, перестаёт быть просто мифологическим сюжетом, приспособленным к уровню понимания малообразованных людей, и приобретает мета-исторический смысл, соединяя космос и историю.

Надо отметить, что область компаративистских работ по Синрану в настоящее время не ограничивается только сравнением с протестантскими авторами. Появляются диссертации, в которых производится достаточно необычные сопоставления, например, с такими мыслителями, как Дионисий Ареопагит — Dualism and nondualism in the thought of Dionysius the Areopagite and Shinran Shōnin [Plant, 2013], и Моисей Маймонид — Ethics in Exile: A Comparative Study of Shinran and Maimonides [Maymind, 2011].

4.5. Работы историографического характера

В конце XX века появилась первая монография, в которой предпринята попытка осмыслить историю восприятия Синрана и Син-буддизма в западной научной и общественной мысли. Это работа Галена Эймстуца «Interpreting Amida: History and Orientalism in the Study of Pure Land Buddhism [Amstutz, 1997]». Данная работа не является классическим историографическим исследованием, скорее она пытается ответить на вопрос — почему школа Син, представляя собой влиятельное направление японского буддизма, осталась во многом незамеченной в общественной и научной мысли Запада. Автор трактует данное обстоятельство как одно из проявлений ориентализма, когда образ Японии формировался через призму западных представлений и запросов западного общества. В самой же Японии Син-буддизм оказался мало востребованным в рамках формирующегося националистического дискурса, также находившегося под влиянием западных идей и концепций. Исследование невелико по объёму, первые главы посвящены краткому изложению доктрины школы Син и её месту в истории Японии, а также первой встрече европейцев в лице иезуитских миссионеров с учением Синрана и его школой. Центральную часть занимает четвёртая глава, в которой рассматривается период от революции Мэйдзи до начала Второй мировой войны. Эймстуц выделяет три группы европейцев, заинтересованных в изучении японского буддизма — христианские миссионеры, западные искатели религиозных истин и академические исследователи, анализирует причины, по которым Син-буддизм оказался малоинтересен для всех этих групп (эту часть исследования мы неоднократно цитировали в соответствующем разделе нашей работы). Эймстуц считает, что в послевоенный период все прежние тенденции сохранились, и ситуация кардинальным образом не изменилась. Вероятно, здесь можно не согласиться в полной мере с автором, поскольку даже из нашего небольшого обзора видно, что Син-буддизм постепенно включается в научную мысль Запада, хотя количество исследований в этой области не так велико, как в других областях буддологии. В заключительной части автор высказывает некоторые предположения о том, по каким направлениям могли бы развиваться исследования школы Син (в частности, в области социально-экономических исследований истории Японии), хотя и считает, что значительного изменения существующих тенденций в ближайшее время не произойдёт.

5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы кратко рассмотрели основные научные публикации, посвящённые изучению Синрана. Можно констатировать, что в настоящее время существуют два подхода к интерпретации его мысли. Сторонники первого опираются на традиционные толкования и пытаются понять учение Синрана в контексте его времени, второе же направление связано с попытками создать современный, модернизированный Син-буддизм путём выделения в учении Синрана тех сторон, которые представляются актуальными для сегодняшнего дня. Очевидно, что в рамках и того, и другого подхода имеются свои проблемы и вопросы, требующие решения. Кроме того, можно отметить, что с выходом английского перевода «Собрания творений» Синрана интерес к нему в области сравнительного изучения религий значительно возрос. На наш взгляд, для этого есть все основания. Синран был необычным, во многом уникальным мыслителем, и изучение его наследия не только важно для понимания истории средневекового японского буддизма, но и позволяет по-новому переосмыслить многие универсальные вопросы об условиях человеческого бытия, о сущности веры, спасении, об отношении Бога и человека и многие другие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гришин М.В. Мифологизация традиционного Востока в искусстве и научной мысли Запада / М.В. Гришин. М.: Государственный институт искусствознания, 2013. 404 с.

Гунский А.Ю. Интерпретация учения Синрана и школы Син в работах Д.Т. Судзуки // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: науч. журн. 2019. № 2 (48). С. 117–126.

Лысенко В.Г. и др. Ранняя буддийская философия. Философия джайнизма. М.: Изд. фирма «Восточная литература», 1994. 383 с.

Саид, Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока / Эдвард В. Саид; пер. с англ. А. В. Говорунова. СПб.: Русский мир, 2006. 636 с.

Трубникова Н.Н. Традиция «исконной просветленности» в японской философской мысли. М.: РОССПЭН, 2010. 500 с.

Трубникова Н.Н., Бабкова М.В. Обновление традиций в японской религиозно-философской мысли XIII–XIV вв. М.: РОССПЭН, 2014. 745 с.

Хантаева Е.И. История и доктрина школы Цзинту в письменных источниках: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 160 с.

Щербатской Ф.И. Философское учение буддизма: лекция, читанная при открытии первой буддийской выставки в Петербурге 24 августа 1919 года // URL: http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/b_stcherbatsky_1919.pdf (дата обращения: 28.03.2018).

Эриксон, Э.Г. Молодой Лютер: Психоаналитическое историческое исследование / Эрик Г. Эриксон; пер. с англ. А.М. Каримского. М.: Московский философский фонд «МЕДИУМ», 1996. 507 с.

A Short History of the Twelve Japanese Buddhist Sects / translated from the original Japanese by Bunyiu Nanjio, M.A. Oxon; member of the Royal Asiatic Society, London; lecturer on the Sanskrit language in the Imperial University, Tokyo. Tokyo, 1886. 173 p.

Amstutz G.D. Interpreting Amida: History and Orientalism in the study of Pure Land Buddhism / by Galen Amstutz. - Albany: State University of New York Press, 1997. 248 pp. — (SUNY series in Buddhist studies).

Bloom A. Shinran's gospel of pure grace / by Alfred Bloom. - Tucson, Arizona: University of Arizona Press, 1965. XIV, 97. — (Association for Asian Studies. Monographs and papers. no. 20.).

Bloom A. The Life of Shinran Shonin: The Journey to Self-Acceptance / by Alfred Bloom // Numen. 1968. Vol. 15, No. 1. Pp. 1–62.

Buddhist Psalms of Shinran Shonin. Translated from the Japanese by Yamabe, Shūgaku.; Beck, L. Adams / by Shūgaku Yamabe and L. Adams Beck ; published by J. Murray. London, 1921. — (Wisdom of the East series). — 104 p.

Buddhist texts from Japan. II. Sukhavati-Vyuha: Description of Sukhavati, the Land of Bliss. With two Appendices: (1) Text and Translation of Sanghavarman's Chinese Version of Poetical Portions of Sukhavati-Vyuha; (2) Sanskrit Text of the Smaller Sukhavati-Vyuha / Edited by F. Max Muller and Bunyiu Nanjio. — Oxford, Clarendon Press, 1883. p. 115. — (Anecdota Oxoniensia. Arian Series. Vol 1, part 2.)

Daniel G. Friedrich. Shinjin, Faith, and Entrusting Heart: Notes on the Presentation of Shin Buddhism in English. URL: http://www.wilmina.ac.jp/ojc/edu/kiyo_2008/kiyo_05_PDF/06.pdf

Dobbins, J.C. Jodo Shinshu: Shin Buddhism in Medieval Japan / by James C. Dobbins; University of Hawai'i Press. Honolulu, 2002. 242 p.

Dobbins, James C. Letters of the Nun Eshinni. Images of Pure Land Buddhism in Medieval Japan / by James C. Dobbins; University of Hawai'i Press. Honolulu, 2004. 280 p.

Dobbins, Jams C. The Many Faces of Shinran: Images from D.T. Suzuki and «The Eastern Buddhist» // The Eastern Buddhist: new series. 2011. Vol. 42, № 2. Pp. 1–24.

Higgins, Jean. Luther and Shinran on Fides Sola: A Textual Study / by Jean Higgins // The Pacific World: Journal of the Institute of Buddhist Studies. 1988. №4. Pp. 23–42.

Hirota D., Ueda, Y. Shinran: An Introduction to His Thought / by Yoshifumi Ueda & Dennis Hirota; Hongwanji International Center. Kyoto, 1989. 372 p.

Hirota D. Shinran, Barth and Religion: Engagement with Religious Language as an Issue of Comparative Theology. URL: https://www.academia.edu/37070301/Shinran_Barth_and_Religion_Engagement_with_Religious_Language_as_an_Issue_of_Comparative_Theology_2003_.pdf

Hirota, D. Review to Takamichi Takahatake's "Young Man Shinran: A Reappraisal of Shinran's Life" / by Dennis Hirota // Monumenta Nipponica. Vol. 43, № 1 (Spring, 1988). Pp. 117–120.

Inagaki H., Stewart H. The Three Pure Land Sutras: A Study and Translation from Chinese. Kyoto: Nagata Bunshodo, 2000. 470 p.

Ingram Paul O. Shinran Shonin and Martin Luther: A Soteriological Comparison // Journal of the American Academy of Religion. 1971. Vol. 39, No. 4. Pp. 430–447. URL: <http://www.jstor.org/stable/1461348> (accessed: 30.03.2018).

Keel Hee-Sung. Understanding Shinran: A Dialogical Approach / by Hee-Sung Keel; published by the Nazan Institute for Religion and Culture; foreword by Jan Van Bragt. Freemont, CA: Asian Humanities Press, 1996. 214 p.

Kenneth D. Lee. Comparative analysis of Shinran's Shijin and Calvin's Faith // Buddhist-Christian Studies. 2004. Vol. 24. Pp. 171–190.

Kyogyoshinsho: on Teaching, Practice, Faith, and Enlightenment by Shinran / translated from the Japanese (Taisho Vol. 83, No. 2646) by Inagaki Hisao; Numata Center for Buddhist Translation and Research. Berkeley, California, 2003. 452 p.

Lloyd, Arthur. Shinran and His Work: Studies in Shinshu Theology / by Arthur Lloyd. Tokyo: Kyobunkwan, 1910. 182 p.

Maymind, Ilana. Ethics in Exile: A Comparative Study of Shinran and Maimonides: A dissertation presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Graduate School of the Ohio State University / by Ilana Maymind. Graduate Program in Comparative Studies. The Ohio State University, 2011.

Plant, Thomas Richard. Dualism and Nondualism in the thought of Dionysius the Areopagite and Shinran Shōnin: Thesis submitted for examination for the degree of Doctor of Philosophy / by Thomas Richard Plant. Selwyn College, University of Cambridge. 2013.

Reischauer, A.K. A Catechism of the Shin Sect (Buddhism): From the Japanese Shinshu Hyakuwa by R. Nishimoto / by A.K. Reischauer. Honolulu: The Publishing Bureau of the Hongwanji Mission, 1921. 72 p.

Sasaki, Gesshō. A Study of Shin Buddhism / by Gesshō Sasaki. Kyoto: Eastern Buddhist Society, 1925. 145 p.

Suzuki, D.T. Selected Works of D.T. Suzuki. Vol. II. Pure Land / by Daisetz Teitaro Suzuki; volume editor James C. Dobbins. Berkeley: University of California Press, 2015. 531 p.

Takahatake, Takamichi. Young Man Shinran: A Reappraisal of Shinran's Life / by Takamichi Takahatake. Waterloo, Ont.: Published for the Canadian Corp. for Studies in Religion / Corporation canadienne des Sciences religieuses by Wilfrid Laurier University Press, 1987. 228 p.

The Collected Works of Shinran: Vol.1.: The Writings. Vol. 2: Introductions, Glossaries, and Riding Aids / by Shinran; translated, with introductions, glossaries and reading aids by Dennis Hirota (Head Translator), Hisao Inagaki, Michio Tokunaga and Ryushin Uryuzu. Kyoto: Jodo Shinshu Hongwanji-ha, 1997. 704 p.

The essential Shinran: A Buddhist Path of True Entrusting / compiled and edited by Alfred Bloom; foreword by Ruben L. F. Habito. Bloomington, 2007. 272 p.

The Sacred Books of the East / translated by various oriental scholars and editor by F. Max Muller. Vol. XLIX. Oxford, 1894. 208 p.

The Shin Buddhist Classical Tradition: A Reader in Pure Land Teaching. Vol. 1 / edited by Alfred Bloom; foreword by Kenneth K. Tanaka. Word Wisdom, Inc., 2013. 264 p.

The Shin Buddhist Classical Tradition: A Reader in Pure Land Teaching. Vol. 2 / edited by Alfred Bloom; foreword by Kenneth K. Tanaka. Word Wisdom, Inc., 2014. 208 p.

Ueda, Yoshifumi. Response to Thomas P. Kasulis' Review of "Letters of Shinran" / Philosophy East and West Vol. 31, No. 4 (Oct., 1981), pp. 507–511. URL: <https://www.jstor.org/stable/1398796>.

References

Grishin, M.V. (2013). Mifologizatsiya traditsionnogo Vostoka v iskusstve i nauchnoy mysli Zapada [Mythologization of the traditional East in the art and scientific thought of the West], Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovedeniya. (In Russian).

Gunskey, A.Yu. (2019). Interpretatsiya ucheniya Sinrana i shkoly Sin v rabotakh D.T. Sudzuki [Interpretation of the Shin teachings in the works of D.T. Suzuki], *Humanities Research in the Russian Far East*, 48 (2): 117–126. (In Russian).

Lysenko, V.G. et al. (1994). Rannyya buddiyskaya filosofiya. Filosofiya dzhaynizma [Early Buddhist philosophy. Philosophy of Jainism], Moscow: Izd. firma "Vostochnaya literature". (In Russian).

Said, Edward W. (2006) Oriyentalizm. Zapadnyye kontseptsii Vostoka [Orientalism], St. Petersburg: Russkiy mir. (In Russian).

Trubnikova, N.N. (2010). Traditsiya «iskonnogo prosvetlennosti» v yaponskoy filosofskoy mysli [The tradition of "original enlightenment" in Japanese philosophical thought], Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Trubnikova, N.N. and Babkova, M.V. (2014). Obnovleniye traditsiy v yaponskoy religiozno-filosofskoy mysli XIII-XIV vv. [Renewal traditions in Japanese religiously-philosophical thought XIII-XIV centuries], Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

Khantayeva, E.I. (2000). Istoriya i doktrina shkoly Jingtu v pis'mennykh istochnikakh [History and doctrine of the Jingtu school in written sources], Ulan-Ude, Cand. philos. sci. diss. (In Russian).

Shcherbatskiy, F.I. (1919). Filosofskoye ucheniye buddizma: lektsiya, chitannaya pri otkrytii pervoy buddiyskoy vystavki v Peterburge 24 avgusta 1919 goda [The philosophical doctrine of Buddhism: a lecture given at the opening of the first Buddhist exhibition in St. Petersburg on August 24, 1919]. URL:

http://www.orientalstudies.ru/rus/images/pdf/b_st_sherbatsky_1919.pdf (accessed: 28 March 2018). (In Russian).

Erikson, Erik G. (1996). *Molodoy Lyuter: Psikhooanaliticheskoye istoricheskoye issledovaniye* [Young Man Luther: A Study in Psychoanalysis and History], Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond «MEDIUM». (In Russian).

Amstutz, G.D. (1997). *Interpreting Amida: History and Orientalism in the study of Pure Land Buddhism*, Albany: State University of New York Press.

Bloom, Alfred. (1965). *Shinran's gospel of pure grace*, Tucson, Arizona: University of Arizona Press.

Bloom, Alfred. (1968). The Life of Shinran Shonin: The Journey to Self-Acceptance, *Numen*, 15: 1–62.

Bloom, Alfred (ed). (2007). *The essential Shinran: A Buddhist Path of True Entrusting*, Bloomington: Word Wisdom, Inc.

Bloom, Alfred (ed). (2013). *The Shin Buddhist Classical Tradition: A Reader in Pure Land Teaching*, Vol. 1, Bloomington: Word Wisdom, Inc.

Bloom, Alfred (ed). (2014). *The Shin Buddhist Classical Tradition: A Reader in Pure Land Teaching*, Vol. 2, Bloomington: Word Wisdom, Inc.

Buddhist Psalms of Shinran Shonin. (1921). London: John Murray, Albemarle Street, W.

Buddhist texts from Japan. II. (1883). *Sukhavati-Vyuha: Description of Sukhavati, the Land of Bliss. With two Appendices: (1) Text and Translation of Sanghavarman's Chinese Version of Poetical Portions of Sukhavati-Vyuha; (2) Sanskrit Text of the Smaller Sukhavati-Vyuha*, Oxford: Clarendon Press.

Daniel G. Friedrich. Shinjin, Faith, and Entrusting Heart: Notes on the Presentation of Shin Buddhism in English. URL: http://www.wilmina.ac.jp/ojc/edu/kiyo_2008/kiyo_05_PDF/06.pdf (accessed: 26 September 2019).

Dobbins, James C. (2002). *Jodo Shinshu: Shin Buddhism in Medieval Japan*, Honolulu: University of Hawai'i Press.

Dobbins, James C. (2004). *Letters of the Nun Eshinni. Images of Pure Land Buddhism in Medieval Japan*, Honolulu: University of Hawai'i Press.

Dobbins, James C. (2011). The Many Faces of Shinran: Images from D.T. Suzuki and "The Eastern Buddhist", *The Eastern Buddhist: new series*, 42 (2): 1–24.

Higgins, Jean. (1988). Luther and Shinran on Fides Sola: A Textual Study, *The Pacific World: Journal of the Institute of Buddhist Studies*, 4: 23–42.

Hirota, Dennis. (1988). Review to Takamichi Takahatake's "Young Man Shinran: A Reappraisal of Shinran's Life", *Monumenta Nipponica*, 43 (1): 117–120.

Hirota, Dennis and Ueda, Yoshifumi. (1989). Shinran: An Introduction to His Thought, Kyoto: Hongwanji International Center.

Hirota, Dennis. Shinran, Barth and Religion: Engagement with Religious Language as an Issue of Comparative Theology, URL: https://www.academia.edu/37070301/Shinran_Barth_and_Religion_Engagement_with_Religious_Language_as_an_Issue_of_Comparative_Theology_2003_.pdf (accessed: 26 September 2019).

Inagaki, H. and Stewart, H. (2000). The Three Pure Land Sutras: A Study and Translation from Chinese, Kyoto: Nagata Bunshodo.

Ingram, Paul O. (1971). Shinran Shonin and Martin Luther: A Soteriological Comparision, *Journal of the American Academy of Religion*, 39 (4): 430–447.

Keel, Hee-Sung. (1995). Understanding Shinran: A Dialogical Approach, Freemont, CA: Asian Humanities Press.

Kenneth, D. Lee. (2004). Comparative analysis of Shinran's Shijin and Calvin's Faith, *Buddhist-Christian Studies*, 24: 171–190.

Kyogyoshinsho: on Teaching, Practice, Faith, and Enlightenment by Shinran. (2003). Berkeley, California: Numata Center for Buddhist Translation and Research.

Lloyd, Arthur. (1910). Shinran and His Work: Studies in Shinshu Theology, Tokyo: Kyobunkwan.

Maymind, Ilana. (2011). *Ethics in Exile: A Comparative Study of Shinran and Maimonides*. A dissertation presented in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy. The Ohio State University.

Muller, F. Max (ed). (1894). The Sacred Books of the East, Vol. XLIX, Oxford.

Nanjio, Bunyiu. (1886). A Short History of the Twelve Japanese Buddhist Sects, Tokyo: Bukkyo-sho-ei-yaku-shuppan-sha.

Plant, Thomas Richard. (2013). *Dualism and Nondualism in the thought of Dionysius the Areopagite and Shinran Shōnin*. Thesis submitted for examination for the degree of Doctor of Philosophy. Selwyn College, University of Cambridge.

Reischauer, A.K. (1921). *A Catechism of the Shin Sect (Buddhism): From the Japanese Shinshu Hyakuwa* by R. Nishimoto, Honolulu: The Publishing Bureau of the Hongwanji Mission.

Sasaki, Gesshō. (1925). *A Study of Shin Buddhism*, Kyoto: Eastern Buddhist Society.

Suzuki, D.T. (2015). *Selected Works of D.T. Suzuki, Vol. II, Pure Land*, Berkeley: University of California Press.

Takahatake, Takamichi. (1987). *Young Man Shinran: A Reappraisal of Shinran's Life*, Waterloo, Ont.: Wilfrid Laurier University Press.

The Collected Works of Shinran. (1997). Vol. 1: *The Writings*; Vol. 2: *Introductions, Glossaries, and Riding Aids*, Kyoto: Jodo Shinshu Hongwanji-ha.

Ueda, Yoshifumi. (1981). Response to Thomas P. Kasulis' Review of "Letters of Shinran", *Philosophy East and West*, 31 (4): 507–511.

Континентальная политика Японии — взгляд из Франции: «Маньчжурский инцидент» и «дуэль юристов»

В.Э. Молодяков

Аннотация. Настоящая статья анализирует реакцию французских юристов на новый этап японской экспансии в Китае — оккупацию Маньчжурии осенью 1931 г., известную как «Маньчжурский инцидент», и создание там государства-сателлита Маньчжоу-го. В то время как Лига Наций и правительства почти всех великих держав осудили действия Японии как агрессию и нарушение международного права, среди французских интеллектуалов разгорелась дискуссия, в ходе которой были рассмотрены как китайские, так и японские аргументы. Европейский центр Фонда Карнеги в Париже в 1933 г. пригласил профессора юридического факультета Сорбонны Жана Эскарра (1885–1955) прочитать курс из шести публичных лекций «Лига Наций и китайско-японский конфликт» (12 января — 16 февраля). Юридический советник нескольких китайских национальных правительств в 1921–1929 гг. и один из авторов Гражданского кодекса Китая 1929 г., Эскарра занимал прокитайскую позицию, однако заявил, что выступает не от имени китайской стороны, а лично от себя, анализирует и оценивает происходящее как независимый эксперт с точки зрения международного права, а не одной из сторон. Позицию японской стороны в конфликте представил доктор права Жан Рэй (1884–1943), профессор французского права Токийского университета (1916–1919 гг.), юридический советник МИД Японии (1918–1924, 1927–1929 гг.) и японского посольства во Франции (1924–1927, 1929–1943 гг.). Он также прочитал шесть публичных лекций под названием «Позиция, деятельность и политика Японии в Маньчжурии» (9 марта — 4 мая 1933 г.). Оба юриста оперировали историческими фактами, но их правовые трактовки радикально различались в зависимости от занятой позиции — например, по вопросу о

том, является ли Маньчжурия неотъемлемой частью «собственно Китая» или всего лишь его владением. В заключительной части статьи в научный оборот вводится монография А.Р. Тюлье «Маньчжурия и китайско-японский конфликт перед Лигой Наций» (1935), за которую юридический факультет Университета Тулузы присвоил автору ученую степень доктора права. Детально проанализировав позицию обеих сторон, Тюлье пришел к выводу, что с точки зрения международного права аргументы Японии более весомы. Изучение восприятия во Франции континентальной политики Японии не только обогащает нас новыми знаниями об истории эпохи, но позволяет лучше понять ее политическую философию и функционирование систем пропаганды и имиджмейкинга.

Ключевые слова: Япония, Франция, Маньчжурия, Китай, Лига Наций, экспансия, международное право.

Автор: Молодяков Василий Элинархович, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; профессор Международного института японской культуры университета Такусёку (Токио, Япония). E-mail: dottore68@mail.ru

Japan's Continental Policy as seen from France: “Manchurian Incident” and “lawyers’ duel”

V.E. Molodiakov

Abstract. This article analyzes a response of various French jurists to a new phase of Japanese expansion into China — occupation of Manchuria in Autumn 1931 known as “Manchurian Incident” and establishment of puppet-state Manchoukuo there. The League of Nations as well as governments of almost all Great Powers condemned Japan’s action as “aggression” and violation of international law, but French intellectuals hotly discussed these events using Chinese arguments as well as Japanese ones. European center of Carnegie Foundation in Paris invited Jean Escarra (1885–1955), Professor of the Paris University, Faculty of Law, to give six public lectures on “The League of Nations and Sino-Japanese Conflict” (January 12 to February 16, 1933). Legal advisor to several Chinese national governments in 1921–1929 and one of the principal authors of Chinese Civil Code of 1929 Escarra defended Chinese position in the conflict but stated that he was acting not as a representative of the Chinese side but personally as an independent scholar commenting and analyzing events from the point of view of international law and not of any part in the conflict. Doctor of Law Jean Ray (1884–1943)

presented Japanese arguments in the case. Ray served as Professor of French law in the Tokyo Imperial University (1916–1919), as legal advisor to the Ministry of Foreign Affairs of Japan (1918–1924, 1927–1929) and of Japanese embassy in Paris (1924–1927, 1929–1943). Ray also gave six public lectures on “Position, Activities and Policy of Japan in Manchuria” (March 9 to May 4, 1933). Both jurists used historical facts but their legal interpretations differed drastically because of taken part — for example, was Manchuria an integral part of “China proper” or only one of its possessions. Also this article presents a forgotten study of A.R. Tullie “Manchuria and Sino-Japanese Conflict Ahead of the League of Nations” (1935) who obtained for it Doctor of Law degree from the Toulouse University, Faculty of Law. Having meticulously analyzed the two sides’ arguments from the point of view of international law Tullie concluded that the case for Japan is much stronger. A study of French opinion and response to Japanese continental policy will not only enrich our knowledge about the history of this period but also will help us to understand better its political philosophy as well as working of the propaganda and image-making systems.

Keywords: Japan, France, Manchuria, China, League of Nations, expansion, international law

Author: *Molodiakov Vassili E.*, LL.D. (Political Science), Ph.D. (History), Russian Academy of Sciences, Institute of Oriental Studies, Leading Researcher, Takushoku University, Research Institute for Global Japanese Studies, Professor. E-mail: dottore68@mail.ru

Оккупация Маньчжурии, или «Трёх восточных провинций» (Фэнтянь, Гирин, Хэйлунцзян), Квантунской армией осенью-зимой 1931/32 гг. и усиление военно-политического присутствия Японии на континенте изменили баланс сил в Северо-Восточной Азии, что повлияло не только на участников событий и их ближайших соседей (в первую очередь, на СССР), но и на «великие державы». После «Маньчжурского инцидента», как назывались в Японии эти события (подчеркивалось, что речь не идет о войне с Китаем!), и последовавшего за ним «Шанхайского инцидента» 1932 г. ситуация в регионе изменилась необратимо, хотя стратегический характер случившегося оценили далеко не все участники и наблюдатели событий.

Маньчжурия не впервые оказался ареной схватки царств и империй, но значение событий 1931–1932 гг. выходило далеко за пределы военных действий и даже борьбы за передел сфер влияния. Если в результате японо-китайской войны 1894–1895 гг. «Китай

стал окраиной стремительно развивавшейся Японии» [Мещеряков, 2006, с. 549], если в результате русско-японской войны 1904–1905 гг. аксиомой считалось то, что «инициатива будет принадлежать японской армии, которая станет воевать на чужой территории» [Мещеряков, 2006, с. 596], то теперь речь шла о принципиально новом этапе континентальной экспансии Японии, закреплённом провозглашением 1 марта 1932 г. государства Маньчжоу-го. Пресса, за исключением японской и прояпонской, заключала его «независимость» в кавычки. Однако трудно было не признать, что это не единственное государство-сателлит и что обстоятельства его создания и определения границ во многом походили на действия «картографов» Антанты, перекраивавших карту Европы на Парижской мирной конференции.

Новый этап японской экспансии вызвал осуждение со стороны Лиги Наций и «великих держав», включая не входивших в нее США и СССР. Однако реакция политического и общественного мнения Франции, исследование которого начато в нашей предыдущей статье, оставалась дифференцированной и отражала наличие не только антияпонских, но и умеренно прояпонских тенденций. Дело не в том, что, по утверждению Жана Эскарра, «Япония предпринимала колоссальные пропагандистские усилия, покупая во всех странах — *прежде всего во Франции* (выделено мной. — В.М.) — значительную часть прессы» [Escarra, 1937, с. 7], — японские пропагандисты пытались влиять прежде всего на англоязычную печать — с целью пропаганды и контрпропаганды. Как отметил профессор Киотоского университета и директор Французского института в Киото Жорж Бонно, «управляемые американцами газеты открыли свои страницы китайцам, живущим в Японии, для жалоб на японскую администрацию» [Bonneau, 1933, с. 32]. Дело было в том, что по замечанию Пьера-Этьена Фландена, французская элита «смотрела на дальневосточные события исключительно под углом индокитайских интересов» [Flandin, 1947, с. 131].

Необъявленная война велась не только на полях Маньчжурии и в залах заседаний Лиги Наций и её комиссий, но и в сфере пропаганды. Пропагандистские войны стары, как мир (точнее, как война), но именно Первая мировая вывела их на принципиально новый уровень. «Великая война отличалась от предыдущих конфликтов прежде всего признанием силы общественного мнения, —

утверждал главный пиарщик США Джордж Крил. — Это была борьба за сознание людей» [Creel, 1920, с. 3]. Помимо апеллирования к патриотизму и «бранной славе», в пропагандистской риторике усилились темы «законной» и «справедливой» войны, причем «законность» и «справедливость» стали обосновывать не интересами одной страны, но международным правом. Особенно в этом преуспела пропаганда Антанты. Её победа оправдывала действия победителей уже не по принципу «горе побеждённым», но юридически — как было закреплено в Версальском и других мирных договорах. Родился даже иронический афоризм: «Международное право — это то, что нарушают другие».

В ходе «Маньчжурского инцидента» Япония и Китай пытались представить свои действия основанными на соблюдении международного права, а действия другой стороны — нарушающими его. О правовых аспектах этих событий существует обширная литература, в основном относящаяся к рассматриваемой эпохе. Не будучи специалистом в области международного права, автор не берётся дать ей квалифицированную оценку. Впрочем, это едва ли нужно: правовые аргументы ничего не решали и мало на что влияли, но лишь обслуживали политические кампании сторон, а потому заслуживают внимания с точки зрения пропагандистской эффективности. Следует учитывать и «фактор победителя», в силу которого аргументация победившей стороны воспринимается как истинная и справедливая, аргументация проигравшей — как «пропаганда» в уничижительном смысле слова.

Однако непосредственно в ходе конфликта элита «великих держав» пыталась если не встать над схваткой, то изобразить беспристрастность и дать обеим сторонам равную возможность высказаться. В начале 1933 г., когда «инцидент» вступил в заключительную стадию, Япония окончательно закрепились в Маньчжурии, Лига Наций и США окончательно укрепились в осуждении Японии, — работавший в Париже Европейский центр Фонда Карнеги (исполнительный директор Эрл Бэбкок) по поручению Отдела международных отношений Фонда (директор Николас Батлер) пригласил профессора юридического факультета Сорбонны Жана Эскаппа (1885–1955) прочитать курс из шести лекций «Лига Наций и китайско-японский конфликт» (12 января — 16 февраля 1933 г.).

Известный специалист по гражданскому праву, Эскарра также читал лекции в парижском Институте китайских исследований, а в 1921–1929 гг. работал в Китае в качестве юридического советника сменявших друг друга национальных правительств и был одним из авторов Гражданского кодекса 1929 г., принятого режимом Чан Кайши. Его позиция была прокитайской, поэтому Эскарра заявил, что выступает не от имени китайской стороны, а лично от себя, т.е. анализирует и оценивает происходящее как независимый и беспристрастный эксперт с точки зрения международного права, а не одной из сторон. Заявление мало кого могло убедить, поэтому Европейский центр Фонда — «верный обыкновению никогда не представлять вопрос только с одной стороны» [Escarra-Ray, 1933, с. 5] — вслед за ним предоставил трибуну доктору права Жану Рёю (1884–1943), юридическому советнику японского посольства в Париже. С 9 марта по 4 мая 1933 г. Рэй прочитал шесть публичных лекций под названием «Позиция, деятельность и политика Японии в Маньчжурии». Фонд выпустил отдельной книгой стенограммы всех лекций, в предисловии к которой Бэбкок отметил, что «многочисленная публика живо оценила умеренность и добрую волю, с какой обе позиции были изложены экспертами, компетентность которых является общепризнанной» [Escarra-Ray, 1933, с. 5]. «Дуэль юристов» не только стала значимым эпизодом политико-пропагандистского противостояния Японии и Китая, но и отразила разность бытовавших во Франции точек зрения на дальневосточные события и политику обеих держав, поскольку в ней были задействованы фигуры, авторитетные если не для всего общества и общественного мнения, то для его «активной фракции».

Эскарра начал морализаторски: «Существуют два метода разрешения международных конфликтов: один взывает к силе, другой основан на праве. Первый, столь же древний, как само человечество, является политическим методом. Он использует всё, что осуждается моралью и карается законом, когда к этому прибегают частные лица, но в политике государств это считается нормальным. Интриги, шпионаж, подкуп, субсидии поджигателям гражданских войн, создание и использование инцидентов, территориальные захваты, угрозы, покушения, таковы компоненты любой Realpolitik (в оригинале по-немецки. — В.М.), в которой годится всё, что “окупается”. Государство, которое к ней прибегает, знает, что найдёт

себе оправдание в успехе. С него спросят только в случае поражения» [Escarra-Ray, 1933, с. 3]. Прервём цитату для необходимого замечания. Во Франции слово *Realpolitik* имело однозначно негативную окраску, восходящую к временам обоих императоров Вильгельмов и Бисмарка (позже его применяют к Гитлеру). Понятно, что речь идёт о Японии. Эскарра сразу настраивал французского слушателя / читателя против неё.

Что противостоит *Realpolitik*? «После войны 1914–1919 гг. была предпринята попытка отказаться от бисмарковского понимания вещей, в котором право не имеет силы во внешней политике, и создать юридический метод организации мира с помощью Устава Лиги Наций. Державы, которые подписали его, тем самым обязались воздерживаться от применения силы при решении своих разногласий или, по крайней мере, прибегать к ней только тогда, когда исчерпаны все формы мирного урегулирования, предусмотренные Уставом. Китайско-японский конфликт прискорбно свидетельствует о хрупкости подобных обязательств» [Escarra-Ray, 1933, с. 3–4]. Позиция Эскарра очевидна: он хочет противопоставить Японии не Китай, но Лигу Наций (сейчас сказали бы «мировое сообщество»), под Уставом которой стоит и её подпись. Далее он гневно обличил «агрессию, дерзость, насильственный характер и неоправданность которой с трудом находят себе параллель в истории», а также «искусственное создание Маньчжоу-го», «неизбежно осужденное» Лигой Наций [Escarra-Ray, 1933, с. 4].

Оратор принадлежал к тем, кто считал позицию Лиги недопустимо мягкой по отношению к Токио, поскольку она не привела в действие ни свой Устав, ни Антивоенный пакт (Пакт Бриана-Келлога, или Парижский пакт) 1928 г. и не признала Японию агрессором с вытекающими из этого последствиями. Развивая наступление, он отметил у Японии «отсутствие политической зрелости, необходимой для того, чтобы держать своё слово и уважать пакт международной правовой организации», а потому «ей не место, по крайней мере на время, в Лиге Наций. Она и сама поняла это, покинув её», — добавил он саркастически [Escarra-Ray, 1933, с. 5].

Выстроив свои лекции как обвинение против Японии с точки зрения международного права, которое, по его мнению, на стороне Китая, Эскарра развернул историческую и правовую аргументацию с целью доказать заявленные тезисы. Принципиально нового в его

аргументах не было. Первую главу (текст шести лекций Эскарра представил в виде пяти глав с введением) «Маньчжурия. Её связи с Китаем» он посвятил опровержению излюбленного японского тезиса о том, что Маньчжурия ни исторически, ни этнически, ни культурно не является частью «собственно Китая» (англ. China proper, яп. *Сина хомбу*). Обе позиции были односторонними и в этой односторонности неверными. Эскарра отметил, что даже после распада Китая как единого государства в результате Синьхайской революции Япония регулировала отношения с Маньчжурией, включая признание её интересов и прав, через национальные правительства Китая, добавив «с некоторой иронией» (его определение), что японцы не ставят под сомнение исторические связи Китая и Маньчжурии в эпоху правления маньчжурской династии [Escarra-Ray, 1933, с. 18–19]. Вторая глава «Международное положение Маньчжурии после 1895 года» была призвана показать, что нынешние действия Японии вытекают из всей её прежней политики на континенте и что положение Маньчжурии неотделимо от положения Китая в целом. За точку отсчёта было выбрано окончание японо-китайской войны, поскольку «Маньчжурия лишь тогда вошла в международную политику», однако саму войну юрист показал как результат японской экспансии в Корею, ставшей причиной конфликта с Китаем [Escarra-Ray, 1933, с. 25–26]. Изложив историю проникновения «великих держав» в Маньчжурию и попыток закрепиться там, Эскарра заявил, что до завершения Вашингтонской конференции политика Токио принципиально не отличалась от политики других стран. Подписав Договор девяти держав, «Япония подтвердила наличие у неё специальных интересов в Маньчжурии, хотя отказалась от сфер влияния, аннулировала прежние двусторонние соглашения и обещала уважать административную и территориальную целостность Китая, но не могла оставаться безмолвным зрителем того, как рушились её мечты о господстве в Маньчжурии» [Escarra-Ray, 1933, с. 39].

Третью главу Эскарра отвёл «позиции и правам Японии в Маньчжурии», начиная с Симоносэского мирного договора 1895 г. с Китаем. По его словам, «то, что для простоты называется правами Японии в Маньчжурии, бесконечно сложно», поскольку эти права регулировались множеством двусторонних и многосторонних договоров и соглашений, межгосударственных и местных, часть кото-

рых утратила силу после Вашингтонской конференции [Escarra-Ray, 1933, с. 44]. Демонстрируя объективность, юрист не отрицал наличия у Японии прав и интересов, прежде всего, связанных с Южно-Маньчжурской железной дорогой (ЮМЖД). Столкновение железнодорожных интересов Эскарра назвал одной из непосредственных причин нынешнего конфликта [Escarra-Ray, 1933, с. 47], в ходе которого Япония стремится толковать в свою пользу все положения соглашений и договоров об «исключительном управлении» полосой отчуждения, включая сбор налогов, и об охране магистралей. «Если можно признать, что неоспоримые права санкционированы (договорами. — В.М.), то это более сомнительно для прав, вытекающих из расширительного толкования договоров, и уж точно невозможно для тех [прав], которые Япония сама себе присвоила» [Escarra-Ray, 1933, с. 65]. «Стоя на чисто юридической точке зрения, необходимо признать, что имеющихся у Японии прав недостаточно для оправдания взрыва 18 сентября. Прежде чем применять силу, она должна была прибегнуть к посредничеству или арбитражу, например в юрисдикции Постоянной палаты международного правосудия» [Escarra-Ray, 1933, с. 80], непосредственного предшественника Международного суда ООН.

В четвёртой главе Эскарра излагал и анализировал «действия Японии после 18 сентября 1931 года и аргументы, представленные для их оправдания», сразу отметив «исключительную сложность положения Японии в Маньчжурии, противоречия между бесчисленными текстами, регулирующими его, и их противоречивыми трактовками» [Escarra-Ray, 1933, с. 83]. Он подчеркнул, что Япония, отказавшись от примирительной «дипломатии Сидэхара», готовила экспансию: до взрыва железнодорожного полотна у Лютяогоу 18 сентября «пресса говорила о вооружённой интервенции, а в Генеральном штабе шли совещания» [Escarra-Ray, 1933, с. 87]. Отметив «очень умеренные» формулировки доклада комиссии Литтона, «даже допускавшего добрую волю со стороны японских офицеров», Эскарра отверг апелляцию к «клятвенным заявлениям японского правительства», добавив не без иронии: «В процессе не принято принимать во внимание клятвенные заявления только одной из сторон» [Escarra-Ray, 1933, с. 97].

Позицию Токио Эскарра оценил скептически: «Между аргументами, которыми Япония оправдывает свои действия, следует уста-

новить разницу, пусть даже несколько искусственную. Часть этих аргументов, действительно, имеет некоторую юридическую ценность. <...> Напротив, за другими нельзя признать юридический характер. Таковы аргументы, основанные на экономической или стратегической необходимости» [Escarra-Ray, 1933, с. 100–101]. Семь главных тезисов японской стороны он квалифицировал следующим образом.

Существующие права: «Несомненно, определённые права, вытекающие из должным образом заключённых договоров, неоспоримы и не оспариваются. Но очень многое из того, на что она (Япония. — В.М.) претендует, родилось из односторонней трактовки договоров, из их искажения и, что гораздо опаснее, из ситуации де-факто, навязанной Японией местным властям» [Escarra-Ray, 1933, с. 102].

«Необходимость защиты жизни и имущества японских жителей [Маньчжурии] от китайских беспорядков и особенно от бандитизма»: «Доклад (комиссии Литтона. — В.М.) чётко установил, что у японцев имелся детально разработанный план на случай боевых действий, в то время как у китайцев не было никакого плана нападения на японские войска в это время и в этом месте, никакого намерения угрожать жизни или имуществу японских граждан. Никто не будет оспаривать, что в определённых случаях иностранцы или сами китайцы оказывались в опасности в результате гражданской или иной войны. Иностранные державы могли вмешаться, чтобы защитить своих граждан, однако для этого их правительства не считали для себя возможным действием, выливающимися в бомбардировки городов и убийство беззащитного населения» [Escarra-Ray, 1933, с. 103–104].

«Китай находится в состоянии анархии, и Японии приходится поддерживать там порядок»: «Верно замечено, что Китай находился в гораздо более анархическом и дезорганизованном состоянии, нежели сейчас, когда он пытается навести порядок в доме, а Япония использует этот беспорядок как повод для вмешательства. <...> Если бы Китай был сильнее, в Маньчжурии не было бы ни одного японца. Она сумела проникнуть туда именно благодаря беспорядку и сама же поощряла его в интересах своей политики» [Escarra-Ray, 1933, с. 105–106].

Наиболее юридически весомым из японских аргументов Эскарра считал ссылку на кампании бойкота японских товаров в Китае, но

и здесь заметил, что бойкот был лишь «формой сопротивления вооружённой силе» [Escarra-Ray, 1933, с. 106–107]. Аргумент о перенаселённости Японии, принимавшийся во Франции даже теми, кто не симпатизировал японской политике, он отвёл ссылкой на незначительное число переселенцев на материк [Escarra-Ray, 1933, с. 108–109]. На бесспорный тезис о бедности Японии природными ресурсами Эскарра ответил вопросом: «Почему аргумент должен играть в пользу только одной стороны, а не другой? Если экономический аргумент считается весомым, то он должен быть весом для всех» [Escarra-Ray, 1933, с. 109–110]. Седьмой, стратегический аргумент он также отвёл как неюридический [Escarra-Ray, 1933, с. 110–111]. Баланс не в пользу Японии довершала последняя, самая короткая глава «Действия Японии с точки зрения международного права» со ссылками на Статут Лиги Наций, Договор девяти держав, Пакт Бриана-Келлога и решения Совета и Генеральной ассамблеи Лиги. Как «юрист, лишённый иллюзий относительно эффективности нынешней организации мира с помощью права», Эскарра не без пафоса закончил словами о том, что «Китай держит свою судьбу в своих руках» [Escarra-Ray, 1933, с. 123].

Если Эскарра напористо и наступательно осуждал японскую экспансию, то Рэй, осторожно оправдывая её, держал оборону. Специалист по гражданскому праву Франции, философ и социолог, ученик Эмиля Дюркгейма, после смерти Рэй долго пребывал в забвении, пока в 2014 г. историк А. Нанта не вспомнил о его вкладе во франко-японские отношения [Nanta, 2014]; независимо от него и примерно в то же время автор этих строк обратил внимание на Рэя как на значимую фигуру японского политического имиджмейкинга межвоенного периода.

Жан Рэй работал в Японии профессором французского права Токийского императорского университета (1916–1919), затем юридическим советником МИД (октябрь 1918 — март 1924, март 1927 — август 1929). С 1922 г. он был одним из преподавателей наследного принца Хирохито, который из иностранных языков в то время владел только французским. По свидетельству юриста Сугияма Наодзиро, профессора Токийского университета и члена Японской академии, Рэй, в отличие от большинства коллег-иностранцев, изучал японский язык и мог читать специальную литературу. В июле 1924 г. он получил Орден священного сокровища

третьей степени. Вернувшись во Францию, Рэй стал юридическим советником японского посольства и составил указатель к Гражданскому кодексу, изданный в 1926 г. Во время второго пребывания в Токио он участвовал в работе центра научного и культурного сотрудничества «Франко-японский дом», связь с которым поддерживал и позднее, помогая составлению сводного указателя японской литературы по праву, вышедшего в 1935 г. После возвращения в Париж Рэй снова стал советником японского посольства и занимал эту должность до смерти.

С начала 1920-х годов Рэй анализировал изменения в международном праве в результате создания Лиги Наций и её дочерних организаций. Оценивая возможность конфликта юрисдикций, он утверждал, что Лига, будучи лишь международной организацией, но не сверхгосударством, не является источником права. Уже в «Комментарии к Статуту Лиги Наций относительно политики и юриспруденции органов Лиги» [Ray, 1930] Рэй указал на затруднения организации при урегулировании двусторонних конфликтов стран-участниц. Прояпонская ориентация юриста не была секретом, но и его компетенция не вызывала сомнений, поэтому Фонд Карнеги счёл Рэя наиболее подходящей фигурой для того, чтобы представить аргументы Токио в маньчжурском кризисе.

В первой, программной лекции «Маньчжурский инцидент перед Лигой Наций» Рэй заявил: «На протяжении пятнадцати лет в силу профессиональных обязанностей я почти каждый день имел дело с японской политикой, поэтому намерен представить вам позицию и политику Японии. Нет необходимости говорить, что я выступаю не как судья, но как свидетель, уважающий правду и следующий методам критики. Все мои усилия направлены на то, чтобы освободить от субъективных трактовок факты и документы, по которым вы сможете составить собственное мнение» [Escarra-Ray, 1933, с. 129].

Прежде чем перейти к рассмотрению конкретной проблемы, вызвавшей конфликт западных держав с Японией в Лиге Наций, лектор многозначительно напомнил: «Япония связана с Азией формой азиатской солидарности в силу географического положения, расовой близости и традиционной культуры. С другой стороны, в силу своей современной культуры и государственной структуры Япония сблизилась с западными странами. Она постоянно колеб-

лется между этими двумя тенденциями. Если Япония полностью забудет, что должно сближать её с Западом, если обозначившееся расхождение между ними усилится, это будет, я уверен, очень опасно не только для Японии, но и для всех вообще держав, как для имеющих интересы на Дальнем Востоке, так и для остальных» [Escarra-Ray, 1933, с. 130]. Юрист осторожно сформулировал то, о чём на языке политики — если угодно, *Realpolitik* — открыто говорил Жак Бенвиль: нельзя допустить отпадения Японии от «великих держав» Запада и, тем более, конфликта между ними, чреватого прежде всего угрозой их владениям, правам и интересам в Восточной Азии. Не существует ничего такого, что стоило бы этого риска.

Рэй не был апологетом Лиги Наций и не считал её панацеей от всех бед. Он отметил, что неучастие США и СССР в этой организации не освобождает их от обязательств по международному праву, поэтому сам факт членства Японии в ней положения не меняет. Напомнив о создании Советской Россией своего сателлита в виде Монгольской Народной Республики, не входившей в Лигу и не признанной другими державами (этому препятствовала Москва, стремившаяся сохранить монополию на внешнеполитические контакты МНР), и о конфликте 1929 г. на КВЖД между СССР и Китаем, т.е. маньчжурским режимом «молодого маршала» Чжан Сюэляна, который был урегулирован путём двухсторонних переговоров без участия Лиги, французский юрист подчеркнул, что «Советы в обоих случаях в полном объёме воспользовались свободой действий» и что «Япония не могла не ощутить оков, которые накладывает на её действия факт членства в Лиге Наций» [Escarra-Ray, 1933, с. 132].

Напомнив слушателям основные вехи рассмотрения маньчжурского конфликта Лигой Наций, Рэй остановился на участии в нём представителей США, юридическая правомочность которого была формально оспорена Японией, однако де-факто ей пришлось согласиться. «Это проблема психологии японцев, из-за которой совершаются одни и те же ошибки, — пояснил он. — Никто не понимает японского молчания. <...> Молчание бывает, как и у нас, знаком согласия, но бывает и формой недовольства. <...> Всякий раз, когда Япония удовлетворялась тем, что, выдвинув возражение, замыкалась в выражении оскорблённого достоинства, мы думали, что вопрос на самом деле урегулирован и что принятое решение всех устраивает» [Escarra-Ray, 1933, с. 135]. Важное наблюдение.

Перейдя к «докладу Литтона», Рэй обратил внимание ещё на одно обстоятельство, мало кем принимавшееся во внимание тогда и, добавим, сейчас. Все участники рассмотрения маньчжурской проблемы в Лиге Наций, кто высказал своё мнение, апеллировали исключительно к докладу, сразу же переведённому на многие языки, но «ни одно приложение к нему ни разу не цитировалось в ходе дебатов» [Escarra-Ray, 1933, с. 141]. Отдав должное «методичности, серьёзности и значительности» доклада, призванного выразить общее мнение комиссии Лиги Наций, лектор отметил, что все составленные экспертами приложения имеют конкретное авторство. «С политической точки зрения, такой документ не имеет такой силы, как доклад, это ясно; однако с научной точки зрения, для того, кто хочет непредвзято изучить вопрос, ценность приложений велика. Лично я полагаю, что она более велика, чем ценность коллективного доклада» [Escarra-Ray, 1933, с. 142]. Остаётся добавить, что и сейчас эта золотая жила информации, с поправкой на возможный субъективизм экспертов, остаётся непереуловлённой на иностранные языки, кроме английского и французского — официальных языков Лиги, и невостребованной в науке.

Вторая лекция «Вопрос китайского суверенитета» посвящена вопросу, является ли Маньчжурия частью «собственно Китая». Конфликтующие стороны придерживались прямо противоположных позиций, оперируя разным набором исторических фактов. Мнение о том, что Маньчжурия — не часть Китая, но объект соперничества Китая, России и Японии, начиная с 1895 г., имело поддержку в тогдашней Франции.

Выстроив защиту японской позиции как хороший адвокат, Рэй привёл основные аргументы в пользу Китая, но сам же парировал указанием на де-факто «особое положение» этой страны в международном праве, осторожно выбирая выражения для указания на то, что с 1911 г. Китай не существовал как единое государство и являлся лишь объектом политики «великих держав», в собственных интересах установивших для него «специальное право» в виде «очень сложного сочетания специальных статуты, выводимых частично из договоров, частично из практики» [Escarra-Ray, 1933, с. 158–161]. В союзники он привлёк лидера Гоминьдана Ван Цзин-Вэя, утверждавшего в книге «Китай и державы» (Рэй цитировал французский перевод 1928 г.), что «неравноправные договоры»,

включая Договор девяти держав 1922 г., «остаются без изменения», что слова о «территориальной целостности» прикрывают стремление к расчленению Китая, а слова о «равных возможностях» — приглашение к «дележу пирога» [Escarra-Ray, 1933, с. 163–164]. «Главная мысль относительно китайского суверенитета, поддерживаемая Японией, в особенности относительно китайского суверенитета в Маньчжурии, — суммировал юрист, — заключается в том, что это не реальность, а фикция. <...> То, что разрушили действия Японии в Маньчжурии, начиная с сентября 1931 г., это не китайский суверенитет, который никогда не действовал, но лишь режим Чжанов» [Escarra-Ray, 1933, с. 174].

Третью лекцию «Права Японии» Рэй начал с опровержения утверждений о том, что права Японии в Маньчжурии, включая права полученные от России, исходно имели только экономический характер и лишь в результате её односторонних (читай: незаконных) действий превратились в политические [Escarra-Ray, 1933, с. 179]. Дав обстоятельный обзор событий, начиная с Тройственного вмешательства России, Германии и Франции в условия Симоносэцкого мирного договора 1895 г. между Японией и Китаем, юрист сделал акцент на выгодах, которые принесли Маньчжурии и торговле третьих стран «экономические и цивилизаторские действия» Японии в регионе, прежде всего с помощью Южно-Маньчжурской железной дороги и аренды Ляодунского полуострова, иными словами, с помощью политических прав, закреплённых в Портсмутском и Пекинском договорах 1905 г. [Escarra-Ray, 1933, с. 186–192]. Этот же аспект отметил Бонно, напомнив и о китайской экономической миграции в Маньчжурию, которую японцы, по его словам, «из опустошённой земли сделали обитаемой» [Bonneau, 1933, с. 14–16, 37–38].

«Энергичные действия, — напомнил Рэй, — предпринятые Японией осенью 1931 г., были не более чем продолжением, подтверждением и освящением всей японской политики с начала нашего века» [Escarra-Ray, 1933, с. 201] — читай: одобрявшейся или, по крайней мере, терпимой остальными «великими державами». Замечу, что почти то же самое утверждал и его оппонент Эскарра, только со «знаком минус» в оценке политики Токио.

В четвёртой лекции — «Конфликт» изложение начиналось с формирования Чан Кайши в 1928 г. «национального правительства»

и провозглашения курса на обеспечение равноправия Китая. За этим последовало сближение с режимом Чжан Сюэяна для формирования антияпонской коалиции, что прямо угрожало интересам Японии, прежде всего на ЮМЖД, право японцев на вооружённую охрану которой подтвердила Вашингтонская конференция [Escarra-Ray, 1933, с. 221–222]. Именно связанные с этим «инциденты» послужили обоснованием (предлогом) для оккупации Маньчжурии. Признав наличие у японских военных планов наступательных действий, Рэй заметил: «Это не только естественно. Японское правительство могло бы с полным правом сказать: “Если наш Генеральный штаб не заготовил такой план, он самым явным образом пренебрёг своим важнейшим долгом”» [Escarra-Ray, 1933, с. 226].

Пятая лекция «Новое государство Маньчжоу-го» требует рассмотрения в рамках другой проблемы — восприятия этого «независимого государства» во Франции, к анализу которой автор намерен обратиться в будущем. В соответствии с позицией Китая, Эскарра существование Маньчжоу-го просто игнорировал как нелегитимное. Рэй призвал считаться с реалиями. Не был произнесён, но повис в воздухе расхожий аргумент о том, что по обстоятельствам создания Маньчжоу-го весьма напоминало некоторые «новые государства», появившиеся на карте после Первой мировой войны.

Шестая, заключительная, лекция «Маньчжурский вопрос и общая политика» помещала проблему в глобальный международный контекст, поскольку она «связана с некоторыми аспектами общей политики, чреватых риском войны» [Escarra-Ray, 1933, с. 259]. Напомнив о распаде Китая и о его де-факто разделе на сферы влияния, Рэй заявил: «Китай — это цивилизация, это мир, это что хотите, но только не nation» [Escarra-Ray, 1933, с. 261]. Я сознательно оставил последнее слово без перевода, потому что во французском языке оно равноправно обозначает понятия «государство», «нация» и «народ», признать которые синонимами в русском языке невозможно. Рэй апеллировал ко всем этим значениям. В значении «государство» Китай в прежних границах перестал существовать в 1911 г., так что не японская экспансия в Маньчжурии его разрушила. Более того, Рэй считал цинскую империю искусственным государственным образованием, державшимся, пока у центральной власти было достаточно сил для этого. В значении «нация» Рэй считал «китайцами» только ханьцев, отметив центро-

бежные тенденции у не-ханьских народов (маньчжуры, монголы, уйгуры, тибетцы), стремящихся уйти от контроля центрального правительства под покровительство других держав (Японии, СССР, Британской империи). Даже комиссии Литтона пришлось признать, что Китай находится в хаотическом состоянии. «В этом смысле идеал федералистского типа, несомненно, имеет больше шансов на успех, чем узконационалистическая концепция» [Escarra-Ray, 1933, с. 261].

Выводя рассмотрение маньчжурской проблемы за рамки двусторонних отношений, Рэй остановился на двух сторонах советского фактора — железнодорожном и пропагандистском, связывая их с угрозой новой войны в регионе. В памяти всех следивших за мировой политикой был свеж вооружённый конфликт 1929 г. на КВЖД между СССР и режимом «молодого маршала». Любому хозяину положения в Маньчжурии приходилось считаться с тем, что по её территории проходит дорога, находящаяся в паритетном владении двух сторон, причём СССР наглядно показал, что ни от чего отказываться не намерен. Агрессивный, но слабый режим Чжан Сюэляна потерпел поражение. Формально китайские права на дорогу переходили к Маньчжоу-го — государству, признанному Москвой де-факто (консульства остались на местах), но не де-юре; фактически — к Японии, с которой предстояло договариваться о её будущем. Пропагандистского фактора Рэй коснулся лишь мельком, учитывая его деликатность, хотя французскую аудиторию особенно волновала угроза проникновения «красной заразы» в Индокитай.

Важность американского фактора Рэй видел в том, как экспансия в Маньчжурии отразится на отношениях между Токио и Вашингтоном, который осудил агрессию и заявил о юридическом непризнании её возможных последствий, включая образование новых государств («доктрина Стимсона»). На эту риторику сторонники японской позиции резонно отвечали указанием на многочисленные политические и военные интервенции США в Центральной Америке, включая создание в 1903 г. государства Панама, ранее бывшего частью Колумбии, для строительства канала [Vonneau, 1933, с. 16–18]. Напомнив о наличии болезненных проблем в двусторонних отношениях, прежде всего, об иммиграционной, и о том, что ранее США мирились с действиями Японии в Китае, даже основываясь на принципах «открытых дверей» и «равных возмож-

ностей», французский юрист указал на важность «доктрины Стимсона» для всех стран, «поскольку она связана с применением Пакта об отказе от войны» [Escarra-Ray, 1933, с. 271]. «Сегодня Япония может с полным правом утверждать, — подытожил Рэй, — что, совершив интервенцию в Маньчжурии для защиты своих прав, она не нарушила Парижский пакт» [Escarra-Ray, 1933, с. 274].

Подобно Бенвилю, Рэй отрицательно — с точки зрения интересов Франции — оценил разрыв Японии с Лигой Наций, но не терял надежду (или внушал её слушателям?), напомнив заявления её правительства о том, что Япония «не намерена проводить политику изоляции» [Escarra-Ray, 1933, с. 274]. Однако сложившуюся ситуацию он использовал для «рассеивания некоторых иллюзий» относительно возможностей «международных организаций мирового или континентального характера», «легкомысленных идей, за которые мы, западные люди, несём большую ответственность» и к которым «моим друзьям на Дальнем Востоке» следует относиться критичнее, а не слепо принимать их [Escarra-Ray, 1933, с. 275–276].

«Дуэль» Эскарра и Рэя стала наиболее основательным и убедительным, в том числе с учётом авторитета обоих ораторов, изложением китайской и японской позиций по маньчжурской проблеме во Франции и в этом качестве повлияла на отношение к ней различных слоев и групп французского «политикума», не говоря уже о правоведах. Оба юриста в дальнейшем отстаивали и развивали свои взгляды, к чему автор настоящей статьи планирует специально обратиться.

На фоне поединка мэтров незамеченной прошла книга А.Р. Тюлье «Маньчжурия и китайско-японский конфликт перед Лигой Наций», которую следует ввести в научный оборот в контексте пропагандистской войны. Автор, биографические сведения о котором пока найти не удалось, представил свой труд (отпечатанный в Тулузе под маркой парижского издательства Recueil Sirey, которое специализировалось на литературе по праву и выпускало, среди прочих, книги Эскарра и Рэя) юридическому факультету Университета Тулузы в качестве диссертации на соискание учёной степени доктора права, которую он получил не позднее 27 апреля 1935 г. Этим числом датирован его инскрипт на экземпляре в моём собрании, на обложке и титульном листе которого автор уже фигурирует как «доктор права»; другой вариант, представленный к защите в каче-

стве диссертации, отличается лишь обложкой и титульным листом, на которых нет упоминания об учёной степени.

Тюлье преследовал не политические, но академические цели, открыв своё исследование первой фразой из предисловия Мишеля Монтэня к «Опытам»: «Это искренняя книга, читатель» [Tullié, 1935, с. 1]. Трудность поставленной перед собой задачи автор считал двоякой: во-первых, в силу специфического характера ситуации, не сводимой к простому нарушению границ, но и не перешедшей в состояние войны, что признал и «доклад Литтона»; во-вторых, в силу «сложности для европейца понять дальневосточный мир», поскольку «многие идеи, образ мыслей и действий людей Дальнего Востока кажутся нам алогичными, нелепыми и непостижимыми только потому, что отличаются от логики наших мыслей и понятий» [Tullié, 1935, с. 2]. Свою компетентность автор мотивировал тем, что «прожив добрых пятнадцать лет на Дальнем Востоке в постоянном общении с азиатскими народами, считает себя вправе говорить об этом без большого риска впасть в заблуждение» [Tullié, 1935, с. 3].

Актуальность темы Тюлье мотивировал значением позиций Франции в Индокитае. В первой части труда «Компоненты проблемы» он анализировал «Географические и исторические данные» (глава первая), «Причины утверждения Японии в Маньчжурии» (глава вторая), «Ресурсы Маньчжурии и масштаб японских интересов» (глава третья) и «Права Японии в Маньчжурии» (глава четвертая). Опираясь большим количеством источников японского, китайского и французского происхождения (на французском языке), включая работы Эскарра и Рэя, диссертант сделал вывод о справедливости основных аргументов японской стороны, причём опираясь не только на мнение её представителей. Согласно именитым французским учёным, Маньчжурия ни географически, ни исторически не являлась частью Китая, но лишь его владением, поэтому «маньчжурский народ имел право отделиться и провозгласить свою независимость от Китайской Республики» [Tullié, 1935, с. 30–31, 38]. Утверждение Японии в Маньчжурии Тюлье рассматривал как ответ на многовековое «продвижение царизма на Восток» [Tullié, 1935, с. 39] и как воздействие фактора «избыточного населения», не просто демографическое, но и социальное (рост социальных противоречий после Первой мировой войны). Автор высоко

оценил вклад Японии в экономическое освоение и развитие Маньчжурии после Русско-японской войны, сделав акцент на его взаимовыгодном характере: сырьё в обмен на инвестиции и технологии. Поэтому создание Маньчжоу-го он считал не только легитимным, но положительным фактом и призвал признать новое государство, уверенный в его жизнеспособности [Tullié, 1935, с. 110–111, 336–343].

Во второй части книги, «Конфликт», Тюлье рассмотрел «Давние причины конфликта» (глава первая) с акцентом на «дурное управление при Чжанах» [Tullié, 1935, с. 149–158], при которых правовые механизмы практически не действовали, и вечно актуальные для региона железнодорожные проблемы [Tullié, 1935, с. 181–193], а затем «Ближайшие причины конфликта» (глава вторая), которые скорее можно считать поводом. В третьей части «Конфликт перед Лигой Наций» Тюлье академично изложил ход рассмотрения проблемы международным ареопагом (главы первая и вторая), отдельно рассмотрев «Защиту Японии» (глава третья), и сделал вывод: «На основании вышеизложенного мы полагаем, что решение, вынесенное против Японии, не считалось с фактами, игнорировало их или недооценило их важность. Поэтому роль Лиги Наций в этом деле мы считаем, по меньшей мере, ни слишком блестящей, ни особенно мудрой» [Tullié, 1935, с. 320].

У нас нет оснований говорить о политическом резонансе диссертации Тюлье, но сам факт её существования — и одобрения высокой академической инстанцией — показывает неоднозначность восприятия французской элитой 1930-х годов японской континентальной и колониальной политики. Дальнейшее изучение этой темы обогатит наши представления о международных отношениях в Северо-Восточной Азии и об их пиаровском эхе по всему миру.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Мещеряков А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. М.: Наталис, 2006. 736 с.

Bonneau G. Japon et Mandchourie. Osaka-Paris : Osaka Taishi Keizai Remmei — Messein, 1933. 45 с.

Creel G. How We Advertised America. N.Y.-London: Harper & Brothers, 1920. 521 p.

Escarra J. La Chine et le droit international. Paris: Pedone, 1931. 419 p.

Escarra J. Le Conflit Sino-Japonais et la Sociетѣ des Nations // Ray J. La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Paris: Publications de la conciliation internationale, 1933. 278 p.

Escarra J. Le droit chinois. Conception et ѣvolution. Paris: Recueil Sirey, 1936. 560 p.

Escarra J. Рѣflexions sur la politique du Japon a l'ѣgard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel. <Perpignan, 1937>. 28 p.

Flandin P.-E. Politique franзaise. 1919–1940. Paris: Les Editions Nouvelles, 1947. 466 p.

Nanta A. Jean Ray ou un regard franзais sur la politique extѣrieure du Japon dans les annѣes 1920–1940 // Ebisu. Etudes japonaises. Vol. 51 (2014). P. 75–97.

Ray J. Commentaire du Pacte de la Sociетѣ des Nations selon la politique et la jurisprudence des organes de la Sociетѣ. Paris: Recueil Sirey, 1930.

Tullіѣ A.R. La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Sociетѣ des Nations. Paris: Recueil Sirey, <1935>.

References

Bonneau G. (1933). Japon et Mandchourie. Osaka-Paris: Osaka Taishi Keizai Remmei — Messein.

Creel, G. (1920). How We Advertised America. N.Y.-London: Harper & Brothers.

Escarra J. (1933) Le Conflit Sino-Japonais et la Sociетѣ des Nations // Ray J. La position, l'oeuvre et la politique du Japon en Mandchourie. Paris: Publications de la conciliation internationale.

Escarra, J. (1931). La Chine et le droit international, Paris: Pedone.

Escarra, J. (1936). Le droit chinois. Conception et ѣvolution, Paris: Recueil Sirey.

Escarra, J. (1937). Рѣflexions sur la politique du Japon a l'ѣgard de la Chine et sur quelques aspects juridiques du conflit actuel, <Perpignan: n.p.>.

Flandin, P.-E. (1947). Politique franзaise. 1919–1940, Paris: Les Editions Nouvelles.

Mescheryakov, A.N. (2006). *Imperator Meiji i ego Yaponiya* [Meiji Emperor and His Japan], Moscow: Natalis. (In Russian).

Nanta A. (2014) *Jean Ray ou un regard franзais sur la politique extйrieure du Japon dans les annйes 1920–1940* // Ebisu. *Etudes japonaises*, Vol. 51, p. 75–97.

Ray J. (1930). *Commentaire du Pacte de la Sociйtй des Nations selon la politique et la jurisprudence des organes de la Sociйtй*. Paris: Recueil Sirey.

Tullie A.R. (1935). *La Mandchourie et le conflit Sino-Japonais devant la Sociйtй des Nations*. Paris: Recueil Sirey.

Японский опыт трансформации: от «монархического конституционализма» к тоталитарной системе

К.О. Саркисов

Аннотация. Одна из самых фундаментальных в истории Японии трансформаций — «Мэйдзи исин» (1867–1868) при всей схожести с великими революциями в других странах имела существенные отличия. Она была относительно бескровной и стала «гладким» переходом из одной системы в другую. Стремление к «преемственности» и к сохранению «связи времен» проявились и в самый тяжелый момент японской истории, когда императором в августе 1945 г. было принято решение о капитуляции и её единственным условием было сохранение императорской системы.

В отличие от Реставраций монархий в европейской истории в японской — это не контрреволюция, а прямо противоположное. Японской монархии был придана «прогрессивная» форма конституционной монархии в её германской (прусской) версии, которая считалась тогда наиболее прогрессивной и динамичной, но не столь радикальной как британская, дававшая преимущество парламенту.

Из двух форм конституционных монархий «монарх царствует, но не правит» и «монарх царствует и правит по конституции», при которой монарх становится заложником бюрократии, был выбран второй с той оговоркой, что в Японии отстраненность императора от управления страной и фактическая власть бюрократии была изначальной идеей тех, кто совершил революцию и строил новое государство.

Роль императора как символа, которая была зафиксирована в послевоенной конституции Японии, написанной Штабом оккупационных войск и рассматривавшаяся как наиболее радикальная мера по демократизации Японии, на самом деле была таковой и до войны. Символичность или «духовность» власти императора восходит к исконно японской религии

синто, которой революцией был придан статус государственной. Однако это противоречило характеру японцев, рассматривающий религию как культурно-этическую, а не как мировоззренческую доктрину.

Особенности «Мэйдзи исин» сказались на динамике дальнейших трансформаций страны вплоть до её поражения во Второй мировой войне.

Ключевые слова: конституционная монархия, реставрация, Исин, революция, связь времён, примирение двух эпох.

Автор: Саркисов Константин Оганесович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН.

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

The Japanese experience of transformation: From “monarchical constitutionalism” to a totalitarian system

K.O. Sarkisov

Abstract. Despite its similarities with the great revolutions in other countries one of the most fundamental transformations in the history of Japan — Meiji Ishin (1867–1868) had significant differences. It was relatively bloodless manifesting a “smooth” transition from one system to another. The pursuit of “continuity” and the preservation of the “connection of times” came out as something “sacred” in the most difficult moment of Japanese history, when in August 1945 Japan decided to surrender and its only condition was to preserve the imperial system.

Unlike the restorations of monarchies in European history, in Japan emperor’s coming back to power was not a counter-revolution, but just the opposite. The Japanese monarchy followed a “progressive” form of constitutional monarchy in its German (Prussian) version, which then was considered the most progressive and dynamic, but not as radical as the British with its predominance of the parliament.

From two forms of constitutional monarchy: “the monarch reigns but does not rule” and “the monarch reigns and rules under the constitution”, in which the monarch becomes a hostage of the bureaucracy, Japan had chosen the second one with the provision that the Japanese emperor’s detachment from government and the actual authority of the bureaucracy were the original idea of those who made the revolution and were building a new state.

The role of the emperor as a symbol in the post-war constitution of Japan, written by the occupying forces’ General Headquarters and regarded as the most

radical measure of democratization of Japan, was in fact the same before the war. The symbolism or “spirituality” of the emperor’s power goes back to the original Japanese religion of Shinto, which was given a state status by the revolution. However, this was contrary to the nature of the Japanese, regarding religion rather as cultural and ethical, than as an ideological doctrine.

Distinctive features of “Meiji Ishin” affected the dynamics of further transformations of the country until its defeat in the Second World War.

Keywords: constitutional monarchy, restoration, Ishin, revolution, connection of times, reconciliation of two eras.

Author: *Sarkisov Konstantin O.*, PhD (History), Leading researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: sarkisovko@yahoo.com

«Исин» как «трансформация»

Революция 1868 г. («Мэйдзи исин»), одна из наиболее фундаментальных трансформаций в истории Японии. На английский и на все остальные языки, а иногда и на русский, она по формальному признаку возвращения японского императора к власти переводится как «Реставрация Мэйдзи». Такой перевод создаёт впечатление о движении вспять, о чём-то консервативном или даже реакционном. В то время как всё обстояло ровно наоборот. Полвека до этого возвращение Бурбонов в Париж было реставрацией, а в Японии воцарение японского императора на трон означало не контрреволюцию, а революцию.

Не случайно, за рубежом первое сообщение о событиях в Японии появилось в марте 1868 г. под заголовком «Революция в Японии». В полученной через Индию информации говорилось о «столкновениях войск сёгуна и даймё с партизанами» и *больших потерях с обеих сторон* [The New York Times, March 6, 1868]. Скупая на громкие заголовки английская пресса писала просто о событиях в Японии, а если использовала слово «революция», то только цитируя американские источники. Но позднее и в ней можно было прочесть о «революции в Японии» [Times, Apr 12, 1873].

Вопрос о точности перевода не является формальным. В нём суть происходившего. Термин «Исин» как и его оригинал в китайском языке — «Wéixīn», означает «Обновление» или «Реновация». В истории Кореи, в языке которой заимствования из китайского также доминируют, великие события обычно тоже обозначались

этим термином. Следовательно обозначение событий как «революция» тоже не совсем точно. Для этого явления в японском языке есть другое, более чёткое по смыслу выражение. Фундаментальное преобразование, в результате которого страна покончила с феодализмом, в самой Японии не получило название «революция» из-за явно отрицательной для японского слуха коннотации. Во время очередной поездки в Европу Ито Хиробуми, один из «отцов-основателей» новой Японии, говорил в интервью: *«Я никогда не сожалел, что советовал своей стране последовать примеру Европы, хотя меня осуждали как революционера. Если так, значит, я был рождён для революции»* [Times, Jun 29, 1887].

События в Японии революцию в европейском значении этого слова напоминали слабо. Они, конечно, развивались по схожей схеме — раскол страны на два лагеря, гражданская война, насильственные действия и пр., но в сравнении с французской революцией 1789 г. и русской ноября 1917 г. социальный переворот в Японии не сопровождался массовым политическим террором, гильотиной или расстрелами, уничтожением и ликвидацией целых слоёв общества, строительством нового общества на руинах старого с систематическим и последовательным искоренением в зародыше всего того, что политически, социально и даже этически напоминало прошлое. В Японии, напротив, предшествующий строй и эпоху Эдо никто не предавал анафеме. Более того, если и критиковали, то признавали заслуги, а главное — относились с уважением как к части своей истории, объединяющей, а не раскалывающей народ на антагонистические куски.

Пример — судьба свергнутого сёгуна Токугава Ёсинобу. Она мало напоминала участь Карла I, казнённого в Лондоне в 1649 г., Людовика XVI, кончившего жизнь на гильотине в Париже в 1792 г., и Николая II, расстрелянного в подвале дома в Екатеринбурге в 1918 г.

Последний сёгун после передачи ключей от Эдосского замка новым хозяевам удалился с приближёнными в префектуру Сидзуока. Здесь он вёл замкнутый образ жизни, удил рыбу и писал стихи (танка), некоторые из которых о «великолепии сливы, благоухающей за его окном» печатались на страницах газет [Asahi, Mar 15, 1882]. А 28 февраля 1882 г. он посетил замок, некогда ему принадлежащий, чтобы выразить благодарность императору за присвоение ему высо-

кого государственного ранга (Старший Ранг Второй степени 正二位) [Asahi, Mar 1, 1882]. В сохранившейся за ним токийской резиденции в деревне Сэндагая (ныне район Токио) 1 ноября 1887 г. с «визитом вежливости» его собирались посетить вдовствующая императрица (супруга императора Комэй) и императрица Харуко (супруга императора Мэйдзи) [Yomiuri, Oct 26, 1887].

Фактическое примирение двух эпох и двух систем произошло 23 августа 1889 г., когда в Токио по инициативе императорского двора, или по крайней мере с его согласия, прошли торжества по поводу 300-летия учреждения ставки сёгуна Токугава Иэясу в Эдо. По приказу Министерства двора была выпущена золотая юбилейная медаль достоинством в 300 иен. Торжественные мероприятия состоялись в токийской резиденции в Сэндагая. В парке Уэно в синтоистском храме Тосёгу (上野東照宮) прошёл молебен с участием бывших даймё (князей), приближенных сёгуна (фудай даймё) [Asahi, Aug 25, 1889].

Особенно завидной оказалась судьба сына последнего сёгуна — Токугава Иэсато. Возглавив клан Токугава (16-й по счёту) после ухода отца от дел, он оказался весьма востребованным в новой государственной элите. В японском парламенте в течение четырёх сроков он возглавлял палату пэров, был полномочным представителем Японии на Вашингтонской конференции по разоружению (1920–1921), председателем подготовительного комитета так и не состоявшейся Токийской олимпиады 1940 г. А в марте 1914 г. накануне Первой мировой войны могло случиться нечто невероятное — возвращение Токугава во власть. В период политического кризиса император предложил Токугава пост премьер-министра. Но он отказался. *«Меня срочно вызвали во дворец. Я не имею права пересказывать то, что мне сказал Его Величество, но суть была в том, что он подписал указ о назначении меня главой кабинета министров после того, как правительство Ямамото Гомбэй ушло в отставку. Сразу отказаться было бы проявлением неуважения к монарху, и я попросил время на размышление, но на следующий день сказал ему, что для меня это большая честь, но я не подхожу для этой роли»*, вспоминал потомок сёгунов [Asahi, Apr 8, 1928]. Газеты же писали, что Токугава не захотел ввязываться в склоки и политические интриги, которые могли бы нанести урон престижу древнего самурайского рода [Yomiuri, Mar 30, 1914].

Другой пример, Эномото Такэаки. В 36 лет — заместитель министра флота в правительстве сёгуна, он после захвата столицы императорскими войсками остался лояльным старому режиму и весь флот ушёл в Хакодате. В январе 1869 г. он стал президентом «Республики Эдзо», но уже в мае того же года после серии военных поражений был арестован. По обвинению в госизмене он ожидал суровый приговор в тюрьме одной из военных казарм в Эдо (Токио), однако в 1872 г. его простили, учтя незаурядные способности и знания, приобретённые за границей ещё в период сёгуната (три года учёбы в Голландии).

В ноябре 1879 г. он стал заместителем министра иностранных дел [Asahi, Nov 11, 1879]. До этого успел побывать в ранге посланника в Санкт-Петербурге, где в 1875 г. подписал договор об обмене Сахалина на Курилы. До своей смерти он занимал многие министерские посты: министра иностранных дел, военно-морского флота, сельского хозяйства и торговли, культуры. 11 февраля 1904 г., когда уже шла война, будучи уже в отставке, он посетил российскую миссию в Токио, чтобы выразить сожаление покидавшему Токио российскому посланнику барону Розену, что войны не удалось избежать [Rosen, 1922, p. 283].

Термин «Исин» как «системная трансформация» со временем стал использоваться политическими движениями как прогрессивного, так и реакционного направления. В эпоху Тайсё им называли политическое движение за расширение и укрепление демократических элементов мэйдзийской конституции (ведущая роль политических партий в парламенте в определении главы правительства). А лозунг «Сёва исин», напротив, вдохновлял тех, кто выступал против демократизации как «губительной» для страны, за укрепление авторитарности власти под лозунгом восстановления «Великой Мэйдзийской империи» [Asahi, Jan 28, 1926].

После поражения Японии в войне и оккупации войсками союзников происходившие в стране трансформационные процессы были по сути революционными, но никто и никогда не называл их революцией, а политики (в частности, Накасонэ Ясухиро) сравнивали с «Мэйдзи Исин» [Yomiuri, Jan 7, 2000]. Реформы оккупационного периода в Японии в отличие от поверженной Германии проводились не напрямую, а через институты старой власти, через «фильтр» национальных традиций и системы ценностей. Тем самым была

достигнута столь важная для японской политической культуры «преемственность» поколений, «гладкая» трансформация систем из одной в другую без разрыва «связи времён». При этом главным связующим элементом всего этого был и остаётся император.

«Монархический конституционализм»

Сохранение монархии было поэтому главной целью при строительстве нового послефеодального государства. В Европе в 80-е годы XIX века, когда Япония была в поисках подходящей для неё конституции, Абсолютизм давно пал под ударами революций и войн, и идея «конституционной монархии» восторжествовала практически везде, кроме отдельных стран, в частности России.

Поиски подходящей для Японии модели конституционной монархии должны были бы начаться с Англии, где эта система утвердилась ещё в XVII веке. Но на родине конституционной монархии не было конституции и всё держалось на прецедентном праве, что делало её трудной для подражания.

В монархической Франции основные положения конституционного права были сформулированы чётко и впервые в Конституции революционной Франции 1791 г. Одна из центральных статей (ст. 3) Конституции Мэйдзи — «личность императора является священной и неприкосновенной» — калька с конституции революционной Франции 1789 г. (*La personne du roi est inviolable et sacrée* (Chapitre II Article 2) (Конституция Франции, 1791 г.) с перестановкой лишь порядка слов. Правда, после радикализации французской революции упомянутая статья конституции не помешала казнить короля (Людовика XVI). Поэтому в её новой конституции 1814 г. наряду с сохранением формулировки о «неприкосновенности и священности» личности императора Людовик XVIII пытался найти «баланс сил» между игроками на политическом поле, между консервативным и либеральным.

Идеи «баланса» он мог почерпнуть в публикациях Франсуа Шатобриана, об одной из которых Людовик XVIII, говорил, что *она принесла ему больше пользы, чем стотысячная армия* [Вера Мильчина, 2014, с. 975]. Публикации ультраконсервативного роялиста, известного в России больше как писателя и стилиста, вызывали интерес и в Англии, где, казалось бы, всё было уже позади. Лондон-

ская «Таймс» публиковала выдержки из его сочинений, в одном которых звучала идея «баланса» между ветвями власти: *«В конституционной монархии власть монарха и законодательного органа должны быть согласованы и сбалансированы»* и о прессе, которую и в те годы относили к «четвёртой власти»: *«в отсутствие свободы пресса подпадёт под влияние бюрократии (министров правительства), которые используют её в свою пользу. В результате баланс будет разрушен, а конституция окажется в опасности»* [Times, Oct 16, 1816].

Попытку простого и понятного объяснения сути конституционной монархии предпринял другой француз, историк и политик Адольф Тьер. Его фраза, ставшая крылатой — «король царствует, но не правит» (заголовок одной из его публикаций) [Times, Aug 29, 1835] — вызвала гонения на автора и особенно на издателя газеты, опубликовавшей статью. Позднее в дебатах во французском парламенте, в спорах роялистов с разношёрстной оппозицией прозвучала консервативная версия этой идеи: «король царствует и правит по конституции» [Times. Dec 31, 1838].

В обеих фразах суть двух типов конституционной монархии. «Король царствует, но не правит» — это парламентская монархия, которая получила своё воплощение в Англии. В 1910 г. назначенный министром внутренних дел Уинстон Черчилль развил формулу Тьера: *«Монарх не принимает решений. Его Величество царствует, но не правит. У него нет права вето. Он действует по совету ответственных министров»* [Times, Mar 21, 1910].

Вариант, когда монарх «царствует и правит по конституции», принятый во Франции, Пруссии и позже в Германии (бисмарковская Конституция) в отечественной политологии обозначают как «монархический конституционализм». Это система, в которой *«в полной мере реализовывалась коалиция монарха и бюрократии против парламента... где... монарх становится в полной мере заложником бюрократии, не находя ей противовеса в народном представительстве»* [Медушевский, 1994, с. 31–33].

Эта формула вполне применима к мэйдзийской Японии с той только поправкой, что нахождение императора в заложниках у бюрократии или отстраненность императора от реальной власти («монарх не принимает решений» из формулы Черчилля) была первоначальной идеей тех, кто совершил антифеодальную революцию. Во власт-

ной тройке «император — бюрократия — парламент» главная роль принадлежала государственной бюрократии, а не императору.

Но любое решение правительства требовало его санкции, которое он давал в принципе почти автоматически. В первые месяцы работы правительства (Кабинет Министров, 内閣), сформированного по европейскому образцу, как-то император длительное время не принимал премьер-министра, сказавшись больным, чтобы не допустить назначения на пост министра образования Мори Аринори, известного политика из плеяды революционеров, христианина по вероисповеданию. После этого случая Ито добился согласия монарха на «разделение функций» власти между правительством и императором, и 7 сентября 1886 г. был подписан документ под названием «Киму Рокудзё» («機務六条»), что-то вроде «меморандума о взаимопонимании» между монархом и государственной бюрократией.

Из «Шести пунктов разделения функциональных обязанностей» первый касался участия императора в заседаниях правительства. Прежде император имел право по своему желанию появляться на них (правительство в пору — Дайдзёкан) и свободно высказываться по существу обсуждаемых дел, хотя такие случаи были крайне редки. Отныне его присутствие на заседаниях правительства могло быть только по просьбе премьер-министра. При этом заседание кабинета вёл не император, а глава кабинета. Согласно второму пункту, советниками императора по государственным делам могли быть лишь министры или их замы. В выступлениях на заседании правительства император мог высказываться только по специальным вопросам образования и по своим личным делам, но не должен был касаться государственных вопросов. Следующие, третий и четвёртый пункты определяли, что император не мог отказаться от участия в официальных церемониях, нравились они ему или нет. В последних двух пунктах выражалась забота о здоровье монарха, который им не блистал, однако устанавливалось, что император мог не принимать министров в случае недомогания, только имея на то реальные основания, и сами эти случаи следовало сводить к минимуму, дабы они не мешали выполнению официальных обязанностей [Tamura, 2014, p. 116].

Случаи, когда император проявлял свою собственную инициативу, вызывали негативную реакцию правительства, которое, впро-

чем ничего не могло с этим поделать. В качестве примера можно привести инцидент с покушением на жизнь российского престолонаследника Николая Александровича стоявшим в оцеплении японским полицейским Цуда Сандзо. Случилось это в мае 1891 г. в городе Оцу неподалеку от Киото, и император Мэйдзи лично отправился в свою старую столицу, чтобы навестить в больнице легко раненного цесаревича. В порту Кобэ неподалеку от стоянки российского корабля был разбит временный шатёр для монарха, чтобы он мог быть всегда рядом. Вопреки мнению правительства, опасавшегося, что император может быть похищен, тот принял приглашение наследника российской короны отобедать с ним на флагманском крейсере «Память Азова».

Вместе с тем усилия монарха добиться смертной казни для покушавшегося оказались тщетными, а вердикт судьи, действовавшего по закону и присудившего обвиняемого к пожизненному заключению, стал хрестоматийным в учебниках по истории японского права как свидетельство торжества закона над авторитарной властью.

В Японии не было всего того, что в Европе привело к «конституционным монархиям» — эпохи Просвещения, не было «монархического абсолютизма», а был феодальный абсолютизм сёгуната, не было сложной социальной стратификации, большой политической и экономической роли духовенства и др. При этом движущей силой революции в Японии был не столько растущий капитализм («рост производительных сил»), сколько национальная идеология самосохранения перед внешней угрозой с учётом печального опыта соседнего Китая, заплатившего своей независимостью за нежелание модернизироваться.

Отплывшие 19 марта 1882 г. на почтовом пароходе из Иокогамы в Европу в поисках модели конституционной монархии еще в Токио сделали свой выбор. Их путь лежал в Берлин, тем более что особого выбора в «меню» из европейских «конституционных монархий» не было. Из трёх главных европейских монархий — Англии, Франции и Германии, первая не подходила из-за доминирования парламента над королём, вторая пала под ударами третьей. Позорное и скандальное для престижа крупнейшей европейской державы поражение Франции при Седане и пленение Бонапарта III со всей своей армией 2 сентября 1870 г. покончили с монархией во Франции. Не менее

унизительной была состоявшаяся 18 января 1871 г. в пригороде покорённого Парижа в знаменитом Зале зеркал Версальского Дворца церемония приведения к присяге первого Германского императора прусского короля Вильгельма I, которому принадлежала честь этой победы. Военное торжество Пруссии привело к рождению нового государства, объединившего более двух десятков мелких «королевств» и несколько вольных городов.

По инициативе ставшего канцлером нового федеративного государства Отто фон Бисмарка 16 апреля была принята Конституция германской империи, повлиявшая на японскую. *С особой теплотой вспоминал Ито о своих встречах и беседах с тем, кто сыграл огромную роль в этом историческом событии. Бисмарка он ставил выше всех из европейских деятелей* [Yomiuri, Dec 31, 1896]. *«Он оказался под чарами одного из наиболее величественных политических фигур Европы — князя Отто фон Бисмарка»* [McLaren, 1916, p. 182]. Тому он тоже запомнился, и уже будучи в отставке, в мае 1895 г., когда Ито подписал в Симоносеки мирный договор с Китаем на выгодных для Японии условиях, прислал ему поздравительную телеграмму [Yomiuri, May 13, 1895].

Военные успехи Пруссии впечатляли тех, кто в Токио в жарких спорах определял контуры японского государства. Английская модель не подходила, и тем не менее Ито побывал и в Лондоне. Здесь он встречался с Уильямом Гладстоном. Четыре раза возглавлявший кабинет министров Англии в период с 1868 г. по 1894 г., тот начинал с сотрудничества с тори и, постепенно меняя свои убеждения, стал лидером лейбористов, а также проповедником либеральных реформ. Эта «гибкость» в выборе курса, возможность сочетать консерватизм с либерализмом, когда это необходимо и полезно, не остались незамеченными для японцев.

Конституция Мэйдзи, провозглашённая 11 февраля 1889 г. была, несомненно, консервативной по сути, предоставив широкие права императору, а фактически высшей бюрократии, но она включала и целый ряд элементов представительной демократии: выборность нижней палаты парламента, прерогатива парламента принимать законы, отсутствие у императора права на законотворчество, его право принимать указы лишь в период, когда парламента не функционирует, с условием, что эти указы должны быть утверждены парламентом и др.

Император

В Соединённых Штатах, игравших главную роль в определении судьбы послевоенной Японии, с их антимонархической по определению идеологией японская монархия воспринималась как явление сугубо феодальное, как вредная архаика и главная причина отсталости и реакционности режима. Главнокомандующий Штаба союзных войск Макартур писал в своих воспоминаниях о причинах поражения Японии в войне: *«Чрезмерный феодализм, который доминировал в этой изолированной стране, привёл к почти мифологической и фанатической вере в непобедимость её армии и превосходство её культуры»* [Macarthur, 1964, p. 300].

Макартур осуждал «чрезмерный феодализм», но не упоминал императора, с которым у него, по слухам, сложились хорошие личные отношения. Тем не менее, принятая под сильным давлением оккупационных властей новая конституция 1946 г. прежде всего решила вопрос с императором. В самой первой статье она лишила его титула «суверена» и наделила им японский народ, закрепив за монархом роль символа «государства и единства народа».

Но это не было болезненным, потому что и до войны его роль была достаточно символической, поскольку решений он не принимал, а только косвенно мог на них влиять. «Шесть пунктов разделения функций» никто не отменял.

Из конституции исчезли слова о «многовековой и непрерывной преемственности» японской императорской династии. Однако с самим мифом ничего не удалось сделать. Все императоры и чуть менее десятка императриц, начиная с 660 года до н.э., составляют единую генеалогическую линию — Мансэйиккэй (萬世一系). Они тщательно идентифицированы и строго пронумерованы, а вступивший на престол 1 мая 2019 г. новый император Нарухито получил номер 146.

Этот миф был и остаётся стержнем императорской системы в её современной демократизированной форме. Поэтому можно сказать, что «система Мэйдзи» сохранила себя, несмотря на поражение в войне. В спорах с представителями оккупационных властей премьер-министр Сидэхара защищал конституцию Мэйдзи, убеждая их в её «демократичности». *В мире существуют и другие формы демократии, а не только американская. Навязать её японскому*

народу не получится. Японии больше подходит политическая система Англии или подобный ей тип конституционной монархии [Asahi, Nov 11, 1945].

Но апелляция к монархической Британии не только не была услышана, но реальность подобного была под большим сомнением. На сегодняшний день, помимо курьёзных прерогатив английской короны, наподобие владения гусями в Темзе и осетрами, китами, дельфинами в территориальных водах, у неё есть и более существенные. Японский император не является главой государства, в то время как Елизавета II официально носит титул монарха (конституционного) и главы государства не только Великобритании, но стран содружества. Министры Правительства Её Величества в Лондоне являются, прежде всего, советниками королевы наряду с членами Тайного совета при Королеве. Всё судопроизводство происходит от имени монарха, как было и в довоенной Японии по конституции Мэйдзи (ст. 57). С другой стороны, английская монархия не может похвастаться даже мифом о своей непрерывности в течение 26 веков и своей ключевой ролью в истории страны.

В Японии император нередко и надолго бывал отстранён от реальной власти. Но каждый раз его возвращение во власть рассматривался как решающий элемент трансформации. Так, например, 17 веков назад в эпоху Асука (538–710) в реформах «Тайка» перемены под влиянием внешних факторов вызвали к жизни идею восстановления руководящей роли императора как главного элемента несущей конструкции, на которой строится государство. Возникшие после реформ «Тайка» юридические основы государственности («рицурё») один из авторов оценивал как китайские по форме, но японские по сути, именно из-за роли в них императора [Clement, 1915, p. 23.].

С императором Япония не просто страна («куни») или государство («кокка»), а государственность — некий государственный организм («кокутай» 国体), родившийся от божьего провидения, взлелеянный предками, переживший природные катаклизмы и катастрофу войны и существующий как залог стабильности и благополучия в будущем.

В «Новых тезисах» идеолога японского национализма Аидзава Сэйсисай (1782–1863) из знаменитой «Школы Мито», написанных еще в 1825 г., в эпоху позднего сёгуната, роль императора как «рели-

гиозно-политического стержня» виделась как спасение от угрозы не столько физического, сколько духовного порабощения иностранными государствами [Wakabayashi, 1986, p. 133, 134]. Сохранение императора как условие готовности капитулировать и не продолжать войну, которая стоила бы американцам сотен тысяч жертв, и послевоенная стабильность, обеспечившая феноменальное развитие страны, подтверждали эту мысль.

В течение многих веков роль императора, его значение в системе «кокутай» признавали и реальные властители страны — сёгуны. С их стороны не было ни одной серьёзной попытки самим взойти на «Хризантемовый трон». Несмотря на всю формальность, в течение веков они сохраняли процедуру утверждения монархом очередного сёгуна. В 30-е годы XX столетия император не спас политическую систему от сползания к тоталитаризму военной олигархии, но предотвратил в стране фашистскую форму правления, дав возможность капитулировать без полного краха и распада (как это было в Германии), обеспечил «мягкую посадку» с сохранением культурно-психологических корней государства.

Значение императора для Японии становится особенно понятным в сравнении с тем же Китаем. Несмотря на 5 тысяч лет династийной истории, ликвидация «императорской системы» в 1912 г. (Синьхайская революция) была непременным условием радикальной трансформации — рождения современного государства. Две попытки реставрации в Китае монархии (1 января 1916 г. провозглашение Юань Шикаем себя императором, а в июне 1917 г. усилия генерала Чжан Сюня вернуть на престол императора Пу И) были скорее фарсом, чем серьёзными событиями, и закончились полным и сокрушительным провалом. В Японии же наоборот — возвращение императора к власти стало предпосылкой реформ, превративших страну не только в современное государство, но и в одного из лидеров того времени. Если «несущими конструкциями» любой национальной идентичности считать общность и органичность таких элементов как земля, язык, религия и исторические судьбы, то роль императора незаменима в двух последних.

Отсутствие единой религии как интегрирующей силы компенсировалась верой в божественное происхождение императоров. Законные сомнения в этом, в частности в непрерывности в течение столь длительного периода, легко снимаются тем, что «чистота крови» не

считалась абсолютно необходимым условием. Вполне допускалось смешение с другой «кровью» — усыновленные и наследные принцы, рождённые от наложниц. *«Наложницы были распространённым явлением в императорской семье и аристократии до революции Мэйдзи. Царствующий ныне император (император Тайсё) был сыном не императрицы, законной супруги императора Мэйдзи, а фрейлины Накаяма. ...Японцы настолько снисходительно относились к полигамии, что в документах, публиковавшихся Министерством императорского двора и переводившихся официально на английский язык, приводились имена всех императорских наложниц и их потомков»* [McLaren, Walter Wallace, 1916, p. 18].

Приверженность концепции династийной «непрерывности» выражается в том, что ритуалы, унаследованные от предков, в императорском доме тщательно соблюдались и соблюдаются как в радостных, так и в печальных случаях, вопреки любым трансформациям и модернизациям.

На следующий день после того как на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан Акт о капитуляции, 3 сентября 1945 г., в императорском дворце в присутствии придворной знати и членов правительства, среди которых был и подписавший накануне документ о капитуляции министр иностранных дел Сигэмицу Мамору, император, облачённый в одежды синтоистского жреца, вместе с императрицей и со своей матерью, вдовствующей императрицей (императрица Тайсё) совершил молебен перед тремя дворцовыми святынями [The New York Times, Sep 3, 1945]. Ещё через несколько дней представители императора посетили могилу Дзимму Тэнно в Нара, чтобы *известить его об окончании войны* [Асахи симбун, 8 сентября 1945 г.]. А в середине ноября сам император направился в храм Исэ Дзингу и к могилам императоров Мэйдзи (в Киото) и Тайсё (Такао, под Токио), чтобы *«известить предков об окончании войны»* [Асахи симбун, 14 и 18 ноября 1945 г.].

Религиозный фактор

Следование синтоистским обрядам при вступлении на престол в прошлом не означало религиозной приверженности императора и народа какой-то одной религии или верованию, и не означало рели-

гиозного фанатизма. Не было и попытки закрепить в Конституции за синто статус государственной религии, как это было в конституциях, с которых писалась японская 1889 г. Упрёки в адрес мэйдзийского государства, что синто ею было возведено в ранг государственной религии, парировались утверждением, что синто не является религией в строгом смысле этого слова.

Идентификация японского народа по вере, как правило, встречала затруднение в прошлом, и особенно сейчас. Синтоизм как японское «язычество», или многобожие, сохранил себя при соприкосновении с другими привнесёнными извне более развитыми религиями. Буддизм, появившийся в Японии в VII веке, быстро распространился как более развитая духовно-этическая и мировоззренческая культура.

Появление буддизма в Японии имело огромное «трансформирующее влияние» на историческое развитие страны. Принца Сётоку (конец VI — начало VII века, активно способствовавшего проникновению буддизма в Японию, сравнивают с римским императором Константином Великим, внедрившим христианство в Европе. Но в отличие от христианства, которое в своём проникновении и самоутверждении огнём и мечом искореняло язычество, у японцев буддизм не только уживался с «примитивным» синтоизмом, но и «сливался» с ним (синбуцу сую 神仏習合).

С эпохи Нара это сотрудничество длилось тысячу лет до Мэйдзи. В начале VIII века на территориях синтоистских храмов начали строиться буддийские, где монахи читали сутры перед синтоистскими богами. Императоров, «патриархов» синтоизма, хоронили по буддийскому обряду. Последним, кого отпевали под речитативное чтение сутры, был император Комэй, отец императора Мэйдзи, воцарение которого положило конец (1868) симбиозу двух религий (синбуцу бунри рэй 神仏分離令) [Асахи симбун, 8 ноября 2018 г.].

Изучая конституции европейских стран, те, кто писал японский Основной закон, обратили внимание, что и в Англии, и во Франции за господствовавшими религиями законодательно был закреплён статус государственной религии. В Англии, например, роль Англиканской церкви была значительной в событиях революции 1642 г. В отношениях с Ирландией противостояние англиканцев с католиками было и остаётся центробежным фактором. Во взаимоотношениях англичан с шотландцами и валлийцами религиозный фактор усложнял межэтнические проблемы. Церковь с её огромными

земельными владениями опасалась парламента, склонного к принятию законов о конфискации её земель.

Всего этого не было в Японии. В исторической ретроспективе роль религиозного фактора в процессе трансформаций не была столь существенной, как христианства в Европе. В Японии не было такого явления, как Реформация, когда освобождение от пут католицизма было условием проведения социальных и политических реформ. Об ином отношении к религии свидетельствует и неуспех Учения Христа в Японии. Появившееся в Японии в середине XVI века и активно проповедовавшееся миссионерами даже после снятия запрета на него в 1873 г., это учение особого распространения не получило. Требование глубокой и самоотверженной веры в Христа воспринималось настороженно из-за призыва к самоотречению и отрицанию исконно японской традиции.

Внедрённый в протестантскую паству в Иогогаме один из «агентов» мэйдзийского правительства доносил о «трёх правилах» поведения новообращённых: не преклонять колени перед синтоистскими храмами во славу императора, предков и местных богов; не подчиняться приказам, даже самого императора, если приходится поступать своей верой; не быть чрезмерно привязанным к своим родителям и близким (поскольку все помыслы и любовь должны быть обращены к Господу Богу) [Kasahara, 2001, p. 516].

Первые из «десяти заповедей» Моисею, которые звучали как «Я Господь, Бог твой..., да не будет у тебя других богов пред лицом моим», не совмещались ни с психологией, ни с традициями японцев. К тому же, обращённость христианства в большей степени к небесным (абстрактным) делам, чем земным (практическим), слабая вовлечённость в повседневную жизнь общества — тоже одна из серьёзных причин, почему оно не получило широкого распространения [Khoon Choy Lee, 1995, p. 109].

Контрастно выглядит ситуация в соседней Корее, с которой у Японии общие исторические и культурные корни. Здесь велико количество населения, принявшего христианство не только в знак протеста против культурного и политического засилья Японии, но в значительной степени по «зову души». Этим можно объяснить и горячее стремление проповедовать учение Христа по всему миру. Корейцев — христианских проповедников более 2,5 тыс. в 105 странах. Это второй после США показатель. А в южнокорейской армии

до последнего времени капелланами могли служить только христиане [Religion and Society, 1997, pp. 95, 243].

Отсутствие в Японии даже близкого к этому связано с «национальным характером». Объединение разнохарактерных элементов, в частности религиозных, свидетельствовало не об их неразвитости, как это бывает при классическом синкретизме, а об отношении в целом к религии не как к предмету веры или самосознания, а как к системе обычаев или этических ритуалов. В одной из публикаций середины XIX века, еще до «открытия» Японии, лондонская «Таймс» публиковала любопытные сведения о Японии капитана американского клипера «Леди Пиерс» (названного в честь жены 14-го президента США Франклина Пиерса). После продолжительного пребывания в Эдо и Симода, активного общения с японцами он вынес впечатление о японцах как о *нации атеистов, отрицающих существование бога, и в качестве объекта поклонения выбравших «духовного императора» (так на Западе называли японского императора с резиденцией в Киото в отличие от «светского императора» — сёгуна, восседавшего в Эдо)* [Times, Oct 18, 1854].

В современной Японии, по официальным данным, в 2013 г. на вопросы, *имеете ли вы религиозные убеждения; верите ли вы в какое-то религиозное учение; испытываете ли интерес к религии*, положительно ответили только 28 % опрошенных. Полвека же назад, в 1958 г., когда начались социологические исследования на эту тему, таких было ненамного больше — 34 %. Последующие годы этот показатель варьировался между 25 и 34 % [Бункабу, 2013, с. 54]. В послевоенные годы *«в хаотичном потоке интеллектуальных доктрин и систем ценностей, как говорят, только около 20 процентов выбирают какие-то учения или религии»*, отмечается в одном из фундаментальных исследований по истории религий в Японии [Kasahara, 2001, p. 15].

В своё время христианство привело к самоизоляции Японии с первой половины XVII века, однако причиной было не доктринальное неприятие: угроза того, что вслед за католическими проповедниками придут марширующие иностранные солдаты, была реальной, а стремление изолироваться от внешнего влияния — естественным для островного государства, опасавшегося внешних сил, способных разорить страну. Но это не было ксенофобией как неприятие всего иностранного или «почвенничество».

История самого известного ксенофобского движения «Сонно Дзёи» («почитание императора — изгнание иностранцев») свидетельствует об этом. Открывшее страну в 1854 г. под внешним давлением правительство бакуфу при сёгуне Иэмоти подписало с США «договор о дружбе и торговле», первый из череды неравноправных договоров. Это случилось 29 июля 1858 г. на палубе американского военного корабля на рейде Иокогамы, что подчёркивало характер документа. Открытие японских портов для торговли и экстерриториальность иностранных поселений напоминали судьбу Китая. Отказ императора Комэй в Киото санкционировать договор с США можно считать началом революции, которая привела к власти его сына.

Движение «Сонно Дзёи» на самом деле использовало лозунг «изгнание варваров» для «изгнания», прежде всего, самого сёгуна из Эдосского дворца и водворение на его место императора. Наглядный пример того, что в Японии в целом к иностранцам относились настороженно, но не всегда враждебно — история русско-японских отношений того периода. В разгар ксенофобского движения в Нагасаки в одной из маленьких бухт, на берегу которой расположился посёлок Инаса, в течение многих лет «зимовал» российский тихоокеанский флот до своего перебазирования в Порт-Артур. Число живших здесь месяцами русских моряков доходило порой до шестисот. Жители этого посёлка, который был назван «русской деревней», за тридцать лет привыкли и привязались к русским, считая их «своими». «Жители селения сдружились с русскими, усвоил отчасти русскую речь, приноровились к русским обычаям» [Ухтомский, 1897, с. 9].

Число христиан среди премьер-министров, министров и лиц занимавших высший административный пост в стране является убедительным свидетельством несущественности религиозного фактора в японской политике. Список открывает Мори Аринори, министр образования в первом правительстве Ито 1885 г. Его вероисповедание использовали его противники, чтобы настроить против императора, но даже позиция императора не помешала Мори стать министром [Duke, 2009, pp. 317, 318]. Среди премьер-министров христианского вероисповедания довоенной эпохи государственного синто: Хара Такаси (Кэй) (1918–1919), Такахаси Корэйкё (1921–1922). В послевоенное время — Катаяма Тэцу (1947–1948), Хатояма

Итиро (1954–1956), Охира Масаёси (1978–1980) и Асо Таро (2008–2009). Последний католичеством обязан своему деду Ёсида Сигэру, премьер-министру Японии в 1948–1954 гг., который не входит в официально признанный список из-за того, что принял католичество уже на смертном одре. Но после государственных похорон в огромном зале Будокан состоялось отпевание его в Церкви Сэкигути, она же католический храм Святой Марии [Майнити симбун, 23 октября 2003 г.].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Асахи симбун.

Бункабу. Сюмука. Сюкё канрэн токэй-ни кансүру сирё. 2015 : [Управление культуры. Отдел по религиозным делам. Статистические материалы по религии]. URL: http://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/shumu_kan-rentokei/pdf/h26_chosa.pdf (дата обращения: 30.08.2019).

Ёмиури симбун.

Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России. Вопросы истории. 1994. №8.

Мильчина Вера. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. Новое Литературное Обозрение, 27.11.2014.

Такигава Эйити. Нихон-но сайбан сэйдо-си ронко : [Исследование по истории японской судебной системы]. Синдзан-ся, 1991.

Тамура Ясуоки. Тэнно то Канси-но дзидай. 1868–1945 : [Эпоха императоров и государственных чиновников. 1868–1945]. Сэйбундо сүпан, 2014.

Ухтомский Э.Э. Путешествие на Восток Его Императорского Высочества государя наследника цесаревича, 1890–1891. Т. 3. СПб.–Лейпциг, 1897.

Clement, Ernest Wilson. A Short History of Japan. University of Chicago Press. Chicago: 1915.

Constitution of the Kingdom of Prussia. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Kingdom_of_Prussia (accessed: 30.08.2019).

Constitution of France. 1791. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791> (accessed: 30.08.2019).

Duke, Benjamin. The History of Modern Japanese Education: Constructing the National School System, 1872–1890. Rutgers University Press. New Brunswick, NJ.: 2009.

Kasahara, Kazuo (editor). A History of Japanese Religion. Kosei Publishing Co. Tokyo: 2001.

Macarthur, Douglas. Reminiscences (The Occupation of Japan). A Da Capo paperback. Reprint New York: McGraw Hill. 1964.

McLaren, Walter Wallace. A Political History of Japan during the Meiji Era, 1867–1912. George Allen & Unwin. London, 1916.

New York Times, The (NYT). The U.S. newspaper.

Religion and Society in Contemporary Korea. Editors: Lewis R. Lancaster, Richard K. Payne, Karen M. Andrews. Institute of East Asian Studies, University of California. Berkeley, CA.: 1997.

Rosen. Baron. Forty Years of Diplomacy. London, George Allen & Unwin Ltd. 1922.

Times, The. British newspaper.

References

Asahi shimbun (daily newspaper).

Bunkabu. Shumuka. Shukyo-ni kansuru tokei shiryō. 2015 [Agency for Cultural Affairs. Department of Religion Affairs. Statistical data related to Religion. 2015. URL: http://www.bunka.go.jp/tokei_hakusho_shuppan/tokeichosa/shumu_kan-rentokei/pdf/h26_chosa.pdf (accessed: 30.08.2019).

Clement, Ernest Wilson. (1915). A Short History of Japan, University of Chicago Press, Chicago.

Constitution of France. 1791. URL: <https://www.conseil-constitutionnel.fr/les-constitutions-dans-l-histoire/constitution-de-1791> (accessed: 30.08.2019).

Constitution of the Kingdom of Prussia. URL: https://en.wikisource.org/wiki/Constitution_of_the_Kingdom_of_Prussia (accessed: 30.08.2019).

Duke, Benjamin. (2009). The History of Modern Japanese Education: Constructing the National School System, 1872–1890, Rutgers University Press, New Brunswick, NJ.

Kasahara, Kazuo (editor). (2001). A History of Japanese Religion, Kosei Publishing Co. Tokyo.

Macarthur, Douglas. (1964). *Reminiscences (The Occupation of Japan)*, A Da Capo paperback, Reprint New York: McGraw Hill.

McLaren, Walter Wallace. (1916). *A Political History of Japan during the Meiji Era, 1867–1912*, George Allen & Unwin, London.

Medushevski A.N. (1994). *Konstituionalnaya monarkhiya v Rossii* [Constitutional monarchy in Russia], *Voprosy Istorii*, 1994, No. 8.

Milchina, Vera. *Pariz v 1814–1848 godakh: povsednevnyaya ziznj* [Paris in 1814–1848: everyday life], *Novoye Literarnoye Obozreniye*, Nov 27, 2014.

New York Times, The (NYT). The U.S. newspaper.

Religion and Society in Contemporary Korea (1997). Editors: Lewis R. Lancaster, Richard K. Payne, Karen M. Andrews, Institute of East Asian Studies, University of California, Berkeley, CA.

Rosen, Baron. (1922). *Forty Years of Diplomacy*, London, George Allen & Unwin Ltd.

Takikawa, Eiichi. (1991). *Nihon saiban seido-shi kosatsu* [A study of the Court System History in Japan], Shinzansha.

Tamura, Yasuoki. (2014). *Tenno to Kanshi-no Jidai: 1868–1945* [Era of Emperors and State Bureaucrats: 1868–1945], Seibundo shuppan.

Times, The. British newspaper.

Ukhtomski, E.E. (1897). *Putshestviye na Vostok Yego Imperatorskogo Vyisochestva gosudarya naslednika tsesarevicha 1890–1891* [His Imperial Highness Cesarevich Crown Prince of Russia Trip to the East 1890–1891], Vol. 3, Saint Petersburg, Leipzig.

Yomiuri shimbun (daily newspaper).

Японское губернаторство Карафуто (1905–1945): история и социальная память*

С.В. Гришачев

Аннотация. В отечественной науке история колоний, входивших в состав Японской империи в первой половине XX века, на данный момент изучена пока еще недостаточно полно. История губернаторства Карафуто (1905–1945), существовавшего на юге Сахалина, освещена крайне мало, а некоторые её моменты не изучены вовсе. В статье основное внимание уделено истории создания и социально-экономическому укладу губернаторства Карафуто — освоение территории после Русско-японской войны, её место и статус в колониальной системе Японии, использование основных экономических ресурсов острова, создание социокультурного пространства и мемориализация колониального прошлого северных рубежей страны. Помимо этого, освещён процесс ликвидации губернаторства, начавшийся после присоединения юга Сахалина к территории СССР после Второй мировой войны, — передача управления советской администрации, совместное проживание советских и японских граждан в 1945–1948 гг., депортация японского населения Сахалина, судьбы корейского населения острова. Кроме того, в статье приведены примеры сохранения памяти о японском присутствии на о. Сахалин в наши дни в России и Японии.

Ключевые слова: губернаторство Карафуто, колонизация, Японская империя, Тоёхара, Вторая мировая война, общественная память.

Автор: Гришачев Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры современного Востока Российского государственного гуманитарного университета; сотрудник Института Востоковедения РАН.

E-mail: grayskyway@gmail.com

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Japan's governorate Karafuto (1905–1945): History and social memory*

S.V. Grishachev

Abstract. History of colonies under the rule of Japanese Empire in the first half of the 20th century has not been explored well enough so far. For example, history of Karafuto governorate “(1905–1945), which existed in the southern part of Sakhalin, is barely covered while some aspects of its history are not known at all. This article focuses on history of formation and socio-economic structure of Karafuto governorate — such as territorial development after the Russo-Japanese war, its role and status in the colonial system of Japan, the use of the main economic resources of the island and creation of socio-cultural space along with the memorialization of the colonial past of the northern borders of Japanese Empire.

Besides that, in this article author highlights the process of liquidation of the governorate (it started after accession of the southern part of Sakhalin to the USSR territory after the Second World War) followed by passing the governance on to the soviet administration, co-residence of Soviet and Japanese people on the same territory during 1945–1948, along with deportation of Japanese people and fate of Korean population of the island. The article gives the examples of preservation of memory of Japanese presence on Sakhalin Island in both modern Japan and Russia.

Keywords: Karafuto governorate, colonization, Japanese Empire, Toyohara, the Second World War, Public memory.

Author: *Grishachev Sergey V.*, Ph.D. (History), Associate professor, Department of Modern East, Russian State University for the Humanities; Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: grayskyway@gmail.com

Предыстория

Остров Сахалин с момента установления отношений между Россией и Японией вплоть до окончания Второй мировой войны был территорией, которую две страны неоднократно делили между собой. По Санкт-Петербургскому трактату 1875 г. весь остров стал новился владением Российской империи, Япония же получала вза-

* This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 “Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia”).

мен гряды Курильских островов, простирающихся вплоть до Камчатки. Стратегическое значение острова трудно переоценить, поскольку он закрывает устье Амура, то есть основной речной путь из Восточной Сибири в Охотское море и далее — в акваторию Тихого океана. К тому же в середине XIX в. здесь были найдены богатые запасы угля, что дало возможность снабжать топливом российские военные корабли на Дальнем Востоке. Однако чрезвычайная удалённость даже от административных центров Восточной Сибири, а также неблагоприятный климат крайне осложняли процесс освоения этих территорий. Основным способом их освоения еще с 1869 г. стало переселение ссыльных и каторжан. Осуждённые, отправленные на каторгу на Сахалин, после отбытия каторжного наказания не имели права покинуть остров и были вынуждены остаться жить здесь на правах ссыльных. Судьба их резко поменялась после 1905 г., и война стала причиной неожиданных послаблений.

На протяжении Русско-японской войны основным театром боевых действий оставалась южная Маньчжурия, однако после разгрома русского флота в Цусимском проливе стала окончательно очевидна незащищённость российских владений на Дальнем Востоке. 24 июня 1905 г. японский флот начал операцию по высадке десанта на юге Сахалина. Немногочисленные русские воинские части и отряды дружинников после непродолжительного сопротивления сложили оружие в конце июля 1905 г. [История Сахалина... 2008, с. 374].

По условиям Портсмутского мирного договора 1905 г. южная часть Сахалина, территория южнее пятидесятой параллели, переходила под управление Японской империи. Была создана совместная российско-японская разграничительная комиссия, которая провела топографические работы на местности, вследствие чего была проведена делимитация. Так между Россией и Японией пролегла первая сухопутная граница.

Российским подданным было разрешено самим решить — остаться или уехать. Большинство населения составляли ссыльно-поселенцы, которые с большим воодушевлением встретили эту новость и, воспользовавшись снятием ограничения на перемещение, вскоре покинули остров. Они выехали в другие регионы Дальнего Востока, чем не на шутку встревожили власти в Хабаровске,

Благовещенске и Владивостоке. Их волновало прибытие большого количества переселенцев из потенциально криминальной среды. В 1906 г. была закрыта и сама Сахалинская каторга, немногочисленных на тот момент заключённых перевели на Нерчинскую каторгу. В итоге северная часть острова, оставшаяся российским владением, фактически обезлюдела. Ситуация не улучшилась и тогда, когда в 1908 г. было разрешено свободное переселение на остров: за два года сюда переехало всего лишь 400 человек [Буркин А.Н., 2009, с. 4].

Молодая колониальная империя и новая колония

Иначе складывалась ситуация на юге острова, где новую колонию создают японские власти. Первые годы территория южного Сахалина находилась под управлением военных, а в 1907 г. дела были переданы гражданской администрации вновь созданного губернаторства Карафуто.

Создание колоний в начале XX в. стало своеобразным подтверждением статуса империи, которого страна добивалась на протяжении всего периода Мэйдзи. Фактически впервые в своей истории Япония поставила в качестве одной из основных задач проведение активной (и даже агрессивной) внешней политики. После 1905 г., то есть по итогам двух войн, результатом которых стало приобретение нескольких крупных колоний, ведущие державы мира признали Японию членом своего элитарного клуба.

Тремя самыми крупными колониями Японии (исключая арендованный у Китая Ляодунский полуостров) стали Корея, о. Тайвань и о. Сахалин. Наряду с Курильскими островами и архипелагом Рюкю они входили в понятие *гайти* (внешние территории 外地). Остров Хоккайдо, хотя формально подпадал под категорию *найти* (внутренние территории 内地) наряду с остальными собственно японскими островами, однако фактически его освоение требовало таких же стратегий и затрат, которые применялись в отношении губернаторства Карафуто. Таким образом, империя брала на себя очень большое бремя, не имея для этого достаточного опыта. Развитие колоний стало делом новым, и в этом японцам также пришлось учиться и перенимать европейский опыт. Показательно, что в 1908 г. в Токийском университете была даже создана кафедра колонизации.

Колонии Японии не были одинаковы, они обладали очень разными социальными, этническими и экономическими характеристиками. Так, например, Корея и о. Тайвань были территориями с очевидным преобладанием местного населения. Японские переселенцы здесь составляли не более 7 % от общего числа. Что же касается Сахалина, то здесь как раз удалось достаточно компактно водворить выходцев из метрополии — 293 000 человек к 1930 г., что составило 98 % населения [Бурькин А.Н., 2009, с. 4].

Губернаторство Карафутто, в отличие, например, от о. Тайвань, не являлось «жемчужиной Японской империи». Его статус и его престиж были значительно ниже. И если Корея и Тайвань управлялись генерал-губернаторами, которые были наделены чрезвычайно широкими полномочиями, то для управления Карафутто назначались гражданские чиновники рангом ниже [Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б., 2009, с. 51].

Управление осуществлялось поначалу из города Отомари (нынешний порт Корсаков). Позднее, когда был построен административный центр Карафутто, Тоёхара (нынешний Южно-Сахалинск), управление было переведено туда. Остров постепенно стал заселяться японскими колонистами.

Правительство делало капитальные вложения в развитие экономики Карафутто — в постройку новых городов, прокладку шоссейных и железных дорог. Освоение хозяйственных ресурсов шло достаточно быстрыми темпами. Местная экономика имела определённые климатические и географические отличия от метрополии.

Сахалин стал единственным местом компактного проживания большого числа японцев, где продукт рациона японцев — рис — не выращивался, его ввозили из метрополии и других колоний. Основу экономики Карафутто составили рыбная, деревообрабатывающая и угольная промышленность. Остров Сахалин — малонаселённый и не подвергавшийся интенсивному освоению вплоть до начала XX в. — стал основным поставщиком древесины в империи. С 1920-х годов велась интенсивная вырубка леса, главным образом для бумажно-целлюлозной промышленности. На производстве бумаги вырос бизнес знаменитой компании «Одзи». Её фабрики возникали на территории всего губернаторства. Вокруг них вырастали рабочие посёлки, жители которых работали на этих фабриках, — Сиритору (Макаров), Усугору (Углегорск), Томариору

(Томари). В 1941 г. здесь было произведено 70 % бумаги и целлюлозы всей Японии [Бурыкин А.Н., 2009, с. 10].

Богатейшие запасы угля на Сахалине составляли основу его экономики. Добыча угля здесь увеличилась и вышла на 1-е место по сравнению с другими колониями в 1930-е годы, особенно это стало заметно после 1937 г., когда Япония начала войну в Китае [Мики Масафуми, 2017, с. 166]. При этом не стоит забывать, что японские концессионеры по соглашению с СССР после 1925 г. получили право и на разработку нескольких угольных концессий на северной, советской части Сахалина, что было необходимо для все более и более милитаризирующейся экономики Японии. В рыбном хозяйстве Сахалин стал играть такую же роль, как и Хоккайдо, будучи местом вылова северных пород рыб. Крупнейшими центрами отрасли стали порты Отомари (Корсаков), Хонто (Невельск), Маока (Холмск).

Идеология и символы губернаторства Карафуто

Увеличивая территорию своей империи, японцы заботились не только об экономическом и социальном обустройстве новых земель, но и об идеологическом освоении нового пространства, создавалось их ментальное и мемориальное обоснование. Губернаторство Карафуто было образовано по итогам войны с Россией, и именно это событие стало отправной точкой в его истории. С ним же и связано большинство памятников и исторических символов. Так, например, на месте высадки японского десанта летом 1905 г. неподалеку от Отомари (Корсаков) была возведена стела в память об этом событии.

В 1908 г. было начато строительство Тоёхара дзиндзя — главного синтоистского святилища нового административного центра губернаторства, носящего его название. Спустя несколько лет рядом началось строительство Карафуто дзиндзя. Это святилище в отличие от первого имело особый статус. Будучи фактически филиалом Ясукуни дзиндзя¹, оно был посвящено солдатам и офицерам, погибшим в ходе боевых действий весной и летом 1905 г. Карафуто дзиндзя считался «покровителем севера Великой японской импе-

¹ Святилище Ясукуни дзиндзя воспринимается в настоящее время в мире как символ милитаризма и является напоминанием о японской агрессии в годы Второй мировой войны.

рии» [Комаровский Г.Е., 2002, с. 295]. Вскоре во дворе святилища была установлена труба с крейсера «Новик», который участвовал в сражениях с японским флотом в самый разгар Русско-японской войны².

В городе Отомари, рядом с которым и осуществлялась высадка японского десанта, тоже было возведено святилище — на месте погребения солдат, погибших летом 1905 г. Там же было установлено на постаменте трофейное 230-мм орудие всё с того же крейсера «Новик» [Самарин И.А., 2005, с. 12–13].

Пространство нового губернаторства должно было иметь символическую связь с основной территорией Японии. Указать на эту связь можно было посредством августейших посещений новых территорий. В 1925 г. Карафуто посетил наследник престола, будущий император Хирохито (Сёва). Его визит в Тоёхара был обставлен торжественными мероприятиями, в которых участвовало не только японское население. Его высочество должен был лицеизреть представителей других народов, которые просвещаются под влиянием цивилизации. Поэтому приезд наследника был обставлен плясками и песнями айнов и орочей, были даже устроены гонки на оленях. Так империя и демонстрировала своё величие, и подчёркивала историческую миссию по отношению к малым народам. По случаю посещения наследником губернаторства в г. Тоёхара была возведена памятная колонна [Федорчук С.П., 2013, с. 12–14].

Помимо наследника, в конце 1920-х годов Сахалин посетили еще два представителя императорского дома, оба военные. Визиты должны были напоминать о соседстве России и победе над Россией, неслучайно поэтому Сахалин посетили именно они. В 1929 г. Карафуто посетил принц Фусими-но мия Хироюсу. Он посвятил свою жизнь морскому делу и сделал карьеру на флоте. Он принимал участие в операциях японского флота в период Русско-японской войны. Спустя два года на Сахалине побывал принц Канъин. Он успел и поучаствовать в Русско-японской войне, и впоследствии

² Крейсер «Новик» участвовал в обороне Порт-Артура. Летом 1904 г., пройдя длительный путь, оказался у берегов Сахалина для пополнения запасов угля. «Новик» принял бой с крейсерами противника, после которого был затоплен. После войны был поднят и введён в состав японского флота под именем «Судзуя». Разобран на металлолом в 1913 г.

побывать с официальным визитом в России в ходе Первой мировой войны. По случаю их визитов также были возведены памятные колонны [Федорчук С.П., 2013, с. 53–55].

Губернаторство постепенно обретало не только символические, но и вполне осязаемые, практические связи с метрополией. В 1935 г. было открыто авиасообщение между Тоёхара и Саппоро. К тому моменту цепочка авиарейсов связывала между собой столицу и крупнейшие города северо-востока Японии, и с пересадками в Аомори и Сэндай можно было далее совершить перелет в Токио.

В 1935 г. достаточно пышно был отпразднован юбилей губернаторства. Тогда же было построено и вскоре введено в строй новое здание для краеведческого музея — в традиционном стиле с элементами европейской архитектуры. Музей был призван расширить и мемориализировать географическое и историческое пространство Карафуту, подчеркнуть единство культурного пространства, а также связь между прошлым и настоящим Японской империи. Музей имел коллекции, которые рассказывали об истории его освоения, а также о малых этносах, населяющих его территорию, — айнах, нивхах и др. Во дворе музея был разбит небольшой парк, в котором были собраны все деревья и кустарники, произрастающие на территории губернаторства.

Совместная жизнь: Русские и японцы в 1945–1949 гг.

Вторая мировая война пощадила территорию Карафуту. И хотя в конце 1930-х годов на границе с СССР был возведён укрепрайон, все годы войны советские и японские пограничники разглядывали друг друга не в прорезь прицела, а в бинокль. К 1945 г. на территории губернаторства проживало порядка 400.000 человек. Большую часть из них составляли японцы [Аmano Наоки, 2017], но были также и корейцы (об этом см. далее).

Войска СССР пересекли границу Карафуту 11 августа 1945 г. За исключением локальных стычек, советские части почти не встречали сопротивления. Подобно тому как занятие Сахалина японскими войсками в 1905 г. было стремительным и почти бескровным окончанием одной войны, приход советских войск и двухнедельный блицкриг спустя сорок лет стал таким же быстрым завершением войны другой. Что касается гражданского населения

крупных городов, то, боясь артобстрелов и авианалётов, оно организовано покинуло свои жилища и ушло в горы, города опустели. Операция по занятию юга Сахалина была закончена через две недели. Вскоре после этого в городах стали появляться японские ходоки с целью разузнать обстановку. После общения с советскими патрулями жители стали, опять-таки организованно, возвращаться в места своего проживания.

При штабе Второго Дальневосточного фронта было организовано управление по гражданским делам, которое занималось обустройством мирной жизни на занятой территории. При этом японские учреждения (за исключением полиции) работали и продолжали функционировать вплоть до начала 1946 г. Представители технических специальностей — техники и инженеры — продолжали работу на своих объектах и дальше. На своем рабочем месте оставался и губернатор Карафутто — Оцу Тосиро. Когда было налажено советское управление территориями, он вместе со многими своими подчинёнными был снят с должности и интернирован в Хабаровск. Советская гражданская администрация начала работать с февраля 1946 г. [Аmano Наоки, 2017, с. 320].

Вскоре на юг Сахалина прибыл с инспекционной поездкой заместитель Председателя СНК СССР А.И. Микоян. Как и в отношении Восточной Пруссии, на территории которой была создана Калининградская область, в отношении бывшего губернаторства Карафутто был выработан план обустройства и заселения. В 1947 г. город Тоёхара был переименован в Южно-Сахалинск, тогда же была образована Сахалинская область, в состав которой вошли обе части острова, а также Курильские острова [История Сахалина... 2008, с. 455–456].

Японское население острова еще несколько лет оставалось жить на Сахалине, и период 1945–1949 гг. стал удивительным периодом в истории двух стран, когда русские и японцы массово взаимодействовали и наблюдали друг за другом. Это был важный житейский опыт, хотя и не без элементов абсурда. Японцы неизбежно были вовлечены в идеологизированный советский быт: вчерашних жителей милитаристской Японии теперь заставляли отмечать советские праздники и ходить на Первомайскую демонстрацию. Советские граждане тоже были очень удивлены японским образом жизни. Их поражало отсутствие тротуаров на улицах, а также отсутствие

центрального отопления в домах, несмотря на достаточно суровый климат.

С осени 1945 г. начинается репатриация японского населения, в ходе которой в Японию было отправлено порядка 380.000 человек. Репатриация производилась совместными усилиями СССР, США и Японии. Южно-Сахалинск стал своеобразным коллектором, куда свозились жители Сахалина и Курильских островов. Надо сказать, что советская сторона не способствовала слишком быстрому отъезду японцев. Послевоенной экономике нужны были рабочие руки, пока не прибыло достаточно советских переселенцев. Вывоз осуществлялся только посемейно, разбивать семьи не разрешалось. Ежедневно два парохода вывозили по 1500 человек. С декабря 1946 по июль 1949 г. с Южного Сахалина в несколько заходов было вывезено около 260 тыс. японцев. К 1949 г. всё японское население было репатриировано с Сахалина [Аmano Наоки, 2017, с. 328].

Вместе с японцами были вывезены и немногочисленные айны. А вот судьба сахалинских корейцев, завезённых в годы войны для ведения тяжелых работ в угольной промышленности и рыбном промысле, сложилась самым незавидным образом. Милитаристская Япония рекрутировала население одной из своих колоний для поддержания экономики другой своей колонии. После 1945 г. теперь уже СССР отказался возвращать этих же людей на родину по той же причине — недостаток рабочих рук в хозяйстве теперь уже Сахалинской области. По разным оценкам, в Карафуто на тот момент насчитывалось от 23 000 до 50 000 корейцев [Кузин А.Т., 2010, с. 80]. Всем им пришлось остаться в СССР. К тому же на родине в 1950 г. началась кровопролитнейшая война, Корея оказалась разделена на два лагеря. Даже когда возвращение и стало возможно, то перспектива была лишь одна — стать гражданином КНДР.

В 1957 г. было достигнуто межправительственное соглашение между руководством КНДР и СССР о том, что корейцы, проживающие в Сахалинской области, могут сами определить страну проживания. Некоторые остались в СССР, некоторые уехали в КНДР. Тем же, чьи родственники жили в Республике Корея, ждать встречи пришлось много десятилетий, а многие и вовсе не дожили до этого момента. Символом скорби и разлуки с родиной стал открытый осенью 2007 г. памятник в Корсакове в виде располовиленной трубы парохода.

Карафуто — Сахалин: Уничтожение и сохранение памяти

Сорокалетнее пребывание японцев на территории Южного Сахалина оставило свои следы, однако этим наследием новая власть распорядилась по-разному. В 1949 г. по распоряжению Сахалинского облисполкома было начато уничтожение следов японского присутствия. Были снесены храмы Тоёхара дзиндзя и Карафуто дзиндзя. Были снесены и колонны, поставленные в честь визита наследника, памятники погибшим пожарникам и полицейским Карафуто и многие другие [Федорчук С.П., 2013].

Постепенно и жилые постройки в крупных городах были снесены, кварталы стали застраиваться зданиями типовой советской архитектуры при сохранении прежней планировки улиц. Постепенно облик городов полностью потерял японские черты, за редкими исключениями японская архитектура была утрачена. Как ни странно, здание музея губернаторства сохранилось в нетронutom виде и даже продолжало использоваться по назначению. И сейчас в нем располагается Сахалинский государственный областной краеведческий музей.

Объекты хозяйственного и промышленного назначения сохранились, поскольку необходимость в их использовании при слабой развитости советской экономики оставалась очень высокой. Технологическая память, свидетельствующая о японском присутствии на острове, оказалась наиболее прочной в силу своей функциональности, что лучше всего видно на примере эксплуатации железной дороги. К 1945 г. на юге острова было проложено около 700 км полотна и построено 618 мостов [Костанов А.И., 1997, с. 40]. Стандартом для японской колеи служила так называемая капская колея — 1067 мм, которая уже советской (1520 мм). Работы по перешивке железнодорожного полотна на российский стандарт были начаты лишь в 2000-х годах, завершить их планируется в 2020 г.

Широко известен тот факт, что для японцев важным условием и личностной, и национальной идентификации является культ предков, который реализуется, в частности, в повышенном внимании к сохранению могил родственников. Для тех, кто покинул Сахалин в конце 1940-х годов, посещение могил предков стало вопросом первостепенной важности и как следствие — предметом

обсуждения между руководством СССР и Японией. С 1965 г. было получено согласие на посещение гражданами Японии кладбищ Сахалинской области по строго оговорённому графику, с ограниченным количеством объектов посещения и под тщательным контролем со стороны местного управления КГБ и партийных органов [Пруссакова Т.Н., 2000]. Удивительно, что в текстах партийных и правительственных документов терминологически этот процесс воспринимался как «приём японских туристов» [Пруссакова Т.Н., 2000, с. 142].

Сохранение памяти о губернаторстве Карафутто в самой Японии также имело место, однако со своими особенностями. В 1957 г. была создана такая организация, как Общенациональный союз Карафутто — *Дзэнкоку Карафутто рэммэй* (全国樺太連盟). Главной целью этой организации и по сей день является координация связей между бывшими жителями губернаторства. При её содействии выходили и выходят публикации, посвящённые истории бывшей японской колонии и сохранению памяти о ней на территории нынешней Сахалинской области [Мики Масафуми, 2010]. В Саппоро, в бывшем здании администрации губернаторства Хоккайдо сейчас действует музейная комната — *Карафутто канкэй сирёкан* (樺太関係資料館), являющаяся частью туристического пространства, посвященного истории северной Японии. Здесь можно ознакомиться с документами, фотографиями и иными свидетельствами японской жизни на острове, который уже давно стал частью другой страны.

Заключение

Без малого полувековая история японской колонии — это опыт политического, социального и экономического освоения нового пространства, что бывало в истории Японии крайне редко. На протяжении древней и средневековой истории японцы были мало склонны к освоению чужих просторов. Большая часть истории Страны Восходящего Солнца — история изоляции и невмешательства в дела соседей. Курс же на построение империи, ставший частью модернизационного проекта в конце XIX — первой половине XX века, в итоге привёл страну к поражению во Второй мировой войне, создав к тому же большие сложности во взаимоотноше-

ниях с соседями — Китаем и странами Корейского полуострова. Отношение к политической истории этого периода в современной Японии, как правило, негативное. Вместе с тем история губернаторства Карафутто — это, пожалуй, редкий и несколько подзабытый случай бесконфликтного этнического распространения. Тот факт, что эти территории после 1945 г. стали частью СССР (а потом и Российской Федерации), несколько не осложнил взаимоотношения между простыми людьми. Как после 1905, так и после 1945 г. остров Сахалин не стал предметом сколько-нибудь серьезных взаимных претензий. Сегодня период Карафутто (*Карафутто дзидай* 樺太時代) — это история обыкновенных людей, которые хоть и жили за пределами нынешней Японии, но о которых не принято забывать. Это прошлое скорее является неотъемлемой частью исторической памяти и национальной самоидентификации японского народа, нежели японского государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аmano Наоки. Карафутто но сэнсо:. 1945—1949: [Война на Сахалине] // Карафутто 40 нэн но рэкиси [Сорок лет истории Сахалина]. Токио: Дзэнкоку Карафутто рэммэй, 2017. С. 285—331.

Бурыкин А.Н. Сахалин в 1905—1945 годах. Дихотомия государственного управления освоением территории региона. // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://readera.ru/142110083> (дата обращения: 25.06.2019).

История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия / под ред. М.С. Высокова. Южно-Сахалинск: Южно-Сахалинское книжное издательство, 2008. 712 с.

Комаровский Г.Е. Государственный синто. // Синто. Путь японских богов: Сб. ст. В 2 т. Т. 1. Очерки по истории синто. Санкт-Петербург: Гиперион, 2002. С. 261—311.

Костанов А.И. Самая восточная дорога России: Очерки истории Сахалинской железной дороги. Москва: Транспорт. 1997. 218 с.

Кузин А.Т. Проблемы послевоенной репатриации японского и корейского населения Сахалина // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 76—83.

Мики Масафуми. Коккё: но сёкуминти. Карафутто : [Колония на границе. Карафутто]. Токио: Ханава сёбо. 2010. 175 с.

Мики Масафуми. Танко: дэ икиру хитобито. 1925–1936 : [Те, кто добывает уголь. 1925–1936]. // Карафутто 40 нэн но рэкиси : [Сорок лет истории Сахалина]. Токио: Дзэнкоку Карафутто рэммэй, 2017. С. 157–196.

Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарян С.Б. История Японии. XX век. М.: Институт востоковедения РАН, 2009. 528 с.

Пруссакова Т.Н. Документы Сахалинского центра документации Новейшей истории по проблеме посещения японскими гражданами мест захоронений на территории Сахалинской области // Краеведческий бюллетень (Сахалин). 2000. № 3. С. 141–154.

Самарин И.А. «Путь богов» по островам: Синтоистские храмы Южного Сахалина и Курильских островов. Хабаровск: Приамурские ведомости, 2005. 64 с.

Федорчук С.П. Чужая память. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство. 2013. 63 с.

References

Amano Naoki. (2017). Karafuto no sensō [The War on Sakhalin], *Karafuto 40 nen no rekishi* [40 years of Sakhalin History], Tokyo: All Japan Federation of Karafuto, pp. 285–331.

Burykin A.N. (2009). Sakhalin in 1905–1945. The Dichotomy in Public Administration of the Development of the Region, *Rossiyskiy ekonomicheskii jurnal*, 2009, No. 1. URL: <https://readera.ru/142110083> [accessed: 25 June 2019].

Fedorchuk S.P. (2013). Other People's Memory, Yuzhno-Sakhalinsk: Yuzhno-Sakhalinsk book publisher, 63 p.

History of Sakhalin and the Kuril Islands from Prehistory to the beginning of the XXI Century, ed. by M.S. Vysokov, Yuzhno-Sakhalinsk: Yuzhno-Sakhalinsk book publisher, 2008, 712 p.

Komarovskiy G.E. (2002). State Shinto. Shinto. The Way of Japanese Deities. In 2 vol. Vol. 1, History of Shinto, Saint-Petersburg: Giperion, pp. 261–311.

Kostanov A.I. (1997). Easternmost Route of Russia: The History of Sakhalin's Railway, Moscow: Transport, 218 p.

Kuzin A.T. (2010). The Problems of Postwar Repatriation of Japanese and Korean Population from Sakhalin, *Russiya I ATR*, 2010, No. 2: pp. 76–83.

Miki Masafumi. (2010). Kokkyō no shyokuminti. Karafuto [The Colony on the Board of the State. Karafuto], Tokyo: Hanawa Shyobo, 175 p.

Miki Masafumi. (2017). Tankō de ikiru hitobito [Those Who do Coal-Mining], Karafuto 40 nen no rekishi [40 years of Sakhalin History], Tokyo: All Japan Federation of Karafuto, pp. 157–196.

Molodyakov V.E., Molodyakova E.V., Markaryan S.B. (2009). History of Japan. XX century, Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 528 p.

Prussakova T.N. (2000). State History Archive of Sakhalin Region's documents on the problem of visiting burial sites in Sakhalin Region by Japanese citizens, *Kraevedcheskiy byulleteny*, 2000, No. 3: pp. 141–154.

Samarin I.A. (2005). “The Way of Deities” on Islands: Shinto Shrines of Southern Sakhalin and the Kurile Islands, Khabarovsk: Priamurskiye vedomosti, 64 p.

Ежегодник Японии. 2019. Т. 48. С. 287–320.

Yearbook Japan, 2019, vol. 48, pp. 287–320.

DOI: 10.24411/0235-8182-2019-10013

Злые силы в «Собрании стародавних повестей»: рассказы о демонах, оборотнях и прочей нечисти*

Н.Н. Трубникова

Аннотация. Цель исследования — прояснить понятия блага и зла в японской традиции поучительных рассказов *сэцува* на материале «Собрания стародавних повестей» («Кондзяку моногатари-сю», 1120-е годы).

Сопоставляются рассказы из двух свитков «Кондзяку» — 20-го и 27-го. В обоих речь идёт о демонах, оборотнях, призраках и других существах, традиционно относимых к «нечистой силе», *мононокэ*. В первом случае истории изложены с буддийской точки зрения, а во втором — с мирской, отчасти основанной на учении о Тёмном и Светлом началах. На их примерах можно проследить два различных ответа на вопрос, что представляют собою силы, враждебные человеку, и как от них следует защищаться. Вредоносные существа морочат людей, умножают обман в мире, который и сам по себе есть наваждение. Зло здесь берётся не с точки зрения нравственных предписаний, а скорее с точки зрения обрядовых правил: не как порок, который надо обличить, а как опасность, от которой можно и нужно защититься. При этом в буддийских рассказах демоны пытаются сбить человека с верного пути, а противостоять им способен тот, кто последователен, верен себе и «прямо». В рассказах мирских, наоборот, «прямота» как несвобода в выборе пути оказывается свойством нечисти, человек же более свободен и может перехитрить силы зла, выбирая обходные дороги. В конечном счёте опасность таится внутри самого человека: тяжёлое наследие прежних деяний ведёт к бедам в нынешней жизни, и нечистая сила по сути лишь исполняет кары, отмеренные по закону воздаяния, точно так же,

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, грант № 18-011-00558 «“Собрание стародавних повестей” (“Кондзяку моногатари-сю”) в истории японской религиозно-философской мысли».

как знатоки обрядов, буддийских и светских, выступают лишь посредниками в обретении заслуженных благ.

Выводы: встречи людей с нечистой силой в «*Кондзяку*» толкуются согласно учению о воздаянии — как примеры воздаяния за добро и зло. Здесь нет существ, добрых или злых по природе, а есть связи между живыми и умершими, людьми и духами. Контакты с иными мирами выявляют возможности выбора, по сути те же, с какими приходится сталкиваться в обыденных взаимоотношениях с людьми; в этом поучительный смысл историй о нечисти.

Ключевые слова: японский буддизм, «Собрание стародавних повестей», добро и зло, нечистая сила, демоны, тэнгу, призраки, оборотни.

Автор: Трубникова Надежда Николаевна, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; профессор Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Evil forces in *Konjaku monogatari-shū*: Stories about demons, foxes, and other devilry^{**}

N.N. Trubnikova

Abstract. The purpose of the study is to clarify the concepts of good and evil in the Japanese tradition of *setsuwa* tales based on the *Konjaku monogatari-shū* (1120s).

The article compares the stories from 20th and 27th scrolls of the *Konjaku*. In both we are told about *tengu*, *oni* demons, foxes, wild boars, snakes, ghosts and other creatures, traditionally attributed to the evil spirits, *mononoke*. In the first case, the stories are set out from the Buddhist point of view, and in the second from the worldly, partly based on the Onmyōdō teachings. In their examples, we can trace two different answers to the question of what human-hostile forces are and how one should defend oneself from them. Malicious creatures fool people, increase deception in the world, which itself is an illusion. The evil is taken not from the point of moral principles, but rather from the point of the ceremonial rules: not as a vice that must be exposed, but as a

^{**}The paper is granted by RFBR, Project No 18-011-00558, “*Konjaku monogatari shu*” in the history of Japanese religious philosophy”.

danger from which it is possible and necessary to be protected. At the same time, in Buddhist stories, demons try to lead a person out of the right path, and those who are consistent and “straight” are able to resist them. In worldly stories, on the contrary, “straightness” as a lack of freedom in choosing a path turns out to be an attribute of evil, but a person is freer and can outwit the forces of evil by choosing workarounds. Ultimately, the danger lurks inside the person himself: the heavy karma leads to misfortunes in present life, and evil spirits essentially only execute punishments meted out according to the law of retribution, just as experts in rituals, Buddhist and secular, act only as mediators in finding well-deserved blessings.

Conclusion: contacts of humans with evil spirits in *Konjaku* are interpreted according to the doctrine of karma: as examples of retribution for good and evil. There are no creatures good or evil by nature, but there are connections between the living and the dead, humans and ghosts. Contacts with other worlds reveal the possibilities of choice, essentially the same ones that one has to face in everyday relationships with people; this is the instructive meaning of stories about evil spirits.

Keywords: Japanese Buddhism, *Konjaku monogatari-shū*, good and evil, evil spirits, demons, tengu, ghosts, foxes.

Author: Trubnikova Nadezhda N., DSc in Philosophy, leading researcher, School for Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University. ORCID: 0000-0001-6784-1793; E-mail: trubnikovann@mail.ru

Одной из особенностей японской традиции нередко называют «дух толерантности» [Nakamura, 1958–1959]: терпимое отношение к человеческим слабостям и порокам, взгляд на добро и зло как на величины относительные. Тростник в гавани Нанива одни зовут словом *ёси*, а другие *аси*, и точно так же любой поступок разные люди в разных обстоятельствах считают то «хорошим», то «дурным», *ёси-аси*, никто не совершенен настолько, чтобы задать другим мерило абсолютного блага. И всё же трудно представить, чтобы в этой области царил полный хаос, чтобы невозможно было ни научить человека различать, что для него лучше, а что хуже, ни договориться об общих мерках — хотя бы временных, хотя бы для небольшого сообщества людей. И, разумеется, наставления о хорошем и дурном *санэи, дзэн-аку*, в японской мысли разных школ содержатся во множестве.

Собственный и достаточно строгий взгляд на добро и зло имеют рассказчики буддийских поучительных историй *эцува*. Первый сборник таких рассказов в заглавии содержит слова «воздаяние за добро и зло» / «воздаяние благом и злом», «*Нихонкоку гэмпо: дзэн-аку рё:ики*» (VIII–IX вв., в переводе А.Н. Мещерякова — «Записи о стране Японии и чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела»). Здесь дурно для человека всё, что по закону кармы умножает его страдания, вовлекает в круговорот рождений и смертей, а хорошо — всё, что ведёт к освобождению. Вообще на вопрос, в чём суть буддийских наставлений, многие наставники, в том числе и в Японии, отвечали простой формулой: «Не делай никакого зла, чти и совершай всякое благо, сам очищай свой ум — таково учение всех будд» (諸惡莫作 衆善奉行 自淨其意 是諸佛教, *сёаку макуса сюдзэн бугё: дзидзё гои дзэ сёбуцу кё:*) (см. [Трубникова, 2015]). Но как решить, что хорошо или дурно — то есть полезно или вредно — в каждом конкретном случае, какой образ действий даст лучшие плоды по закону воздаяния? Научиться этому можно на примерах: их-то и собирают и обсуждают рассказчики *эцува*.

Самый большой набор таких примеров содержит «Собрание стародавних повестей», «*Кондзяку моногатари-сю:*», куда вошло больше тысячи *эцува* [Кондзяку, 1993–1999]. Действие рассказов происходит в Индии, Китае и Японии от глубокой древности до недавних дней, истории делятся на буддийские и мирские. Так или иначе герои каждого рассказа решают вопрос, что для них сейчас будет лучше, а развитие событий показывает, насколько удачный выбор они сделали. Выбор в «*Кондзяку*» есть у каждого: даже у подвижников, давно вставших на праведный путь, даже у закоренелых злодеев. Поэтому, чтобы показать, как в «*Кондзяку*» понимаются благо и зло, потребовалось бы пересказать всю эту огромную книгу.

В этой статье я сосредоточусь на двух из 28 сохранившихся свитков собрания: 20-м, последнем в буддийском разделе японской части «*Кондзяку*», и 27-м, стоящем в середине её же мирского раздела. Применительно к теме добра и зла эти два свитка интересны тем, что в них действуют наименее свободные существа. В 20-м свитке это те, кто за прежние дела возродился на «дурных путях» 惡道, *акудо:*, то есть в аду, в мирах животных и голодных духов. Страдания их тяжелее, чем в мире людей, и выбор намного больше ограничен.

Сюда же примыкают миры демонов и богов: казалось бы, эти существа могущественнее людей, и всё же их свобода действий уступает человеческой. Каждый осознаёт себя жителем того мира, какого заслуживает, сообразно причинам, созданным в прежних жизнях. Основная тема свитка — испытания человека при контакте с существами из иных миров, вред и польза от таких встреч. В «Стародавних повестях» есть и уточнения к буддийской картине миров сообразно японским условиям: например, о голодных духах почти не говорится, зато во множестве появляются *тэнгу*, крылатые «небесные псы», а их по разным признакам относят то к животным, то к демонам.

По учению буддийской школы Тэндай, самой влиятельной в Японии во времена «*Кондзяку*», опыт осмысления иных миров есть у любого человека независимо от глубины его познаний и даже от веры: невозможно считать себя человеком, не отличая от животных или богов, чувствовать себя живым — не противопоставляя умершим, и т.д. Упорядочить этот опыт, включая и страх перед адом, и надежду на милость богов и будд, и жалость к тем, чья участь хуже человеческой, позволяют обычные обрядовые средства: молитвы, чтение священных книг, дающее заслуги по закону воздаяния, заклания *дарани*, чьею силой вселенское милосердие будд направляется на помощь конкретным людям. Но чтобы с пользой применять эти средства, нужно, прежде всего, к собственному опыту относиться критически, различать, который из миров человеку открылся в том или другом случае.

Приведу пример: «Рассказ о том, как *тэнгу* сидел на дереве, приняв обличье будды» («*Кондзяку*» 20-3¹).

В стародавние времена, при государе [Дайго], что правил в годы Энги [901–923 гг.], на Пятой улице близ места, где обитают придорожные боги-предки, росло большое дерево, хурма.

На верхушке этого дерева вдруг явился будда. Он сиял чудесным светом, рассыпал цветы всех оттенков, в общем, выглядел весьма величаво. Жители столицы, знатные, средние и простые, без конца толпились вокруг. Повозки подъезжали беспрестанно, пеший народ всё прибывал — трудно описать!

¹ Здесь и ниже первая цифра — номер свитка, вторая — номер рассказа в нём.

Так все кланялись будде и шумели дней шесть или семь. А в ту пору жил сановник по имени [Минамото-но] Хикару [845–913], сын государя Фуакусы [Ниммё]. Был он даровит и умён, обладал ясным взглядом на вещи. И никак он не мог понять: что это за явление будды? Истинный будда, — думал сановник, — не стал бы вот так внезапно являться на верхушке дерева. Быть может, это проделки *тэнгу*? Но ложные чары [外術, *гайдзюцу*] не длятся дольше семи дней. Сегодня поеду сам и посмотрю!

И отправился туда. Едва на востоке показалось солнце, поднялся, сел в пальмовый возок, и вместе со свитой и слугами двинулся на Пятую улицу.

Его молодцы потеснили толпу, распрягли возок, поставили оглобли на подпорку, подняли занавеску. И точно, — видит сановник, — на верхушке дерева восседает будда! Излучает золотое сияние, с неба сыплются всевозможные цветы, подобно дождю. Как посмотришь, и в самом деле, величие бесконечное!

Но сановник, хотя и был весьма впечатлён, обратился лицом к будде, и глядя на него, не мигая, стал читать защитные слова. Прочёл всего один раз — и этот будда со всеми его лучами и цветами не выдержал сильного защитного заклятия, тут же обратился в крупного коршуна-поганку [*кусотоби*] и свалился с дерева. Толпа это видит, думает: диво! А мальчишки подбежали и забили коршуна насмерть.

Сановник молвил:

— Если бы это вправду был будда, почему бы он вдруг явился именно на верхушке дерева? Не рассказывайте никому, как вы тут день за днём, как дураки, кланялись и суетились вокруг него! — и уехал восвояси.

Но один из молодых слуг в его усадьбе, расхваливая сановника, рассказал об этом случае. Люди в свете слушали и тоже хвалили Хикару, говорили: сановник — мудрый человек! Так передают этот рассказ.

В свитке 27-м собраны страшные рассказы, для которых в японской словесности позже появится название *кайдан* 怪談. Здесь обсуждаются разные виды *мононокэ* (物気, 物怪), «нечистой

силы» — нечистой в том смысле, что встречи с нею оскверняют, и наоборот, осквернённые люди (например, те, у кого в семье недавно кто-то умер или у кого недавно родился ребёнок) становятся особенно подвержены её козням. К «нечистой силе» относятся призраки, демоны *они*, оборотни, оживающие предметы; для защиты от них положено соблюдать «удаление от скверны», *моноими*. Такой взгляд на потусторонние силы исходит из различения не столько «блага» и «зла», сколько «чистого» и «нечистого» в традиции *синто*.; а осмысливается он в терминах учения о Тёмном и Светлом началах 陰陽道, *Оммё:до*:. Именно гадатели *оммё:дзи*, а не монахи, в этом свитке «*Кондзяку*» чаще всего помогают людям понять, с кем или с чем они столкнулись и как следует действовать дальше. Можно сказать, что этот свиток — своего рода энциклопедия *мононокэ* [Мацуо, 1967; Коминаэ, 1991]. Причём если в более поздних текстах истории про нечисть часто бывают смешными, то в «*Кондзяку*» отношение к ней вполне серьёзное. Уязвимыми люди становятся не только из-за осквернения, но и по множеству других причин. Например, расположение небесных светил делает для любого человека опасной то одну, то другую сторону света: двигаясь туда, он невольно открывается влиянию духов. Всё те же гадатели вычисляют, когда в которой стороне человека ждёт опасность, и размечают по календарю «запреты на направления», *катаими* [Бачурин, 2007; Shigeta et al, 2012]. Впрочем, по меньшей мере в двух рассказах (27-23 и 27-40) говорится, что знатоки бывают недобросовестны, действуют ради собственной выгоды. Зато есть средство, которое помогает неплохо и особых знаний не требует: если в духов стрелять из лука, многие из них просто исчезают, хотя и не все.

Вот пример: «Рассказ о призраке в усадьбе Общинного главы на Восточной улице Тоин возле Рэйдзэй-ин» (27-4).

В стародавние времена на углу к югу от Рэйдзэй-ин и к востоку от Восточной улицы Тоин была усадьба Общинного главы, Со:дзу-доно, очень нехорошее место. Её забросили, никто там не жил.

А к югу от Рэйдзэй-ин стоял дом советника Минамото-но Сукэёси [951–998], Левого старшего инспектора. Тестем советника был наместник края Сануки, Минамото-но Корэсукэ.

Если смотреть из дома советника, видна была усадьба Общинного главы, и возле северо-западного её угла росло высокое дерево *эноки* [*Celtis sinensis*]. В сумерках из тамошнего главного здания повадилось вылетать красное платье, взлетать на верхушку дерева *эноки* и там сидеть.

Кто его видел, пугались, глазели, но близко не подходили. А в доме у наместника Сануки служил один воин. Он увидел, как летает платье, и говорит: я его, пожалуй, собью стрелой! Кто слышал, стали подначивать: не собьёшь! Раззадорили парня, он говорит: непременно собью! Вечером пошёл в ту усадьбу, тихонько поднялся на южное крыльцо и ждёт. А там с восточной стороны слегка разросся бамбук, из него-то и вылетело красное платье, полетело, как обычно. Воин наложил на лук охотничью стрелу, сильно натянул и выстрелил. Думает: попал в самую середину! Но платье, пробитое стрелой, как и раньше, взлетело на верхушку дерева. А если приглядеться, на земле под тем местом, где воин его подстрелил, — капли крови!

Воин вернулся в дом наместника Сануки, те, кто подначивал его, собрались, он им всё рассказал, они страшно перепугались. А воин той же ночью умер во сне. Те, кто подначивал, а за ними и остальные, говорили: без толку храбрился, вот и умер! И бранили его.

В самом деле, для человека нет ничего дороже жизни, и когда кто-то без нужды погибает, лишь бы показать свою удаль, это очень глупо! Так передают этот рассказ.

Мори Масато (р. 1948), один из самых авторитетных исследователей «*Кондзяку*», разбирая 27-й свиток, указывает, что при изучении собраний *сэцува* необходимо учитывать три параметра: «редакцию» (в каком порядке выстроены рассказы, как они объединяются в целое), «отбор» (какие именно рассказы взяты) и лишь затем «изложение» как таковое [Mori, 1982, p. 147]. Понять смысл каждой из историй можно только с учётом того, какие истории ей предшествуют и какие следуют за нею, какое место она занимает внутри тематического свитка и собрания в целом. Принимая этот подход, я рассмотрю два выбранных свитка и постараюсь проследить, как развиваются их темы.

1. Ложные чары

Свиток 20-й начинается весьма патриотической историей. Индийский *тэнгу*, пролетая над морем, слышит, как волны поют песню о мировом непостоянстве — ту самую, переложением которой считается японская «песня ИРОХА»². *Тэнгу* решает проследить, откуда доносится пение, летит сначала к берегам Японии, затем вверх по рекам Ёдо и Удзи, и наконец, по речке Ёкава, что течёт с горы Хиэй. Здесь песня раздаётся ещё громче, а реку стерегут боги — защитники Закона Будды. Один из них объясняет: вода звучит столь замечательными словами, потому что над речкой устроены уборные, куда ходят по нужде монахи горы Хиэй. «Слыша такое, *тэнгу* думает: эх, надо бы их проучить! [妨げむ, *саматагэму*]³. Но тут же сам себя одёрнул: у них даже нечистая вода из нужника распекает столь глубокие слова Закона. Что уж и говорить про монахов с этой горы! Едва подумаешь, как величав их облик, так и сказать-то нечего. Лучше стану я сам здешним монахом!» *Тэнгу* возрождается в Японии как один из потомков государя, а выросши, принимает постриг на Хиэй и становится знаменитым монахом Мёгу (946–1020).

В рассказе 20-2 в Японию прилетает китайский *тэнгу*, встречается с японским собратом и говорит: «Немало в наших краях выдающихся монахов, достойных подвижников, но нет никого, кто не уступал бы нам, небесным псам, в чародейских умениях. А потому я прибыл сюда: слышал, здесь есть монахи-чудотворцы, хочу с ними встретиться и помериться силами». По совету японского *тэнгу* китайский пытается навредить нескольким наставникам Хиэй, приняв обличье старика-монаха и подстерегая их у дороги, что ведёт с горы в столицу. Но ничего не получается, защитники Закона в итоге ловят *тэнгу*, избивают, а он им рассказывает: «Первым проехал учитель устава Ёкэй [919–991], сотворил заветное Огненного мира⁴, и я увидел, как над его носилками горит жаркий огонь: что я мог ему сделать? Чтобы не сгореть, я убежал, а он уехал. Потом проезжал

² По этой песне в Японии учили азбуку; она восходит к «Сутре о нирване» 涅槃經, «Нэхан-гё:», по принятой системе цитирования буддийского канона — это ТСД 12, № 374, 451а.

³ В следующих рассказах проделки *тэнгу* обозначаются глаголом 撓る, *томэру*.

⁴ 火界の呪, *какай-но норои*, обращённое к самому сильному из защитников Закона Будды — светлему государю Неподвижному 不動明王, Фудо:-мё:о: (санскр. Ачала-натха).

общинный старейшина Иимуро [он же Дзиндзэн, 943–990]. Он прочёл истинные слова Неподвижного⁵, и отрок Четака с железным посохом явился его сопровождать и охранять: кто мог бы к нему подступить? Я спрятался подальше. В этот раз проезжал досточтимый настоятель [Рё:гэн, 912–985, учитель Дзиндзэна и Ёкэя]. Он не стал применять мощных и скорых заклятий, как другие до него, а только, едучи наверх, повторял про себя слова из книги “Прекращение и постижение”⁶. Я не очень испугался и не спрятался далеко, так вы меня и выследили и поймали. Смилуйтесь!». *Тэнгу*-японец берётся подлечить побитого собрата, ведёт его в баню, там их беседу подслушивает один из посетителей, а потом рассказывает знакомым.

Далее следует приведённый выше рассказ о мнимом будде (20-3). В рассказе 20-4 государя Энью мучает «нечистый дух», *мононокэ*, и обряды столичных монахов не помогают. Тогда ко двору приглашают отшельника из окрестностей города Нара, и тот исцеляет государя. Уже известный нам монах Ёкэй решает проверить, кто таков этот чудотворец, и общей молитвой столичные монахи избличают в отшельнике ученика *тэнгу*. Тот признаётся, что учился колдовским искусствам, чтобы снискать всеобщее почтение и прославиться. Государь поначалу велит заточить отшельника в тюрьму, но потом отпускает.

⁵ Того же Фудо:, какое именно заклятие, неясно. Четака 制多迦, яп. Сэйтাকা — один из спутников Фудо:.

⁶ 摩訶止観, кит. «*Мохэ чжигуань*», яп. «*Мака сикан*», сочинение Тянь-тая Чжи-и (538–597), ТСД 46, № 1911. Возможно, имеется в виду отрывок, основополагающий для учения Тэндай: «Все совокупности воспринимаемого, все чувства — таковы, как есть, и нет страдания, которое нужно было бы преодолеть. Волнение пылинок неведения — это и есть просветление, и нет причины страдания, чьё действие нужно было бы пресечь. Крайности и ложные взгляды — срединны, истинны, и нет пути, который нужно было бы пройти. Рождения и смерти — это и есть нирвана, и нет уничтожения страданий, о котором нужно было бы свидетельствовать. Нет ни страдания, ни его причины, и потому нет миров; нет ни пути, ни уничтожения, и потому нет выхода прочь из этих миров. Всё полностью едино — таково истинное свойство. Вне истинного свойства нет никаких вещей, отдельных от него. Природа вещей спокойна, свободна, и это называется “прекращением неведения”. Спокойная, она вечно сияет, и это зовётся “постижением сути”. Нельзя сказать, что из этого раньше, а что позже: их не два, они не различны. Это называют совершенным единовременным прекращением неведения и постижением сути» (ТСД 46, № 1911, 1с). О чудесной силе этого отрывка говорится в нескольких японских текстах, например, в «Собрании песка и камней» («*Сясэкисю*», конец XIII в., рассказ Va-1).

Монах Дзётэн (958–1044) предаётся медитации у себя в храме, как вдруг заходит монахиня в мирской мужской шапке, хватает короб с облачениями и убегает. Её преследуют, она залезает на дерево в храмовом саду, монах молится — и монахиня в итоге падает с дерева и убегает. По мнению очевидцев, она тоже была *тэнгу*, и, возможно, явилась, чтобы помешать подвижнику (20-5). Другому монаху, Нинсё (даты жизни неизвестны) в келью то и дело является мирянка с подношениями, а однажды пробует соблазнить его; он истово молится, женщина бьётся в припадке, а потом выясняется, что ею управлял *тэнгу*, задумавший опозорить монаха (20-6).

Рассказ 20-7 построен сложнее. Государыню-мать Сомэдоно, она же Фудзивара-но Мэйси (829–900), дочь сановника Ёсифусы (804–872), мучают духи *мононокэ*, монахи не способны её исцелить. Приглашают отшельника с гор Кадзураки, тот совершает обряд, «принимая дар» 加持, *кадзи*, от будд, то есть действуя вроде бы обычным монашеским способом. Одна из придворных дам впадает в одержимость, монах молится теперь уже за неё — и дух старой лисицы оставляет несчастную в покое, а болезнь государыни отступает. Ёсифуса велит отшельнику пожить пока во дворце на случай, если исцеление окажется неполным. К ужасу придворных, отшельник домогается государыни и та не противится; один лишь дворцовый лекарь бросается на помощь и вытаскивает отшельника из её покоев. Отшельник, запертый в темницу, клянётся после смерти овладеть государыней. Его отсылают обратно в горы, там он совершает самоубийство и вскоре является во дворец в обличье ужасного демона: «...тело голое, голова косматая, рост в восемь *сяку* [2,4 м], а кожа чёрная, будто покрыта лаком. В глазницах словно бы медные плошки, пасть разинута, зубы выросли длинные, как ножи, верхние и нижние клыки торчат наружу. Всей одежды — только красная повязка на бёдрах». Демон объясняется государыне в любви, а заодно убивает лекаря и его родных. Государь и Ёсифуса созывают самых сильных чудотворцев, чтобы усмирить демона, на время он исчезает, но когда государь приходит повидаться с матерью, она прямо на глазах у сына бесстыдно отдаётся всё тому же демону. Здесь прямо не сказано, что отшельник учился чарам у *тэнгу*, но заглавие («Рассказ о том, как государыней Сомэдоно овладел

тэнгу»)⁷ подразумевает это — или же имеется в виду, что отшельник возродился в мире тэнгу и демонический его облик был наваждением [Pörtner, 1997, s. 225].

Следующий рассказ (20-8) не сохранился; судя по заглавию, в нём всё тому же монаху Ёкэю явился призрак его покойного учителя Рёгэна; о том, что Рёгэн после смерти являлся в виде «призрака» 霊, рэй, или «демона» 鬼, они, говорится во многих источниках [Wakabayashi, 1999]. Рассказ 20-9 начинается с описания «ложных чар» / «чужих искусств», гайдзюцу: некий монах «превращал ношенные туфли или сапоги в живых щенков, чревоуещал лисьим голосом» и т.п. Молодой мирянин решил освоить эти чары, монах отвёл его к своему учителю, старому тэнгу, строго предупредив не брать с собой оружия, но мирянин не послушался, и когда возле хижины тэнгу его попытались обыскать, стал защищаться; тогда тэнгу исчез вместе с хижинкой и учениками. Рассказчик подытоживает: «Кто изучает такие искусства, совершает самый тяжкий грех. А стало быть, если кто хочет искать прибежища у Трёх Сокровищ [Будды, его учения и общины], пусть никогда не пытается изучать такое! Тех же, кто это искусство изучил, называют “людьми-псами” [人狗, нингу], ведь они — уже не люди».

Ещё один ученик чародея действует в рассказе 20-10. Гонимый из столицы едет в дальние земли, по дороге в краю Синано ночует в

⁷ Танака Такако и Мишель Ли указывают, что рассказ 20-7 перекликается с другим, не вошедшим в «Кондзяку», но хорошо известным: как государыню Сомэдоно мучил дух монаха Синдзэя (800–860). Та история входит, например, в «Избранные предания о возрождении» («Сю:и о:дзё:дэн», 1110-е гг.). Дух Синдзэя нападает на государыню в обличье тэнгу или лисицы, и праведный, хотя и презираемый при дворе, отшельник Соо (831–919) изгоняет его. Возможно, за этим рассказом скрывается история придворного соперничества между семьями Фудзивара и Ки, к которой принадлежал Синдзэй; Бернар Фор замечает, что в этом случае, как и во многих других, вина в конечном счёте возлагается на женщину, ибо женщины по своей природе легко поддаются страстям [Faurge, 1996, p. 136]. Танака и Ли предполагают, что рассказ 20-7, хотя в нём о Синдзэе речи нет, также принадлежит к традиции, ставящей под сомнение права рода Фудзивара на высшую власть. Здесь нападки звучат даже резче: монаха-соблазителя оставляет при дворе не кто иной, как отец государыни, а сама она не страдает от чар демона, а чуть ли не добровольно поддаётся им [Танака, 1992, с. 90–91; Li, 2009, p. 95–97]. Слово *нё:пан* 嬖乱, обозначающее поступок демона, переводчики толкуют по-разному: *violated* (государыня была «изнасилована», Р. Брауэр); *tortmented* («мучима, терзаема», М. Ли); *deranged* («сведена с ума», Ёсико Дикстра). М. Ли предлагает также вариант *confusedly seduced*, «введена в соблазн» [Li, 2009, p. 91].

доме местного чиновника, по очереди пытаются соблазнить красавицу-хозяйку и подпадают под наваждение: каждому из них чудится, будто он больше не мужчина. Чары наводил хозяин, чтобы уберечь жену; позже он возвращает гостям все якобы потерянные части тела, уложенные в ларчик, «точно грибы *мацутаке*». Исполнив государево поручение, глава отряда испрашивает отпуск, снова едет в Синано и просится в ученики к чиновнику-чародею, тот испытывает его и соглашается научить самым простым чарам. Вернувшись в столицу, гонец обучает магии самого государя Ёдзэя (внука государыни Сомэдоно, прав. 876–884); подобных увлечений свет не одобряет, и в итоге государя объявляют безумным⁸.

Сами же *тэнгу* могут не только насылать наваждения. В рассказе 20-11 *тэнгу* ловит дракона, когда тот греется на солнышке в обличье маленькой змейки, и уносит к себе в пещеру. Затем *тэнгу* похищает монаха, когда тот моет руки во дворе храма, и запирает в той же пещере. Дракон говорит: если бы у нас было хоть немного воды, я бы набрался сил, выбрался отсюда и тебя вызволил. А у монаха в руках остался пустой кувшин: из него удаётся вытряхнуть каплю воды, дракон вылетает из пещеры и относит монаха обратно в храм. Как и в других дальневосточных преданиях, дракон здесь мыслится как водное существо, податель дождя и грозы; рассказ, вероятно, отсылает к буддийским преданиям о вражде драконов (*нага*) с птицелюдьми (*гаруда*). А в рассказе 20-12 темы похищения и наваждения соединяются: околдованному монаху мерещится, будто за ним явился будда Амида с небесными музыкантами, чтобы проводить в Чистую землю; на самом деле монаха унесли *тэнгу* и в лесу привязали к дереву. Монаха находят ученики, но он по-прежнему верит увиденному и не хочет возвращаться.

Вообще в японских преданиях *тэнгу* — существа не однозначно вредоносные. Часто истории о них выглядят как сатирические сцены из жизни монахов [Abe, 2002; Wakabayashi, 2012; Jürges, 2015]. Как

⁸ Обсуждая разные толкования этого рассказа, М. Ли называет главной его темой противостояние столицы и провинции: эти два мира во многом столь же чужды друг другу, как мир людей и, скажем, ад, и при несомненном превосходстве столицы почти во всём, в области чар жители «дальней глуши» часто оказываются сильнее, что подкрепляет осмысление магии как «внешней», «чуждой» [Li, 2009, p. 71–80]. Тonomура Хитоми на примере этого рассказа ставит вопрос, как в японской традиции темы господства и подчинения, силы человека и его уязвимости связываются с темой сексуальности [Tonomura, 1994].

сказано в «Собрании песка и камней» (VII–20), в телах *тэнгу* возрождаются те, кто при жизни был высокомерен, считал себя умнее других; особенно часто такое случается с монахами, когда те чванятся своей учёностью и мастерством исполнения обрядов, усердствуют ради могущества и славы, забывая о главной цели — освобождении. Согласно этому толкованию, *тэнгу* — те же самые существа, кого в индийских книгах зовут «демонами *мара*» 魔, *ма*, и бывают они, как и люди, добрыми и злыми. Злые морочат людей и пытаются сбить с Пути Будды, а добрые сами почитают Закон Будды, и хотя порой пристаю́т к людям с непрошеными советами, но могут и научить полезным заклинаниям, и боевым искусствам (у *тэнгу*, по преданиям, учились Минамото-но Ёсицунэ и другие знаменитые воины). Одна из самых известных историй о *тэнгу*, ставшая основой пьесы театра Но: «Великое собрание» («*Дайэ*»), в традиции *сэцува* встречается, например, в «Сборнике наставлений в десяти разделах» («*Дзиккинсё*», 1252 г., рассказ 1-7). Монах спасает от мальчишек старого коршуна, тот оказывается «небесным псом», хочет отблагодарить монаха и по его просьбе показывает ему прекрасное наваждение: Будду в окружении учеников на Орлиной горе. *Тэнгу* предупреждает только, чтобы монах не верил глазам своим, но тот в умилении всё же верит, кланяется Будде, и наваждение исчезает, а защитники Закона избивают *тэнгу*, ибо он оказался обманщиком. Эта история в «Сборнике наставлений» стоит в ряду рассказов о милосердии к животным, но сразу вслед за нею говорится: похожий случай был в Индии, там монах выручил из какой-то беды демона *мару*, благодарный демон показал наваждение, монах не смог не поверить и т.д. Здесь чары сами по себе не «злы», не «дурны», но становятся вредными из-за того, что человек в них верит. В «*Кондзяку*» свитки с 11-го по 19-й посвящены были тому, как важно верить в чудеса будд и бодхисаттв; в свитке же 20-м больше говорится о том, что порой в чудеса верить не надо, ибо они могут оказаться кознями демонов. *Тэнгу* желают, чтобы им «поклонялись» (祭る, *мацуру*), а этого делать нельзя: «В мире людей возродиться трудно. А встретиться с Законом Будды ещё труднее. А значит, если кому повезло родиться среди людей, повстречаться с учением Будды, а он отворачивается от Пути Будды и обращается к миру демонов — это как если бы он вошёл в гору, полную сокровищ, и вышел с пустыми руками» («*Кондзяку*» 20-10).

2. Границы между мирами

Следующие рассказы 20-го свитка «Стародавних повестей» в основном взяты из «*Нихон рё:ики*». Порядок их расстановки и то, какими рассказами они дополнены, придаёт им несколько иной смысл, чем в исходном тексте. Там все они повествуют о скорой расплате за дурные дела и о награде за добрые, показывают неотвратимость закона воздаяния и вместе с тем описывают Японию как буддийскую страну, часть большого буддийского мира. В «*Кондзяку*» интерес рассказчиков смещается: главное для них — показать, как проницаемы границы между мирами. Ад и небо ближе, чем кажется, и если человек понимает это, ему при надобности несложно бывает договориться и со зверем, и с демоном, и с посланцами из ада. Сложнее удержаться в границах своего мира, остаться человеком среди людей.

Начиная с рассказа 20-13 и до 20-25 чередуются истории о мире животных и об аде. Некоторые звери, такие, как кабаны и лисы, способны насылать наваждения, завораживать людей, и в этом схожи с *тэнгу*. В рассказе 20-13 кабан принимает обличье бодхисаттвы Фугэна верхом на слоне и является монаху-отшельнику, а тот благоговейно почитает его. Чары рассеиваются, когда один из прихожан, вместо того чтобы бить поклоны, стреляет в бодхисаттву из лука. Мирянин рассуждает: «Отшельник много лет предан был “Сутре о Цветке Закона”⁹, и потому бодхисаттва явился ему воочию, такое вполне возможно. Но я-то... сутры не знаю, однако бодхисаттва виден и мне, и это очень странно. Если я проверю — ради пробуждения веры — в том не будет большого греха!». Рассказ 20-14 не сохранился; судя по заглавию, в нём монах встретился с другим чудесным животным, лисицей.

Человеку, однако, ближе домашние животные; именно об их страданиях буддийские наставники обычно говорят, когда объясняют, почему жизнь в мире животных хуже, чем в мире людей. В рассказах 20-15, 20-20, 20-21, 20-22 речь идёт о быках и волах: людям, кто убивал их, после смерти воздаётся страданиями. Часто домашней скотиной возрождаются те, кто при жизни не вернул взятые займы: так должник отрабатывает долг. Жадные же люди воз-

⁹ Она же «Лотосовая сутра», «*Мё:хо: рэнгэ-кё:*», ТСД 9, № 262. Бодхисаттва Фугэн, санскр. Самантабhadра, — заступник всех, кто изучает эту сутру.

рождаются змеями и приползают охранять свои сокровища (20-23, 20-24).

В «преданиях о Тёмной дороге» 冥途伝説, *мэйдо дэнсэцу*, человек попадает в преддверие ада, узнаёт о своей будущей участи, возвращается и рассказывает людям, как устроен посмертный суд, за что назначаются какие награды и кары. В этих историях действуют служители ада, демоны с бычьими и конскими головами, но их к «силам зла» обычно не причисляют: это лишь исполнители закона воздаяния, адские сыщики, тюремщики и палачи. Как и земных чиновников, их можно подкупить, и тогда они заберут в ад кого-нибудь другого (20-18, 20-19). Сюда же примыкают истории, где умершие рассказывают живым о своей участи в вещих снах (20-23), или же о ней сообщают бодхисаттвы, явившись в мир людей (20-20). В рассказе 20-16 сказано, что узники ада могут также являться к людям в обличье животных.

Начиная с рассказа 20-25 речь заходит о воздаянии в нынешней жизни; не покидая мира людей, человек ещё при жизни терпит муки, как в аду (20-28, 20-29, 20-30, 20-32, 20-33, 20-38), лишается рассудка и ведёт себя подобно животному (20-25, 20-31) или просто оказывается жертвой якобы случайных несчастий (20-26, 20-27, 20-34 и др.). Выделяется из этого ряда рассказ 20-37, где родители выдают девицу замуж за демона, соблазнившись богатыми подарками, а демон в свадебную ночь съедает жену.

Наказание — это ещё и обличение, оно делает грехи человека очевидными. В этой части свитка чередуются три темы: отношения заёмщика с займодавцем, детей с родителями, монахов с мирянами. Так или иначе все эти отношения подразумевают долг, который требуется вернуть. «Возврат долга», «воздаяние за милость» 報恩, *хо:он*, в японских текстах XIII в. и более поздних станет одним из главных понятий для описания правильных отношений человека с людьми, богами и буддами; по словам Роберта Белла, в Новое время (с XVII в. и далее) все японские религии и философские учения, включая буддизм, *синто*: и конфуцианство, можно свести к единой модели «возврата долга» [Bellah, 1957]. В «Кондзяку», на мой взгляд, задача «вернуть долг» окружающим — за собственную жизнь, за приемлемые условия существования в мире — ещё не выглядит столь всеобщей. Но можно сказать: воздаяние каждый из людей знает на собственном житейском опыте, потому что так или иначе

каждый кому-то одалживал и у кого-то брал в долг. Чтобы от этого бытового понятия «долга» перейти к вере в неотвратимый закон воздаяния, не нужно даже быть буддистом; не случайно герои и повествователь порой ссылаются не на «Закон Будды», а на «Путь Неба» (20-31).

Рассказ 20-39 начинает новую серию историй. Его герой, монах-отшельник, достиг такой святости, что кувшин его сам летал за водой (как и у отшельника в рассказе 20-7); монах возомнил себя великим подвижником, не понимая, что чваниться дурно. Однажды у реки отшельник замечает другой летучий кувшин, отправляется следом за ним и находит хижину другого отшельника. Монах решает этого человека испытать, читает заклятие Огненного мира (уже упомянутое в рассказе 20-2), но оно не срабатывает. А отшельник окунает посох в благовонную воду, стряхивает капли на незваного гостя — и на монахе загорается одежда, он мучается, словно в аду. Потом отшельник той же водой тушит пламя, монах раскаивается и просится к нему в ученики. «Отшельник на эти слова отозвался: да ладно. И уставился вдаль, будто монаха вовсе рядом нет». Здесь соединяются мотивы предыдущих историй, включая обучение чарам и адские муки при жизни.

Праведники при жизни подходят к границе миров людей и богов (20-41), людей и даосских «бессмертных» (20-42), людей и бодхисаттв (20-40). В рассказе 20-45 сановник Фудзивара-но Ёсими (813–867) умирает и в преддверии ада среди судей видит своего собрата по службе — книжника и поэта по имени Оно-но Такамура (802–853). Много лет назад Ёсими помог Такамуре оправдаться, когда того при дворе обвиняли в каком-то проступке. Теперь Такамура заступает за Ёсими, и его возвращают в мир живых; оказывается, Такамура ещё при жизни стал одним из судей мёртвых. Праведные люди порой являют чудеса не менее грозные, чем у демонов, не боятся ни государей, ни небесных предзнаменований, ни даже смертной скверны. «Прямое сердце» 直き心, *наоки кокоро*, позволяет им оставаться людьми. «Только того, кто помнит о долге перед другими, себя не бережёт, а за милость воздаёт, зовут человеком», — говорит герой рассказа 20-44.

В рассказе 20-43 двум офицерам государственной стражи, Фудзивара-но Накахире (875–945) и его племяннику Санэёри (900–970) гадатель предписывает бдительную всяческую осторожность, ибо расположение

светил неблагоприятно для них. Племянник заказывает обряды и в святилище родовых богов, и в храме, а дядя медлит. Его знакомый монах спрашивает, закажет ли и он какие-нибудь моления, но Накахира говорит: если я стану это делать, чтобы выглядеть не хуже племянника, это будет дурно; он молод, ему предстоит долгая служба, а я уже стар, и даже если умру — невелика потеря. Монах заливается слезами и отвечает: «Это лучше сотен, тысяч, десятков тысяч обрядов! Именно этому и учил Будда! Кто забыл о себе и заботится о других, возвращает беспредельно благие корни! Три Сокровища непременно помогут такому человеку и защитят его. А потому даже и без молений тебе бояться нечего». И в самом деле, Накахира ещё успеет дослужиться до Левого министра; впрочем, Санэёри его превзойдёт и в зрелые годы станет канцлером. В рассказе 20-44 человек куда более низкого звания, дворцовый охранник Ацуюки, берётся помочь соседям, когда их отец скончался, а согласно выкладкам гадателей, выносить тело через ворота усадьбы было нельзя. Ацуюки предлагает: давайте разберём забор и пусть похоронное шествие идёт через мой двор! Он убеждает своих домашних: не надо бояться смертной скверны, страшнее не исполнить долг перед соседом, который при жизни сделал для нас много хорошего. Ацуюки действительно воздалось счастьем и долголетием, а рассказы, этот и предыдущий, намечают связь с историями из свитка 27-го, где монахи почти не участвуют, зато гадатели появляются во множестве.

3. Призраки и людоеды

В 27-м свитке «*Кондзяку*» действуют уже знакомые нам демоны и оборотни, а также другие потусторонние существа. Для чего составители собрания выделили два свитка таких рассказов и почему одни из них считаются буддийскими (свиток 20-й), а другие мирскими (свиток 27-й)? На первый взгляд, разница простая: буддийские истории — это те, где нечисть одолели или хотя бы пытались одолеть с помощью монашеских обрядов. А мирские — все остальные, включая те, где нечисть победила, и те, где люди справились с ней силой или хитростью, но без участия будд и бодхисаттв. То есть разница состоит в том, какой образ действий выбирают люди, а противники их в обоих случаях одни и те же. Но почему же одни люди поступают так, а другие иначе, и какой путь лучше?

Другое различие состоит в том, что в мирских рассказах нет речи о том, по какой причине кто-то стал демоном или зверем, нет и распределения потусторонних существ по мирам возможного перерождения. Здесь показано, что к тем же самым удивительным явлениям можно относиться иначе, описывать их, вообще не ссылаясь на учение Будды. При этом, как показывает Дои Хироко, пусть и без связи с учением о воздаянии, некоторая иерархия нечисти в 27-м свитке всё-таки прослеживается: призраки и демоны чаще сильнее людей, оборотни слабее [Дои, 1998].

В XX веке в работах многих исследователей, и японских, и западных, встречались рассуждения о том, что средневековым японцам вообще свойственна была «вера в духов», а заимствованные материковые учения использовались для её описания и осмысления, но по сути ничего в ней не меняли, и если противоречили ей, это мало кого смущало. Особенно широко известна концепция Хори Итиро (1910–1974), где «народные верования» 民間信仰, *минкан синко*:, — это не только верования простого люда; высшая знать, судя по памятникам хэйанской придворной словесности, также вполне разделяет их; см.: [Hori, 1968; Smith, 1966]. В рамках этой религии основная цель — защититься от духов, чьим влиянием («порчей» 祟, *татари*) объясняются болезни, пожары и прочие беды. Для противодействия духам годятся разные средства, этим могут заниматься и знатоки Инь и Ян, и буддийские монахи, и жрецы «родных богов». Но в основе их действий лежит одна и та же установка: заручиться поддержкой одних духов против других (не обязательно «добрых» против «злых»): в этом смысле любой из знатоков обряда действует как шаман, и для монаха будды с бодхисаттвами — такие же духи-помощники, как *сикигами* для гадателей. А часто взаимодействие с духами и вовсе не предполагает участия знатока, и рассказы 27-го свитка «*Кондзяку*» дают тому хорошие примеры. У человека, пока он жив и владеет собой, есть свой «дух» 魂, *тамаси*, и в столкновении с нечистью победа не предрешена.

В рассказе 27-1 призраком становится человек, убитый ударом молнии; случилось это ещё до основания столицы, но когда на месте его гибели построили дом, покойник стал там являться. Порой прежние хозяева остаются в своих домах после смерти, как, например, министр Минамото-но Тоору (822–895) в рассказе 27-2. Он у себя в усадьбе Кавара-ин устроил подобие морского побережья, в пруд

носили за много вёрст морскую воду; славился Тоору и другими причудами. Когда он умер, его потомки передали усадьбу отрекшемуся государю Уда-ин (866–931, прав. 887–897), и однажды государю-монаху явился призрак Тоору и заявил: это мой дом! Но Уда-ин спокойно отвечал: теперь усадьба по праву моя! — и призрак замолчал¹⁰. Впрочем, о страшных и загадочных событиях в усадьбе Кавара-ин говорится в ещё нескольких рассказах «*Кондзяку*» (17-10, 27-17).

В другой старинной столичной усадьбе из дырки в опорном столбе стала высовываться детская рука и подавать знаки. Буддийскими обрядами эту напасть одолеть не удалось, а исчезла она, только когда в дырку загнали наконечник стрелы. «Чудесная сила стрелы страшнее силы будд и сутр», этому в свитке 27-м ещё будут подтверждения (27-23, 27-27). Рассказ 27-4 о призраке в обличье платья я приводила выше; там даже стрела оказалась бесильной.

В старинном пруду завёлся водяной, пугал людей, хотя вреда не причинял; его поймали, но пожалели, когда он попросил воды, а он прыгнул в таз с водой и растворился (27-5). Дух меди из старинного сосуда, забытого в земле, являлся и пугал людей, пока сосуд не выкопали (27-6). В нежилых зданиях часто являются демоны: один сожрал подругу поэта Аривара-но Нарихиры (825–880) прямо в ночь свидания, когда влюблённые уединились в заброшенной хижине (27-7, ср. 6-й эпизод «*Исэ-моногатари*»). Другую девушку демон загрыз в роще на территории государева дворца (27-8). А чиновника, который раньше всех являлся на службу, демон сожрал прямо в служебном кабинете, подчинённые нашли только голову, туфли, должностную табличку да веер (27-9).

Жителей столицы поразила заразная болезнь, все мучаются кашлем. Повару одного из богатых домов является призрак и сообщает: «В прошлом я был старшим советником этой страны,

¹⁰ В «Сборнике бесед Ооэ» («*Годансё*»: начало XII в., эпизод 3–32) и «Беседах о делах старины» («*Кодзидан*», начало XIII в., рассказ 1–7) призрак Тоору, явившись в усадьбе Кавара-ин, сначала пытается отобрать у государя-монаха наложницу, потом нападает на него самого, но в итоге отступает. В других сборниках после смерти министра государь Уда-ин справляет поминальные обряды, чтобы избавить его от дурной посмертной участи (например, «*Дзикинсё*»:», 5–1). В пьесе для театра Но: «*Тоору*» призрак министра раскаивается в том, что ради своих прихотей нагружал людей тяжёлой работой.

звали меня Томо-но Ёсио¹¹. Меня сослали в край Идзу, и там я вскоре умер. Теперь я стал моровым богом 行疫流行神, гё:якуругё:дзин. Сам того не желая, я совершил должностное преступление, был тяжко наказан, но пока служил, удостоился от страны нашей многих милостей. Поэтому в нынешнем году, когда в поднебесной начинался мор, я высказался за кашель, а не за такие болезни, от каких вымирают все жители страны. Вот почему все сейчас беспрерывно кашляют. Я хотел объявить об этом, затем и явился». Здесь грань между призраками и богами оказывается зыбкой; как представляется, этот рассказ вполне мог бы быть помещён и в свитке 20-м по соседству с историей Такамуры (ср. выше).

Они бывают не только людоедами, но и ворами. Некий демон во дворце воровал масло из фонарей, храбрый чиновник его выследил, но не поймал (27-10). Когда Левый министр Минамото-но Сигэнобу (922–995) по совету гадателей ночевал вне дома, чтобы обойти «запрет на направление», демон украл у него припасённые на ужин сладости, смотреть за которыми должен был один из воинов дворцовой охраны (27-12).

На мосту Аги в краю Ооми является демон и не даёт ни проехать, ни пройти. Один из воинов свиты нового наместника на спор вызывается проехать по мосту, видит *они* сначала в обличе прекрасной дамы, а затем в подлинном демонском облике, но успевает от него ускакать. Гадатель предписывает воину «удаление от скверны», и именно в этот день к воину приезжает брат с вестью, будто бы мать их скончалась. Воин впускает брата в дом, несмотря на запрет, но оказывается, что обличье брата принял тот самый демон. *Они* убивает воина на глазах у домочадцев и убегает (27-13)¹². Демон на

¹¹ О судьбе Томо-но Ёсио (811–868), он же старший советник Бан, Бан-дайнагон, говорится в «Годансё:» и многих других текстах, в том числе в «Рассказе с картинками о старшем советнике Бане» (伴大納言絵詞, «Бан-дайнагон экотоба», XII в.); см. [Matsuo, 2001]. Преступление Ёсио состояло в том, что он якобы поджёг столичные ворота О:тэммон и возложил вину за пожар на другого придворного, своего соперника в борьбе за влияние при дворе. Разбирательство длилось много месяцев, в итоге Ёсио был сослан и умер в ссылке. Как сказано в «Годансё:», неприязнь государя к Ёсио имела причиной деяния прежних рождений; более поздние источники порой описывают Ёсио не как клеветника, а как жертву клеветы. В образе «гневного духа» 御霊, горё:, он будто бы являлся после смерти и устраивал бесчинства в столице.

¹² Мори Масато сопоставляет этот рассказ с широко известной историей о Ватанабэ-но Цуна и демоне на воротах Радзёмон [Mori, 1982, p. 153–155]: там побежденный *они* также приходит поквитаться с победителем.

мосту является и в следующей истории, но она сохранилась не полностью, и чем закончилась, неизвестно.

Свитская дама некой знатной госпожи забеременела без мужа, решает тайно родить где-нибудь в горах, уходит из дому и набредает на хижину, где живет одинокая старуха. Дама по её приглашению остаётся погостить, благополучно рождает мальчика, но однажды сквозь сон слышит, как старуха, любуясь ими двоими, говорит: «Ах, сладенькие мои! Так бы и откусила кусочек!». Дама решает: это демоница! — и сбегает, возвращается к госпоже, а ребёнка отдает кому-то на воспитание (27-25).

В следующем рассказе двое влюблённых уединяются в заброшенном храме, ночью кавалер видит в зале таинственную даму, та делает ему выговор за вторжение, а подруга его падает без чувств и на завтра умирает (27-16). Приезжий чиновник из провинции решается заночевать в столице в злополучной усадьбе Кавара-ин, и ещё до наступления ночи то ли демон, то ли призрак похищает его жену и убивает (27-17). Демон в облике летучей доски убивает спящего воина в чьей-то усадьбе, а других воинов, встретивших напасть с оружием в руках, не трогает (27-18). В обличье горшочка для масла демон является на столичной улице, мудрый министр Фудзивара-но Санэ-сукэ (957–1046) видит его, а другие не замечают; демон проникает в ворота одной из усадеб и убивает хозяйскую дочь (27-19).

Простолюдин встречает на улице столицы странную женщину и по её просьбе помогает ей найти дом некого чиновника; благодарная женщина приглашает провожатого зайти в гости, если он окажется в провинции Мино. Затем герой узнаёт, что чиновник тот скоропостижно умер, а позже выясняется, что женщина была «живым духом» 生霊, *икирё*:¹³, — дух отделился от тела и явился покарать неверного супруга (27-20). Другая странная дама в столице поручает чиновнику передать подарок её знакомой в край Мино, но ни в коем случае не заглядывать в ларец. Не зная о том, ревнивая жена чиновника открывает ларец, подозревая, что в нём подарок для любовницы мужа, и видит страшный груз — вырванные части человеческих тел; чиновник отдаёт ларец, как обещал, но вскоре умирает (27-21).

¹³ Самый известный пример подобного чуда в японской словесности — госпожа Рокудзё из «Гэндзи-моногатари»: мучимая ревностью и обидой, она является в виде «живого духа» и убивает жену принца Гэндзи.

Братья-охотники вдвоём поджидают зверя в ночном лесу, как вдруг одного из них хватается демон; второй стреляет на звук и демон исчезает, оставив костлявую руку; дома братья видят, что их старуха-мать лишилась руки, и понимают, что это она стала демоницей (27-22). В краю Харима семья соблюдает «удаление от скверны»; как предупредил их гадатель, в дом может явиться демон, и незнакомец в самом деле является, но хозяйский сын стреляет в него из лука и демон исчезает. Здесь, по словам рассказчика, могло случиться так, что гадатель всё подстроил, но раз застреленный исчез, видимо, это всё же был демон, а не человек (27-23). Отправляясь служить в дальний край на выгодную должность, муж покидает в столице жену, через несколько лет возвращается, проводит с нею ночь, а наутро видит, что обнимает иссохшее мёртвое тело: жена в бедности и одиночестве умерла, но стала призраком, чтобы ещё раз увидеться с мужем (27-24). В краю Кавати призрак мужа, умершего молодым, приходит навестить жену и в стихах признаётся, что тоскует по ней (27-25). У жителя того же края пропадает упряжной вол, потом возвращается, и оказывается, что его одолжил покойный друг хозяина: друг попал в ад, получил там очень тяжёлое тело, ибо грехи его были тяжелы, но вол какое-то время возил его и облегчил его муки (27-26).

Когда в одной столичной усадьбе копают колодец, находят чашу из серебра, хозяин добавляет ещё серебра и заказывает изготовить котелок, но позже слуга роняет котелок в тот самый колодец и попытки вытащить его ни к чему не приводят; люди решают, что чей-то призрак забрал своё серебро назад (27-27). Проводя весенние дни в родительской усадьбе, супруга государя Итидзё, Фудзиварано Сёси (988–1074), слышит, как среди дня голос из ниоткуда читает известные стихи о весне; чей это был призрак, никто так и не узнал (27-28)¹⁴. Чиновник, отдыхая дома, слышит плач своего маленького ребёнка и крик кормилицы, выбегает с мечом во двор и видит: кормилиц две, совершенно одинаковых на вид, и они тянут дитя в разные стороны. Потом одна исчезает, а вторая кормилица и дитя

¹⁴ Эта история входит также в книгу «Секреты мастерства Тосиёри» («*Тосиёри дзуйно*»), где поэт и знаток поэзии Минамото-но Тосиёри (1055–1129) обсуждает её среди других примеров могущества поэзии, влияния песен на богов. В «*Кондзаку*» же, по словам Мори Масато, эта история скорее говорит о могуществе духов, способных являться не только в ночи, но и днём, и даже вблизи высочайших особ [Mori 1982, 164].

падают замертво, но монахи проводят обряд и возвращают их к жизни; рассказчик сомневается, был то призрак или лисьи чары, но советует не гулять с детьми там, где больше никого нет (27-29). Чтобы обойти «запрет на направление», семья ночует в чужом доме, ночью кормилица видит, как к постели младенца движется целое шествие маленьких человечков, швыряет в них горстями рис, рассыпанный для защиты от духов, рис окрашивается кровью, но младенец остаётся невредим (27-30).

Чётких различий между духами рассказчик в 27-м свитке «*Кондзюку*» не проводит, но всё-таки можно выделить несколько разновидностей. Во-первых, это духи умерших: их обозначают знаком 霊, *рэй/рё*: (27-1, 27-2, 27-11, 27-21, 27-24, 27-25, 27-26, 27-27). Вообще этим словом может называться всё «чудесное» вообще, но здесь *рё*: берётся в том смысле, как в словах 悪霊 *акурё*:, «злой дух», 怨霊, *онрё*:, «мстительный дух», 御霊, *горё*:, «гневный дух». Во-вторых, есть некие «сущности» 精, *тама*, они же «стихийные» духи, такие как водяной или дух металла. В-третьих, «демоны» 鬼, *они*, их трудно отличить от демонов в буддийском смысле слова (27-7, 27-8, 27-9, далее с 27-12 по 27-19, 27-22, 27-23). В-четвёртых, «живой дух». Условно можно выделить и такой разряд, как ожившие предметы: платье (27-4), доска (27-18), горшочек (27-19). «Демоны» из всех персонажей «*Кондзюку*» больше всего подходят под определение «злой», враждебной силы, но даже в их случае не всё однозначно. Курусима Хадзимэ рассматривает ровно сто случаев, когда в разных свитках «*Кондзюку*» появляются *они*, распределяет их по разрядам (демоны как таковые, существа, ставшие демонами, ведущие себя подобно демонам) и в итоге определяет их роль как близкую к тому, что словом «даймон» называли в европейской античности: воплощение благой или злой судьбы, олицетворённая карма [Курусима, 2009]. Похожее толкование понятия *они* предложено и в книге [Reider, 2010].

4. Прodelки оборотней

В последней трети свитка 27-го действуют духи животных: лисиц (27-31, 27-32, 27-33, с 27-37 по 27-41) и кабанов (27-34, 27-35, 27-36). Порой духов называют тем же словом, что и «родных богов», *ками* (27-28, 27-42, 27-44). В нескольких рассказах повествователь

сомневается, какие именно духи явились: демон или бог (27-28), лисица или призрак (27-29, 27-43).

Знаменитый книжник Миёси-но Киёюки (847-919) покупает старинный дом, имеющий в столице недобрую славу. Киёюки отправляется туда ночевать, наблюдает странные видения — лица на потолке, шествие маленьких человечков, красавицу с клыками людоеда — но остаётся невозмутим. Под утро ему в обличье старика с бумагами о собственности на дом является старый лис, извиняется за проделки своих детей и говорит: теперь ты тут хозяин, мы убежёмся отсюда, но скажи, куда нам податься. Киёюки говорит, что сразу понял: это были чары лисиц, а не явление демона или божества, потому и не испугался; демон или бог действовали бы по «правилам» 道理, *до:ри*, и не пытались бы запугать законного хозяина дома. В итоге Киёюки соглашается, чтобы лисы перебрались в одно из зданий столичного Училища, где Киёюки много лет преподавал (27-31)¹⁵.

Чиновник попадает в немилость и уезжает из столицы, оставив в городе одну из служанок. Через несколько лет она получает известие, будто бы хозяева её сменили место жительства и госпожа вызывает её к себе. Служанка пускается в путь со своим маленьким ребёнком, находит семью хозяев, берётся за работу в их усадьбе, а потом госпожа отправляет её с поручением в другой дом, где эта опальная семья находила пристанище прежде. Оставив ребёнка, служанка идёт, куда велено, и всю хозяйскую семью находит там, ни о каком переезде те и не слышали. В тревоге за дитя служанка просит послать с нею людей на поиски усадьбы с двойниками, ребёнка находят в чистом поле, а двойников не осталось и следа; видимо, это было лисье наваждение (27-32).

Лисы в столице зажигают над воротами дворца волшебные огни, пугая прохожих; почтительный сын, спеша по поручению больной матери, хоть и боится их, но стреляет из лука, и огни гаснут (27-33). В ночном лесу кабан окликает охотника по имени, причём кричит всегда с той стороны, куда всадник с длинным луком не может вернуться, чтобы выстрелить. Брат охотника, приехавший на побывку со службы, проезжает по лесу, сев в седло задом наперёд, и

¹⁵ Разбор этого рассказа предложен в работе [Кантика, 2016] в связи с легендой об Иноу Хэйтаро и нечистой силе (изложенной, например, в «*Иноу мононокэ-року*» 稲生物怪録, XVIII в.).

убивает кабана; что это именно кабан, а не демон или бог, стрелок понимает потому, что голос из темноты окликал его именем брата, а не его собственным (27-34). Другой кабан наводит свет на тело мертвеца, оставленного в пустом домике до похорон; сыновья покойного распознают, что это кабан, а не призрак, и убивают его (27-35). Путник, заночевав в полевой сторожке, ночью видит погребальное шествие, наблюдает, как люди хоронят кого-то, а потом покойник восстаёт из могилы. Хотя и напуганный, путник вступает с ним в бой, убивает, убегает, а наутро находит на том месте тушу кабана (27-36). В поисках пропавшей лошади жители города Нара, господин и слуга, заблудились в лесу и набрали на немисливо огромное дерево *суги*, криптомерию; оба стреляют в него, после чего им удаётся выбраться из леса. Назавтра деревья они уже не находят, только лисицу, застреленную двумя стрелами (27-37)¹⁶.

В столице дворцовый стражник поздно ночью встречается на улице красотку, любезничает с ней, потом начинает подозревать неладное и, угрожая кинжалом, будто бы пытается ограбить; девушка оборачивается лисицей и убегает (27-38). Жена одного простолюдина вечером выходит по делам, возвращается, а потом в дом приходит её двойник; муж некоторое время не может решить, которая жена настоящая, по очереди угрожает им оружием, и одна убегает, обернувшись лисой (27-39). В рассказе 27-40 во время обряда исцеления больного в одной столичной усадьбе дух лисицы начинает вещать устами жрицы-медиума (ср. 20-7). Жрица вертит в руках неведомо откуда взявшийся шарик, похожий на «пилюлю бессмертия» из китайских лисьих историй. Воин, служащий в свите хозяев усадьбы, шарик отнимает, подозревая, что это у жрицы такой способ произвести большее впечатление на заказчиков. Лисица просит: отдай! Воин договаривается с ней, чтобы отныне она его защищала, лисица оставляет в покое и больного, и жрицу, и в самом деле потом помогает воину, в частности, предостерегает его на ночной улице от нападения разбойников (27-40). Ещё одна лисица в обличье девушки является возле реки при въезде в столицу и просит проезжих всадников подвезти её, катается с ними, а потом исчезает; дворцовый охранник берётся её изловить. В первый раз он попал под наваждение и

¹⁶ В статье [Фэн, 2018], прослеживая возможные китайские влияния на трактовку лисиц и священных деревьев в «*Кондзяку*», автор ставит этот рассказ в ряд других, где говорится о древесных божествах и их подчинении человеку.

очнулся на кладбище на дальней окраине, но во второй раз доставляет лисицу в караульное помещение дворца, там он и его товарищи её избивают, обжигают огнём, и больше она к проезжим не пристаёт (27-41).

Один из подчинённых столичного градоначальника выезжает из города, провожая государя в паломничество. Заблудившись в холмах, чиновник понимает, что его заморочил «бог-обманщик» 迷神, *мадо-васигами* (27-42). Воины из отряда знаменитого Минамото-но Ёри-мицу (он же Райко; 942–1021), героя множества историй о доблести, узнают, что в краю Мино, где служит наместником их господин, на переправе через реку является женщина с младенцем и просит проезжих взять дитя. Один из воинов на спор вызывается поехать туда, а товарищи за ним наблюдают; женщина и вправду является на середине реки, просит: возьми дитя! Воин забирает младенца, женщина сразу же начинает умолять: отдай! Но воин привозит ребёнка в наместничью усадьбу, и там дитя рассыпается ворохом сухих листьев; хотя и победил в споре, воин всё, что выиграл, раздаёт товарищам обратно. Люди сомневаются, была ли та женщина лисицей или призраком (27-43). Трое друзей из края Исэ по пути в столицу замечают у дороги непогребённого мертвеца, а под вечер решаются заночевать в заброшенном храме, хоть им и говорят, что там водятся демоны. Больше того: один из друзей предлагает и покойника принести сюда же. Он уходит, из двоих его друзей один остаётся в храме, а другой тайно прокрадывается на дорогу, оттаскивает тело подальше, а сам ложится на его место и потом изображает мертвеца и кусается. Товарищ, однако, всё-таки относит его в храм, а там тем временем под потолком являются страшные рожи. В итоге никто из троих приятелей страху не поддался и все остались целы (27-44).

В завершающем рассказе этого свитка действуют боги. Воин государственной стражи возвращается из поездки по дальним землям, где отбирал борцов сумо для придворных состязаний, и в краю Хитати в горах поёт старинную песню, в которой милость государя сравнивается с тенью от огромной горы¹⁷. Некий голос из глубины гор откликается ему похвалой, слышатся рукоплескания, а на завтра воин умирает: видимо, богам понравилась песня и они решили певца не отпускать (27-45).

¹⁷ Речь идет о горе Цукуба, см.: [Дьяконова, 2017].

В двух третях рассказов этого свитка (29 из 45) действие происходит в столице и её ближайших окрестностях. Перед нами подробное описание опасных мест города Хэйан — старинных усадеб с призраками и лисами, нехороших кварталов и т.п. Страшные места есть даже в государевом дворце, хотя, казалось бы, его защищают всеми возможными способами. Снова и снова рассказчик повторяет: в безлюдных закоулках и заброшенные дома нельзя заходить в одиночку и даже небольшой компанией, ведь их населяют духи. Вне города весьма опасны мосты и переправы (27-13, 27-14, 27-21, 27-26, 27-41, 27-43): видимо, на переходе границы, проходящей по реке, есть опасность пересечь также и границу между человеческим миром и миром духов. Другие опасные места, также на границах — это ворота; как отмечает Мори Масато, в страшных рассказах ворота и мост как обители нечисти бывают взаимозаменяемы. Общее у них — двойственное назначение пропускать с «этой стороны» на «ту сторону» и наоборот, но при надобности и перекрывать это движение. Демоны являются там, где встречаются потоки «туда» и «оттуда», сталкиваются силы порядка и хаоса, причём порядок всегда исходит из центра, а хаос — с окраин. Если считать демонов силой хаоса, то это роднит их с богами, ведь именно боги в «*Кондзяку*» в самом начале японской части собрания выступают как силы хаоса, противопоставлены деятельности правителей и их сподвижников, наводящих порядок в стране [Mori, 1982, p. 149, 155–156].

Из разных видов *мононокэ* ближе всего к человеку призраки: они не всегда враждебны живым и в любом случае их действия хотя бы до какой-то степени понятны, объяснимы прижизненными привязанностями: заявить свои права на имущество (27-2), ещё раз встретиться с любимыми (27-24, 27-25), защитить соотечественников (27-11) и т.п. Лисицы и кабаны «морочат» людей 謀る, *хакару*, посылают наваждения, и лишь с трудом могут воздерживаться от этого, даже если их проделки явно грозят бедой им самим.

В мире людей, как и в аду, неизбежное страдание предполагает деятельного исполнителя: беды, которые человек заслужил по закону воздаяния, должен кто-то для него подстроить, и как раз в этом качестве выступают демоны и нечисть вообще. До некоторой степени этот подход составителей «*Кондзяку*» предвосхищает установку на «силу Другого», обоснованную позже в трудах мыслителей XIII в., таких как Синран [Дои, 1998]. Человек не то чтобы вовсе выводится

из-под этической оценки, но собственные его возможности по части следования добру или злу оказываются ограниченны неким единственным решением — поддаться козням нечистой силы или довериться благой силе будд и бодхисаттв — а дальнейшие события идут уже сами собой. Тем выше оказывается цена выбора, и подобный взгляд можно соотнести с ещё одной особенностью японской традиции в целом: тягой к различного рода панацеям, к учениям и обрядам, что позволяют устроить жизнь однажды и навсегда [Nakamura, 1958–1959]. В миг выбора рассказчики *эцува* и застают своих героев. Что же касается другой стороны дела — как на земле сами люди для себя и для других людей служат мучителями и палачами, без всякой нечисти исполняют предreshённое воздаяние — то об этом говорится в следующих свитках «Кондзяку», 28-м и 29-м, где действуют, соответственно, дураки и разбойники¹⁸.

В рассказе 27-23 говорится: «...демоны и боги не ходят обходными, обманными путями. Двигаются они только прямой, правильной своей дорогой» 鬼神は横様の非道の道をば行かぬ也。只、直しき道理の道を行く也, *кидзин ва ёкосама-но хидо:-но мити-оба юкадзу нари. Тада тадасики до:-ри-но мити-о юку нари*. О том, что боги и демоны движутся только по прямой в буквальном смысле слова, говорится во многих японских источниках, например, в «Записках на досуге» («*Цурэдзурэгуса*», XIV в., эпизод 207); потому от демонов и возможно защититься, выставив на пути у них оберег или ещё какое-то защитное средство. Возможно, по этой же причине от них так хорошо помогают стрелы, если считать, что траектория стрелы — строго прямая. Однако выражение «для богов и демонов нет обходных путей» 鬼神に横道なし, *кидзин-ни о:до: наси*, может пониматься и в переносном смысле: что они не сворачивают со своего пути, всегда действуют так, как им подобает, в отличие от людей, способных выбирать дорогу, а значит, и заблуждаться. В традиции синтоизма XIII в. и более поздней многие наставники будут говорить о «прямоте» как таком качестве, которое человек должен развить в себе, чтобы уподобиться богам и снискать их милость. Порой и в «Кондзяку» именно прямота помогает одолеть нечистую

¹⁸ А выше, в свитке 26-м, условия для страданий задаёт само устройство земного мира: морские и речные воды, сокровища недр, звери, птицы и то, что можно было бы назвать стихией семейных отношений: взаимозависимость между детьми и взрослыми, мужчинами и женщинами и т.д. [Бабкова, 2019].

силу, например, когда люди настаивают, что владеют каким-то жилищем по праву, на законных основаниях, *до:ри* (27-2, 27-31). Но чаще нечисть побеждает тот, кто «храбр и хитёр» 心猛く思量有り, *кокоро такэку омобакари ари* (27-10, 27-15, 27-31, 27-35, 27-36, 27-41, 27-44); эти качества прямоты не исключают, но предполагают выбор тактики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бабкова М.В. О понятии «воздаяние» в 26-м свитке «Собрания стародавних повестей» // Вопросы философии. 2019. № 3. С. 86–97.

Бачурин А.С. Практика «запретов на направления» и изменения их действия в период Хэйан // Религиоведение. 2007. № 3. С. 74–85.

Дои Хироко. Они-но исо: «Кондзку моногатари-сю:»-но «аку»-о кангаэру тамэ-но дзёсё: [О демонах: вводные замечания к трактовке «зла» в «Собрании стародавних повестей»] // То:ё: дзё:си танки дай-гаку киё:. 1998. Вып. 30. С. А1–А11.

Дьяконова Е.М. Гора Цукуба в истории японской поэзии. От архаики к классическим формам // История и культура традиционной Японии 10. СПб.: Гиперион, 2017. С. 26–40.

Кантика Симпэй. «Иноу мононокэ»-тан-но сэйсэй — гэнтэн «Кондзяку моногатари-сю:» 27 «Миёси Киёюки сайсё: изватари-ханаси 31» [Происхождение легенды о духе Иноу — по рассказу «О том, как Миёси-но Киёюки» переехал в новый дом», «Собрание стародавних повестей», 27–31] // Ронсо: кокугаку кё:икугаку. 2016. Вып. 12. С. 24–37.

Коминэ Кадзуаки. Сэцува-но мори. Тэнгу-то:дзоку-игё:-но до:кэ : [Лес поучительных рассказов: проделки демонов, воров и чудаков]. Токио: Иванами, 1991.

Кондзяку моногатари-сю: [Собрание стародавних повестей] / Син Нихон котэн бунгаку тайкэй [Новое больше собрание памятников японской классической литературы]. Т. 33–37. Под ред. Конно Тоору, Икэгами Дзюнъити, Коминэ Кадзуаки, Мори Масато Токио: Иванами, 1993–1999.

Курусима Хадзимэ. «Кондзку моногатари-сю:»-ни окэру «они» то «тэнгу»: кэн 20 дай 7 ханаси-о тю:син ни: [Они и тэнгу в «Собрании стародавних повестей»: по рассказу 20-7] // До:сися кокубунгаку. 2009. Вып. 70. С. 23–35.

Мацуо Осаму. Тю:сэй-ни окэру кайки ханаси-но дзюё: — «Кондзяку моногатари-сю:»-но тэнгу, кицунэ, иносиси, рё:, они-ни цуйтэ [Восприятие историй о чудесном в Средние века — о тэнгу, лисах, кабанах, призраках и демонах в «Собрании стародавних повестей»] // Гобун. 1976. Вып. 41. С. 153–164.

Танака Такако. «Акудзё:»-рон : [Рассуждение о «дурных женщинах»]. Токио: Кинокуния, 1992.

Трубникова Н.Н. “Главный смысл Закона Будды” у Догэна и его современников // Вопросы философии. 2015. № 7. С. 160–183.

Фэн Чаохун. Ро:ко-то кёсан – «Кондзяку моногатари-сю:» маки 27–37 ханаси кэйсэй ко: [Старая лисица и огромное дерево: о структуре рассказа 27–37 в «Собрании стародавних повестей»] // Васэда дайгаку дайгакуин кё:икугаку кэнкю:ка киё:. 2018. Вып. 26–1. С. 25–37.

Abe Yasurō. The Book of “Tengu”: Goblins, Devils, and Buddhas in Medieval Japan // Cahiers D'Extrême-Asie. 2002. Vol. 13. P. 211–226.

Bellah R.N. Tokugawa Religion. The Values of Pre-Industrial Japan. Glencoe: Free Press, 1957.

Faure B. The Red Thread: Buddhist Approaches to Sexuality. Princeton: Princeton University Press, 1996.

Hori Ichirō. Folk Religion in Japan: Continuity and Change. Chicago & London: University of Chicago Press, 1968.

Jürges M. Tengu. Darstellungen im Nihon shoki und im Konjaku monogatari shū. München: GRIN, 2015.

Li M.O. Ambiguous Bodies. Reading the Grotesque in Japanese Set-suwa Tales. Stanford: Stanford University Press, 2009.

Matsuo Kenji. Explaining the ‘Mystery’ of Ban Dainagon Ekotoba // Japanese Journal of Religious Studies. 2001. Vol. 28. No. 1/2. P. 103–131.

Mori, Masato. ‘Konjaku Monogatari-Shū’: Supernatural Creatures and Order // Japanese Journal of Religious Studies. 1982. Vol. 9. No. 2/3. P. 147–170.

Nakamura, Hajime. Some Features of the Japanese Way of Thinking // Monumenta Nipponica. 1958–1959. Vol. 14. No 3/4. P. 277–318.

Pörtner P. Exorzistische Rituale in der japanischen Religionsgeschichte. Eine (ziemlich) theoretische Annäherung mit illustrativen Fallbeispielen // Klaus J. Antoni (Hrsg.) Rituale und ihre Urheber: Invented Traditions in der japanischen Religionsgeschichte. Münster: LIT, 1997. P. 215–241.

Reider Noriko T. Japanese Demon Lore: Oni from Ancient Times to the Present. Louisville, CO: University Press of Colorado, 2010.

Shigeta, Shin'ichi et al. Onmyōdō and the Aristocratic Culture of Everyday Life in Heian Japan // Cahiers D'Extrême-Asie. 2012. Vol. 21. P. 65–77.

Smith R. On Certain Tales of the 'Konjaku Monogatari' as Reflections of Japanese Folk Religion // Asian Folklore Studies. 1966. Vol. 25. P. 221–233.

Tomomura, Hitomi. Black Hair and Red Trousers: Gendering the Flesh in Medieval Japan // The American Historical Review. 1994. Vol. 99. No. 1. P. 129–154.

Wakabayashi Haruko. The Seven Tengu Scrolls: Evil and the Rhetoric of Legitimacy in Medieval Japanese Buddhism. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2012.

Wakabayashi, Haruko. From Conqueror of Evil to Devil King: Ryogen and Notions of Ma in Medieval Japanese Buddhism // Monumenta Nipponica. 1999. Vol. 54. No. 4. P. 481–507.

References

Abe, Yasurō, Toyosawa, Nobuko, trans. (2002). 'The Book of "Tengu": Goblins, Devils, and Buddhas in Medieval Japan', Cahiers D'Extrême-Asie, vol. 13, pp. 211–226.

Babkova, Maya V. (2019). O ponyatii «vozdayaniye» v 26-m svitke «Sobraniya starodavnikh povestey» [The Meaning of The Notion Hō in 26th Volume of Konjaku Monogatari Shū], Voprosy Filosofii, Vol. 3 (2019), pp. 86–97. (In Russian).

Bachurin, Aleksei S. (2007). Praktika «zapretov na napravleniya» i izmeneniya ikh deystviya v period Heian [Kataimi and katatagae Practices in Heian Japan], Religiovedenie, Vol. 3 (2007), pp. 74–85. (In Russian).

Bellah, Robert N. (1957). Tokugawa Religion. The Values of Pre-Industrial Japan, Free Press, Glencoe.

Doi, Hiroko (1998). Oni to is — Konjaku Monogatari Shūno aku wo kangaeru tame no joshō [On the Oni: An Introduction to Considering Evil in Konjaku Monogatari Shū], The Toyo review, Vol. 30, pp. A1–A11. (In Japanese).

Dyakonova, Elena M. (2017). Gora Tsukuba v istorii yaponskoy poezii. Ot arkhaiiki k klassicheskim formam [Tsukubayama in the History of Japa-

nese Poetry: from Archaic to Classical Forms], in *History and Culture of Traditional Japan* 10, Saint Petersburg: Giperion, pp. 26–40. (In Russian).

Faure, Bernard (1996). *The Red Thread: Buddhist Approaches to Sexuality*, Princeton University Press, Princeton.

Feng, Chaohong (2018). Rōko to kyosan — Konjaku Monogatari Shūmaki 27-37 hanashi keisei kō [The Aged Fox and the Gigantic Cedar: Analysis on the Forming of a Tale in Konjaku Monogatari Shū], *Waseda daigaku daigakuin kyōikugaku kenkyūka kiyō*, Vol. 26–1, pp. 25–37. (In Japanese).

Hori, Ichirō (1968). *Folk Religion in Japan: Continuity and Change*, University of Chicago Press, Chicago & London.

Jürges, Michael (2015). *Tengu. Darstellungen im Nihon shoki und im Konjaku monogatari shū*, GRIN, München.

Kanchika, Shinpei (2016). Inou mononoke tan no seisei — genten Konjaku Monogatari Shū 27 Miyoshi Kiyoyuki saishō iewatari hanashi 31 [The Formation of the Inou Ghost Legend — Based on ‘Konjaku Monogatari Shū’ 27–31, ‘How Councillor Miyoshi Kiyoyuki saishō Moved into a House’], *Ronsō kokugaku kyōikugaku*, Vol. 12, pp. 24–37. (In Japanese).

Komine, Kazuaki (1991). *Setsuwa no mori: tengu, tōzoku, igyō no dōke* [Setsuwa Forest: Tricks of Tengu, Thieves, Clowns], Iwamami, Tokyo. (In Japanese).

Konno, Tōru et al., eds (1993–1999). *Konjaku monogatari shū*, Iwanami, Tokyo, SNKBT series, Vol. 33–37. (In Japanese).

Kurushima, Hajime (2009). *Konjaku Monogatari Shūni okeru oni to tengu ken 20 dai 7 hanashi wo chūshin ni* [Oni and tengu in Konjaku Monogatari Shū, based on Tale 20–7], *Dōshisha kokubungaku*, Vol. 70, pp. 23–35. (In Japanese).

Li, Michelle Osterfeld (2009). *Ambiguous Bodies. Reading the Grotesque in Japanese Setsuwa Tales*, Stanford University Press, Stanford.

Matsuo, Kenji (2001). “Explaining the ‘Mystery’ of Ban Dainagon Ekotoba”, *Japanese Journal of Religious Studies*, vol. 28, no. 1/2, pp. 103–131.

Matsuo, Osamu (1976). Chūsei ni okeru kaiki hanashi no juyō — Konjaku Monogatari Shū no tengu kitsune inoshishi ryō oni ni tsuite [Medieval Reception of Miraculous Stories: on Tengu, Foxes, Boars, Ghosts and Demons in Konjaku Monogatari Shū], *Gobun*, Vol. 41, pp. 153–164. (In Japanese).

Mori, Masato (1982). “‘Konjaku Monogatari-Shū’: Supernatural Creatures and Order”, *Japanese Journal of Religious Studies*, Vol. 9, no. 2/3, pp. 147–170.

Nakamura, Hajime (1958–1959). “Some Features of the Japanese Way of Thinking”, *Monumenta Nipponica*, vol. 14, No 3/4, p. 277–318.

Pörtner, Peter (1997). “Exorzistische Rituale in der japanischen Religionsgeschichte. Eine (ziemlich) theoretische Annäherung mit illustrativen Fallbeispielen”, Klaus J. Antoni (Hrsg.) *Rituale und ihre Urheber: Invented Traditions in der japanischen Religionsgeschichte*, LIT, Münster, pp. 215–241.

Reider, Noriko T. (2010). *Japanese Demon Lore: Oni from Ancient Times to the Present* University Press of Colorado, Louisville, CO.

Shigeta, Shin’ichi, et al. (2012). “Onmyōdō and the Aristocratic Culture of Everyday Life in Heian Japan”, *Cahiers D’Extrême-Asie*, vol. 21, pp. 65–77.

Smith, Robert (1966). “On Certain Tales of the ‘Konjaku Monogatari’ as Reflections of Japanese Folk Religion”, *Asian Folklore Studies*, vol. 25, pp. 221–233.

Tanaka, Takako (1992). ‘Akujō’ ron [On ‘evil women’], Kinokuniya, Tokyo. (In Japanese).

Tomomura, Hitomi (1994). “Black Hair and Red Trousers: Gendering the Flesh in Medieval Japan”, *The American Historical Review*, Vol. 99, no. 1, pp. 129–154.

Trubnikova, Nadezhda N. (2015). “Glavnyy smysl Zakona Buddy” u Dōgen i ego sovremennikov [“General Idea of Buddha’s Teaching” by Dōgen and his Contemporaries], *Voprosy Filosofii*, Vol.7 (2015), pp. 160–183. (In Russian).

Wakabayashi, Haruko (1999). “From Conqueror of Evil to Devil King: Ryogen and Notions of Ma in Medieval Japanese Buddhism”, *Monumenta Nipponica*, Vol. 54, No. 4, pp. 481–507.

Wakabayashi, Haruko (2012). *The Seven Tengu Scrolls: Evil and the Rhetoric of Legitimacy in Medieval Japanese Buddhism*, University of Hawai’i Press, Honolulu.

Связи Японии с европейским католическим миром (конец XVI в. — начало XVII в.)

Ю.Л. Кужель

Аннотация. В статье описывается деятельность религиозной миссии, получившей название «Миссия молодых людей в годы Тэнсё» (天正の使節, 1573–1586 гг.), которая была одной из первых, кто открыл Японию Европе. Поездку делегации, возглавляемую Ито Манцио, финансировали богатые феодалы-христиане Кюсю, а инициировал её иезуитский проповедник А. Валиньяно. По пути в Лиссабон, куда миссия прибыла в августе 1584 г., она посетила Макао, Кочин, Гоа, а из Лиссабона путь лежал в Мадрид и далее в Рим — главный пункт поездки. Путешествие по католическим странам Европы, где им оказывался грандиозный приём, произвело на членов миссии неизгладимое впечатление. Вернувшись в Японию через восемь лет, они активно проповедовали христианские идеи, хотя времена изменились и начались гонения на католиков, печатали религиозную литературу на станке, приобретённом в Португалии. Кроме того, в статье анализируется роль иезуитских и францисканских миссионеров, их внедрение в структуру японского общества и различие методов евангелизации страны, а также печальная судьба членов миссии. В статье исследуется роль иезуитского проповедника А. Валиньяно, который создал интеграционную политику христианизации Японии, отличающуюся невмешательством во внутренние дела страны, уважением её обычаев, традиций, адаптации к местной культуре. Иезуитская модель Нового времени, включающая признание самобытности японской культуры и образа жизни, отличалась от францисканской модели Средневековья, признававшей только церковь, монастырь местом служения, противопоставлявшей себя местным жителям.

Создание единой миссионерской стратегии Общества Иисуса, проходившее под влиянием как внешних, так и внутренних факторов, превратило миссионерскую деятельность иезуитов в централизованную систему с унифицированной концепцией христианизации.

Ключевые слова: религиозные миссии в Японии, евангелизация, христиане, политика культурной аккомодации, мученики, иезуитская модель, миссионерская активность, интеграционная политика.

Автор: Кужель Юрий Леонидович, доктор искусствоведения, профессор кафедры иностранных языков Московского государственного института индустрии туризма имени Ю.А. Сенкевича. E-mail: korkyr@yandex.ru

Connections between Japan and European Catholic world (late 16th — early 17th centuries)

Yu.L. Kuzhel

Abstract. The article describes the religious mission which was the first attempt to convey to Europeans the truth about Japan and to let the Japanese learn about the Christian world. The Tensho embassy of 1573–1586, named after the Tensho era, in which the embassy took place, was an embassy sent by the Japanese Christian Lords to the Pope and the kings of Europe. The embassy was led by Mancio Itō who was the first official Japanese emissary to Europe. The idea of sending a Japanese embassy to Europe was originally conceived by the Jesuit Alessandro Valignano, and sponsored by the three Christian daimyos. They were accompanied by two servants, their tutor and interpreter Diego de Mesquita, and their mentor Valignano, who only accompanied them as far as Goa in Portuguese India, where he was to take up new responsibilities. The ambassadors arrived back in Japan on July 21, 1590.

Besides, this article analyzes the role of Alessandro Valignano, a Jesuit missionary who created the integration policy of evangelization of Japan: non-interference in the internal affairs of the country, respect for customs, traditions, adaptation to local culture. Jesuit model of early modern times: recognition of equality of European and Japanese cultures, integration into local society, rejection of monastic absolutism. Jesuit missionaries correctly assessed the importance of observing the Japanese etiquette and ritual.

This was opposite to the medieval Franciscan model of missionary activity: the opposition to the non-Christian population, the absolutization of traditions, the monastery as the only place of service. But, still, in 1638, Catholic missionaries were finally expelled from Japan.

Keywords: religious missions, evangelization, Christians, martyrs, policy of cultural accommodation, Jesuit model, missionary activity, integration policy.

Author: Kuzhel Yuri L., Doctor of Science (Art), Professor of Foreign Languages Department, Moscow Institute for Tourism Industry n.a. Yu.A. Senkevich. E-mail: korkyr@yandex.ru

Масштабная деятельность христианских миссионеров по евангелизации Японии в XVI в. осуществлялась по двум моделям — Средневековой францисканской и иезуитской, уже принадлежавшей началу Нового времени. Интеграция иезуитов в религиозный мир Японии, начавшаяся с прибытием в 1549 г. одного из основателей Общества Иисуса Франциска Ксавье (1506–1552), сопровождалась реализацией стратегии по отношению к нехристианским народам, которая состояла в адаптации к местной культуре, признании её разнообразия и равенства с европейской, а также в подготовке священнослужителей из коренного населения [Диханова-Внуковская, 2016, с. 14]. Это позволило в короткие сроки привлечь в лоно христианства примерно 250 тыс. японцев, построить двести сорок церквей, основать две иезуитские коллегии, тридцать миссионерских станций, один иезуитский пансион, вырастить собственно японское духовенство (119 человек). Прибывшие в 1593, 1594, 1596 гг. монахи-францисканцы за основу христианизации Японии взяли средневековую матрицу противопоставления себя местным жителям, возведение в Абсолют традиций, признание только за монастырём места отправления службы. Но, к их чести, они заботились о здоровье обращённых, построили больницы и лепрозории, что соответствовало заветам основателя Ордена Франциска Ассизского (1182–1226).

Одним из самых ярких иезуитских миссионеров был генерал-викарий Восточной Индии и куратор азиатских миссий иезуитов Алессандро Валиньяно (1539–1606). В течение более двух лет пребывания в Японии, с 1579 г. Алессандро Валиньяно вёл активную миссионерскую деятельность, открыл школу для послушников в Усуки (преф. Оита), семинарию в Арима (преф. Нагасаки), духовное учебное заведение в Фунай (г. Оита). Валиньяно принадлежит заслуга в выработке новой, интеграционной политики в Японии, отличной от той, которая осуществлялась в Индии: невмешательство во внутренние дела страны, уважение обычаев, традиций, приспособление к местной культуре. Свои взгляды он изложил в трактате из семи частей «Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространённых в Японии» [Валиньяно, 1999, с. 251–301]. Главной миссионерской задачей А. Валиньяно стала организация первого японского посольства в Европу, в частности в Португалию, Испанию и Италию, чтобы, как он считал, показать японцам христианскую Европу, а по возвращении члены миссии

могли свидетельствовать своему народу о тех благах, которые несёт христианская цивилизация. Кроме того, в замыслы А. Валиньяно входило получение в Японии от высших церковных иерархов-иезуитов исключительного статуса и, конечно, финансовых вливаний.

А. Валиньяно сам отправился с первой иезуитской миссией — «Миссия подростков в годы Тэнсё» («Тэнсё:сё:нэнсисэцу»), выбрал и подготовил её участников, но вынужден был остаться в Гоа, а дальше ею руководил отец Диего де Мескита (1533–1614), он же переводчик. С японской стороны посольство из четырёх совсем молодых людей (тринадцати лет) в той или иной степени принадлежавших к знатным феодальным семьям о. Кюсю — Отомо Сорин, Арима Харунобу, Омура Сумитада, где авторитет иезуитов был высок и которые вместе с Валиньяно считались вдохновителями этой заморской поездки, возглавлял Ито Сукэмаса (дон Манцио)¹, вместе с ним — Тидзива² Наокадзу (Мигель), Хара (Мартино)³, Накаура (Джулиано)⁴; их также сопровождали Августин, Джорджи Лойола и Константин Дорадо, который в силу неплохой образованности вёл некоторые записи во время путешествия. Из десяти членов религиозной миссии трое были иностранцы — Алессандро Валиньяно, португалец Диего Мескита — переводчик, доверенное лицо Валиньяно, выполнявший его важные поручения, и Санчос, самая загадочная личность в миссии. До сих пор не ясно, доплыл ли он до

¹ Он был сыном дочери даймё: Ито Ёсисукэ из Хината (Миядзаки), родился в при-замковом городе в Тонокори. Когда Ито был маленький, Хината подвергся нападению армии Симаура княжества Сацума, и семья бежала в провинцию Бунго (Оита), но отец Ито к тому времени погиб в сражении. Мать Матиноуэ второй раз вышла замуж, Ито покинул дом и вёл бродячую жизнь. Вскоре он попал под покровительство церкви, его крестили и отправили учиться в семинарию Арима. Это произошло в 1580 г., когда мальчику исполнилось 11 лет. Он был очень дальним родственником знатного даймё: христианина из Бунго — Отомо Сорин — сыном младшей сестры мужа, которая приходилась дочерью младшей сестры Отомо Сорин, чем и объясняется его назначение руководителем миссии. Считается, что Отомо Сорин никогда не встречался с Ито.

² Родился на п-ве Симабара в Тидзива (сейчас г. Ундзэн). Его отец Тидзива Окадзу был третьим сыном Арима Харунобу, вассалом могущественного Арима, стал приёмным сыном в семье Тидзива и владельцем замка Тидзива. Но после гибели Окадзу в битве маленький Мигель бежал с матерью к дяде Омура Сумитада, которому он приходился также племянником. Это и послужило причиной его назначения в миссию.

³ Родился в Хасами во владениях Омура, отец Хара Дзюнъити принадлежал к клану Гэндзи, владельцам замка Хасами.

⁴ Сын Косаса Дзингоро, которому принадлежал замок Накаура, родился в Накаура во владениях Омура. После гибели отца на поле брани вместе с матерью перебрался в Омура. Был напарником по играм сына Омура Сумитада в замке Сандзёдзё.

Европы: есть версия, что по пути он исчез в неизвестном направлении. Отправившись двадцатого февраля 1582 г. из Нагасаки на португальском торговом судне «Лима», они вернулись на родину спустя восемь лет, восемнадцатого июля 1590 г., уже взрослыми, по тем меркам, людьми, проведя в Европе всего один год и восемь месяцев, а остальное время в плавании и в других азиатских странах и Африке [Сики, 2010, с. 7–11].

Когда Валиньяно в 1580 г. в Арима открыл первую в Японии иезуитскую семинарию по предложению влиятельного феодала Омура Сумитада, принял на учёбу Тидзива Мигеля, Хара Мартино и Накаура Джулиано. В тот же год поступил и Ито Манцио, приехавший из Оита. Все они были одного года рождения — 1569, т.е. одиннадцать лет от роду. Старше остальных членов миссии на десять лет, Джорджи Лойола выполнял роль наставника: в его обязанность входило обучение семинаристов чтению и письму на японском языке и забота о них. Создание духовной семинарии иезуиты связывали с воспитанием учеников в духе католицизма, верности папскому престолу и распространением Учения Христа в Японии. Валиньяно пресекал всякие попытки духовенства отойти от разработанной им программы по вовлечению семинаристов в лоно Церкви. Первыми учениками в семинарии Арима, где должность директора исполнял испанец Мола, было двадцать два человека в возрасте двенадцатинадцати лет.

Молодые люди жили по Внутреннему распорядку семинарии: носили голубое одеяние, усердно ежедневно по шесть часов, кроме молитв, изучали латынь, японский язык, также занимались музыкой и физической подготовкой. Согласно Уставу, в семинарию будущие служители культа принимались только по желанию родителей и собственной воле. Семинаристы превосходили ожидания А. Валиньяно, учились очень прилежно, не уступая по таланту и памяти европейцам, о чём он сообщал в Рим [Сики, 2010, с. 14–15]. Занятия не ограничивались только изучением языков и религиозных текстов: они распевали духовные гимны, играли на клавесине, участвовали в мессах.

Год спустя перед молодыми людьми поставили задачу совершить религиозное паломничество морским путём, что в то время считалось очень опасным предприятием и без гарантий возвращения. Они были полны решимости посетить Европу, познакомиться с бытом

и обычаями народов других стран, узнать на месте религиозные ритуалы и порядок совершения церковных обрядов — в целом, католическую жизнь Португалии, Испании и Италии.

Подготовка к далёкому путешествию проходила в Нагасаки, в ожидании подходящей погоды группа провела некоторое время, и двадцатого февраля судно покинуло гавань. Первым портом захода галеона стал китайский Макао, где они пробыли до конца года, обретя приют в церкви Святого Павла; там они продолжали штудировать латынь и приступили к изучению португальского языка. Осенью пришла печальная весть об убийстве военачальника Ода Нобунага (1534–1582), покровительствовавшего христианству, а также разгроме замка Адзути и одноимённой семинарии. Члены миссии задумались о дальнейшей судьбе христианства в Японии. Другое известие пришло из Европы — о том, что Филипп II (1527–1598) стал одновременно королем Португалии и Испании, поэтому пришлось переписывать послание уже в адрес главы объединённого королевства. Десятимесячное пребывание в Макао завершилось, и миссия на судне «Лима» отплыла. Спустя месяц парусник «Лима» достиг Малакку, где тридцать лет назад Франциск Ксавье встретил крещёного японца Андзиро (Пауло) и принял решение отправиться с миссией в Японию. Ксавье, наверное, был первым из европейцев, который на примере Андзиро, быстро выучившего португальский язык, высоко оценил талант, трудолюбие, высокие духовные качества японцев, превосходивших в этом испанцев, о чём сообщил в письме в Рим. «Японцы — самые лучшие из всех народов, которых я встречал» [Сики, 2010, с. 43, 44]. Путь миссии из Малакки, где они пробыли неделю, по Индийскому океану был очень тяжёлый. Экипаж, потерявший несколько человек, преследовали болезни, штормы, жара, недостаток питания, воды и пираты, встречу с которыми описал Ито Манцио [Сики, 2010, с. 44, 45]. Португальская колония Гоа стала следующим крупным пунктом, здесь миссия задержалась на год. Тёплая встреча, которую оказало местное население, была омрачена известием из Рима о том, что их друг и наставник назначен генерал-викарием Восточной Индии и вынужден там остаться. Теперь главой миссии А. Валиньяно назначил жившего в Гоа Родригеса.

В феврале 1584 г., покинув индийский Кочин, уже на другом более крупном судне «Сант Яго» в компании торговцев, солдат и эки-

пажа (всего 500 человек) миссия отправилась к берегам Африки, не имея цели там высаживаться. Плавание проходило достаточно благоприятно. Любимым занятием молодых людей было слушание Евангелия от Матфея, отрывки из которого они учили наизусть. Продолжали изучение латыни, не забывая о чтении и письме на родном языке. Благополучно преодолев мыс Доброй Надежды, судно спустило две недели подошло к о. Святой Елены. За десять дней, проведённых там, они отдохнули, насладились тишиной, наелись фруктов, овощей, напились чистой воды. На стене местной церкви прикрепили письмо на японском языке, в котором сообщали, что их группа из четырёх человек, проведя блаженные дни на острове, отправляется через Португалию, Испанию в далекий город Рим.

С момента выхода из порта Нагасаки до прибытия в Лиссабон в августе 1584 г. прошло два с половиной года. Город встретил миссию приветственным салютом. Гостей разместили в самой ранней иезуитской церкви Сан Рок(е), штабе Общества Иисуса, а на следующий день их повезли осматривать город, архитектура которого потрясла японцев, так же, как и приём в королевском дворце Синтре, где их потчевали мясными блюдами, жирной средиземноморской едой. Но к вину они не притронулись.

Пробыв в Лиссабоне около месяца, молодые люди переехали в Эвору, резиденцию епископа, принадлежавшего к влиятельному роду герцогов Браганса. Миссии жаловали редкие гобелены *тапестри*, расшитые золотыми нитями. Кроме того, епископ подарил церковную утварь, другие ценные вещи и 1000 крузадо. Хозяин провёл гостей в библиотеку, поразившую их богатым собранием фолиантов и карт. Это событие описано в книге, изданной в 1590 г. в Макао, которая хранится в Государственной библиотеке Эворы. За основу взяты записи, сделанные членами миссии, обобщённые А. Валиньено и переведённые падре Дуарте де Санде⁵ (1574–1600) на латинский язык. В 1601 г. Луис де Гусман издал «Историю Миссии» («Тоходэндоси») о посещении религиозной делегацией Эворы и Вилы-Висозы, старой столицы герцогов Браганса. На приёме у епископа присутствовало двенадцать знатных горожан, члены миссии увидели знаменитый орган на хорах (на обратном пути они снова посетили Вилу-Висозу и играли на этом органе). На Виле-Висоза,

⁵ Вступил в Орден иезуитов в 1562 г. Умер в Макао. Глава Ордена иезуитов в Индии, потом в Китае.

куда они прибыли четырнадцатого сентября, их окружили теплом и вниманием. В главном соборе присутствовали на проповеди, музицировали и даже принимали участие в любимом занятии герцогов — охоте.

На повседневные расходы им выделили 80 тыс. реалов. Обед, данный в честь миссии, поразил прежде всего столовой утварью, сверкавшей серебром, что было совсем непривычно для японцев, выросших в другой эстетической среде. Источники сообщали, что блюд, которыми потчевали гостей, было больше шестидесяти. Японцев поразило убранство залов, мебель, обитая невиданными доселе тканями, большие шандалы с горящими свечами, курильницы, стены, украшенные дорогими гобеленами, спальни с просторными кроватями под балдахинами и большое количество слуг [Тиаго, 2014, с. 110–115]. В домашней часовне, выстроенной, как и весь дворец, в стиле *мануэлино*⁶, гости, конечно, первым делом обратили внимание на знаменитый орган и скульптуры Девы Марии, Иоанна и Петра из серебра, покрытые золотом. Молодые люди также побывали на занятиях в университете. Перед отъездом из Эворы японцев посетил епископ, которому они подарили национальную одежду и приветствовали по правилам японского официального протокола. Кроме того, они показали книги на японском языке и изложили содержание письма Ода Нобунага, а также свои заметки о путешествии на латыни. Будучи в восторге от делегации, епископ предложил финансовую помощь для строительства в Японии новой школы или духовной семинарии. На радость Мескита, который собирал образцы растений для культивирования в Японии, епископ обещал виноград, из которого получают вино, используемое во время месс [Тиаго, 2014, с. 65–69].

Через четыре дня делегация покинула Вилу-Висозу и выехала на просторы Португалии, а потом и Испании. В ноябре 1584 г. во дворце Ретиро миссию принимал один из самых влиятельных европейских монархов — Филипп II. На аудиенции с приветственными речами на японском языке выступили Ито Манцио и Тидзива Мигель, королю было передано послание от трёх христиан-даймё: 大名 в переводе падре Мескита, которые непосредственно участвовали в подготовке миссии. Короля поразило необычное церемони-

⁶ Национальный стиль Ренессанса по имени короля Мануэля I (1495–1521). Сочетание готики, мавританского стиля, Ренессанса и экзотических мотивов.

альное одеяние японцев. Особенно он удивился способу письма сверху вниз. Короля обрадовали подарки — в стиле *макиэ* 蒔絵⁷, письменный столик с девятью ящичками. В течение нескольких дней проходили приёмы, встречи, обмен мнениями с местным духовенством, которое очень интересовало люди, прибывшие чуть ли не с края Земли.

Отплыв из Аликанте, куда их проводил сам король, снабдив рекомендательными письмами, миссия прибыла на Майорку, а оттуда отправилась в первый итальянский порт — Ливорно, далее в Пизу, где провела несколько дней во дворце Великого герцога Тосканского Франческо I. Великая герцогиня Бьянка Капелло (1548–1587), одна из самых красивых женщин Венеции и Флоренции, пригласила их на бал, на котором Ито танцевал с ней. Остальные трое ангажировали других дам. Мигель описывал, во что были одеты титулованные особы и как сверкали на них драгоценности. Во Флоренции, центре Тосканы, куда миссия прибыла через некоторое время, на семь дней остановились во дворцах Веккьо и Питти, смогли осмотреть шедевры эпохи Ренессанса — художественные полотна, скульптуру и архитектуру [Сики, 2010, с. 59–61].

Двадцать второго марта 1585 г. миссия через Сиенну наконец прибыла в Рим — цель своего длительного путешествия. Папа Григорий XIII для эскорта выслал триста всадников, город встречал японцев звоном колоколов и приветственным салютом. Прежде всего посетили штаб Ордена иезуитов в церкви Иисуса, где у входа их ждал глава Ордена в Италии и двести его членов. Вот так описывается первое впечатление от японцев: «Когда они прибыли в Рим, им было примерно по 18 лет (им было 16 лет. — Ю.К.). Но они ростом были меньше обычных европейцев. Они явно не употребляли мясо. Цвет кожи белый. Но, может быть, причина в том, они замерзли или устали от длительного путешествия? Точнее, кожа отливала оливковым цветом. Глаза маленькие, но взгляд очень пронзительный. Кончик носа несколько широкий, лица и не худые, и не пухлые. По сути, в целом произвели впечатление умных и высокородных молодых людей» [Сики, 2010, с. 62–63].

Следующий день был днём, ради которого они отправились с миссией — аудиенция у папы. На Соборной площади появился отряд всадников, эскорт, музыкальная команда — огромная процессия в

⁷ Лаковые изделия с золотым или серебряным напылением.

несколько сот человек, всё это сопровождалось двумястами приветственных залпов. Ито Манцио, Тидзива Мигель, Хара Мартино (Джулиано был болен. — Ю.К.) прибыли верхом в национальной одежде. В Ватикане в соборе Святого Петра их ждал 84-летний папа, который уже был на пороге встречи с Богом, он прослезился и обнял их [Тиаго, 2014, с. 74]. Преклонив колени, обратившись с приветствием к папе на японском языке, Ито Манцио вручил письмо от Отомо Сорин, Тидзива Мигель от Арима Харунобу и Омура Суми-тада.

Папа отметил, что японские посланники очень воспитанные, вежливые, уравновешенные, решительные молодые люди, обещал помочь с финансами для продвижения христианства в Японии и объявил, что всем четверым он сделает подарки: по два комплекта европейской одежды красного и чёрного цветов, головные уборы, обувь, пальто. Папа интересовался, какое количество в Японии последователей христианства, сколько построено храмов, сколько служителей церкви живёт в стране. Папе преподнесли ширму, на которой изображён замок Адзути, построенный Ода Нобунага, и призамковый город, что вызвало у понтифика огромную радость. Особенно ему понравилась ширма с изображением замка Адзути, нарисованная по заказу Нобунага художником Эйтоку из школы Кано.

До своей кончины понтифик успел издать буллу, в которой Япония объявлялась территорией исключительного влияния Общества Иисуса. Молодые люди присутствовали на интронизации нового папы Сикста V первого мая 1585 г., где Ито Манцио оказали честь полить воду на руки папе. Спустя четыре дня состоялся выезд понтифика из собора Святого Петра в Латеранскую базилику. Японцы верхом, в одеждах, подаренных предыдущим папой, в кавалькаде других гостей ехали на эту церемонию, что изображено на фреске, сохранившейся в Ватикане. В конце мая они были вновь приглашены в папский дворец, где папа наградил их орденами, жаловал мечи, а для трёх даймё: передал письменный ответ и подарки. В этот же день их ждали в Городском совете Рима, и каждый получил звание почётного гражданина города. Семьдесят дней, проведённых в Риме, были насыщены регулярными торжественными встречами, присутствиями на празднествах, церемониях, что изрядно вымотало молодых людей, находившихся в состоянии постоянного напряжения. Пребывание на чужой земле, непривычная кухня, включавшая мясо, не

самым лучшим образом сказывались на физическом и психологическом здоровье молодых людей. «Скорей бы вернуться в Японию и поест маминых *нигиримэси*», — однажды воскликнул Тидзива Мигель [Сики, 2010, с. 70].

Японцы оказались в гуще европейской жизни, в окружении королей и знати Франции и Германии, которые приглашали их к себе, о них писали и повсюду рассказывали. Они были приняты в ряды европейского дворянства: получили звание «Рыцари Золотой шпоры». В церкви Санта-Мария-дель-Орто⁸ в Риме по указанию папы для японцев служили мессу. Согласно изысканиям, проведённым известным филологом Л. Ермаковой, в том числе в музее о-вов Амакуса, бывшем оплоте христиан в Японии, в одно время с молодыми людьми в Риме пребывал епископ Луцкий и Брестский Бернард Мацевский (1548–1608). Будущий кардинал общался с японцами и попросил сделать перевод двух псалмов Давида, один из которых и обнаружила начертанным на серебряной пластине Л. Ермакова. При сопоставлении почерков оказалось, что перевод принадлежал Джулиану (Накаура). Так слава о японцах достигла центра Европы вплоть до Литвы.

Европейцы оценили вежливость молодых людей и умение держаться с достоинством. Подарки — мечи, доспехи, ширмы, лаковые изделия — поразили итальянцев и испанцев высокой художественностью исполнения.

Молодые люди решили поехать на север Италии и по пути в Венецианскую республику заехали в Ассизи, Лоретто, Имолу и Болонью, где посетили старейший в Европе университет, и Феррару. В Венецию, куда они добирались морем, их ожидал грандиозный приём с салютом из пушек кораблей, выстроившихся напротив Дворца Дожей. Николо де Понтэ, правивший тогда Венецией, на три дня отложил ежегодное празднование «благочестивой кражи мощей Марка из Александрии и доставки их в Венецию» (828 г.), чтобы гости могли увидеть это торжество, важнейшее для города, чьим покровителем являлся евангелист Марк. Более того, по желанию тридцати сенаторов, великий Тинторетто (1518–1594) нарисовал портреты японцев [Тиаго, 2014, с. 77–78], один из которых, изображавший дона Манцио в придворной испанской одежде, в 2009 г. был обнаружен в Милане и в 2016 г. — 150-летнюю годовщину установ-

⁸ Сейчас в ней проходят службы для японской католической общины.

ления дипломатических связей между Японией и Италией — демонстрировался в Токио, Нагасаки, Миядзаки. Венецианский дож принимал их в своём дворце на третий день прибытия, подарил прекрасные изделия из стекла. Делегация на гондолах осмотрела город, посетила стекольные мастерские, присутствовала на праздничном фейерверке. Среди даров Республики были такие редкости, как бархатные и шёлковые ткани, большой ящик из стекла, венецианское зеркало. Гости традиционно отблагодарили мечами и кимоно.

Следующим городом на их пути была Падуя, где они неожиданно получили холодный приём, который объяснялся проступком, совершённым здесь А. Валиньяно двадцать три года назад: когда был студентом, ударил девушку-студентку по лицу. Его арестовали и выслали, но жители города помнили об этом инциденте и знали, что инициатором отправки миссии был тот самый А. Валиньяно. В середине июля прибыли в Мантую, где герцог устроил праздничный фейерверк. В конце июля миссия добралась до Милана, тогдашней территории Испании. После недели, проведённой в Генуэзской республике, отправились в Барселону. Провожали их салютом. По прибытии в Барселону они двадцать дней отдыхали, ждали, когда поправится опять заболевший Джулиано. За это время съездили в монастырь Монсеррат, в который в 1522 г. совершил паломничество основатель Ордена иезуитов (1534 г.) Игнатий Лойола (1491–1556). В арагонской резиденции в Мадриде вновь состоялась встреча с королём Филиппом II, которого они горячо поблагодарили. В ноябре, через год и два месяца, члены миссии вернулись в Лиссабон, откуда в конце декабря на две недели уехали на север в Коимбра, университетский город, где учился Мескита. По случаю их приезда в учебных заведениях занятия отменили, студенты вышли на улицы города приветствовать гостей. Они не были первыми японцами в этом городе: тридцать лет назад здесь учился японец Бернардо, которого Франциск Ксавье привёз из Кагосимы, здесь он и умер. Вернувшись в Лиссабон, стали готовиться к отплытию. Первым делом занялись приобретением печатного станка, покупка которого была одной из их важных целей, а потом с утра до вечера осваивали его, особенно старались Лойола и Дорадо.

Восьмого апреля 1586 г. миссия отплыла из Лиссабона на судне «Сан Фелипе», проведя в Европе, как говорилось выше, один год и восемь месяцев. С собой японцы везли не только высокохудожественные

ственные вещи из стекла, драгоценных камней, оружие, но и очень ценные для дальнейшего культурного и научного развития страны печатные издания: первый в мире Атлас фламандского картографа Абрахама Ортелиа (1527–1598) 1570 г., шеститомный «Атлас городов земного мира» 1575 г., составленный г. Брауном и Ф. Хокенбергом.

Испанский священник Педро Рамон (1550–1611), который когда-то на одном судне с А. Валиньяно прибыл в Гоа, а потом с Мескита добирался до Нагасаки, возмущался торжественными приёмами, которые самые знатные люди Европы оказывали, по его мнению, бедным и совсем не родовитым японцам. Он, изгнанный по приказу Тоётоми Хидэёси (1535–1598) о запрещении христианства в Японии⁹, вынужденный жить на островке Икицукидзима Хирадо, подверг сомнению родство молодых людей с первыми даймё: Кюсю, подчеркнув незначительность этих личностей, не достойных встреч с самыми влиятельными людьми Европы, о чём написал папе в очень длинном письме-обвинении. Он чуть ли не связывал запрещение христианства в Японии с тем, что бог отвернулся от своих проповедников за грехи общения с этими мелкими «людишками». «Я хорошо знаю Ито Манцио, и он не приходится племянником Отомо Сорин» [Сики, 2010, с. 85–90], — писал Рамон. В пространным письме сообщал и о дальнейшей, не лучшей судьбе христианства в Японии, критиковал деятельность А. Валиньяно и других проповедников. Между Рамоном и А. Валиньяно давно существовали противоречия по вопросам, связанным с евангелизацией Японии, распространением веры среди населения. Рамон стоял на более жёстких позициях испанца Франциско Кабрала (1529–1606), назначенного в 1570 г. главой миссии. Кабрал, хотя и иезуит, но относился к японцам с предвзятостью, отзывался о них неблагоприятно [Вакакува, 2014, с. 488–502]. Приверженность японцев к этикету, ритуализация многих их действий воспринималась им как языческая отсталость непросвещённого народа, остающегося вне христианской цивилизации, в приобщении к которой он видел свою миссию. Но Кабрал правильно понимал, что обращение одного даймё: в христианство повлечёт христианизацию всех членов феода.

⁹ Имеется в виду указ 1587 г. о высылке миссионеров, но это не касалось купцов, готовых торговать и не посягавших на синтоистские и буддийские божества. Лояльность указа была очевидной, и Японию покинуло только несколько миссионеров.

Как было сказано выше, японская миссия покинула Лиссабон на одном из самых больших парусников флота «Сан Фелипе», на котором плыли ещё около четырёхсот членов экипажа, солдат и миссионеров. Путь на родину был так же не лёгок, как и в Европу несколько лет назад. Выброшенное на мель в районе Мозамбика судно оказалось в районе, где обитали кафры, как тогда европейцы называли местное чернокожее население Южной Африки, ожидавшие его полного крушения, чтобы напасть и разграбить. На пятый день (тринадцатого августа) тревог и страха внезапно подул с материка сильный ветер, помогший судну сняться с мели и доплыть до португальского укрепленного поселения на Мозамбике. Японцы были вынуждены остаться на острове, где не выращивались продукты питания, более того, не хватало воды. Узнав о бедственном положении своих подопечных, А. Валиньяно из Гоа снарядил судно для их спасения. Только в марте 1587 г. они покинули остров, проведя там шесть месяцев. Встреча с А. Валиньяно, организатором и вдохновителем этой многолетней исторической миссии, состоялась спустя три года и пять месяцев. Хара Мартино от имени её участников выступил с пространной речью на латинском языке, в которой выразил благодарность А. Валиньяно и подробно рассказал о результатах поездки в Европу. Шестнадцатистраничную речь с посвящением А. Валиньяно оперативно напечатали в Гоа. И станок, и шрифты, и бумага, так нужные для распространения христианского учения, приобрели в Европе. А речь на латинском языке — это, безусловно, заслуга Дорадо. Обо всём этом с большим удовлетворением, высоко оценив плодотворность миссии, А. Валиньяно написал в римский штаб Ордена иезуитов. Японцы в течение года жизни в Гоа всем рассказывали о том, что видели в Европе, где, несмотря на некоторую напряжённость, трудность в общении и восприятии другой культуры, было много счастливых дней. И отъезд из Европы не положил конец их связям с католическим миром, а только усилил желание к его познанию.

В апреле 1588 г. миссия вместе с А. Валиньяно покинула Гоа, отплыв в Японию, а по пути вновь спустя пять лет и семь месяцев посетила Макао. А. Валиньяно был огорчён, что усиливается противостояние между иезуитами и францисканцами, инициатором которого выступил испанец-францисканец Рамон. Но ещё больше его расстроили сообщения об уменьшении влияния даймё-христиан

Омура Сумитада и Отомо Сорин и вышеупомянутый приказ Тоётоми Хидэёси об изгнании христиан, который, правда, не вступал в полную силу ещё десять лет, и захвате им оплота католичества г. Нагасаки. Весной 1589 г., когда миссия находилась в Макао уже полгода, в порт прибыло судно, на борту которого был падре Мола, первый директор семинарии Арима, и много других священнослужителей и японцев, принявших христианство. Из первых уст А. Валиньяно члены миссии услышали об истинном положении католиков в Японии и намерении местных христиан во главе с иезуитским вице-провинциалом Японии Гаспаром Коэльо вооружённым путём противостоять Хидэёси. Это известие повергло А. Валиньяно в шок, так как подобное сопротивление он считал нелегитимным, антихристианским, идущим вразрез с политикой евангелизации страны.

Если Хидэёси в начале своей государственной деятельности продолжал миролюбивую политику Нобунага по отношению к *кириситан* (так европейцы называли японских христиан), то со временем активность их лидеров насторожила его. Когда Хидэёси в порту Хаката поднялся на борт оснащённого пушками небольшого судна, пассажирами которого были падре, он имел долгую беседу с Гаспаром Коэльо и выказал недовольство по поводу распространения христианства в Японии, принудительного обращения местного населения в католическую веру, разрушения буддийских храмов и синтоистских святилищ, внедрения в традиционную систему питания запрещённого буддизмом мяса, а также участия в работорговле, которую вели португальцы. Хидэёси был настроен резко отрицательно по отношению, в частности, к Коэльо. В июне 1587 г., как было сказано выше, он издаёт уже упомянутый приказ об ограничении деятельности христианских миссий и только на установленной территории. В то же время торговцам, не вмешивающимся в религиозные дела, не запрещалось заниматься своими прямыми обязанностями. Тем более, что Хидэёси был заинтересован в поставках оружия, без которого он не мог бы одолеть князей Кюсю [Сики, 2010, с. 104–113]: Хидэёси не торопился с выдачей разрешения на возвращение миссии.

После полутора лет ожиданий в Макао, который делегация покинула в конце июня, двадцать первого июля 1590 г., через восемь лет, миссия вернулась в Японию. По пути их одолевали сомнения, смогут ли они служить Богу на родине, выполнить ту задачу, ради которой

вынесли столько трудностей. Уже взрослых мужчин в порту Нагасаки встречали родные. Вскоре в Касуга близ Арима был создан Совет миссионеров: надо было принять решение о дальнейших действиях. Ведь многие проповедники всё ещё скрывались на п-ве Симабара и в Тэнсё.

Члены делегации поделились своими многочисленными впечатлениями, которые были систематизированы в «Записках миссии японских посланников к римской курии», опубликованных в 1590 г. португальским миссионером Дуарте де Санде (1547–1599). События, связанные с миссией, описал и миссионер Луис Фройс (1532–1597) в «Трактате о японских послах, отправившихся из Японии в Рим в 1582 году» (1593). Хотя он сам не принимал участия в посольстве, но писал, основываясь на письменных и устных свидетельствах очевидцев, в том числе японцев, отчёте А. Валиньяно, рассказах переводчика падре Диего де Мескита. В трактате европейская цивилизация представлена автором во всём великолепии. Интерес вызывают и наблюдения самих японцев, часто касающиеся бытовой стороны жизни европейцев, предметов домашнего обихода, а также содержащие описания технических достижений Европы [Ким, 2005, с. 144–145].

Печатный станок, приобретение которого было одной из задач миссии, решили установить в иезуитском колледже на холме Тэмпё в Касуга, где и организовали первую в Японии типографию с подвижным шрифтом. Место нахождения типографии меняли несколько раз — Каватиура в Тэнсё, в 1597 г. её перевели в Нагасаки, куда переехали и четверо героев, там она работала до 1614 г. Печатали как религиозную литературу, так и художественную, словари на португальском и латинском языках, на японском языке вначале каной, потом иероглифами.

Молодые проповедники писали папе письма, в которых описывали положение в стране, возвышение канцлера *камтаку* 関白 Хидэёси, который стал новым идолом, надеялись на послабления со стороны властей в отношении *кириситан*. Маленькая надежда появилась, когда в январе 1591 г. А. Валиньяно, который вместе с четырьмя молодыми людьми находился в Муроцу, призвал их в Киото. Делегация прибыла в столицу в феврале, и месяц ждала аудиенции у Хидэёси. Шествие к резиденции Хидэёси представляло собой роскошное зрелище, в нём принимали участие португальцы,

японцы и индийцы. А. Валиньяно и члены миссии ехали в паланкинах, сам он был в официальном облачении Общества Христа, на членах миссии — подаренные папой чёрные комплекты одежды. Приём проходил в Зале дворца Дзюракудай, первым выступил с приветствием на японском языке А. Валиньяно, затем вручил послание от вице-короля Индии, где тот выразил озабоченность положением христиан в Японии. По окончании банкета Хидэёси подошёл к молодым людям. Первым был Манцио, которому он предложил служить у него за жалование. Не ожидая этого, Манцио уклонился от прямого ответа, заявив, что он в долгу перед А. Валиньяно. Этот случай Манцио подробно описал, делая упор на том, что с детства его предназначением было служение Богу [Сики, 2010, с. 126–127]. У Тидзива Мигеля Хидэёси поинтересовался о родстве с кланом Арима. И это было не случайно, поскольку Арима Харунобу был ярым христианином и в его владениях находили убежище христиане.

Украшением приёма, конечно, стало музицирование четырёх молодых людей, что произвело на кампаку огромное впечатление. Они пели португальские и итальянские песни, Манцио играл на виоле да гамба, Мигель на мандолине, Мартино на лютне, Джулиано на флейте. Все инструменты преподнесли Хидэёси в дар, а он показал гостям свой роскошный дворец. Приём не принёс удовлетворения А. Валиньяно, так как вопрос об отмене указа не был решён. Ответ Хидэёси на послание вице-короля Индии не утешал — проповедникам не разрешалось приезжать в страну. Падре Альгантино, который двадцать лет жил в Киото и хорошо угадывал настроение власти, поделился с А. Валиньяно опасениями, что при обнаружении проповедников им даже может грозить смерть.

А. Валиньяно с молодыми людьми в конце марта покинули Киото и через Осака по Внутреннему Японскому морю добрались до Хирадо, Нагасаки и прибыли в Арима. Встретившись с Арима Харунобу, он на церковном Совете сделал официальный доклад о поездке миссии в Европу. Повесил Харунобу на шею золотой крестик¹⁰, потом преподнёс дары от папы и европейских правителей. Такой же церковный Совет был проведён в конце мая в Омура, где Омура Ёсимаэ вручили послание и подарки. Вернувшись из Омура, вся четвёрка выразила желание вступить в Общество Иисуса, что и про-

¹⁰ Обнаружен в 1951 г. в развалинах замка Харадзё, 4,8 см на 3,2 см, хранится в Осака в музее Намбанбункан.

изошло в июле. Два года они посвятили религиозной практике, молитвам, самосовершенствованию, учёбе. В 1592 г. А. Валиньяно покинул Тэнсё и из Нагасаки отплыл в Макао, где основал иезуитский колледж. В 1593 г., закончив с двухлетней практикой, молодые люди дали обет служения Богу.

Ситуацию с дальнейшей евангелизацией Японии осложнили отношения Хидзёси с генерал-губернатором Филиппин Франциско де Тельо (1596–1602). Канцлер в письмах даже угрожал Филиппинам, принадлежавшим одному из самых мощных европейских государств — Испании. Ситуация ещё более обострилась после того как в октябре 1596 г. по пути из Манилы в Мексику у берегов Японии в районе Тоса потерпел крушение галеон «Сан Фелипе». Японцы конфисковали богатый груз: шёлк, другие ткани, оружие, пряности, пользуясь «береговым правом». В докладе об этом инциденте Хидзёси больше всего разозлило заявление капитана судна Франциско де Аладье относительно того, что тактика Испании по покорению других стран такова: вначале посылаются миссионеры, а потом армия завоевывает территорию государства. Якобы так и намеревается поступить испанский монарх с Японией [Сики, 2010, с. 136]. Возможно, это и повлекло за собой страшное в истории христианства событие.

Пятого февраля 1597 г. по приказу Тоётоми Хидзёси на холме Нисидзака в Нагасаки двадцать шесть христиан *нихоннидзю:рокусэйдзин* 日本二十六聖人, среди которых было двадцать японцев, а также испанцы, португалец и кореец, приняли мученическую смерть. Трое из них принадлежали к иезуитам, остальные — францисканцам. Самой казни предшествовало обрезание ушей, носов и публичный проезд с завязанными руками в повозках, запряжённых быками, по разным городам — Киото, Осака, Сакаи. Месяц везли до Нагасаки зимой без одежды, и везде собирались толпы людей. В Нагасаки на холме привязали к крестам, пронзили тела копьями. Это событие вошло в историю христианства как «Мученическая смерть за веру двадцати шести святых людей» («Нидзю:рокусэйдзиндзюнкё:дзикэн»). На это кровавое зрелище смотрели в течение двух часов 4 тыс. людей. Генерал-губернатор Филиппин Франциско де Тельо потребовал от Хидзёси вернуть груз и тела казнённых. Но в отрицательном ответе кампаку говорилось, что всё совершено в соответствии с законом Японии.

Японские христиане на месте казни посадили деревья и каждую пятницу собирались для пения псалмов, прославлявших Бога. В 1627 г. все двадцать шесть мучеников были беатифицированы, т.е. возведены в чин блаженных, папой Урбаном VIII и канонизированы в 1862 г. папой Пием IX. В 2008 г. римская католическая церковь причислила к лику блаженных сто восемьдесят восемь японских мучеников XVII в. Разве могли организаторы и участники первой религиозной миссии в Европу предположить, что на японской земле будет совершено такое злодейское преступление по отношению к их братьям по вере?

После смерти Тоётоми Хидэёси в 1598 г. на время прекратились преследования христиан. Сёгун Токугава Иэясу (1603–1605), понимая, что основой сильного государства является международная торговля, возлагал надежды как на иезуитов, тесно связанных с Европой, так и францисканцев, выходцев из Филиппин и Новой Испании — Мексики. Поэтому первые годы его правления складывались для христианских последователей удачно.

Мескита, став директором колледжа в Нагасаки, писал главе Ордена Иезуитов, что все четверо здоровы, заняты работой, насколько позволяет время сидят за книгами, очень помогают Обществу, не уступают европейской братии [Сики, 2010, с. 144]. Так было до 1601 г., когда А. Валиньяно, преодолевая сильные внутренние противоречия в Обществе иезуитов, пригласил семнадцать молодых японцев в открытый им колледж в Макао¹¹. Среди них были Ито Манцио и Накаура Джулиано. Но Хара Мартино не оставил Мескита. В Нагасаки он занимался переводами и типографской деятельностью. Проблема была с Тидзива Мигелем, который в 1601 г. через одиннадцать лет после возвращения на родину, в тридцать два года по неизвестной причине вышел из Общества, поступил на службу к Омура Ёсимаэ, сменил имя на Сэйдзаэмон, женился и вырастил четырёх сыновей. Сэйдзаэмон, как и Омура, стал адептом буддийской школы Нитирэн. В 1605 г. вернувшись из Эдо, Омура Ёсимаэ велел всем падре покинуть его владения.

В 1614 г. правительство Токугава Хидэада (1605–1623) издало закон о запрете христианства и высылке священнослужителей.

¹¹ Это случилось в третий приезд А. Валиньяно в Японию, продолжавшийся с 1598 по 1603 г.

В отличие от своего отца Хидэёси, он решил искоренить полностью христианство в Японии. В Нагасаки собрали большинство христиан и падре и в ноябре 1614 г. сто падре и двести верующих вывезли на трёх судах в Макао и Филиппины. Среди них были Хара Мартино и Дорадо¹². Мескита умер от болезни перед высылкой. Хара Мартино ещё пятнадцать лет прослужил в Макао и умер 1629 г. в возрасте шестидесяти лет. Дорадо умер на девять лет раньше. Накаура Джулиано долго скрывался, переезжал с одного места в другое, постоянно проповедовал, помогал христианам Кюсю. В 1632 г. его выследили, перевезли в Нагасаки, примерно год держали в тюрьме Ясо, ежедневно требуя отречься от веры. В октябре 1633 г. вместе с семью другими узниками на том же холме Нисидзака устроили казнь, и он принял мученическую смерть. Описание казни вызывает содрогание. Он успел крикнуть: «Я тот Накаура Джулиано, который ездил в Рим. Во славу Бога взирайте на это зрелище» [Сики, 2010, с. 164]. Двадцать четвертого ноября 2008 г. римской церковью он был причислен к лику святых. Ито Манцио умер в возрасте сорока трёх лет.

Христианская миссия японцев получила большой резонанс в Европе. И японцы из религиозного путешествия вернулись обогащёнными, в том числе и светскими знаниями, расширившими их представления о западном мире, уже вступавшем на путь серьёзных преобразований. В Европе японцы увидели, в окружении какой архитектуры, светской и храмовой, живут состоятельные люди, как устроен их быт, как общаются, развлекаются, и главное, служат вере. Европейский стиль поразил японцев и заставил задуматься, как разнится образ жизни людей.

Алессандро Валиньяно сыграл большую роль в изменении политики евангелизации Японии, которая с 1570 г., когда главой миссии был назначен Франсиско Кабрал, отличалась пренебрежительным отношением к нормам японского этикета, жизненному укладу, кулинарным пристрастиям японцев. Итальянец-иезуит А. Валиньяно много сделал как для своего ордена, так и для японцев, которых он и его сподвижники окормляли. Миссионеры правильно оценили важность для японцев соблюдения этикета и ритуалов, а также роль главного феодала в японской социальной иерархии и надлежащим

¹² Среди высланных на Филиппины был известный «мученик без крови», сын крещённого даймё: Такаяма Укон, Юсто (1552–1614).

образом это использовали, привлекая на свою сторону целые кланы¹³.

Отношения Японии и Португалии, оборванные в 1639 г., возобновились в конце XIX в. Необходимость в гуманитарных связях ощутил на рубеже XIX и XX в. офицер военно-морского флота Венслау де Мораес (1854–1929), который служил в Мозамбике, Гоа, а с 1889 г. работал консулом в Кобэ и Осака. Оставив карьеру, он навсегда поселился в Японии, культуре которой посвятил несколько книг: «Великая Япония» («Дай Нихон»), «Чайное действо» («Тя но ю:»). В качестве корреспондента «Коммерческих новостей Португалии» он писал заметки о современной жизни Японии, пробовал себя как переводчик хайку и как автор автобиографического произведения «О-Ёнэ и Кохару», где описал свою любовь к жене, бывшей гейше О-Ёнэ, и её племяннице Кохару, которые ушли из жизни гораздо раньше его, но свои чувства к ним он пронёс через всю оставшуюся жизнь. Поселившись на родине жены в Токусима (о. Сикоку), он изучал местные танцы *Ава одори*, о чём написал в книге «Танцы обон Токусима» («Токусима бон одори»). Обычный португальский офицер внёс большой вклад в развитие японо-португальских отношений, и в 2004 г. в обеих странах проходили различные мероприятия по случаю 150-летней годовщины со дня его рождения. Тогда Португалию посетила принцесса Такамадо, а Японию премьер-министр Соареш.

В начале XX в. в Японии вспомнили о первой религиозной миссии молодых японцев в Европу с целью познания христианского мира. Летом 1906 г. пять будущих известных литераторов — Китахара Хакую (1885–1942), Исии Исаму (1886–1960), Киносита Мокутаро (1885–1945), Ёсано Хироси (1873–1935), Хирано Банри (1885–1947), увлечённые христианскими идеями, прибыли в местечко Тэнсо в преф. Кумамото. Главной целью молодых студентов-романтиков было посещение храма Оэ Тэнсюдо в Тэнсо, поэты вместе путешествовали по Кюсю и в газете «Токио симбун» опубликовали ряд эссе «Пять пар обуви» («Госоку но куцу»), проникнутые христианскими идеями. В рёкане под тем же названием, где сохраняется память о японских мучениках, находятся изображения Божьей матери с младенцем, спокойно и торжественно звучат церковные песнопения.

¹³ Со смертью главы кланы родственники и все поданные покидали Церковь или даже противодействовали ей.

Память о визитах религиозных посланников жива в Японии и сейчас. В конце XX в. композитор Сибата Намио на либретто Эдварда Исита для «Токё: опера кё:кай» написал оперу «Забытые подростки — О миссии молодых людей в Европу в годы Тэнсё:» («Васу-рарета сё:нэн — Тэнсё: кэнъосё: нэнсисэцу»), которая была показана как в Азии, так и в Европе. При въезде в г. Омура на высоком постаменте установлена скульптурная группа: на фоне парусника трое юношей изображены вместе, а четвёртый, видимо, Ито Манцио, с вытянутой вперед правой рукой, указывающей путь, возможно, к христианству, возвышается на переднем плане. Этот монумент — знак памяти юношам, совершившим более четырёх столетий назад религиозный подвиг.

Традиция встреч японских христианских послов с Папой Римским не утрачена и сейчас. Двенадцатого сентября 2018 г. папа Франциск принял делегацию Ассоциации посланников в Европу в годы Тэнсё (Тэнсё: кэнъо сисэцу кэнсё:) из г. Миядзаки и обратился с приветственной речью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Вакакува Мидори. Кватро рагацци : [Четыре подростка]. Токио: Сюэйся, 2014. 575 с.

Валиньяно А. Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии // А.Н. Мещеряков. Книга японских обыкновений. М.: Наталис, 1999. С. 251–305.

Диханова-Внуковская Л.А. Миссионерская деятельность иезуитов в Индии и на Дальнем Востоке в 1541–1603 годах. Автореферат на соискание ученой степени к.и.н. Минск : БГУ, 2016. 23 с.

Ким Э.Г. Первое японское посольство в Европу 1582–1585 гг. // История и культура Японии. М.: ИВ РАН—КРАФТ, 2001. С. 218–232.

Китагава Дж. М. Религия в истории Японии. СПб.: Наука, 2005. 587 с.

Сики Такасиэ. Документ. Тэнсё: сёэнсисэцу : [Документы миссии подростков эпохи Тэнсё:]. Нагасаки: Нагасаки бункэнся, 2010. 167 с.

Тиаго Салгуэйро. Сэнгоку но сёэн гайкодан хива : [Секретная история дипломатической миссии молодых людей Сэнгоку]. Нагасаки: Нагасаки бункэнся, 2014. 164 с.

References

Dzihanau-Vnukovsky, L. (2016). *Missionerskaya deyatelnost iezuitov v Indii i na Dalnem Vostoke v 1541–1603 godah* [The Missionary Activity of the Jesuits in India and on the Far East in 1541–1603], Minsk: BSY. (In Russian).

Kim, E. (2001). *Pervoe yaponskoe posolstvo v Evropu 1582–1585 gg.* [The First Japanese Mission in Europe 1582–1585 years], *Istoriya i kultura Yaponii* [History and Culture of Japan], Moscow: IV RAN-KRAFT, pp. 218–232.

Kitagawa, Joseph M. (2005). *Religiya v Istorii Yaponii* [Religion in Japanese History], Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Shiki, Takashige (2010). *Dokumento. Tenshyo shyonenshisetsu* [Dokument. Mission of Young Men in Tenshyo Years], Nagasaki: Nagasaki Bunkenshya. (In Japanese).

Tiago, Salgueiro (2014). *Sengoku no Shyonen Gaikodan Hiwa* [The Secret Story of the Sengoku boys Diplomatic Mission], Nagasaki: Nagasaki Bunkenshya. (translation from Portuguese by Tanaka Beniko). (In Japanese).

Valignano, Alessandro (1999). *Preduprezdeniya i predosterezeniya po povodu obichaev I nravov, rasprostranyonih v Yaponii* [Ritual for the Missionaries of Japan. Cautions and Warning about Customs of Japan], Mescheryakov A.N. *Kniga yaponskih obiknovenii* [Japanese Customs], Moscow: Natalis, pp. 251–305. (In Russian).

Wakakuwa, Midori (2014). *Kuwatro Ragattsi* [Four Young Persons], Tokyo: Shyueishya. (In Japanese).

Фантастические образы в театре Кабуки и пьеса Цуруя Намбоку Четвёртого «История о призраке из Ёцуя близ То:кайдо:»

А.А. Левина

Аннотация. Изучение театра и связанных с ним аспектов имеет огромное значение, так же, как и изучение любой другой важной и значимой части культурного наследия Японии. Театр *кабуки* — это уникальное соединение возвышенного искусства с грубым городским колоритом, и данная тема всегда будет востребована и актуальна для исследователей всего мира, ведь *Кабуки* включает в себя огромное количество тем для изучения, от техники исполнения и драматургии до костюмов и реквизита.

Главная цель данной работы — подробно рассмотреть особенности и специфику исполнения этого театрального направления и, в качестве примера, — продемонстрировать их на одной из самых знаменитых пьес в жанре *кайдан*. *Кабуки* (яп. 歌舞伎), который можно буквально перевести как «искусство пения и танца», является одним из видов традиционного театра Японии. Сам по себе *Кабуки* представляет синтез танца, пения, музыкального аккомпанеента, драмы, а также красочных спецэффектов, яркого грима и костюмов. В данной статье описаны самые знаменитые сюжеты, связанные с фантастическими существами в театре, перечислены самые известные волшебные персонажи, их роль в пьесах. Также рассказано про термины, которыми называются те или иные действия, например, быстрая смена грима или костюма. Помимо этого, говорится про пьесу Цуруя Намбоку Четвёртого, а также разбирается всё вышеописанное на примере героев пьесы о призраке из Ёцуя, благодаря чему можно сделать вывод, что образ призрака главной героини — Оивы, оказал значительное влияние на последующее изображение мстительных духов *онрё*:. Также

описано влияние образа Оивы на современных представителей *ю:рэй* в жанре хоррор и то, какие формы принимают сошедшие с театральных подмостков фантастические существа сейчас.

Кроме того, говорится и про современные образы фантастических существ, где они используются и как воспринимаются японцами в наши дни, а также как ими воспринимается данный вид театрального искусства в целом. На примере различных жанров и сюжетов фильмов, *анимэ* и *дорам* делается вывод, что жанр кабуки и его образы всё ещё актуальны для современного восприятия и к нему активно стараются приобщить подрастающее поколение.

Ключевые слова: Кабуки, Цуруя Намбоку Четвёртый, японский театр, амплуа Кабуки, *онрё:*, *кайдан*, экранизация.

Автор: Левина Анастасия Андреевна, Российский государственный гуманитарный университет. E-mail: midnight100@inbox.ru

Perception of Kabuki theater characters and a play by Tsuruya Namboku the Fourth

A.A. Levina

Abstract. The study of theater and related aspects is of paramount importance, just as the study of any other important and significant part of the cultural heritage of Japan. *Kabuki* theater is a unique combination of sublime art with a coarse urban flavor, and this topic will always be a demand and relevant for researchers of the whole world to study, because *kabuki* includes a huge number of topics to investigate, from techniques and dramaturgy to costumes and props.

The main goal of this work is to examine in detail the features and specificity of the performance of this theatrical genre and, as an example, to demonstrate them on one of the most famous plays in the *kaidan* genre. *Kabuki* (Jap. 歌舞伎), which can literally be translated as «the art of singing and dancing», is a type of traditional Japanese theater. *Kabuki* itself is a synthesis of dance, singing, musical accompaniment and drama, as well as colorful special effects, bright makeup and costumes. This article describes the most famous scenes associated with fantastic creatures in the theater, lists the most famous magic characters, and their role in the plays. It is also tells about the terms that are used to denote different actions, for example, a quick change of makeup or costume. In addition, this work describes the play by Tsuruya Namboku the Fourth, and also illustrates all the above on the example of the characters of the play about the ghost from Yotsuya, thanks to which it can be concluded that the image of the ghost of the main character — Oiwa had a significant influence on the subsequent image of

vengeful spirits *onryō*. Also it describes the influence of the image of Oiwa on the modern representatives of the *yūrei* in the horror genre, and what forms fantastic creatures that have descended from the stage take now.

In addition, it tells about modern images of fantastic creatures, where they are used and how modern Japanese perceive them, as well as how they perceive this type of theatrical art. Using the example of various genres and plots of films, *anime* and *doramas*, it is concluded that the genre of *kabuki* and its images are still relevant for modern perception, and that there are some active attempts to make them engaging to the younger generation.

Keywords: *Kabuki*, Tsuruya Namboku the Fourth, Japanese theater, amplua of *kabuki*, *onryo*., *kaidan*, screen version.

Author: *Levina Anastasia A.*, Russian State University of Humanities (RSUH). E-mail: midnight100@inbox.ru

Фантастические образы театра *Кабуки* вдохновлены самыми разными источниками: и синтоистскими верованиями, и страшными историями прошлого, в дальнейшем оформившимися в произведения жанра *кайдан*¹, некоторые были заимствованы из Китая и Индии — на театральных подмостках *Кабуки* можно встретить демонов, различных оборотней, но самыми популярными всегда были и остаются пьесы о призраках. Однако прежде чем непосредственно переходить к рассмотрению конкретных постановок, для начала следует ознакомиться с не менее важными атрибутами фантастических образов — гримом, костюмами, и, конечно, декорациями.

Давняя традиция разработала в театре *Кабуки* определённый образец роли для каждого амплуа героя и конкретного персонажа пьес. Только исключительно выдающийся талант и индивидуальность исполнителя может внести что-то новое в канонизированные формы, и лишь в этом случае новая манера исполнения, возможно, станет каноном. Иногда действие становится чисто символическим, как, например, в боевых сценах, где строго ритмичные движения актёров

¹ *Кайдан* (яп. 怪談) — это устный рассказ о сверхъестественном, традиционный фольклорный жанр в Японии, призванный развлечь и напугать слушателя рассказом о встречах со сверхъестественным: привидениями, демонами, лисами-оборотнями и тому подобным. Фантастическая традиция японской литературы уходит корнями вглубь веков в мифы, легенды и предания. *Кайдан*, или «истории о необычайном», пожалуй, можно назвать одним из самых экзотических и ярких явлений японской культуры. Формировавшийся изначально как литературный жанр, *кайдан* стремительно вышел за рамки исключительно литературы и пустил многочисленные корни в других видах искусств.

лишь смутно напоминают настоящий бой. Строгая градация амплуа в пьесах классического *Кабуки* привела к появлению различных ролей, для которых были разработаны определённые грим, костюмы, парики, жесты, движения, голосовые манипуляции. Разница в ролях определяется не только функциями персонажа в пьесе и линией его поведения, также существуют и исключительно внешние отличия в макияже, парике, костюме, применимые к конкретному персонажу. Следует также упомянуть, что самих видов пьес *Кабуки* в целом три: исторические *дзидаймоно* (яп. 時代物) или *дзидай-кёгэн* (яп. 時代狂言), бытовые *сэвамоно* (яп. 世話物) или *сэва-кёгэн* (яп. 世話狂言), и танцевальные *сёсагото* (яп. 所作事) или *буё:-гэки* (яп. 舞踊劇), а эти виды уже могут делиться на более мелкие разновидности и подвиды.

Самой известной визитной карточкой театра *Кабуки* является экстравагантный стиль макияжа под названием *кумадори*² (яп. 隈取り), который используется в исторических пьесах. Существует около сотни таких маскоподобных стилей, в которых используемые цвета и рисунки символизируют аспекты персонажей. Красный обычно обозначает «хорошего» персонажа и используется для выражения добродетели, страсти или сверхчеловеческой силы, а синий — «плохого», выражая негативные черты, такие как ревность или страх.

Актёры *Кабуки* не носят маски, как исполнители *но*. Они покрывают лица, шеи и руки белой краской и наносят красным цветом полосы вокруг глаз и губ. Экзотический грим рассматривается либо как средство возведения персонажа в мифический статус, либо способ определения действий персонажа, или же как метод, позволяющий актёрам раскрыть невидимые качества в себе. Макияж преувеличивает, а не усиливает лицевые линии как средство создания драматических выражений, эмоция выражается через цвета макияжа. Красные полосы в данном случае, кроме вышеперечисленных качеств, могут обозначать гнев, коричневый цвет представляет собой эгоизм и уныние. Призраки часто имеют синий оттенок на лице или синие вены, нарисованные в форме своеобразных ветвей. У самураев, как правило, белые лица с чёрными бровями и красными штрихами около рта. Макияж у актёров *оннагата* в основном состоит из идеализированных женских черт, изящно выделяющихся на белой основе. Доктор Юкка О. Миэттинэн из Театральной академии в Хельсинки писал: «Самым распространенным макияжем *кэсё*:

² Иллюстрации «Процесс нанесения грима кабуки» и «Варианты грима» (см. цв. вкл.).

(яп. 化粧) главных героев *Кабуки* является чистый белый цвет. Это цвет чистоты, изысканности и аристократии. Многие из простых людей, таких как слуги и крестьяне, имеют более коричневатый макияж, что указывает на загар людей, которые работают на открытом воздухе. Белый макияж создается так — сначала сбриваются или выщипываются брови, после чего наносится белая основа. (Символом *оннагата* является дополнительно нанесённая красная основа под белым слоем.) После этого глаза обводятся чёрным и красным, окрашивают губы, и, наконец, брови, которые рисуют высоко на лбу» [Asian Traditional Theater and Dance...].

Для каждой роли разработан определённый тип костюма³. Например, женский костюм из красных шёлковых одежд ярких цветов, богато расшитый золотом и серебром, предназначен для роли девушки из высших слоёв аристократии. Это один из самых популярных образов, так как красивые и благородные невесты из аристократических домов встречаются почти в каждой исторической трагедии. Есть костюмы, которые предназначены специально для роли бедняков, чаще всего это *ро:нины*⁴ и разорённые аристократы. На плечах и полах этих костюмов имеются цветные пятна, которые указывают на заплатки. Сложное сочетание цветов этих пятен выглядит очень красиво, что очень важно для стилизованного представления *Кабуки*, однако, в то же время характер героя, одетого в это платье, остаётся понятен зрителю.

Стремясь к впечатляющему визуальному эффекту, театр *Кабуки* разработал ряд техник, позволяющих актёрам быстро менять свой костюм прямо на сцене перед зрителями. Иногда актёр опускает кимоно с одного плеча или с обоих плеч, выставляя напоказ платье, надетое под верхние одежды. Эта техника часто используется в батальных сценах. Если в пьесе во время кульминации характер персонажа резко меняется и проявляется его скрытая сущность, обращаются к приёму *буккаэри* (яп. ぶっ返り). Он заключается в том, что актёр надевает костюм с двойной накидкой, верхние швы на плечах и рукавах сшиты прочной, но не закреплённой нитью с маленькими шариками на одном конце. В нужный момент «невидимый» помощник актёра *ко:кэн* (яп. 後見) (обычно их несколько и они

³ Иллюстрация «Варианты образов *оннагата*» (см. цв. вкл.).

⁴ *Ро:нин* (яп. 浪人) — это бывший самурай, оставшийся без господина. Самурай мог остаться без господина по причине смерти своего хозяина или после потери милости или привилегий своего хозяина.

одеты в плотную чёрную ткань, закрывающую всё тело, или же как часть массовки заднего плана, если на сцене много людей) незаметно вытаскивает эти нити, потянув за шарики, и верхняя часть костюма наклоняется к талии, обнажая нижнее платье другой расцветки. Изнанка откидных частей дополняет новый наряд. В то же время причёска персонажа также часто меняется. Примером использования *буккаэри* может послужить эпизод в пьесе «Наруками», в котором святой отшельник, прячась в горах, внезапно превращается в злого духа.

В танцевальных пьесах используется немного другая, но также очень эффективная техника, которая позволяет менять костюм полностью и не один раз, эта техника называется *хикинуки* (яп. 引き抜き). Она была заимствована из кукольного театра и используется на сцене *Кабуки* с 1731 г. На кимоно актёра, перехваченного широким поясом *оби*, нашиваются верхняя и нижняя половины нескольких кимоно разных цветов, сшитых отдельно. Они сшиты, как и в случае использования *буккаэри*, с помощью незакреплённых ниток с шариками на конце. Во время танца, когда меняется темп или характер музыки, *ко:кэн* быстро тянет нити, свободные части костюма падают, помощники быстро удаляются, и актёр продолжает танец уже в другом костюме. Вся операция занимает несколько минут и может повторяться несколько раз во время выступления, как, например, в известной танцевальной пьесе «Мусумэ До:дзё:дзи»⁵.

В пьесах *сэвамоно* же, например, используются реалистичные костюмы периода Эдо. Самыми скромными из них являются «бумажные кимоно», указывающие на бедность, а самыми роскошными являются костюмы популярных куртизанок, — они состоят из нескольких слоёв кимоно, покрытых тяжёлой внешней одеждой. Опушенный воротник задней части кимоно раскрывает шею, считающейся самой эротичной деталью, которую можно оголить прилюдно. Костюмы могут раскрыть много вещей, например, они передают скрытые сообщения — их цвета и, особенно, вышитые детали, такие как различные цветы, могут иметь символическое значение. Просто открывая подол накидки или открывая рукав нижнего кимоно, актёр может посылать секретные сообщения. Например, длинную сцену с эротическим соблазнением можно

⁵ Иллюстрация «Дева-змея из Мусумэ До:дзё:дзи» (см. цв. вкл.).

сыграть, просто провокационно приоткрывая различные слои костюма.

Для тех же целей — разграничение ролей, подчёркивание характера персонажей и придание пьесе большей живописности, — служат в театре *Кабуки* и парики. Основой парика является тонкий медный обруч, размер которого тщательно подбирается к размеру головы каждого актёра. Сверху обруч покрыт шёлком — *хабутаэ* (яп. 羽二重), и к нему уже прикрепляется парик — волосок за волоском. Для одних персонажей парики сделаны из женских волос, для других — из шерсти животных. Перед тем, как надеть парик, актёр обвязывает свою голову куском *хабутаэ*, чтобы его собственные волосы не мешали. Если у изображённого персонажа часть головы выбрита, эта часть связывается с другим куском шёлка, и только после этого на него надевают парик, состоящий из волос по бокам головы и пучка на затылке, а затем края шёлковых повязок окрашиваются в соответствии с цветом лица. Актёр, у которого заметна граница между повязкой и лицом, считается плохо накрашенным.

Театр *Кабуки* использует несколько сотен видов париков, для них существует очень сложная классификация. Основным разделением париков является парик для мужчин и женщин, дальнейшая детализация уже определяется характером персонажа. Российский востоковед и театровед Л.Д. Гришелева в своей книге «Театр современной Японии» [Гришелева Л.Д., 1977] описывает более подробную классификацию париков: «Из женских париков можно назвать *татэхё:го* (яп. 立兵庫) — парик для куртизанок высокого ранга; *рэва* — парик для жён воинов; *катахадзуси* (яп. 片外し) — парик для жён полевых командиров; *ума-но сиппо* (яп. 馬の尻尾) — парик для деревенских девушек; *фукива* (яп. 吹輪) — парик для красавиц из аристократических домов *акахимэ* (яп. 赤姫); *юивата* (яп. 結綿) — парик для городских девушек; *хариути* (яп. 針打ち) — парики для куртизанок и т.д. Мужские парики тоже очень разнообразны: *окэси* — разные виды париков для мальчиков; *кума-но мусури* (яп. 熊の皮) — парик для молодых развратников; *эндэ* (яп. 燕手) — парик для благородных негодяев; *намадзимэ* (яп. 生締) — парик для сильных молодых людей; *итабин* (яп. 板髻) — парик для *арагото*⁶ и др.» [Гришелева Л.Д., 1977, с. 69].

⁶ *Арагото* (яп. 荒事) — в пьесах театра *кабуки* сцена или роль, демонстрирующая силу, мощь, бурные страсти, неистовство, либо сцена бурной схватки.

Кроме того, на сцене *Кабуки* нередко используются огромные фантастические парики чёрного, белого и красного цветов для изображения духов и демонов. Все парики в классических пьесах *Кабуки* очень стилизованы и часто лишь смутно напоминают настоящие причёски изображённых персонажей. В современных пьесах историческая достоверность *Кабуки* больше, а разрыв между реальной жизнью и её сценическим воплощением уже не так велик.

В дополнение к стилизованной условности костюмов, париков и грима, в *Кабуки* была разработана система условных поз, жестов и движений. В классическом *Кабуки* свободное движение запрещено. Пластическая форма исполнительских навыков актёров *Кабуки* во многом основана на технике традиционного японского танца, но в *Кабуки* все движения и позы более драматизированы и подчёркнуты полумягкими, наполовину танцующими действиями, завершающимися позой, называемой *миэ* (яп. 見得). Актёр застывает в динамичной позе, в которой сочетаются крайняя выразительность и живописность, эту технику часто сравнивают с кинематографическим крупным планом.

Миэ используют, чтобы показать героя как можно лучше, когда он появляется впервые. Актёр выходит, застывает на несколько мгновений в зрелищной позе, поворачиваясь к залу, и только после этого начинается действие. Другим персонажем является *миэ*, применяемый, чтобы подчеркнуть кульминацию чувства или движения. Все позы тщательно продуманы, известны всем и усваиваются актёрами *Кабуки* с детства, как профессиональные классические танцоры классического европейского балета запоминают свои движения. Яркость, выразительность и свежесть *миэ* зависят от мастерства и вдохновения актёра. Кроме того, зрители обычно очень живо реагируют на эти позы.

Декорации, реквизит и освещение, используемые в этом театре, в значительной степени способствуют яркой театральности спектаклей *Кабуки*. Эти компоненты игры предназначены для создания особого сценического эффекта, ведь главным принципом при проектировании сцены в японском традиционном театре было не затмить актёра, а подчеркнуть его доминирующую роль в спектакле. Освещение также играет важную роль в создании сценического эффекта *Кабуки*. До конца прошлого века спектакли устраивались только днём, а использование ламп и свечей в качестве дополнительного

освещения было запрещено правительством, поскольку это было опасно с точки зрения возможности возникновения пожара. С конца прошлого века в *Кабуки* начали использовать газовое и электрическое освещение, в настоящее же время театры *Кабуки* оснащены самым современным осветительным оборудованием и широко используют различные световые эффекты, что иногда даже вызывает у многих консервативных фанатов театра негативные эмоции.

Развитие декоративного искусства в театре *Кабуки* началось в XVIII в. с появлением на сцене многоактных пьес. До этого оформление сцены было очень простым, в стиле театра *но*:. Теперь в *Кабуки* используют украшения разных типов, в зависимости от характера пьесы. Если спектакль не заимствован из театра *но*:, то это обычно трёхмерные декорации, конкретно характеризующие сцену действия. Особенностью театра *кабуки* является использование типичных декораций *дзосикидогу*. Это весьма целесообразно, экономически оправданно и не снижает художественной ценности спектаклей. Существует несколько исторических видов сценического оформления.

Сцена без каких-либо возвышений называется *хирабутай* (яп. 平舞台) — плоская сцена. Если на сцене есть какие-либо сооружения — дом, дворец, храм, холм или набережная и т.д. — часть сцены поднимается над её общим уровнем. Эта сцена называется *нидзю* — двойной. В зависимости от высоты платформы сцены *нидзю* делятся на *цунаи* — обычные в 42 см, *тюаси* — средние в 63 см и *такааси* — высокие в 84 см.

При постановке танцевальных произведений *сёсагото* вся сцена и *ханамити* покрывается специальным настилом, называемым *сёсабутай* — сцена для танца, или *огибутай* — «настилаемая сцена». Настил на сцене *сёсабутай* предназначен для лучшего скольжения ног танцора и для создания определённого звукового эффекта, когда ноги актёра касаются пола. Как правило, *сёсабутай* (яп. 所作舞台) производится из лучших сортов хорошо выдержанного дерева *хиноки* (яп. 檜) — японского кипариса. Этот настил состоит из идеально отполированных и тщательно подогнанных друг к другу брусьев высотой 12 см, шириной 90 см и длиной 3 м. Такой настил очень дорогой, его обычно бережно хранят, ведь это одно из самых важных украшений каждого театра.

Большое значение в театре *Кабуки* имеет двухступенчатая платформа, на которой певцы и музыканты размещаются в танцевальных

пьесах. Певцы и музыканты, играющие на *сямисэне*⁷, находятся наверху лестницы, барабанщики и флейтисты внизу. Такая платформа называется *хинадан* (яп. 雛壇) и переводится как «полка для декоративных кукол», потому что она напоминает полку, на которой сидят куклы во время праздника девочек — *хинамацури*. Другое название этой платформы — *ямадай* (яп. 山台), или «платформа с изображением гор», поскольку её боковые стены часто украшены изображениями гор и цветущих вишен. У пейзажа есть и общее название — *оодо:гу* (яп. 大道具). Функции людей, задействованных в них, в основном совпадают с функциями сценических работников европейского театра. Особая и очень сложная обязанность в театре *Кабуки* — *цукэути* (яп. 付け打ち), или стук в колотушки *хэсиги*. Человек в чёрном сидит на полу с правой стороны сцены, перед ним доска — *цукэита* (яп. 付け板), по которой он в нужный момент стучит с помощью *хэсиги*.

Декорации в театре *Кабуки* стилизованы. Одна и та же платформа с тремя ступенями посередине или сбоку может изображать ставку военного командира, магазин торговца или комнату куртизанки — всё зависит от того, какие детали добавлены к ней. Чтобы актёры казались больше, дома и декорации на сцене сделаны меньше своих реальных прототипов. Условность искусства *Кабуки* также выражается в наличии на сцене *курого* (яп. 黒衣) — рабочих, одетых в чёрное. Если, например, ворота перед домом больше не нужны в ходе действия, они будут забраны *курого*, чтобы не мешать движению актёров. Если актёр появляется на сцене в пышном и громоздком костюме, *курого* с табуреткой следует за ним как тень и подставляет табуретку каждый раз, когда герою нужно сесть. Зрители быстро привыкают к ним и постепенно перестают их замечать, так что присутствие *курого* на сцене никак не влияет на впечатления зрителей от спектакля.

В середине XVII в. было сделано ещё одно усовершенствование оборудования сцены *Кабуки*. Знаменитый драматург и неиссякаемый в своих идеях изобретатель сценических эффектов Намики Сёдзё (1730–1773) впервые в мире создал вращающуюся сцену и успешно

⁷ *Сямисэн* (яп. 三味線) — трёхструнный щипковый музыкальный инструмент с безладовым грифом и небольшим корпусом, общей длиной около 100 см. Наряду с *бива*, *кото* и *сякухати* относится к важнейшим музыкальным инструментам Японии. Диапазон — 2 или 4 октавы, звук извлекается в основном плектром, реже — пальцами; особенно ценится характерный вибрирующий звук самой толстой струны, «савари».

использовал её. В 1758 г., когда была поставлена его пьеса «Сандзикокуёбунэ-но хадзимари», необходимо было показать две сцены сражений, происходящих одновременно. Намики Сёдзё установил на сцене огромный поворотный круг, управляемый из-под сцены, и желаемый эффект был достигнут. В дальнейшем вращающаяся сцена была улучшена, — теперь она состоит из концентрических колец, приводимых в движение электродвигателем. Эти кольца могут вращаться вместе и раздельно, в одинаковом и противоположном направлении. Вращающаяся сцена используется в *Кабуки* не только для быстрой смены декораций, но и для достижения художественного эффекта. Так, в спектакле «То:кайдло: Ёцуя Кайдан» есть эпизод, когда главная героиня принимает яд и в дальнейшем погибает, превращаясь в ужасного призрака. Сцена быстро разворачивается, и одновременно появляется другая картинка — в богатом доме по соседству неверный муж несчастной женщины пьёт и развлекается с новой избранницей. Такое отображение одновременно происходящих контрастных, но взаимосвязанных событий производит невероятно сильное впечатление.

Другим важным улучшением сцены *Кабуки*, также приписываемой Намики Сёдзё, стало строительство поднимающихся и опускающихся платформ на вращающихся и неподвижных частях сцены. Небольшая площадка, подобная этой, присутствует и на *ханамити*. Эти места позволяют сверхъестественным персонажам пьес *Кабуки* внезапно появляться и внезапно исчезать, кроме того, они позволяют быстро менять декорации, что часто проводится перед публикой, при открытой шторке и полном освещении, что также смотрится крайне необычно. Пустынный скалистый берег внезапно падает, и из земли, словно по волшебству, появляется неприступный средневековый замок, оживлённый торговый район большого города или многоярусная пагода буддийского храма.

В конце XVIII в. центральной темой в театре *Кабуки* стали мстительные духи. Убийства ставили на сцене со всеми вопиющими деталями, и женские духи изображались весьма натурально. Сцены насилия и кровопролития были довольно шокирующими и стремились вызвать у зрителя тревогу и страх. Как ни странно, эти пьесы были достаточно популярными, и художники декораций репродуцировали множество сцен из подобных спектаклей *Кабуки*. Вот пример такой темы в одной из пьес, поставленных в театре *Кабуки*, называемой «Скала, которая плачет ночью».

«В То:кайдо:, на дороге между Токио и Киото, есть знаменитая скала, известная как “Скала, которая плачет ночью”. Предание рассказывает о беременной женщине, путешествующей по этой дороге ночью, чтобы встретить своего мужа. К ней пристали бандиты, и она была зверски убита. Её кровь пролилась на скалу, которая стала местом обитания её духа. По легенде скала плачет по ночам» [Призраки и духи старой Японии].

Истории о подобных существах — призраках, оборотнях, водяных и демонах, — всегда вызывали интерес у слушателей, сначала как страшилки, которые рассказывались для того чтобы не дать слугам ночью уснуть на посту, затем как притчи, а потом и полноценные рассказы *сэцува*⁸ и пьесы. Проза *сэцува*, с её «чудесной» составляющей, представляет особый интерес для исследователей *кайдана*. Недаром ряд её композиционных приёмов нередко применяется при составлении сборников *кайдансю*: (яп. 怪談集). Однако, большая часть любимых японцами классических шедевров жанра *сэцува*, связанных с мистикой, так и остались застывшими памятниками истории. Что же касается японского *кайдана*, на его долю выпала другая судьба.

Цуруя Намбоку Четвёртый, чьё настоящее имя Иносукэ, был известным в своё время японским драматургом. Как пишет Светлана Колосова в своём «Энциклопедическом словаре псевдонимов», «он родился в семье красильщика тканей, с детства помогал отцу и увлекался театром. Широкую известность ему принесла пьеса “Экзотическое повествование об индийском Токубээ”. Цуруя Намбоку Четвёртый был одним из самых плодovitых драматургов *Кабуки* и создателем жанра *кидзэвамоно*⁹ (яп. 生世話物), всего он написал более сотни пьес, главным образом специализируясь на бытовых драмах и пьесах о привидениях» [Энциклопедический словарь псевдонимов].

Цуруя Намбоку Четвёртый активно писал во время эры Бунка-бунсэ (1804–1829) — периода расцвета театра *Кабуки* в Эдо и появления множества талантливых актёров. Сам Намбоку не был

⁸ *Сэцува* (яп. 説話) — жанр средневековой буддийской японской литературы, включающий в себя легенды, сказки, притчи, предания и анекдоты. К данному жанру относятся более сотни сохранившихся литературных произведений.

⁹ Драмы, посвящённые жизни простых людей и изображающие низшие слои общества Эдо. Герой — вор, игрок или проститутка. Жанр был создан драматургом Цуруя Намбоку Четвёртым и популяризирован Каватакэ Мокуами.

обделён талантом, но в основном создавал переделки популярных сюжетов *Кабуки* 18-го века, включающие элементы, привнесённые из более ранних драм — метод, известный как *наймадзэ*. Но как драматург он был таким же новатором, как и переписчиком, создав такие интересные новые роли, как *ироаку* (色悪, красивые молодые злодеи) и *акуба* (яп. 悪婆, женщины средних лет, которые могут блефовать, сражаться, обманывать и покрывать убийства). Этим персонажам часто свойственно рыцарственное чувство верности другому персонажу, обычно злодею. Как и следовало ожидать от таких персонажей, пьесы Намбоку наполнены сценами вымогательства и убийств. Также он часто брал некоторые события из своей жизни и вставлял их в пьесы. Например, английский исследователь Зо Кинклэйд пишет, что «известна история о том, что в период нищеты он стоял на коленях перед своим маленьким письменным столом, когда его жена вошла и попросила денег, чтобы купить немного риса. Денег у него не было, поэтому, несмотря на тёплую погоду, она взяла сетку для москитов, незаменимую вещь в японском доме в это время года, и отправилась в ломбард, где обменяла её на достаточное количество денег, чтобы на короткий период времени прокормить семью. Намбоку хорошо запомнил этот эпизод и увековечил его в “То:кайдо: Ёцуя Кайдан”, в сцене, где Иэмон жестоко обращается со своей женой Оивой, чтобы вынудить её уйти, так как он хочет жениться на другой женщине — моложе, красивее и богаче. В своей попытке избавиться от неё он продаёт всё, что может найти в доме, среди прочего москитную сетку, надеясь, что его жестокость заставит её одуматься и оттолкнёт от него» [Kinclaid Z. Kabuki, p. 120].

Пьеса о призраке «То:кайдо: Ёцуя Кайдан», была дополнительной пьесой *нибанмэ*¹⁰ для классической драмы о мести «Канадэхон Тю:сингура»¹¹. Обычно драма *итибанмэ* ставилась целиком, в то время как *нибанмэ* ставилась параллельно действию первой пьесы.

¹⁰ *Нибанмэ* (яп. 二番目) и *Итибанмэ* (яп. 一番目) – первый и второй раздел программы театра *кабуки* в период Эдо. Каждый раздел был самостоятельной пьесой либо в одном акте, либо в нескольких действиях.

¹¹ Спектакль «Канадэхон Тю:сингура» изначально был написан для театра кукол *бунраку* и ставился в первый раз в 8-м лунном месяце 1748 г. в Осаке на Такэмотодза. Он был адаптирован для *кабуки* в том же году. Вендетта, на которой основана эта пьеса, является реальным инцидентом, произошедшим в 1702 г. с участием слуг лорда Асано. Когда он был драматизирован, имена, детали и даже эпоха были изменены из-за цензуры правящего правительства Токугава, которое не было изображено в благоприятном свете. История, изложенная в пьесе, больше известна как «Инцидент Акио», или «История о сорока семи *ро:нинах*».

Действия обеих пьес шли поочередно, развивая две отдельные, но связанные между собой истории. Для первой постановки «Канадэхон Тю:сингура» / «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» было решено переплести эти две драмы в двухдневное представление. Первый день начинался с «КанадэхонТю:сингура», с I акта по VI, за которым следовал «То:кайдо: Ёцуя Кайдан», с I акта по III, до сцены на канале Онбо:. Следующий день начинался со сцены на канале Онбо:, а затем снова шла «Канадэхон Тю:сингура» с VII акта по финальный XI акт. После этого шли оставшиеся два акта «То:кайдо: Ёцуя Кайдан», на чём представление заканчивалось.

Оригинальная версия «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» состояла из пяти актов, разделённых на одиннадцать сцен. В настоящее время она состоит из тех же пяти актов, но разделённых на 14 сцен. Сюжет постановки — также о мести, но теперь её жаждет жена главного героя Оива, превратившаяся в безжалостного *онрё*:. Главный герой, Иэмон, предаёт женщину и собирается жениться на наследнице живущей по соседству семьи Ито:. Представители Ито:, чтобы удостовериться, что Иэмон точно откажется от Оивы, посылают той яд под видом лекарства, который до неузнаваемости обезображивает её. Не выдержав всего произошедшего, Оива погибает и, перевоплотившись в призрака, начинает мстить своим обидчикам, в результате чего дом Ито: прекращает своё существование. Иэмон из всех сил старается спастись от преследующего его проклятия и даже находит убежище в буддийском горном монастыре, однако даже молитвы местных монахов бессильны перед злым духом. Там Оива убивает слуг, а затем и родителей Иэмона. В отчаянии главный герой бежит по монастырю в застилающую глаза метель. Таким образом, он буквально вбегает в объятия своего заклятого врага, Ёмосити, поклявшегося отомстить за Оиву и её сестру Осодэ, который и убивает его своим мечом.

Существует традиция, ведущая свою историю ещё с театральных постановок, которая в конечном итоге перекочевала и в кинематографическую среду. Согласно ей съёмочные группы или труппы, адаптирующие сюжет для фильма или сцены, посещают могильный камень Оивы в храме Мё:гё:дзи в Сугамо, что в Тосима-ку, в Токио, чтобы выразить своё почтение призраку. Они вынуждены делать подобное, так как городская легенда гласит, что травмы и даже смертельные несчастные случаи постигнут актёров и работников, если они этого не сделают.

Стоит отметить, что пьеса примечательна сложностью исполнения, особенно в техническом плане. Например, в третьем акте происходит сцена, когда Иэмон вылавливает из реки дверь с прибитыми к ней трупами Оивы и Кохэя¹². Это одна из самых ярких сцен с призраками, показанных в пьесе, и одна из самых сложных. В ней используется специальная дверь, к каждой из сторон которой прикреплены обезглавленные куклы, а также имеется отверстие для головы актёра. Он поочерёдно, в технике *хаягавари* (яп. 早変わり), быстрая смена костюма и грима), изображает сначала призрак Оивы, а потом и Кохэя. Создание этого *кэрэн* (термин, использующийся в *Кабуки* для сценических трюков) приписывается мастеру декораций Хасэгава Канпэй Одиннадцатому, и используется он исключительно в «То:кайдо: Ёцуя Кайдан». Его техническая сложность нередко приводила к травмам актёров и персонала театра, что, вероятно, и создало пьесе довольно зловещую репутацию.

Кроме того, считается, что образ Оивы списан с реально существовавшей женщины, инцидент с которой произошёл в городе Эдо. У этой легенды есть множество вариантов, в одном из них, например, говорится, что она была женой самурая, который уличил её в неверности и убил. Я хочу привести вариант легенды, упомянутый в *анимэ*-экранизации, так как повествование в «Аякаси»¹³ ведётся будто бы от лица Цуруя Намбоку Четвёртого и перемежается различными фактами, что делает сериал более похожим на телепередачу о культуре и истории, чем на обычное развлекательное *анимэ*. Вот что говорит зрителю автор: «Рассказывали, что Оива, дочь Самона Ёцуя, была сильной, решительной девушкой, которая в детстве переболела ветряной оспой и выжила. Ради продолжения рода она взяла себе мужа, *ро:нина*, по имени Тамия Иэмон. Однако из-за козней Кихэя Ито: она была несправедливо разлучена со своим мужем. Оива очень страдала и потеряла эмоциональное равновесие. Она бегала по улицам Эдо и кричала, словно сумасшедшая, а затем исчезла без следа. После чего восемнадцать членов домов Тамия и Ито: умерли. Некоторые считали, что это произошло из-за проклятия Оивы». Авторы пьес *Кабуки* часто воплощали на сцене происшествия из реальной жизни, будучи некоторым аналогом газет того времени — например, если

¹² Иллюстрация «Итикава Дандзюро VIII в роли Иэмона. Утагава Куниёси, перекладная картинка, 1850 г.» (см. цв. вкл.).

¹³ Иллюстрация «Оива в Аякаси» (см. цв. вкл.).

случалось двойное самоубийство или подобные ему события, будоражившие жителей города, то уже через пару дней на сцене могла появиться пьеса со схожим со случившимся происшествием сюжетом. Неизвестно, какой на самом деле случай или череда происшествий могли быть взяты за основу автором «То:кайдо: Ёцуя Кайдан», когда он продумывал судьбу главной героини, но эта цитата наиболее подробна и включает в себя большую часть сюжетов тех мифов, которые ходят вокруг Оивы.

Существовал прототип Оивы или нет — доподлинно неизвестно, но точно существует храм, в котором она, якобы, молилась, и её могила. Храм Оивы — Оива Инари Тамия Дзиндзя — находится в Синдзюку, Токио, а её могила¹⁴ — в храме Мё:гё:дзи в районе Сугамо, также в Токио. Дата её смерти на могильной стеле указана как 22 февраля 1636 г.

Сложно судить о том, насколько правдивы рассказы о проклятии, падающем на участников постановки, но, в любом случае, они стали неотъемлемой частью легенды об Оиве. Особенно мрачные слухи ходили, когда спектакль ставился в токийском Иванами-сё:тэн в 1976 г. Тогда так называемое проклятие призрака прочувствовали на себе все, кто имел отношение к пьесе — болели актёры и члены их семей, ломался реквизит, срывались репетиции. Так продолжалось до тех пор, пока труппа в полном составе не провела поминальную службу на могиле Оивы, а в день премьеры в первом ряду оставили одно свободное место. Именно после этого случая стало традицией перед каждой постановкой «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» посещать могилу Оивы в Сугамо и храм, посвящённый Оиве, чтобы отдать ей почести и задобрить мстительного духа. Особенно важно соблюдение этого правила для играющего Оиву актёра, ведь именно ему, как считается, грозит наибольшая опасность со стороны призрака.

Кроме сцены с дверью, было ещё несколько сцен, произведших на зрителей огромное впечатление. Одной из этих сцен является *камисуки* (яп. 髪梳), когда Оива пытается привести себя в достойный вид для посещения особняка Ито. Её лицо уже до неузнаваемости обезображено ядом, но ещё одним его эффектом становится выпадение волос. В этой впечатляющей сцене она берёт оставшийся от матери гребень, оmyвает его в кадке с водой и пытается расчесать волосы, но вместо того, чтобы плавно скользить по ним, гребень цепляется за спутанные волосы и клоками вырывает их, пока Оива про-

¹⁴ Иллюстрация «Могила Оивы в храме Мёгёдзи в Сугамо, Токио» (см. цв. вкл.).

должает расчёсываться. Волосы накапливаются на сцене до большой высоты при помощи реквизиторов, которые сидят под сценой и подталкивают всё больше окровавленных волос вверх к потолку, пока Оива расчёсывается. Кроме того, волосы попадают в кадку, в которой Оива оmyвает гребень, и вода в ней также окрашивается кровью. Интересно отметить, что в других спектаклях *Кабуки* волосы, как правило, расчёсывает девушка своему возлюбленному, и эта сцена выражает нежность и любовь. В «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» смысл сцены прямо противоположный.

Ещё одной сценой, поражающей зрителей, был момент из пятого акта пьесы, когда Иэмон прячется от Оивы в монастыре в горах. Он связан с бумажным фонарём, на который в задумчивости смотрит Иэмон¹⁵. Фонарь постепенно превращается в изуродованное лицо Оивы, тогда как дым от пламени загоревшейся бумаги становится её призрачным телом. Данные сцены, видимо, были настолько популярны у зрителей, что им посвящено великое множество различных гравюр, в том числе нередко с хитрыми приспособлениями в виде перекидных картинок.

Будучи популярной пьесой, «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» вскоре стала не менее популярной темой для художников *укиё-э*¹⁶. В 1826 г., когда спектакль шёл в театре Сумидза в Осаке, Сюнкосай Хокусю нарисовал «Призрак Оивы». Она узнаваема по её опущенному изуродованному глазу и частичному отсутствию волос. Необычный образ ещё живой Оивы был изображён в качестве одной из «Новых форм тридцати шести призраков» работы Цукиока Ёситоси.

Знаменитый японский художник Кацусика Хокусай создал, пожалуй, самый узнаваемый образ Оивы в своей серии «Сто рассказов о призраках», в которой он нарисовал лицо разгневанного духа, слитого с храмовым фонарем, а Сюнкосай Хокуэй сделал визуальную цитату из рисунка Хокусая, включив в неё Иэмона, когда он поворачивается,

¹⁵ Иллюстрация «Образ Оивы в фонаре. Кацусика Хокусай, фрагмент гравюры» (см. цв. вкл.).

¹⁶ *Укиё-э* (яп. 浮世絵) — направление в изобразительном искусстве Японии, получившее развитие с периода Эдо. Слово *укиё*, дословно переводящееся как «плывущий мир», является омонимом к буддистскому термину «мир скорби», но записывается другими иероглифами. Первоначально термин *укиё* употреблялся в буддизме как обозначение «бренного мира», но в эпоху Эдо, с появлением специально отведённых городских кварталов, в которых процветал театр *кабуки* и находились дома гейш и куртизанок, термин был переосмыслен, и зачастую его стали понимать как «мир мимолётных наслаждений».

чтобы встретить призрак, и вытаскивает меч. Согласно американскому исследователю Лоренсу Бушу, «сцена с фонарём является излюбленной для художников *укиё-э*, она даже была высечена в *нэцкэ*» [Bush L., 2001, p. 134]. Утагава Куниёси проиллюстрировал сцену на Змеиной горе, показывая, как Оива, всё ещё являющаяся частью фонаря, пришла за Иэмоном, окружённая змеями и дымом.

Нельзя не отметить, что Оива — это *онрё*: призрак, который ищет мести. Её непоколебимое стремление к мести позволяет ей вернуться на землю. Облик Оивы разделяет большинство общих черт, свойственных японскому призраку, — белое кимоно, длинные распущенные чёрные волосы и бледное, почти белоснежное лицо, которое отличает призраков в театре *Кабуки*. Однако для Оивы характерны особые черты, которые физически отделяют её от других *онрё*:. Эти признаки — левый глаз, который опустился на её оплывшем, обезображенном из-за яда лице, особенность которого была ярко преувеличена при исполнении пьесы, чтобы дать Оиве отчётливый, уникальный и узнаваемый облик, а также то, что её часто изображают частично лысой, чтобы заострить внимание на другой эффект яда. В результате тот уникальный внешний вид, который был показан на сцене, настолько впечатлил и отпечатался в умах людей, что во многих спектаклях, а с течением времени современных фильмах ужасов и комиксах, *анимэ* и *манга*, классических *юрэй* часто стали изображать обезображенными.

Сегодня *Кабуки* является самым популярным из традиционных стилей японской драмы, и его звёздные актёры часто появляются в ролях на телевидении или в кино. Например, один из самых известных и признанных *оннагата* Бандо Тамасабуро: Пятый появлялся в нескольких пьесах, не относящихся к *Кабуки*, а также фильмах, часто в женской роли. *Кабуки*, вместе со своими волшебными образами, часто можно увидеть в произведениях японской популярной культуры, таких как *анимэ*¹⁷ и *манга*¹⁸, а также в сериа-

¹⁷ *Анимэ* (яп. アニメ), от англ. Animation — японская анимация. В отличие от мультфильмов других стран, большая часть выпускаемого *анимэ* рассчитана на подростковую и взрослую аудитории, за счёт чего она и получила (свою) популярность во всем мире.

¹⁸ *Манга* (яп. 漫画, マンガ) — японские комиксы, иногда называемые *комикку* (コミック). *Манга* в той форме, в которой она существует в настоящее время, начала развиваться после окончания Второй мировой войны, испытав сильное влияние западной традиции, однако также она имеет глубокие корни в искусстве эпохи Токугава: гравюре *укиё-э*, *манга* Хокусая и т.д.

лах *дорама*¹⁹ и фильмах. В последние годы набирают популярность не только фантастические образы, активно используемые в *Кабуки*, — призраки, демоны, ведьмы и т.д., но и сам театр как образ. Существует множество фильмов, основанных именно на ремесле и жизни актёров *кабуки*. Они могут быть как документальными (как вышедший в 1991 г. «Актёр кабуки: Катаока Нидзяемон») и полуисторическими (как поражающий красотой костюмов триллер 2006 г. «Внутренний дворец» («Ооку», яп. 大奥), посвящённый знаменитому скандалу Эдзима-Икусима 1714 г. — интриге между придворной дамой и наложницей *сёгуна* Эдзимой и актёром театра Кабуки Икусимой), так и развлекательными. Последних существует великое множество, например, «Сержант Кабукимен из нью-йоркской полиции» 1990 г., «Месть актёра» 1964 и 2008 гг., а также вышедшая на экраны популярная *дорама* 2013 г. «Булавки и пудра».

Однако, существует и обратное явление, когда не *Кабуки* переносится в *анимэ* или *манга*, а сюжет *анимэ* и *манга* переносится на театральные подмостки. В 2015 г., а затем и в 2017 г. в Токийском *Кабуки* была успешно поставлена и тепло принята зрителями постановка, основанная на одном из самых популярных и длинных комиксе и *анимэ* «Ван пис» за авторством Эйтиро Ода. В настоящий момент в Токийском театре *Кабуки* Синбасиэнбудзё ставят спектакль по *манга* «Навиская из Долины ветров» японского режиссёра, художника и писателя Хаяо Миядзаки, премьеры которого планируется на декабрь 2019 г. Роль принцессы сыграет потомственный актёр театра Кабуки Оноэ Кикуносукэ Пятый, ему же принадлежит и идея постановки произведения Миядзаки. Роль отрицательного героя — принцессы Кусяны — исполнит Накамура Ситиносукэ Второй.

По тому, насколько различается целевая аудитория для подобных фильмов, *дорама* и прочих представителей поп-культуры Японии, можно проследить, что авторы стараются привлечь внимание как взрослых людей, так и, самое главное, детей и подростков, чтобы они познакомились и прониклись таким невероятным культурным явлением своей страны, как *Кабуки*. Но не только сам театр вызывает интерес зрителя, но и непосредственно его постановки и принимающие в них участие герои, часть из которых стала настолько популяр-

¹⁹ *Дорама* (яп. テレビドラマ *тэрэбидорама*, от англ. drama) — японские телесериалы. На японских телеканалах являются одними из самых рейтинговых передач. Несмотря на название, *дорама* выпускаются в различных жанрах — комедия, детективы, ужасы и т.д.

ной, что со временем проникла за рубеж и расширила интерес к фантастическим образам *Кабуки* и японского фольклора, заинтересовав собой весь мир.

Японская культура всегда отличалась герметичностью, и до выхода фильма режиссера Наката Хидэо «Звонок» («Рингу») в 1998 г. западный массовый зритель даже не подозревал о существовании японского фольклора, мифологии и *кайдана*, — разве что немногочисленные фанаты японской традиционной культуры наслаждались экранизациями произведений японских классиков или смаковали редкие переводы пьес и «повествования о необычайном» на европейские языки. С выходом «Звонка» словно открылись шлюзы, и в мир лавиной хлынули японские «ужасы» — как классические, так и современные. Причём эти необычные образы проникли и стали возникать не только в кинофильмах, *анимэ*, компьютерных играх, но и, в первую очередь, в литературных произведениях. Чтобы понять причину столь массового распространения подобного рода историй и персонажей в «глобальном» мире, следует проследить, что происходило в рамках *кайдана* в самой Японии в течение этого полувека, так как *кайдан* являлся главным источником будоражащих разум историй. До 1998 г. развитие *кайдана* в Японии носило относительно плавный, поступательный характер, лишь временами перемежаемый бурными всплесками интереса — без радикального влияния со стороны западной культуры, за исключением периода Мэйдзи. Однако с развитием кинематографа в 30-х — 60-х годах XX в. последовал бум экранизаций классики *кайданов*, после чего не без участия сначала телевидения, затем Интернета тема *кайданов* и *ёкаев*²⁰ распространилась на многочисленные сферы японского общества, а затем и по всему миру с невероятной скоростью. Наверное, легче назвать сферы культуры и быта Японии, куда не проникли призраки, духи и оборотни, нежели перечислить все места их обитания. «Забавные стилизованные чудовища смотрят не только с кино- и телеэкранов, с современных картин и страниц альбомов, журналов и детских книжек, но и со школьных принадлежностей, канцелярских товаров, подарочных и пищевых упаковок, бутылок с напит-

²⁰ Ё:кай (яп. 妖怪) — сверхъестественное существо японской мифологии, разновидность *обакэ*. В японском языке слово *ё:кай* имеет очень широкое значение и может обозначать практически все сверхъестественные существа японской мифологии, или даже заимствованные из европейской: от злобных *они* до *кишунэ* или снежной женщины *Юки-онна*.

ками, одежды и аксессуаров, игрушек и т.д. Ими наполнены литература, кино, театр, телевидение, полиграфическая продукция, *анимэ*, компьютерные и настольные игры, а также многое другое. Тема *кайданов* и фантастических существ оказалась невероятно прибыльным бизнесом» [Дуткина Г.Б., 2016, № 4].

Классику жанра экранизировали и в 30-е, и в 40-е годы, но эти фильмы почти не сохранились, доступны ленты начала 50-х и 60-х годов. Если брать конкретного представителя фантастических образов *Кабуки*, который оказал наибольшее влияние, то нам снова нужно обратиться к пьесе Цуруя Намбоку Четвёртого. Я выбрала именно это произведение потому, что его по праву можно назвать одним из самых популярных среди пьес и произведений в жанре *кайдан* наряду с классическим «Пионовым фонарём». Не случайно именно с «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» связано самое большое количество леденящих кровь городских легенд, фильмов ужасов и примет. Эта история пережила самое большое количество экранизаций, кроме того, к этой пьесе было создано множество иллюстраций и гравюр, также с ней связано немало суеверий.

Первая адаптация сюжета пьесы для фильма была написана в 1912 г., и между 1913 и 1937 г. произошло около восемнадцати попыток отснять её. Эта экранизация была создана Ито Дайскэ, одним из ведущих японских режиссёров того времени, и получила название «Новая версия призрака из Ёцуя» («Симпан Ёцуя Кайдан»).

В адаптации 1949 г., также под названием «Новая версия Призрака из Ёцуя» («Синсаку Ёцуя Кайдан»), Киноситой Кэйскэ удалил призрачные элементы и представил Оиву как проявление самобичевания психики её мужа за его поступки.

Студия Синтохо²¹ выпустила ещё несколько версий, в том числе «Глубины», чёрно-белый фильм 1956 г. от Масаки Мори, и версию Нобуо Накагава 1959 г. «Призрак из Ёцуя» («То:кайдо: Ёцуя Кайдан»). Последняя из перечисленных считается критиками наиболее точной экранизацией изначального сюжета.

Студия То:хо: выпустил версию «Призрака из Ёцуя» в 1965 г. от режиссера Сирё: Тоёда, с Тацуя Накадай в главной роли. Заграницей она была выпущена как *Illusion of Blood* («Иллюзии крови»). В 1994 г.

²¹ Студия Синто:хо: (新東宝株式会社 Синтохокабусикикайся, Shintoho Co. Ltd.) — японская киностудия. Одна из шести крупных киностудий (в том числе Дайи, Никкацу, Шочикю, Тозэй и То:хо:) времён Золотого века японского кино. Была основана перебежчиками из оригинальной компании То:хо: после забастовки в 1947 г.

Киндзи Фукасаку вернулся к корням *Кабуки* и объединил рассказы о сорока семи *ро:нинах* и «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» в один фильм под названием «Тюсингура Гайдэн: Ёцуя Кайдан» (яп. 忠臣蔵外伝四谷怪談), переведённом на русский как «Пик предательства»²².

Кроме того, были созданы телевизионные адаптации. История пьесы была пересказана в первом эпизоде *дорамы* «Сто историй о необычайном» (怪談百物語, более известной как «Сто страшных историй» благодаря английскому переводу 100 Tales of Horror). Также первые четыре эпизода *анимэ* 2006 г. «Аякаси» включают в себя адаптацию пьесы, которая, наряду с «Призраком из Ёцуя» 1959 г., максимально близка к оригиналу.

Фильмы, как правило, пропускают первый акт пьесы и сразу начинаются с истории о том, как нищий *ро:нин* Иэмон, вынужденный ради пропитания изготавливать зонтики, решается отравить свою жену Оиву, чтобы жениться на молодой, богатой и красивой девушке. И это самое заметное отличие фильмов от пьесы, в которой Иэмон не убивал Оиву, однако, практически все экранизации, кроме «Пика предательства», придерживаются именно этой версии. Эта часть истории видоизменяется от фильма к фильму больше всего, и, как правило, занимает не менее половины экранного времени. Есть ещё несколько свойственных экранизациям отличительных черт, которые варьируются от фильма к фильму. Это, например, объединение персонажей: так, Такуэцу и Кохэй часто становятся одним героем, а в уже упомянутом «Пике предательства» Оиву объединяют с её сестрой Осодэ, в результате чего она знакомится с Иэмоном, пока работает в публичном доме. Ещё одним варьирующимся фактом является наличие у супругов ребёнка. В оригинале Оива принимает присланный под видом лекарства яд, чтобы восстановиться после родов, в экранизациях же она либо принимает яд, будучи беременной, либо просто чтобы поправить здоровье во время болезни. Также часто подвергается видоизменениям финал — Иэмон всегда погибает, но его смерть становится либо следствием безумия, либо участия Оивы или Осодэ и её жениха.

Самым ярким и общеизвестным примером влияния образа Оивы можно назвать Садако Ямамура из экранизаций одноимённого романа «Звонок», которую, благодаря её облику, можно назвать явной отсылкой к главной героине «Истории о призраке из Ёцуя...». Окончательный внешний вид Садако — это прямая адаптация Оивы, что

²² Иллюстрация «Оива в фильме «Пик предательства» (см. цв. вкл.).

заметно по её волосам и опустившемуся, искажённому глазу. Кроме облика Оивы, Садако также перенимает черты ещё одного знаменитого японского привидения — Окику. Если от Оивы Садако взяла внешность, то от Окику она перенимает образ смерти — быть сброшенной в колодец, а также её призрачное появление из колодца в поисках мести. Хотя этот образ существует в Японии на протяжении веков, успех фильма «Звонок» 1998 г. впервые принёс образ *юрэй* в западную популярную культуру. Сегодня он часто используется в фильмах J-Ногго, таких как *Ju-on*²³, «Один пропущенный звонок»²⁴ и «Тёмные воды»²⁵.

Во многих современных *анимэ*, даже не имеющих отношения к жанру ужасов, можно встретить образ Оивы. Чаще всего он появляется в сериях, посвящённых школьным фестивалям, а также проверке на храбрость. В первом случае обычно один из классов делает комнату ужасов, а во втором герои ночью идут в какое-то страшное место, например, в лес или на кладбище, и в результате один из героев переодевается в призрака с изуродованным лицом и оплывшим глазом и пугает других персонажей. Иногда, если дело касается комнаты страха, то облик призрака также включает в себя отсылку к уже упомянутой Окику, так как человек прячется в углублении в полу, стилизованном под колодец. Поскольку эти два сюжета очень популярны, особенно для *анимэ* и *манги* в жанре повседневность, то примеров можно привести очень много. В частности, такие сцены можно увидеть в *манга* и *анимэ* К-Он, «Гостевой клуб лица Оран», «Дораэмон» и многие другие. Из этого можно сделать вывод, что образы этих призраков используются людьми для развлечения и в реальной жизни.

Как нельзя «изъять» из жизни японцев суеверия, поверья, синтоистские и местные праздники, культы и обряды, так же нелегко «убрать» из современного японского языка идиомы, пословицы, поговорки, связанные с неосознанной верой японцев в «чудесное» [Дуткина Г.Б., 2016, № 4, с. 17]. Всё это глубоко укоренилось в сознании современных японцев, и все метаморфозы, что претерпела пьеса

²³ «Ju-On» (яп. 呪怨, так же известный как «The Grudge») — японская франшиза ужасов, созданная Такаси Симидзу, состоящая из 13 художественных фильмов.

²⁴ «Один пропущенный звонок» (яп. 着信アリ) — японский полнометражный фильм ужасов 2003 г. режиссёра Такаси Миикэ, снятый по мотивам одноимённого произведения Ясуси Акимото.

²⁵ «Тёмные воды» (яп. 仄暗い水の底から Honoguraimizunosokokara) — японский фильм ужасов 2002 г. режиссёра Хидэо Накаты, экранизация рассказа Кодзи Судзуки.

Цуруя Намбоку IV «То:кайдо: Ёцуя Кайдан» — прекрасное тому подтверждение.

Современная Япония — богатейшее поле деятельности для востоковеда или театроведа. Это уникальное место, где сосуществуют самые разнообразные формы театральных жанров — от древнейших до современных, от исконно японских до полностью или частично заимствованных. И всё это жанровое разнообразие живёт напряжённой творческой жизнью, бережно, подчас благоговейно сохраняя традиции или решительно ломая их, и безостановочно ищет новые пути развития традиционного национального театра, обновления старых театральных форм без тотального искоренения канона, а порой перенимая современные веяния европейского и американского театра. Данный жанр можно изучать бесконечно, и, мне кажется, данная тема будет оставаться актуальной ещё долгие годы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Гришелева Л.Д. Театр современной Японии. М.: Искусство, 1977. 155 с.

Дуткина Г.Б. «Душа Японии» в зеркале японского кайдана // Японские исследования. 2016. № 3. С. 25–41. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00020

Дуткина Г.Б. Призраки среди нас: особенности национальной психологии современных японцев // Японские исследования. 2016. № 4. С. 82–101. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00030

Колосова С. Энциклопедический словарь псевдонимов. М.: Научная книга, 2009. URL: <http://endic.ru/alias/Curuja-namboku-iv-1401.html> (дата обращения: 12.03.2019).

Лафкадио Х. Призраки и духи старой Японии / пер. с яп. Л.И. Моргун М.О.: Остеон-Групп, 2016. 100 с.

Одзаки К. Новый японский театр. М.: Издательство иностранной литературы, 1960 с.

Сато К. Современный драматический театр Японии. М., 1973. 160 с.

All about Japan's traditional Theatre Art of Kabuki! URL: <http://www.kabuki21.com> (дата обращения: 23.03.2019).

Bowers F. Japanese theatre. Tokyo: Literary Licensing. 1974.

Bush L. Asian Horror Encyclopedia. N.Y.: Writers Club Press. 2001.

Galbraith S. Japanese Science Fiction, Fantasy and Horror Films. Jefferson: McFarland & Co. Inc. Pub. 1994.

Jukka O.M. Asian Traditional Theater and Dance. Theater Academy Helsinki. 2010. URL: <https://disco.teak.fi/asia/> (дата обращения: 03.04.2019).

Kennelly P. Realism in Kabuki of the early nineteenth century. A case study // Proceedings of the Pacific Rim Conference in Transcultural Aesthetics. Sydney: University of Sydney. 1997.

Kincaid Z. Kabuki, the Popular Stage of Japan. L.: Macmillan. 1925.

Leiter Samuel L. Historical Dictionary of Japanese Traditional Theatre. No. 4. Toronto: Oxford. 2000.

Sumpter S.L. From scrolls to prints to moving pictures: iconographic ghost imagery from pre-modern Japan to the contemporary horror film // The Undergraduate Research Journal. 2006. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.562.3020&rep=rep1&type=pdf> (дата обращения: 03.04.2019).

References

All about Japan's traditional Theatre Art of Kabuki! URL: <http://www.kabuki21.com> (accessed: 12 March 2019).

Bowers, F. (2001). Japanese theatre. Tokyo: Literary Licensing.

Bush, L. (2001). Asian Horror Encyclopedia, N.Y.: Writers Club Press.

Dutkina, G.B. *Dusha Yaponii v zerkale yaponskogo kaydana* ["Nihon-no Kokoro" in the Mirror of Japanese Kaidan], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2016, No.3: 25–41. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00020

Dutkina, G.B. Prizrakisredinas: osobennosti natsional'noy psikhologii sovremennykh yaponsev [The apparitions among us: the peculiarities of modern Japanese Mind], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2016, No.4: 82–101. DOI: 10.24411/2500-2872-2016-00030

Galbraith, S. (1994). Japanese Science Fiction, Fantasy and Horror Films, Jefferson: McFarland & Co. Inc. Pub.

Grisheleva L.D. (1977). *Teatr sovremennoy Yaponii* [Modern Japanese Theatre], Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Jukka, O.M. (2010). Asian Traditional Theater and Dance. Theater Academy Helsinki. URL: <https://disco.teak.fi/asia/> (accessed: 3 April 2019).

Kennelly, P. (1997). Realism in Kabuki of the early nineteenth century. A case study, *Proceedings of the Pacific Rim Conference in Transcultural Aesthetics*, Sydney: University of Sydney.

Kincaid, Z. (1925). Kabuki, the Popular Stage of Japan. L.: Macmillan.

Kolosova, S. Entsiklopedicheskiy slovar' psevdonimov [Encyclopedic Dictionary of Aliases], Moscow: Nauchnaya kniga, 2009. URL: <http://endic.ru/alias/Curuja-namboku-iv-1401.html> (accessed: 12 March 2019).

Odzaki, K. (1960). Novyy yaponskiy teater [New Japanese Theatre], Moscow: Izdatel'stvo inostrannoy literatury. (In Russian).

Prizraki i dukhi staroy Yaponii (2016) [Ghosts and Spirits of an Ancient Japan], KH. Lafkadio / L.I. Morgun M.O.: Osteon-Grupp. (In Russian).

Samuel L. Leiter. (2006). Historical Dictionary of Japanese Traditional Theatre. 4. Toronto: Oxford. P. 632.

Sato, K. (1973). Sovremennyy dramaticheskiy teater Yaponii [Japanese Modern Drama Theatre], Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Sumpter, S. L. (2006). From scrolls to prints to moving pictures: iconographic ghost imagery from pre-modern Japan to the contemporary horror film, *The Undergraduate Research Journal*. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.562.3020&rep=rep1&type=pdf> (accessed: 3 April 2019).

«Собрание божественных песен Айну» (Айну синъёсю) Тири Юкиэ

Е.Г. Тюрленева

Аннотация. «Собрание божественных песен Айну», или «*Айну синъёсю*», — это сборник песенного эпоса народа айну, составленный в 1922 г. молодой айнкой Тири Юкиэ (1903–1922). Айны, или айну, — это ныне немногочисленный народ, проживающий на острове Хоккайдо. Такое наименование народа закрепилось вследствие того, что в айнском языке словом «айну» называют «человека», принадлежащего к их роду. Хотя в древности айны также населяли Сахалин, Курильские острова и юг Камчатки, данная статья будет посвящена айнам, проживающим на японском острове Хоккайдо, их фольклору и культуре.

Сборник «*Айну синъёсю*» — это собрание 13 песен жанра *камуи юкар*, что в переводе означает «песни богов». Он содержит 11 песен о природных богах и 2 песни от лица бога-человека Окикирмуи, то есть в жанре *ойна*. *Камуи* — это всё множество айнских богов. Айны обожествляли те проявления природы, которые были им непонятны или опасны для них. Однако *камуи* — это не просто обожествление природы, это души, существование которых на небесах не отличается от жизни людей на Земле, но спускаясь в мир людей, они принимают облик животных, растений и других природных явлений. Песни «*Айну синъёсю*» изложены от имени богов, являющихся представителями живой природы, и содержат в себе фрагменты из их жизни. В эпосе айнов мы можем видеть их представления о жизни, их наблюдения за окружающим миром, понять, кем они видели себя в этом мире.

Тири Юкиэ записала песни своего народа, чтобы сохранить его традиции. На основании её предисловия и того, что текст был записан на двух языках — айнском и японском, можно предположить, что своей целью она также ставила ознакомление японской публики с традициями и образом жизни айнов. Дискриминация и активная японизация айн-

ского населения стояли в числе актуальных проблем во времена её жизни.

Ключевые слова: айны Хоккайдо, *Айну синъёсю*, айнский эпос, *камуй юкар*, песни богов, Тири Юкиэ (1903–1922).

Автор: Тюрленева Екатерина Георгиевна, магистр Института Восточных Культур и Античности РГГУ. E-mail: tyurlenevae@gmail.com

“Ainu Divine Songs Collection” (Ainu Shin'yoshu) by Chiri Yukie

E.G. Tyurleneva

Abstract. “Ainu Divine Songs Collection” or “*Ainu Shin'yoshu*” is a selection of the song epos of Ainu, compiled in 1922 by young Ainu girl Chiri Yukie (1903–1922). Ainu are not numerous people living in Hokkaido. The name of these people came out of the word “ainu” that means “a man” of Ainu in their native language. In the old times, Ainu had been living in Sakhalin, Kurile islands and the south of Kamchatka peninsula, but this article focuses on Ainu living in Japanese island of Hokkaido, their folklore and culture.

“*Ainu Shin'yoshu*” is the compilation of 13 songs belonging to the genre *kamui yukar*, which means “songs of the gods”. In particular, it contains 11 songs about gods of nature and 2 songs, belonging to the genre *oina*, about human-god named Okikirmui. *Kamui* is a variety of Ainu's gods. Nevertheless, *kamui* is not only a cult of nature. They are spirits whose existence in heavens does not differ from men's life on earth. However, when they descend to the men's world, they take the shape of animals, plants or other natural phenomena. The songs in “*Ainu Shin'yoshu*” are set out on behalf of the gods. They contain passages from these gods' lives. We can understand Ainu's idea of life, observations of the world around them, and their comprehension of their beings from their epos.

Chiri Yukie recorded the songs of her people in order to preserve their traditions. On the grounds of her foreword, and the fact that the songs were recorded in both, Ainu's and Japanese languages, it can be supposed that the goal of her work was to introduce Ainu's traditions and their way of life to Japanese audience. At her time the discrimination and an active japanization of Ainu was an actual problem.

Keywords: the Ainu of Hokkaido, *Ainu shinyoshu*, epos of the Ainu, *kamui yukar*, songs of the gods, Chiri Yukie (1903–1922).

Author: Tyurleneva Ekaterina G., master of the Institute for Oriental and Classical Studies of RSUH. E-mail: tyurlenevae@gmail.com

Сборник песен айнов «*Айну синъёсю*» (アイヌ神謡集), или «Собрание божественных песен Айну», был собран и записан молодой девушкой айнского происхождения, Тири Юкиэ. Он состоит из 13 песен, принадлежащих к жанру *камуи юкар*. Юкиэ записала их со слов своей тёти, которая была сказительницей эпоса айнов. Так как айны не имели своей письменности, песенный эпос айнов являлся устной традицией, передаваемой из поколения в поколение. Тири Юкиэ стала первой среди айнов, кто переложил на бумагу устно исполняемые песни.

Тири Юкиэ (1903–1922) родилась в семье айнов, принадлежащих к общине Тикафуми региона Исикари. Песни сборника написаны на диалекте этого региона, который в нынешнее время является вымершим диалектом айнского языка. В 1920 г. Тири Юкиэ начинает записывать песни *камуи юкар*, вдохновившись интересом к айнскому устному фольклору японского исследователя Киндайти Кёсукэ, посетившего её семью ранее, в 1918 г. В 1922 г. Юкиэ заканчивает работу над сборником, но умирает от наследственной болезни сердца, так и не увидев его публикации. Сборник был опубликован после её смерти, в 1923 г.

Жизнь Тири Юкиэ пришлась на время, когда японское правительство уже начало деятельность по приобщению айнов к японской культуре. К тому времени айнов вынудили сменить свои имена на японские, запретили заниматься их традиционной деятельностью — охотой и рыбной ловлей, было запрещено проведение множества ритуалов. Айнов обучали японскому языку, истории и культуре Японии. Однако айны подвергались огромной дискриминации со стороны японцев, поэтому многие стали стыдиться своего происхождения и сами отказывались от использования родного языка и продолжения родных традиций. Чтобы родной язык и традиции не были окончательно утеряны, Юкиэ составляет сборник «*Айну синъёсю*». Она также переводит его на японский язык, который был для неё вторым родным языком, явно рассчитывая на то, что его прочтёт и японская аудитория.

Камуи юкар, к жанру которого принадлежат песни «*Айну синъёсю*», можно перевести как «песни богов». Этот жанр можно разделить на 2 подгруппы: непосредственно *камуи юкар* — песни природных богов, чаще всего представленных животными или птицами, и *ойна* — песни богов, воплощённых в людях. Здесь главным действующим персонажем чаще всего становится Окикир-

муи — легендарный герой, считающийся прародителем и просветителем айнов.

Песни этого жанра исполнялись от первого лица, то есть от лица бога, и в своём сюжете содержали тот или иной эпизод из жизни богов, включающий некоторый поучительный смысл. Для того чтобы показать принадлежность рассказа, в конце повествования добавлялась фраза «так рассказывал бог...». Особенностью песен этого жанра является наличие припева *sakexe*. *Sakexe* могло быть подражанием голосу живого существа или его манере поведения, но целью *sakexe* было обозначение действующего лица. То есть смена *sakexe* означает смену действующего лица песни. Бывает, что смена *sakexe* происходит вслед за сменой темы повествования внутри одного рассказа. То есть, припев *sakexe* не только указывает на персонажа, от лица которого пойдёт повествование, но и является небольшим введением в сюжет.

Так как айны относились к политеистическим народам, они обожествляли природу. Однако не все проявления природы почитались за богов. Бог для айнов — это то, что содержит душу божества, которая либо живёт в мире богов и спускается в мир людей, либо живёт в мире людей, воплощённая в предметах живой или неживой природы. Считалось, что на небесах боги имеют облик людей и ведут обычный для людей образ жизни, но, спускаясь на Землю, они меняют его на облик животного или птицы. Например, рыбный филин, касатка и медведь были самыми почитаемыми среди айнов. Так как они являлись самыми крупными представителями своей среды обитания, их почитали за воплощения богов деревни, моря и гор соответственно, которые спустились в мир людей из мира богов. Целью их пребывания на Земле считали контакт с людьми, в связи с чем убийство живых существ рассматривалось как угодное богам действие, если люди при этом проводили положенные ритуалы. Например, в первой песне люди с помощью ритуала помогают боже-ству вернуться домой на небеса.

Исполнение ритуалов считалось важным. Для того чтобы заручиться благосклонностью богов, попросить их о чём-либо или поблагодарить за уже проявленную ими милость, айны молились и делали подношения богам в виде вина и ритуальных палочек *inau*, которые, как они считали, невозможно сделать в мире богов, поэтому они были желанным подарком. Молитвы и подношения сопровождались ритуалами, которые проводились для того, чтобы проявить к

богу большее уважение или порадовать бога. Считалось, что если не обращаться с душой бога или с его дарами должным образом, то бог разозлится, перестанет посещать мир людей или перестанет одаривать людей своей милостью, что приведёт к голоду. Появление бога в мире людей означало появление ценного для охоты животного, в облике которого он появлялся, а значит возможность получить мясо, шкуру, клыки животного. Взамен боги могли поучаствовать в пире, устроенном людьми и получить с собой на небеса вино и ритуальные палочки *инау*.

Айны никогда не проводили ритуалы и не совершали подношения злым божествам, так как считали их недостойными. Взамен, если что-то случалось, люди обращались за помощью к добрым богам. Помощь людям и борьба со злом являлись важными функциями и легендарного героя айнов. В отличие от большинства богов, легендарный герой Окикирмуи представлялся айнами в облике человека, но с силами и возможностями бога. Побеждая злых божеств, он отправлял их души в подземный мир — своего рода чистилище для злых богов (души людей туда не попадали), откуда они уже не могли выбраться, поэтому такая смерть считалась страшной участью.

Сборник песенного эпоса айнов является важным источником знаний о жизни, культуре, традициях и верованиях данного народа. На русский язык сборник был переведен по книге Катаяма Тацуминэ «Айну синъёсю о ёмитоку» [Katayama, 2003, p. 14–436] с использованием книги «Айну синъёсю» [Chiri, 1978, p. 5–183].

Содержание:

Предисловие

1. Песнь, что пел о себе бог Филин «Серебряные капли падают-падают вокруг»
2. Песнь, что пел о себе Лис «Това-това-то»
3. Песнь, что пел о себе Лис «Хайкун тэркэ хайко ситэмтури»
4. Песнь, что пел о себе Заяц «Сампая тэркэ»
5. Песнь, что пел о себе злой бог болот¹ «Харит кунна»
6. Песнь, которую пел о себе бог Волчонок «Хотэнао»
7. Песнь, которую пел о себе бог Филин «Конкува»
8. Песнь, что пел о себе бог Касатка «Атуйка томатомаки кунтутэаси хм-хм»
9. Песнь, что пела о себе Лягушка «Тороро ханрок-ханрок»

¹ Дракон.

10. Песнь, что пел о себе маленький Окикирмуи «*Кутниса кутун-кутун*»
11. Песнь, что пел о себе маленький Окикирмуи «Этот песок красен, красен»
12. Песнь, что пела о себе Выдра «*Каппа рэу-рэу каппа*»
13. Песнь, что пел о себе Моллюск² «*Тонупэка ран-ран*»

Предисловие

В давние времена этот просторный остров Хоккайдо был вольной землёй наших предков. Объятые прекрасной матерью-природой они, словно наивные дети, жили свободной и полной радостей жизнью. Настоящие любимцы природы, как счастливы они, должно быть, были!

Зимой, на суше, рассекая глубокий снег, покрывший поля и леса, невзирая на холод, заморозивший землю, преодолевая гору за горой, они охотились на медведей. Летом, на море, на зелёных волнах, по которым гуляет прохладный ветерок, под крики белых чаек они целыми днями ловили рыбу, спустив на воду маленькие, словно листики деревьев, лодочки. Весной, когда распускаются цветы, купаясь в мягком солнечном свете, вместе с бесконечно щебечущими птичками, они проводили дни в песнях и собирали травы *фуки*³ и *ёмоги*⁴. Алой осенью они собирали созревшие колосья мисканта, ровно уложенные под сильным ветром. Гасли факелы, горящие до самых сумерек, пока мужчины ловили лосося. Из долин слышался рёв оленя, зовущего свою подругу, а наши предки загадывали желания при полной луне. Ах, до чего, должно быть, приятна такая жизнь! Это состояние гармонии осталось в прошлом. Сколько десятилетий прошло с тех пор, как были разрушены мечты? Эта земля быстро меняется: горы и равнины сменяются деревнями, деревни — городами, всё меняется одно за другим.

Образы той природы, бывшей в старину, незаметно побледнели. Многочисленные народы, счастливо жившие на равнинах и в горах, — где они сейчас? Мы, немногие оставшиеся из этого рода, лишь изумлённо раскрыв глаза, наблюдаем за развивающимся миром. Однако из этих глаз пропало сияние прекрасных душ древ-

² Пресноводный двустворчатый моллюск рода Беззубки.

³ 蒬 — белокопытник.

⁴ 蓬 — полынь.

них людей, которые в каждом движении руководствовались чувством веры. Наши глаза наполнились тревогой, горят недовольством; их взгляд, затупившись и не различая правильного пути, должен полагаться на жалость других. Какой позор! Вымирающие люди... Это наше нынешнее имя. Как же прискорбно имя, что мы носим!

Счастливые наши предки, жившие в старину, должно быть, не могли и на миг представить, что их родина в конце окажется в таком жалком состоянии.

Беспрерывно течёт время, безгранично развивается мир. Возможно, когда-нибудь придёт и тот день, когда среди ныне живущих, подвергнувшихся бесчестию, потерпевших поражение в ожесточённой борьбе, появятся сильные люди. Пусть всего двое или трое. Тогда мы сможем пойти в ногу с развивающимся миром. Именно в этом заключается наша пылкая надежда. Это то, о чём мы молимся и днём, и ночью.

Однако... Неужто вместе со всеми нерешительными, вымирающими слабаками так просто исчезнут и богатый язык, который и в горе, и в радости использовали наши любимые предки, чтобы объясняться друг с другом, множество прекрасных слов, которые они нам оставили и которые мы привыкли слышать? О, слишком печально расставаться с ними! Какая жалость!

Родившаяся в народе айну и выросшая в среде айнского языка, я неловко записала несколько малюсеньких историй из числа разнообразных рассказов, которые в увеселениях рассказывали наши предки. Я собирала их дождливыми вечерами и снежными ночами — каждый раз, когда было время.

Если станет возможным, что этот текст прочтёт множество людей, которые поймут нас, я и предки моего рода на самом деле познаем беспредельную радость и наивысшее счастье.

1 день 3 месяц 11 год Тайсё (1922 год)
Тири Юкиэ

1. Песнь, что пел о себе бог Филин⁵ «Серебряные капли падают-падают вокруг»

«Серебряные капли падают-падают вокруг,
Золотые капли падают-падают вокруг» —

⁵ Рыбный филин — бог, почитающийся в качестве бога деревни.

Напевая такую песню, я спускался вниз по течению реки.
Пролетая над деревней людей, я посмотрел вниз и увидел,
Что бывшие некогда нищими ныне стали богатыми,
А бывшие некогда богатыми ныне стали нищими.

На морском побережье человеческие дети играли с маленькими
луками и маленькими стрелами.

Когда, напевая песню «Серебряные капли падают-падают вокруг,
Золотые капли падают-падают вокруг»,

Я пролетал над мальчиками,

Они, бегая подо мной, воскликнули:

«Прекрасная птица! Божественная птица»⁶!

Пусть тот из нас, кто в эту птицу,

Божественную птицу, попадёт,

И кто первым её подберёт,

Тот истинно храбрый, истинно сильный человек».

Сказав так, дети некогда бывших нищими, а ныне богатых,

Положили золотые маленькие стрелы на тетивы золотых малень-
ких луков и пустили их в меня.

И тогда я пропустил золотые стрелы под собой, пропустил их над
собой.

В это время среди мальчиков я заметил одного,

Который держал обычный маленький лук и обычную маленькую
стрелу.

Когда взглянул я на него, по одежде было понятно, что это сын
нищих людей.

Однако, когда присмотрелся я к выражению его глаз, показалось
мне, что потомок он богатых людей.

Как будто иная птица в стае всех остальных.

Теперь он положил обычную маленькую стрелу на тетиву обыч-
ного маленького лука и прицелился в меня.

И тогда все дети бывших некогда нищими, а ныне богатых, засмея-
лись и сказали:

«Дерзкий сын нищих!

Эта птица, божественная птица, не приняла даже наши золотые
стрелы.

Неужто эта птица, божественная птица, взаправду-взаправду примет
Обычную твою стрелу, сына нищих, стрелу из прогнившего дерева?»

⁶ Имя «*камуми чикап*», или «божественная птица», употреблялось только в отноше-
нии рыбного филина.

Говоря так, они пинали и били сына нищих.
Однако сын нищих, ничуть не колеблясь, прицелился в меня.
Увидел я это и сочувствием наполнилось моё сердце.
Напевая песню «Серебряные капли падают-падают вокруг;
Золотые капли падают-падают вокруг»,
Я медленно кружил по небу.
Нищий мальчик отодвинул одну ногу, выставил другую ногу,
Закусил губу и, прицелившись, пустил в меня стрелу.
Эта маленькая стрела, сияя, летела ко мне.
Я вытянул руки и схватил эту маленькую стрелу.
Кружась я падал и в ушах моих свистел ветер.
Все дети разом побежали.

Поднимая за собой огромный столб пыли⁷ и соревнуясь друг с другом, они устремились ко мне.

Как только упал я на землю, первым подбежал и схватил меня нищий мальчик.

Сразу после него подбежали дети нынешних богачей, некогда бывших нищими.

Двадцатью-тридцатью бранными словами они его ругали,
Все вместе толкали и били нищего мальчика.

«Ничтожный мальчишка, нищий мальчишка,

Ты опередил нас в том, что мы собирались сделать с самого начала».

Так говорили они, но нищий мальчик продолжал накрывать меня собой и крепко прижимал меня к животу.

Прошло много времени, когда, наконец, он смог внезапно выбежать из толпы.

И после этого он продолжал быстро бежать.

Сыновья некогда бывших нищими, а ныне богатых,

Кидали в него камни и деревянные палки,

Но нищий мальчик, ничуть не колеблясь,

Бежал, поднимая за собой огромный столб пыли.

Так добежал он до стен одного маленького дома.

Как только мы прибыли, маленький мальчик

Пропустил меня через священное окно⁸, прибавляя слова приветствия,

⁷ В оригинале — песчаная метель (砂吹雪, «суна фубуки»).

⁸ Окошко с восточной стороны в доме айнов. Использовалось исключительно в ритуальных целях, так как считалось, что через него боги входят в дом и выходят из него.

И в подробностях рассказал всё, что произошло.
Из глубины дома вышли пожилые муж с женой.
Они одновременно стали поднимать руки вверх, опускать их
вниз⁹.

Посмотрел я на них — и вправду нищие люди,
Но облик у них благородный.
Как только они увидели меня, тут же низко склонились.
Мужчина покрепче перевязал пояс
И почтил меня следующими словами:
«Бог Филин, достопочтимый бог,
Благодарю, что вы посетили наш нищий дом.
Некогда были мы в числе состоятельных людей,
Но сейчас, как видите, мы пребываем ничтожными нищими.
Бог деревни, достопочтимый бог,
Милостиво с вашей стороны посетить нас.
Сейчас уже поздно, поэтому этой ночью достопочтимый бог оста-
новится у нас,

А завтра я собираюсь проводить достопочтимого бога хотя бы
просто с *инау*¹⁰».

Сказав так, он двадцать раз, тридцать раз повторил молитву.
Мужчина постелил под священным окном¹¹ узорчатую циновку
И положил меня на неё.
После этого все легли спать и сразу захрапели.
Так сидел я между своими ушами¹².
Но как только наступила полночь, я встал.
«Серебряные капли падают-падают вокруг,
Золотые капли падают-падают вокруг» —
Тихо напевая эту песенку,
Я полетел в левую часть дома, я полетел в правую часть дома,
И звенел мой полет — *тирин-тирин*.
Взмахивал я крыльями,

⁹ Так муж с женой выражали приветствие.

¹⁰ Имеется в виду церемония отправления души бога на небеса *иомантэ*, которая обычно проводится в присутствии всех жителей деревни, для бога устраивается пир и ему преподносят множество даров, однако, так как эта семья бедная, они не могут предложить богу ничего, кроме ритуальных палочек *инау*.

Инау — ритуальные струганные палочки, которые вместе с вином айны преподносили богам в знак почтения.

¹¹ Место в доме, выделяемое для почётных гостей.

¹² Айны считали, что душа бога располагается на голове, между его ушами.

И вокруг меня осыпались прекрасные сокровища, священные сокровища,

Звенели они — *тярин-тярин*.

Всего за мгновение я наполнил этот маленький дом прекрасными сокровищами, священными сокровищами.

Напевая песню

«Серебряные капли падают-падают вокруг,

Золотые капли падают-падают вокруг»,

Всего за мгновение из этого маленького дома я сделал большой богатый дом.

В глубине дома создал я великолепный алтарь для сокровищ¹³.

Затем я быстро изготовил прекрасные одежды и украсил ими место близ алтаря¹⁴.

Закончив украшать этот большой дом,

Что стал больше богатых домов,

Я, как и прежде, сел у себя между ушами.

После чего показал домочадцам сон.

Увидел я, что состоятельные люди из-за невезения стали нищими

И были вынуждены терпеть насмешки и издевательства от людей,

Что были некогда нищими, но ныне богаты.

Я посочувствовал им.

И хоть я бог не низкого происхождения,

Но остановился я в человеческом доме и обогатил его —

Об этом известил я семью.

Спустя немного времени рассвело,

И домочадцы все вместе проснулись.

Протирая глаза, они осмотрелись

И оцепенели от удивления, так и сидя на полу.

Женщина заплакала в голос.

Мужчина сдержанно пролил две-три слезинки,

Затем поднялся с пола, подошёл ко мне,

Двадцать раз, тридцать раз повторил он молитву.

И к ней добавил:

«Думали мы, что всё это просто грёзы, просто сон,

Но к нашему удивлению, вы на самом деле всё это сделали для нас.

¹³ Место по правую сторону от священного окна у северной стены, где айны хранили самые ценные предметы – предметы для охоты и рыбной ловли, ритуальные предметы и сосуды.

¹⁴ Рядом с алтарём айнские женщины хранили одежды.

За то, что посетили наш нищий, ничтожный дом,
Уже мы благодарны,
Но вы, бог деревни, достопочтимый бог, посочувствовали нашему невезению.

Это самая большая милость, что мы могли бы получить», —
Проливая слёзы, поблагодарил он.
После этого срезал мужчина дерево, чтобы сделать *инау*,
Сделал прекрасные *инау* и украсил меня ими.
Женщина потуже затянула пояс и взяла себе в помощники маленького мальчика.

Насобирали они дров, начерпали воды и стали готовить вино¹⁵.
За мгновение у почётного места¹⁶ поставили они шесть чаш¹⁷,
наполненных вином.

После чего сели мы со старушкой богиней огня¹⁸
И стали рассказывать друг другу разные божественные истории.
Спустя два дня по дому разносился аромат вина,
Ибо это излюбленный напиток богов.
Итак, специально муж с женой одели мальчика в старые одежды
И отправили в деревню пригласить к себе всех,
Кто некогда был нищим, а ныне богатый.
Я наблюдал, как маленький мальчик заходил во все дома и передавал приглашение.

А в домах бывших некогда нищими, а ныне богатых, все смеялись:
«Как необычно! Что за вино приготовили эти наглые нищие?
На какой это пир зовут они гостей?
Давайте сходим посмотрим на это,
А после посмеёмся».
Собралась большая толпа и пошли они к дому...
Были те, кто, издав далеко только завидев дом, изумились, застыдились и сразу повернули обратно.
Были и те, кто, подойдя к дому, оцепенели на месте.
Увидев это, хозяйка вышла из дома, взяла всех за руку и привела в дом.

¹⁵ Алкогольный напиток, который айны готовили из проса. Процесс изготовления был похож на пивоварение и занимал около 3-5 дней.

¹⁶ Место во главе стола, напротив священного окошка, куда сажали почётных гостей.

¹⁷ Число шесть в языке айнов имеет значение «множество».

¹⁸ Богиня, воплощённая в очаге дома, почитаемая защитницей дома и семьи.

Все входили, робко опустившись на колени и передвигаясь ползком¹⁹,

Но никто не смел поднять головы.

Тогда поднялся хозяин дома и уверенно заговорил,

А голос его был звонок, словно голос кукушки.

Сказал он следующее:

«Так как были мы нищими,

Не могли мы с вами посещать друг друга, не чувствуя разницы между нами.

Но достопочтимый бог посочувствовал нам.

И, так как не сделали мы ничего плохого,

Вот так наградил он нас своей милостью.

В связи с чем хотим мы, чтобы теперь вся деревня объединилась,

Чтобы мы жили дружно и посещали друг друга.

Вот, о чём хотим мы всех попросить».

После его слов люди сложили руки в извиняющемся жесте,

Извинились перед хозяином дома

И договорились с этих пор жить дружно.

Меня они тоже почтили.

Все, расслабившись, подливали друг другу непревзойдённое вино.

Я тоже весело провёл время,

Беседуя с богиней огня, богом дома и старушкой богиней *нуса*²⁰

И наблюдая за танцами и плясками людей.

Спустя два-три дня пир закончился.

Увидев, что все люди стали ладить друг с другом,

Я успокоился.

Попрощался я с богиней огня, богом дома и со старушкой богиней *нуса*

И вернулся к себе домой²¹.

До того, как я вернулся,

Мой дом уже был наполнен прекрасными *инау* и вкусным вином.

Тогда отправил я сообщение богам, что живут близко и далеко,

И пригласил их выпить вместе непревзойдённого вина.

И на пиру я рассказал богам,

Как посетил человеческую деревню.

¹⁹ Такая манера поведения была принята у айнов, если кто-то посещал чужой дом.

²⁰ *Нуса* — это купа *инау*, служившая для ритуальных целей и как оберег.

²¹ Дома богов находятся на небесах.

В подробностях рассказал
Всё, что там произошло.
Боги похвалили меня за это.
А когда боги собрались возвращаться по домам,
Я преподнёс им по два-три²² прекрасных *инау*.
Когда теперь смотрю на людей из той деревни —
Все они спокойно живут и ладят друг с другом.
А хозяин того дома стал главой деревни.
Тот мальчик ныне уже стал взрослым.
У него есть жена и дети,
И он исправно выполняет свой сыновний долг перед родителями.
Каждый раз, когда готовят они вино,
Они сначала почитают меня, преподнося мне много *инау* и много
вина.
Я тоже всегда присматриваю за ними
И защищаю мир людей.

Так рассказывал бог Филин.

2. Песнь, что пел о себе Лис

«Това-това-то»²³

Това-това-то.

Однажды я вышел на морское побережье, что за горой,
В поисках еды.

Среди камней ловко това-това-то,
Среди деревьев ловко това-това-то,
Выбежал я на берег и, посмотрев вперёд,
Увидел, что на берег, что за горой, выбросился кит,
И там чернела группа людей.

Нарядно одетые, люди танцевали и плясали по случаю добычи.
Другие резали мясо и передавали его друг другу.
Благородные мужи²⁴ ходили туда-сюда,
Другие молились добыче, а третьи точили ножи.
Увидев это, я невероятно обрадовался.
«Поскорей бы туда добраться!

²² Значение этой фразы в *камуй юкар* также можно определить, как «множество».

²³ Звукоподражание голосу лисы.

²⁴ Предположительно, старейшины деревень.

Хочу, чтобы и мне досталось хоть чуть-чуть» —
Так размышляя,
Закричал я «Ура! Ура!».
Среди камней ловко *това-това-то*,
Среди деревьев ловко *това-това-то*,
Я побежал.
А когда приблизился и посмотрел...
Вот уж не ожидал!
Думал лишь о том, что на берег вынесло кита.
Но на берегу, что за горой, собаки устроили себе туалет.
И то, что я принял за кита,
Было лишь горой фекалий.
Думал я, что люди танцуют и пляшут по случаю добычи,
Режут и переносят мясо.
А оказалось, что вороны
Клюют и растаскивают фекалии,
И скачут туда-сюда.
Я сильно разозлился на себя.
«В замутнённые глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
В незрячие глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
Из-под хвоста воняет, *това-това-то*;
Под хвостом все сгнило, *това-това-то*;
Сзади выходит гной, *това-това-то*;
Сзади выходит отстой, *това-това-то*;
Как ты умудрился увидеть такое?»
И снова
Среди камней ловко *това-това-то*,
Среди деревьев ловко *това-това-то*,
Я побежал вдоль побережья.
Посмотрев вперёд, я увидел лодку.
А в лодке двое людей выражали друг другу своё негодование.
Я подумал:
«Как необычно! Не случилось ли чего, что они так себя ведут?
Может, лодка перевернулась и за борт упали люди?
Поскорей бы добраться прямо туда!
Хочу послушать, что говорят люди».
И вот, громко извещая о происшествии,
Среди камней ловко *това-това-то*,
Среди деревьев ловко *това-това-то*,

Я помчался туда и увидел...
То, что я принял за лодку, было скалой на морском берегу.
Те, кого я принял за людей,
Были лишь двумя большими бакланами.
Два больших баклана вытягивали и втягивали свои длинные шеи,
И это мне показалось обменом негодованиями.
«В замутнённые глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
В незрячие глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
Из-под хвоста воняет, *това-това-то*;
Под хвостом всё сгнило, *това-това-то*;
Сзади выходит гной, *това-това-то*;
Сзади выходит отстой, *това-това-то*;
Как ты умудрился увидеть такое?»
И снова
Среди камней ловко *това-това-то*,
Среди деревьев ловко *това-това-то*,
Помчался я вверх вдоль течения реки.
Далеко вверх по реке были две девушки.
Стоя на месте отмели, они обе плакали.
Увидев это, я удивился.
«Как необычно! Что за несчастье случилось?
Что за весть им пришла, что они так плачут?
Поскорей бы туда добраться!
Хочу послушать, что говорят люди», —
Так я подумал.
Среди камней ловко *това-това-то*,
Среди деревьев ловко *това-това-то*,
Я помчался туда и увидел,
Что посреди реки стоят две ивы.
Два их ствола шатаются, попадая под напор реки.
Их силуэты я принял за двух девушек,
Которые плакали, поднимая и опуская головы друг к другу.
«В замутнённые глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
В незрячие глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
Из-под хвоста воняет, *това-това-то*;
Под хвостом всё сгнило, *това-това-то*;
Сзади выходит гной, *това-това-то*;
Сзади выходит отстой, *това-това-то*;
Как ты умудрился увидеть такое?»

И снова вверх вдоль течения реки
Среди камней ловко *това-това-то*,
Среди деревьев ловко *това-това-то*,
Я помчался домой.
А когда прибежал и посмотрел вперёд...
Что здесь случилось?
Мой дом в огне.
Дым, поднимающийся в небо,
Выглядит будто огромное чёрное облако.
Я так удивился, так испугался, что чуть не потерял сознание.
Поднял я клич опасности²⁵ и побежал.
И вдруг,
Издали ко мне кто-то бежит, громко провозглашая опасность.
Оказалось, что это моя жена.
С удивлённым выражением лица и задыхаясь, она прерывисто
спросила:
«Муж, что случилось?»
Тогда взглянул я на свой дом...
Казалось мне, что дом горел,
Но дом стоит, как и прежде.
Нет ни огня, ни дыма.
Понятно.
Как раз в то время, когда моя жена шелушила чумизу, подул сильный ветер.
Так как она подбрасывала чумизу на веялке²⁶, её шелуха разлеталась на ветру.
Это и показалось мне дымом.
Хотя ушёл я в поисках еды, я ничего не добыл.
Вдобавок к этому, я поднял такой громкий клич, извещая опасность,
Что моя жена испугалась и побросала и чумизу, которую шелушила на веялке, и саму веялку.

²⁵ В случае опасности айны использовали громкий клич, чтобы оповестить всех жителей деревни об опасности. Обычно это делали женщины, так как их голос выше мужского и будет слышен даже на дальних расстояниях. Но в крайних случаях такой клич могли поднимать и мужчины.

Айны также умели различать лисьи сигналы опасности, которые те подают своим сородичам.

²⁶ 箕 («ми») — орудие для отсеивания зерна от шелухи и других посторонних предметов.

Поэтому этим вечером у нас не будет даже каши из чумизы.
 Я сильно разозлился и повалился на кровать.
 «В замутнённые глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
 В незрячие глаза твои грязь попала, *това-това-то*;
 Из-под хвоста воняет, *това-това-то*;
 Под хвостом всё сгнило, *това-това-то*;
 Сзади выходит гной, *това-това-то*;
 Сзади выходит отстой, *това-това-то*;
 Как ты умудрился увидеть такое?»

Так рассказывал о себе лисий вожак.

3. Песнь, что пел о себе Лис «Хайкун тэркэ хайко ситэмтури»

Хайкун тэркэ хайко ситэмтури.

На мысу Земли, на божественном мысу
 Я сидел.

Однажды я вышел

И увидел, как на гладкой и тихой поверхности моря

Окикирмуи, Супунрамка и Самаюнкур²⁷

Сели втроем в лодку и отправились рыбачить в открытое море.

Тогда вскипела во мне моя дурная натура.

Над этим мысом, над мысом Земли, над божественным мысом,

Вверх по течению реки, вниз по течению реки,

Напрягая поясницу, я легко побежал.

Способный разломить стволы деревьев, раздавался мой злобный
 рык.

Неотрывно следил я за истоком этой реки

И зывал к злему духу непогоды.

Тогда поднялся у истока этой реки сильный ветер, вихревой ветер,

И ринулся на побережье.

Как только двинулся он на море, море перевернулось вверх дном:

Верхний слой воды оказался внизу, а нижний слой воды оказался
 наверху.

Рыбацкую лодку Окикирмуи и его друзей вынесло в открытое
 море,

²⁷ Легендарные герои, часто появляющиеся в эпосе айнов. Самым почитаемым из них является Окикирмуи, считающийся прародителем и просветителем айнов.

Где встречаются внешнее и внутреннее море²⁸.

Там лодку закрутило среди внезапно появившихся волн.

Штормовые волны поднимались, как горы,

И обрушивались на лодку.

Окикирмуи, Самаюнкур и Супунрамка

Изо всех сил гребли, поддерживая себя кличем.

Их маленькая лодка подлетала, словно опавший листик на ветру.

Даже когда казалось, что она вот-вот перевернётся,

Люди прилагали большие усилия,

Поэтому их маленькая лодочка даже при таком ветре

Продолжала скользить на поверхности воды.

Увидел я это, и вскипела во мне моя дурная натура.

Напрягая поясницу, я легко побежал.

Способный разломить стволы деревьев, раздавался мой злобный рык.

Изо всех сил старался я помочь злему духу непогоды.

Спустя некоторое время у Самаюнкура

И внутренняя, и тыльная стороны рук закровили.

От усталости он потерял сознание²⁹.

Увидев это, я ухмыльнулся.

Потом я снова, вложив все силы,

Напрягая поясницу, легко побежал.

Способный разломить стволы деревьев, раздавался мой злобный рык.

Помогал я злему духу непогоды.

Теперь Окикирмуи и Супунрамка вдвоём,

Гребли так сильно, что казалось, будто их крепкие вёсла вот-вот сломаются.

Спустя некоторое время у Супунрамки

И внутренняя, и тыльная стороны рук закровили.

От усталости он потерял сознание.

Я ухмыльнулся.

После этого я снова, вложив все силы,

²⁸ Внешнее море айны определяли как «море людей из открытого моря». Внутреннее море они называли «морем людей с суши», под которой подразумевали о. Хоккайдо.

²⁹ В оригинале — «умер от усталости». Однако здесь и в других рассказах это выражение следует понимать в значении «потерять сознание». Айны считали, что, когда человек теряет сознание или засыпает, его душа покидает тело, и это может закончиться смертью. Поэтому теряя сознание, люди умирают, а придя в себя, снова воскресают.

Напрягая поясницу, легко побежал.
Способный разломить стволы деревьев, раздавался мой злобный рык.

Изо всех сил я старался,
Однако Окикирмуи не показывал усталости.
Одетый в одну тонкую рубашку,
Он грёб изо всех сил.
Когда сломалось весло у него в руках,
Он подлетел к потерявшему сознание Самаюнкуру,
Выхватил у него весло
И один продолжил грести изо всех сил.
Увидел я это, и вскипела во мне моя дурная натура.

Способный разломить стволы деревьев, раздавался мой злобный рык.

Напрягая поясницу, я легко побежал —
Изо всех сил старался я помочь злему духу непогоды.
Весло Самаюнкура тоже сломалось.
Поэтому Окикирмуи подлетел к Супунрамке,
Выхватил у него весло
И продолжил грести так, что казалось, будто крепкое весло вот-вот сломается.

И это весло также сломалось.
И тогда Окикирмуи твёрдо встал посреди лодки.
Я не мог и подумать, что среди ураганного ветра
Человек увидит меня.
Однако поднял он глаза в сторону мыса Земли, божественного мыса,
И заглянул мне прямо в глаза.
На его спокойном до сих пор лице проявился гнев.
Он начал искать что-то в своей кожаной сумке³⁰.
Смотрел я, ожидая, что же он оттуда достанет.
Достал он маленький полынный лук и маленькую полынную стрелу³¹.

Увидев это, я ухмыльнулся.

«Что бы люди ни делали, мне ничего не страшно!

Что может сделать человек маленькой стрелой из полыни?» —

³⁰ Такая сумка делалась из водостойкой кожи и использовалась айнами во время рыбной ловли.

³¹ 蓬 («ёмоги») — атрибут легендарного героя айнов. Считалось, что полынь обладает способностью изгонять зло и болезни.

Так размышляя,
Над этим мысом, над мысом Земли, над божественным мысом,
Вверх по течению реки, вниз по течению реки,
Напрягая поясницу, я легко побежал.
Способный разломить стволы деревьев, раздавался мой злобный
рык.

Благодарил я злого духа непогоды.
В это время прилетела маленькая стрела, выпущенная Окикирмуи,
муи,

И вонзилась мне в глотку.
После этого я потерял сознание и больше ничего не помню.
Через некоторое время я очнулся и посмотрел вокруг —
Стояла хорошая погода, на море был штиль.
Рыбачкой лодки Окикирмуи нигде не было.
Не знаю почему, но было такое чувство,
Будто от макушки до кончиков пальцев на ногах я весь сморщился,

Словно сожжённая берёзовая кора.
Вот уж не думал, что выпущенная человеком маленькая стрела
Может причинить мне столько страданий.
Но когда я резко подвигал ногами, это было мучительно больно.
Над этим мысом, над мысом Земли, над божественным мысом,
Вверх по течению реки, вниз по течению реки,
Громко плача, я бегал, как бешеный.
Днями и ночами я то терял сознание, то снова приходил в себя³².
В результате, я снова потерял сознание.
Когда я очнулся через некоторое время,
Увидел, что сижу между ушей большого чёрного Лиса.
Прошло около двух дней и ко мне пришёл Окикирмуи, похожий
на бога.

Ухмыляясь, он сказал:

«Как интересно!

Бог чёрный Лис — хранитель мыса Земли, божественного мыса,
Имел ты доброе сердце,
Вот и умер ты достойно».

После этого схватил меня за голову и отнёс к себе домой.
Из костей моей верхней челюсти сделал он себе туалет,
Из костей моей нижней челюсти сделал он туалет для жены.

³² В оригинале — «то умирал, то оживал». См. комментарий 29.

Тело моё осталось гнить, брошенное на земле.
После этого и днём, и ночью страдал я от невыносимой вони.
И умер страшной, ничтожной смертью.
Не был я богом низкого ранга,
Но было у меня очень злое сердце,
Поэтому умер я бессмысленной, страшной смертью.
Мои наследники Лисы!
Ни в коем случае нельзя иметь злое сердце!

Так рассказывал о себе бог Лис.

4. Песнь, что пел о себе Заяц

«Самная тэркэ»³³

Самная тэркэ.

Преодолевая две-три долины,
Я беззаботно следовал в горы за своим старшим братом.
Каждый день я следовал за старшим братом,
И видел поставленные людьми ловушки.
Каждый раз старший брат обезвреживал их, заставляя их выстрелить³⁴.

Я только смеялся над этим.
Вот и сегодня я пошёл с ним.
Не мог я такого и представить,
Но мой старший брат попал в ловушку и громко плакал.
Удивившись, я подпрыгнул к брату.
Тогда он со слезами сказал мне:
«Теперь, мой младший брат,
Ты беги в нашу деревню.
Подойдя к деревне³⁵, прокричи:

³³ Можно перевести как «проклятый прыжок».

³⁴ Ловушка располагалась вертикально: сверху крепился лук с курком ловушки, внизу располагался деревянный брусок на небольшом расстоянии от земли. Между ними располагалась скользящая часть дерева в виде молота, которая была связана с нижним бруском веревкой. Когда животное наступало на брусок или задевало веревку, веревка натягивалась, срабатывал курковой механизм и скользящая часть падала на лапу животного.

³⁵ В оригинале есть уточнение — «с задней стороны деревни», так как подразумевается, что заяц придёт в деревню со стороны гор. «Передней стороной» деревни айны называли ту, что выходила к реке или морю.

“Мой старший брат попал в ловушку! Ху-о хохой³⁶”».

На его слова я ответил согласием.

После чего, преодолев две-три долины,

Я беззаботно спустился к деревне.

Подойдя к деревне,

Я в первый раз вспомнил, что старший брат послал меня с поручением.

Собрался я уже закричать изо всех сил,

Но совершенно забыл, зачем посылал меня старший брат.

Я остановился и попытался вспомнить, но так и не смог.

Тогда я, снова преодолевая две-три долины,

Беззаботно пошёл-поскакал в обратном направлении.

Дошёл я до того места, где был мой старший брат,

Но его там уже не было.

Только кровь брата осталась на земле.

(На этом рассказ перепрыгивает в другое место)

«Кетка вой-вой, кетка-кетка вой кетка»³⁷.

Каждый день ходил я в горы,

Обезвреживал установленные людьми ловушки, заставляя их выстрелить.

Это лишь забавляло меня.

Однажды я увидел ловушку, установленную на прежнем месте,

А рядом был установлен лук из полыни.

Я подумал:

«Для чего люди используют такую вещь?»

Захотелось мне позабавиться,

Поэтому собрался я слегка прикоснуться и сразу сбежать.

Но неожиданно я попался в ловушку,

Что-то пронзило мою переднюю лапу.

Чем больше я пытался выбраться из ловушки,

Тем крепче она меня сжимала.

Я ничего не мог поделать, поэтому заплакал.

В это время ко мне кто-то подпрыгнул.

Посмотрев, я увидел, что это мой младший брат.

³⁶ Клич опасности, извещающий о том, что что-то произошло.

³⁷ Слово «кетка» можно определить, как «палка для натягивания дубленой кожи», «вой-вой» означает плач.

Я обрадовался и отправил его сообщить нашим товарищам о том, что произошло.

После этого, сколько бы я ни ждал, не было ни звука.

Пока я плакал, возле меня появилась фигура человека.

Взглянул я на него — молодой человек был похож на бога.

Он ухмыльнулся, поднял меня и понёс куда-то.

В большом доме алтарь³⁸ был полон сокуриц.

Молодой человек развёл огонь,

Поставил на него большую кастрюлю и снял нож со стены.

Он разрезал моё тело, не сдирая шкуры,

Наполнил кастрюлю, после чего бросил мою голову под кастрюлю

Для поддержания огня.

Я хотел как-нибудь сбежать, поэтому выжидал удобный случай.

Однако молодой человек ни на секунду не сводил с меня глаз.

Я подумал:

«Когда кастрюля вскипит, я, сгорев,

Умру бессмысленной, ужасной, ничтожной смертью».

Наконец молодой человек отвёл от меня взгляд.

Тогда я превратил себя в кусок мяса,

И, скрываясь среди пара, поднимающегося из кастрюли,

Взобрался на край кастрюли.

Спрыгнул с левой стороны

И выбежал наружу³⁹.

Со слезами я убежал оттуда.

Наконец я достиг своего дома

И смог вздохнуть с облегчением.

Я обернулся...

Думал я, что был это простой человек, обычный парень,

А оказалось, что это был смелый, как бог, Окикирмуи.

Думал я, что обычным человеком были установлены ловушки.

Каждый день, каждый день я забавлялся, обезвреживая их.

Это разозлило Окикирмуи

И он решил меня убить с помощью маленького лука из полыни.

Однако я тоже бог не низкого ранга.

³⁸ Место в глубине дома айнов, где они хранили священные реликвии и важные для них вещи. Заполненный алтарь в доме бога свидетельствует о том, что бог почитаем людьми.

³⁹ С левой стороны от очага, то есть на южной стене дома айнов, располагались окна.

Если бы я умер ужасной, ничтожной смертью,
То мои товарищи не знали бы, что и делать.
Окикирмуи посочувствовал мне,
Поэтому не погнался за мной, когда я сбежал.
С этих пор, так как совершил я такую глупость,
Стал я размером с кусок мяса на обед Окикирмуи.
Хотя были зайцы сначала большие, размером с оленя⁴⁰,
Теперь все мои будущие наследники
Наверно, будут такими же маленькими.
Мои наследники Зайцы!
Ни в коем случае не глумитесь над людьми!

Так поведал детям вожак зайцев и умер от старости.

5. Песнь, что пел о себе злой бог болот «Харит кунна»

Харит кунна.

Однажды была хорошая погода,
Поэтому из своего болота
Я высунул наружу только глаза и рот.
Посмотрел вокруг.

И тут со стороны побережья донеслись до меня едва заметные
людские голоса.

Я посмотрел в ту сторону и увидел приближающихся двух молодых людей.

У первого подобающая храбрецу внешность,
Сравнимая с величием бога.

Взглянул я на второго —одет он был неопрятно и выглядел
хилым.

Что-то обсуждая, они приблизились.

Они проходили мимо моего болота, и оказались возле меня.

Идущий позади хилый человек

Постоянно останавливался и затыкал нос.

Он сказал:

«Фу! Возле какого ужасного, вонючего болота мы проходим!

Какое оно грязное! Почему здесь так воняет?»

Только услышав это,

⁴⁰ У айнов существует легенда, что на небесах зайцы были размером с оленей.

Я вышел из себя.

Я вылетел из болота наружу,

И земля раскололась, потрескалась.

Лязгая зубами, я яростно погнался за людьми.

Первый из них, увидев меня, моментально, как рыба, повернул назад,

Пролез подмышкой у хилого человека и первым сбежал.

Я следовал за хилым человеком на небольшом расстоянии,

А как догнал, проглотил его головой вперед.

И вот, я яростно погнался за другим вниз к побережью,

И в результате оказался у большой человеческой деревни.

Пригляделся и увидел, что ко мне приближается старушка богиня огня.

В красном кимоно — подвязав шесть слоёв кимоно поясом, и ещё шесть накинув сверху,

Опираясь на красную трость, она вылетела ко мне.

Она сказала:

«Как необычно! Зачем пришёл ты в эту людскую деревню?

Скорее прочь! Скорее прочь!»

Она замахнулась красной металлической тростью и ударила меня по голове.

С наконецника трости, словно проливной дождь, посыпались на меня язычки пламени.

Однако я не обратил на это никакого внимания.

И лязгая зубами, погнался за тем человеком.

Человек бежал по деревне быстро, словно на колесах.

Я следовал за ним,

И подо мной земля раскалывалась, трескалась.

В деревне огромный переполох:

Кто-то бежит, взяв за руку жену; кто-то бежит, взяв за руку ребенка, —

Все бегут, кричат и плачут, как будто всё вокруг кипит.

Однако я не обратил на это никакого внимания

И продолжал двигаться, поднимая за собой огромный столб пыли.

Тут ко мне подбежала старушка богиня огня

И выпустила надо мной огромный поток пламени.

В это время тот мужчина забежал внутрь одного дома и тут же из него выбежал.

Смотрю — кладёт он маленькую полынную стрелу на тетиву маленького полынного лука,

Направляет её на меня и, ухмыляясь, прицеливается.

Увидев это, мне стало смешно.

«Как будто такая маленькая полынная стрела может кому-то навредить!» —

Так подумав, я, лязгая зубами,

Собрался проглотить его головой вперёд.

В этот момент стрела человека глубоко пронзила мою глотку.

Что было после этого, я не знаю.

Через некоторое время я очнулся и осмотрелся.

Я сидел между ушами огромного дракона.

Собрались все жители деревни.

Тот молодой человек, которого я преследовал, громко раздавал указания.

Люди все вместе разрезали на куски моё мертвое тело,

Собрали их в одном месте и сожгли,

А пепел развеяли за горной скалой.

Теперь, когда я в первый раз взглянул на этого человека, мне стало понятно —

Принял я его за обычного молодого человека,

А оказалось, что это смелый, как бог, Окикирмуи.

Был я страшным и злым богом,

И жил около человеческой деревни,

Поэтому Окикирмуи беспокоился за неё.

Поглумившись надо мной, он вынудил меня преследовать его

И убил полынной стрелой.

Более того, думал я, что хилый человек, которого я вначале проглотил,

Это человек. Но теперь я понял.

Это были фекалии Окикурмуи, которым он придал форму человека и привёл ко мне.

Так как был я злым богом,

Оказался я в ужасном подземном мире.

Наверно, в мире людей теперь не будет ни волнений, ни трудностей.

Я был страшным и злым божеством,

Но проиграл духовной силе одного человека.

Поэтому теперь умру я ничтожной, ужасной смертью.

Так рассказывал о себе злой бог болот.

6. Песнь, которую пел о себе бог Волчонок

«Хотэнао»

Хотэнао

Однажды я заскучал, поэтому вышел на берег реки.

Когда я играл, туда пришёл один низкорослый мужчина.

Когда собирался он спуститься вниз по течению реки, я спускался вперёд него.

Когда собирался он подняться вверх по течению реки, я поднимался вперёд него.

И преграждал ему дорогу.

И вот, когда так повторилось шесть раз вниз и шесть раз вверх,

На лице низкорослого мужчины появилось раздражение.

Он сказал:

«Пии тун-тун, пии тун-тун!

Вредный мальчишка, раз ты вытворяешь подобное,

Угадай-ка, как назывался в прошлом и как сейчас называется этот мыс?»

На что я рассмеялся и ответил следующее:

«Кто же не знает прошлого и нынешнего названия этого мыса!?

Раньше были превосходные времена,

Поэтому люди называли этот мыс “божественным мысом”.

Ныне —период упадка,

Поэтому люди называют его “мысом *инау*”»⁴¹.

На это низкорослый мужчина сказал:

«Пии тун-тун, пии тун-тун!

Мальчишка, раз ты так много знаешь,

Угадай-ка, как называлась в прошлом и как сейчас называется эта речка?»

На что я ответил следующее:

«Кто же не знает прошлого и нынешнего названия этой речки!?

Раньше были превосходные времена,

Поэтому люди называли эту речку “быстротечной”.

Ныне —период упадка,

Поэтому люди называют её “вялотекущей”».

⁴¹ Под превосходными временами понимается время, когда Окикирмуи жил на Земле вместе с людьми. После его ухода на небеса люди потеряли непосредственную связь с богами, и настало время упадка.

На это низкорослый мужчина сказал так:

«Пии тун-тун, пии тун-тун!

Раз ты так много знаешь,

Давай угадаем происхождение друг друга!»

На что я ответил:

«Кто же не знает твоего происхождения!?

Давным-давно, Окикирмуи пошёл в горы.

Решил он построить охотничий домик,

И только сделал из ольхи рамку для очага⁴²,

Как она высохла от жара огня.

Наступил Окикирмуи на одну половину — вторая приподнялась.

Окикирмуи рассердился, отнёс рамку к реке и выбросил её.

Рамка очага поплыла вниз по течению и в результате выплыла в море.

Много раз она билась на волнах.

Увидели это боги.

Стало им жалко, что вещь, сделанная самим уважаемым Окикирмуи,

Вот так сгниёт, бессмысленно скитаясь по морю.

Поэтому боги превратили эту рамку в маленькую рыбку

И назвали её “рыба-очаг”.

Однако сама рыба-очаг не знает своего происхождения,

Поэтому приняв облик человека, она сейчас где-то бродит.

И эта рыба-очаг — это ты!»

По мере моего рассказа низкорослый мужчина менялся в лице.

Дослушав, он сказал:

«Пии тун-тун, пии тун-тун!

А ты — потомок маленьких волков!»

После этих слов, «бульк» — он прыгнул в море.

Когда я посмотрел ему вслед,

Одна красная рыбка,

Покрутив хвостом, уплыла в открытое море⁴³.

Так рассказывал бог Волчонок.

⁴² 炉縁 («робути»).

⁴³ Айны считали, что, если раскрыть злему богу его происхождение, он потеряет свои силы и сбежит. Хороший бог же одарит богатствами. В связи с этим айны считали важным знать происхождение богов.

7. Песнь, которую пел о себе бог Филин

«*Конкува*»⁴⁴

Конкува.

«В давние времена мой голос звучал звонко,
Словно звучала тетива лука, обёрнутого корой вишнёвого дерева.
Сейчас я постарел и ослабел.

Но если есть тот, кто уверен, что красноречиво доставит моё послание,

Я бы хотел поручить ему передать на небеса пять с половиной посланий» —

Сказал я, отбивая ритм по крышке сосуда *синтоко*⁴⁵.

И тут у входа раздалися слова:

«Кто же, кроме меня, уверен в своём красноречии посланца?»

Я посмотрел туда — у входа был молодой ворон.

Я пригласил его в дом,

После чего, отбивая ритм по крышке сосуда *синтоко*,

Стал пересказывать ему свои послания,

Чтобы отправить молодого ворона передать их.

Прошло три дня.

Я пересказывал только третье послание, как вижу —

Молодой ворон уже спит за рамкой очага.

Я был ужасно зол.

Я бил его так, что только перья летели, и убил.

После этого я снова, отбивая ритм по крышке сосуда *синтоко*, сказал:

«Если есть тот, кто уверен, что доставит моё послание,

Я бы хотел поручить ему передать на небеса пять с половиной посланий».

И опять кто-то, стоя у входа, сказал:

«Кто же, кроме меня, наиболее подходит для того,

Чтобы красноречиво передать послание на небеса?»

Я посмотрел туда — у входа была горная сойка.

Я впустил её в дом и снова, отбивая ритм по крышке сосуда *синтоко*,

Стал рассказывать ей пять с половиной посланий.

⁴⁴ Скорее всего звукоподражание голосу филина.

⁴⁵ Большой лакированный сосуд на четырёх ножках с крышкой, куда наливали вино. Использовался в ритуальных целях.

Прошло четыре дня.

На середине четвёртого послания горная сойка спала за рамкой очага.

Я сильно разозлился.

Бил её так, что только перья летели, и убил.

После этого я снова, отбивая ритм по крышке сосуда *синтоко*, сказал:

«Если есть тот, кто уверен, что красноречиво доставит моё послание,

Я бы хотел поручить ему передать на небеса пять с половиной посланий».

Тут кто-то нерешительно зашёл в дом.

Я посмотрел туда — у входа стоял речной ворон.

Подобный богу, он сел по левую сторону от очага⁴⁶.

Отбивая ритм по крышке сосуда *синтоко*,

И днём, и ночью я продолжал пересказывать ему пять с половиной посланий.

Смотрю, а у него сна ни в одном глазу,

И он внимательно меня слушает.

Считая все дни и все ночи, на шестой день я закончил своё повествование.

И тут же речной ворон вылетел через дымовое отверстие в крыше и улетел на небеса.

Содержание моего послания было следующим:

В мире людей случился голод, и теперь люди находятся на краю гибели из-за недостатка пищи.

Причина этого, как я узнал, в том, что

Бог-покровитель оленей и бог-покровитель лососей

Посоветовались на небесах и решили не посылать на Землю ни оленей, ни рыбы.

Как бы их ни просили другие боги, они не обращают внимания.

Поэтому люди идут на охоту в горы, но оленей там нет.

Люди идут ловить лосося к реке, но лосося там нет.

Я разозлился из-за этого,

Поэтому отправил послание богу-покровителю оленей и богу-покровителю лососей.

С тех пор прошло несколько дней.

⁴⁶ Так как с правой стороны располагались места для членов семьи, для посетителей считалось приличным садиться с левой стороны.

И вот, с неба послышался слабый звук,

И кто-то зашёл ко мне в дом.

Посмотрел —там стоял речной ворон. Стал он краше, чем прежде.

Мужественнее, чем раньше, он передал ответное послание.

Причина того, что на небесах бог-покровитель оленей и бог-покровитель лососей

До сего дня не посылали оленей и рыбы на Землю в том, что

Люди, когда поймают оленя, бьют его палкой по голове,

А когда сдирают кожу, бросают его голову лежать на земле.

Когда люди ловят лосося, они бьют его прогнившей палкой по голове⁴⁷.

Из-за этого олени обнажёнными и со слезами возвращаются к своему богу.

А лососи возвращается к своему богу с прогнившей палкой во рту.

Бог-покровитель оленей и бог-покровитель лососей разозлились

И, посоветовавшись, решили не посылать на Землю ни оленей, ни рыбы.

Однако, если люди станут должным образом относиться и к оленям, и к лососю,

Мы пошлём им много оленей и рыбы, —

Так сказали бог-покровитель оленей и бог-покровитель лососей.

Вот так подробно изложил ворон их ответ.

Услышав слова речного ворона, я был восхищён и стал его хвалить.

Как я узнал, люди на самом деле грубо обращались и с оленями, и с лососем.

После этого я во снах, в грёзах людей

Строго-настрого запретил им так делать.

Тогда люди сразу всё поняли

И стали изготавливать прекрасные, словно *инау*, палки,

Чтобы бить лосося по голове.

И с ними стали ходить ловить рыбу.

⁴⁷ Айны считали, что душа бога располагалась в голове животного, поэтому с ней нужно было относиться особенно аккуратно. В связи с чем айны часто располагали черепа почитаемых животных и птиц на священном месте *нуса* возле дома.

Для оглушения лосося необходимо было использовать только крепкую ивовую палку, так как считалось, что лосось не приемлет использования камней или других пород деревьев.

Поймав оленя, люди стали красиво украшать его голову *инау*.

Тогда возрадовались рыбы и стали возвращаться к своему богу с прекрасными *инау* во рту.

Возрадовались и олени, и стали возвращаться к своему богу с новыми украшениями на голове.

Обрадовались этому бог-покровитель оленей и бог-покровитель лососей

И послали на Землю много рыбы и много оленей.

Люди теперь живут без бед и не думают о голоде.

Увидев это, я успокоился.

Я уже стар и слаб, поэтому подумывал о том, чтобы отправиться на небеса.

Однако случился голод в мире людей, который я охраняю.

Люди почти умирали от голода.

Не мог я бросить их и уйти, поэтому оставался до нынешнего времени.

Однако не о чем мне теперь волноваться,

Поэтому, оставив настоящего храбреца, молодого храбреца после себя охранять мир людей,

Я теперь собираюсь отправиться на небеса.

Так рассказал пожилой бог деревни

И отправился на небеса. Так он рассказывал.

8. Песнь, что пел о себе бог Касатка

«Атуйка томатомаки кунтутэаси хм-хм»⁴⁸

Атуйка томатомаки кунтутэаси-хм-хм.

Длинные старшие братья —шестеро братьев,

Длинные старшие сёстры —шестеро сестёр,

Короткие старшие братья —шестеро братьев,

Короткие старшие сёстры —шестеро сестёр

Меня растили.

Я сидел на отдельно построенной кровати возле алтаря,

И занимался лишь гравировкой ножен для мечей.

Жил я только этой работой.

Каждый день, как наступало утро,

⁴⁸ Можно перевести как «сверкает на море что-то чёрное и своим дыханием поднимает воду».

Братья набрасывали на спину колчаны со стрелами
И вместе с сёстрами выходили из дома.
Вечером они возвращались домой уставшие и с пустыми руками.
Уставшие сёстры готовили ужин и приносили мне поесть.
Братья и сёстры тоже ужинали, все убрали,
После чего братья начинали усердно изготавливать стрелы.
Как только набирался полный колчан стрел,
Все, утомлённые, ложились спать и тут же начинали похрапывать.
На следующий день они просыпались с рассветом.
Сёстры готовили завтрак и приносили мне поесть.
Как только все заканчивали завтракать,
Братья снова набрасывали на спину колчаны со стрелами и все
вместе выходили из дома.
Вечером они возвращались уставшие и с пустыми руками.
Сёстры готовили ужин, братья изготавливали стрелы.
Так мы жили всё время.
Однажды братья и сёстры
Набросили на спину колчаны со стрелами и вышли из дома.
Я занимался гравировкой сокровищ.
Но вот я поднялся с кровати,
Взял маленький золотой лук и маленькие золотые стрелы и вышел
из дома.
Море было спокойно.
С восточного до западного горизонта просторной морской глади
Весело плескались киты.
На восточном горизонте длинные сёстры, шестеро сестёр, обра-
зовали круг.
Короткие сёстры, шестеро сестёр, загоняли в него китов.
Длинные братья, шесть братьев, и короткие братья, шестеро
братьев,
Целились в китов внутри круга,
Но их стрелы пролетали над китами, под китами.
Так вот, чем они занимались каждый день!
Смотрю, а в середине моря ивасевый кит со своими детьми
Весело плещутся, плавая туда-сюда.
Увидев их, положил я маленькую золотую стрелу на тетиву
маленького золотого лука
И выпустил её издалека.
Всего одной стрелой пронзил я и мать, и детей кита.

Тут я разрезал одного кита пополам.
Половину его я бросил в крут, образованный сёстрами.
Другую половину кита я положил под хвост и направился в мир людей.

Когда я достиг деревни Отасут,
Я вытолкнул вторую половину кита на побережье у деревни.
После этого, то погружаясь в воду, то поднимаясь над её гладью,
Я спокойно вернулся домой.
И тут ко мне, запыхавшись, кто-то подлетает.
Смотрю — а это была чайка.
Тяжело дыша, она сказала:
«Томин-карикур, камуи-карикур, исоян-кекур»⁴⁹.
Храбрый бог, уважаемый бог,
Зачем же ты ужасным людям, плохим людям
Даруешь такую большую чёрную добычу?
Ужасные люди, плохие люди чёрную добычу
Рубят топорами, пронзают серпами, режут на куски.
Храбрый бог, уважаемый бог,
Скорее забери обратно чёрную добычу.
Даже получив так много добычи,
Ужасные люди, плохие люди,
Так с ней поступят, но даже и не подумают благодарить».
Посмеявшись, прекрасным голосом я сказал следующее:
«Я дал кита людям,
Поэтому теперь это их добыча.
Топорами или серпами
Будут они рубить или рвать свою добычу,
Они могут съесть её так, как захотят.
Почему бы и нет?»
После моих слов чайка задумалась.
Я же, не обращая на неё внимания,
Спокойно поплыл дальше, то погружаясь в воду, то поднимаясь над её гладью.

Уже смеркалось, когда я достиг своего моря.
Тогда увидел я, что двенадцать моих братьев и двенадцать сестёр,
Не сумев дотащить до дома половину кита
И безуспешно поднимая дружные возгласы,

⁴⁹ Три имени касатки. Можно перевести как «Он, кто смотрит за сокровищами; он, кто смотрит за богами; он, кто выбрасывает жертву на берег».

Всё ещё находились на восточном горизонте.
Я был поражён этому.
Однако, не обращая на них никакого внимания,
Я вернулся домой и сел на свою кровать.
После этого посмотрел я назад, на мир людей,
И вижу, что вокруг выброшенной мной половины кита
Благородные мужи и благородные дамы, нарядно одевшись,
Танцуют и пляшут, радуясь добыче.
За ним, на песчаном холме, постелили узорчатую большую
циновку.
На ней глава деревни Отасут,
Подвязав поясом шесть слоёв кимоно и накинув сверху ещё шесть
слоёв,
Надев на голову божественный церемониальный венец, церемо-
ниальный венец предков *сапаунне*⁵⁰,
Повесив на пояс пожалованный богами меч,
Прекрасный, как бог, высоко подняв руки, он совершал молитву.
Люди со слезами радовались добыче.
Что там говорила эта чайка,
Что люди топорами и серпами будут резать выброшенного мной
кита?
Глава и жители деревни достали прекрасный меч с тонким лез-
вием,
Который издавна почитали больше других сокровищ.
Им они порезали мясо кита и разносят его.
Между тем мои братья и сёстры не возвращались.
Спустя два-три дня что-то со стороны окна привлекло моё вни-
мание.
Я оглянулся, а на священном окне
Стояла до краёв наполненная вином металлическая чаша *туки*⁵¹,
А сверху неё лежала ритуальная палочка *кике-ус-пасуй*⁵², укра-
шенная деревянными стружками.
Она начала раскачиваться и послышалось следующее послание:
«Мы — жители деревни Отасут.

⁵⁰ Ритуальный венец, который айны надевали только в случае особо важных ритуа-
лов и церемоний.

⁵¹ Ритуальная чаша, в которой айны подносили вино богам.

⁵² Считалось, что с помощью этой палочки бог сможет выпить вино, преподнесён-
ное людьми, а также люди смогут доставить богу своё послание.

Извините за беспокойство, но позвольте преподнести вам священное вино с палочкой *кике-ус-пасуй*».

И глава деревни Отасут от лица всех её жителей,

Выразил мне благодарность, сопровождая её подробным рассказом.

«*Томин-карикур, Камуи-карикур, Исоян-кекур.*

Уважаемый бог, смелый бог,

Кто, кроме вас, пожалел бы нас,

Когда наступил голод в деревне,

И мы уже не знали, что и делать от недостатка еды.

Спасибо, что даровал жизнь нашей деревне.

Мы рады полученной добыче,

Поэтому приготовили немного вина, и приложили к нему маленькую палочку *инау*.

Собираемся мы принести ответный подарок уважаемому богу» —

Так он говорил, пока раскачивалась палочка *кике-ус-пасуй*.

Я встал с кровати, взял металлическую чашу,

Высоко поднял её, потом низко опустил.

На почётном месте я открыл шесть сосудов *синтоко*,

Понемногу вылил в них прекрасное вино

И поставил металлическую чашу *туки* обратно на окно.

После этого я сел на кровать.

Посмотрел на окно, а чаши с палочкой *кике-ус-пасуй* уже не было.

Затем я занялся гравировкой ножен для мечей.

Через некоторое время я поднял голову —

Дом был полон прекрасными *инау*.

В доме нависал белый туман и сверкала белая молния.

Эта красота тронула моё сердце.

С тех пор прошло два-три дня,

Когда снаружи я наконец услышал голоса своих братьев и сестёр,

Которые с возгласами тащили домой кита.

Я был поражён.

Я наблюдал, как братья и сёстры входили в дом.

С истощёнными лицами, они полностью выбились из сил.

Зайдя в дом и увидев множество *инау*,

Они удивились и много раз поклонились им.

В это время стоящие у почётного места шесть сосудов *синтоко*

Были наполнены до самых краёв,

И по дому разносился аромат любимого богами вина.

Тогда я украсил дом прекрасными *инау*
И пригласил богов, что жили близко и далеко.
Начали мы пировать превосходным вином.
Мои сёстры сварили кита и предложили его богам.
Все боги похвалили его вкус.
Когда пир был в самом разгаре, я поднялся
И подробно рассказал,
Что в мире людей случился голод.
Я пожалел их и выбросил на берег им добычу.
Злые боги приревновали мой хороший поступок для людей
И отправили ко мне чайку, чтобы оклеветать их.
Глава деревни Отасут вот так отблагодарил меня,
И с помощью вина и палочки, украшенной ритуальными струж-
ками, он передал мне послание.
И тогда боги в один голос начали восхищаться и расхваливать
меня.
После этого все снова начали подливать друг другу превосходное
вино.
По всему дому раздавались прекрасные звуки танцев и плясок
богов.
Половина моих сестёр, взяв бутылочки с вином,
На коленях передвигались от гостя к гостю и подливали им
вино.
Другая половина подружилась с богинями.
Прекрасные звуки их песен и танцев разносились по дому.
Спустя два-три дня пир закончился.
Каждому богу я подарил по две-три прекрасные палочки *инау*.
В ответ боги склонялись в низком поклоне и много раз благода-
рили меня.
Так все вернулись по своим домам.
После этого, как и прежде, я стал жить с
Длинными братьями, шестью братьями,
Длинными сёстрами, шестью сёстрами,
Короткими сёстрами, шестью сёстрами,
Короткими братьями, шестью братьями.
Каждый раз, когда люди готовят вино,
Они продолжают почитать меня и отправлять мне *инау*.
Теперь люди живут в спокойствии — без голода и без трудностей,
Поэтому я спокоен.

9. Песнь, что пела о себе Лягушка**«Тороро ханрок-ханрок»⁵³***Тороро ханрок-ханрок.*

«Однажды, когда я, резвясь, скакала по лугу,

Я увидела дом и решила подойти ко входу.

Смотрю, а около алтаря с сокровищами в доме сооружена отдельная кровать.

На этой кровати один молодой человек увлечённо гравировал ножны меча.

Поэтому я ради забавы села на пороге и проквакала:

«Тороро ханрок-ханрок!»

Тогда молодой человек поднял меч, посмотрел на меня

И, улыбнувшись, сказал:

«Это твоя повесть⁵⁴? Или это твоя праздничная песня⁵⁵?

Я хочу послушать продолжение».

Я обрадовалась и проквакала *«Тороро ханрок-ханрок!»*

Тогда молодой человек сказал следующее:

«Это твоя повесть? Или это твоя праздничная песня?

Я хочу послушать поближе».

Я обрадовалась этому, перепрыгнула с места для гостей на рамку очага

И проквакала *«Тороро ханрок-ханрок!»*

Молодой человек снова повторил:

«Это твоя повесть? Или это твоя праздничная песня?

Я хочу послушать поближе».

Я невероятно обрадовалась этому,

Поэтому запрыгнула на тот угол рамки очага, что был ближе к почётному месту

И проквакала *«Тороро ханрок-ханрок!»*

Неожиданно молодой человек встал,

Быстро схватил головешку из очага и кинул в меня.

Я перестала чувствовать свои лапы.

Что было после этого, я не знаю.

Через некоторое время я очнулась и огляделась.

⁵³ Точный смысл не ясен, но, вероятно, фраза является звукоподражанием или имеет смысл «там я сижу-сiju».

⁵⁴ Эпическая песня *юкар*.

⁵⁵ *Саке-ху* («винные голоса») — песня, выражающая радость по случаю пира.

Одна раздувшаяся лягушка лежала мёртвой в дальнем конце двора перед домом.

А я сидела между её ушами.

Присмотрелась я получше, а дом,

Который я приняла за жильё обычного человека,

Оказался домом смелого, как бог, Окикирмуи.

Не зная, что это Окикирмуи, я так неудачно пошутила.

Теперь я умру ужасной, ничтожной смертью.

Мои наследники Лягушки!

Ни в коем случае не шутите над людьми!

Так, произнося эти слова, умерла раздувшаяся Лягушка.

10. Песнь, что пел о себе маленький Окикирмуи

«Кутниса кутуну-кутун»

Кутниса кутуну-кутун.

Однажды пошёл я прогуляться к истоку реки,

А там низкорослый мужчина, то наклоняясь, то выпрямляясь,

Вбивал колья для запруды из грецкого дерева.

Увидев меня, он сказал:

«Ты кто? Брат⁵⁶, помоги-ка мне!»

Смотрю —так как запруда из грецкого дерева,

Из неё вытекает ореховая вода, мутная вода.

Лососи поднимаются вверх по реке,

Но им противна ореховая вода,

Поэтому они со слезами возвращаются обратно.

Разозлившись, я выхватил у низкорослого мужчины молот,

Которым он забивал запруды,

Ударил его по спине и раздался треск.

Я переломил мужчине спину прямо по центру и убил его.

Потом я втоптал-сбросил его в подземный мир.

Попробовал я раскатать кол запруды из грецкого дерева,

Но казалось, корни её очень глубоки и доходят до самого нижнего,

Шестого, слоя подземного мира.

Тогда напряг я спину и руки, вырвал кол запруды вместе с корнями

⁵⁶ В оригинале используется выражение племянник (甥, «oi»)

И затоптал-сбросил его в подземный мир.
От истока реки подул свежий ветер, потекла чистая вода.
Лососи, которые со слезами повернули обратно,
Ободрились на свежем ветру и в чистой воде.
Громко смеясь и шумно резвясь,
Поднялись они по реке и начали плескаться.
Увидев это, я успокоился.
И спустившись вниз по течению реки, вернулся к себе.

Так рассказывал маленький Окикирмуи.

11. Песнь, что пел о себе маленький Окикирмуи «Этот песок красен, красен»

Этот песок красен-красен.
Однажды, когда я пошёл прогуляться вверх по течению реки,
Я встретил дитя злого бога.
Всегда дети злых богов красивы на внешность.
Одетый в чёрную одежду,
С маленьким луком и маленькими стрелами из грецкого дерева в
руках,
Он посмотрел на меня, ухмыльнулся и сказал:
«Давай поиграем, маленький Окикирмуи!
Вот, я собираюсь истребить под корень всех рыб».
После этого он положил маленькую стрелу на тетиву маленького
лука из грецкого дерева
И выпустил её в сторону истока реки.
Тут от истока реки потекла грязная, ореховая вода.
Лососи поднимались вверх по реке,
Но им была противна ореховая вода,
Поэтому они со слезами разворачивались и плыли обратно.
Дитя злого бога ухмыльнулось.
Видя это, я разозлился,
Поэтому положил маленькую серебряную стрелу на тетиву малень-
кого серебряного лука
И выпустил её в сторону истока реки.
Тут от истока реки потекла серебряная, чистая вода.
Со слезами спустившиеся по течению до этого лососи
Ободрились в чистой воде.

Шумно резвясь и громко смеясь,
Они поднялись по реке и стали плескаться.
Увидело это дитя злого бога,
И сильно разозлилось.
«Раз ты в самом деле решился на такое,
То в этот раз я собираюсь истребить под корень всех оленей» —

Сказал он.

Положил он маленькую стрелу на тетиву маленького лука из грецкого дерева

И выстрелил ей в небо.

Тут из горного леса подул ореховый ветер, вихревой ветер.

Самцы оленей из леса сбились в одну группу,

Самки оленей сбились в другую группу,

Поднял их ветер, и засияли их поднимающиеся в небо силуэты.

Дитя злого бога ухмыльнулось.

Видя это, я был вне себя от злости.

Поэтому я положил маленькую серебряную стрелу на тетиву маленького серебряного лука

И выпустил её в небо вслед оленям.

Тут с неба подул серебряный ветер, свежий ветер.

Ведомые этим ветром, группа самцов и группа самок оленей

Опустились в горные леса.

Увидело это дитя злого бога,

И сильно разозлилось.

«Какая наглость!

Раз ты в самом деле решился на такое, давай посоревнуемся в силе», —

Произнося эти слова, он снял с себя верхнюю одежду.

Я тоже остался только в одной тонкой рубашке

И набросился на противника.

Он набросился на меня в ответ.

Мы продолжали борьбу с попеременным успехом.

Удивился я, что так сильно дитя злого бога.

Но наконец, напряг я спину и руки,

Забросил дитя злого бога себе на плечи

И швырнул его об горную скалу.

Раздался звук удара о скалу.

Убив его, я втоптал-сбросил его в подземный мир.

После этого все звуки исчезли.
Тогда я пошёл обратно вниз по течению реки.
Поднявшись вверх по течению,
Лососи шумно и весело плескались в реке.
А в лесу, веселясь и смеясь, шумели самцы и самки оленей.
Повсюду можно было видеть, как они спокойно что-то жевали.
Увидев это, я успокоился
И вернулся к себе домой.

Так рассказывал маленький Окикирмуи.

12. Песнь, что пела о себе Выдра

«*Kappa рэу-рэу kappa*»⁵⁷

Kappa рэу-рэу kappa.

Однажды я, резвясь, плыл вниз по течению реки.

Выплыл там, где Самаюнкур черпает воду.

Туда пришла прекрасная, как богиня, младшая сестра Самаюн-кура.

В одной руке она держала кадку,

А в другой рогозовую вязанку.

Тогда я высунул одну лишь голову у берега реки

И спросил:

«А отец у тебя есть?

А мать у тебя есть?»

Девушка сильно удивилась и огляделась по сторонам.

Когда она меня увидела, разозлилась.

Она сказала:

«Отвратительная плоская голова, ужасная плоская голова,

Допытываешься о том, чего люди избегают. Собаки, ко мне, ко мне!».

Тут разом выбежали большие собаки.

Как увидели меня, залязгали зубами.

Я удивился и спрятался на дне реки.

И тут же по дну реки ускользнул вниз по течению.

⁵⁷ Можно перевести как «раздавленная голова, прекрати-прекрати, раздавленная голова».

Спустившись по течению, я выплыл там, где черпает воду Окикирмуи⁵⁸.

Высунул одну лишь голову и огляделся.

Туда пришла прекрасная, как богиня, младшая сестра Окикирмуи.

В одной руке она держала кадку,

А в другой рогозовую вязанку.

Тогда я спросил:

«А отец у тебя есть?

А мать у тебя есть?»

Девушка сильно удивилась и огляделась по сторонам.

Когда она меня увидела, разозлилась.

Она сказала:

«Отвратительная плоская голова, ужасная плоская голова,

Допытываешься о том, чего люди избегают. Собаки, ко мне, ко мне!».

Тут разом выбежали большие собаки.

Увидев их, я вспомнил прошлый раз, и мне стало смешно.

Я спрятался на дне реки и думал уже уплыть.

Не мог и подумать, что они сделают подобное,

Но собаки, лязгая зубами,

Бросились за мной на дно реки и вытащили на берег.

Мои голову и тело

Они закусали-разорвали.

Что было после этого, я не знаю.

Спустя некоторое время я очнулся.

Я сидел между ушами большой выдры.

Я знал, что у Самаюнкура и у Окикирмуи

Нет ни отца, ни матери,

Но всё равно так нехорошо пошутил.

За что и получил наказание —

Собаки Окикирмуи меня убили.

Теперь умру я ужасной, ничтожной смертью.

Мои наследники Выдры!

Ни в коем случае не шутите над людьми!

Так рассказывала о себе Выдра.

⁵⁸ Расположение внизу по течению реки считалось предпочтительнее и лучше, чем ближе к ее истоку.

13. Песнь, что пел о себе Моллюск**«Тонупэка ран-ран»⁵⁹***Тонупека ран-ран.*

Светило иссушающее солнце,

Поэтому место, где я живу, высохло.

Оказался я на краю гибели.

Я плакал и кричал:

«Кто-нибудь, дайте мне воды!

Помогите! Воды!»

Тут со стороны берега пришла одна женщина,

Неся на спине корзину.

Пока я плакал, она прошла мимо, посмотрела на меня и сказала:

«Ничтожный моллюск, ужасный моллюск,

О чём ты так назойливо плачешь?»

Она наступила на меня, отпихнула ногой и, растоптав вместе с раковинной,

Ушла в горы.

Я плакал и громко кричал:

«Ой-ой-ой, как больно! Воды!»

Тут с берега пришла ещё одна женщина,

Неся на спине корзину.

Я плакал и кричал:

«Кто-нибудь, дайте мне воды! Спасите!

Ой-ой-ой, как больно! Воды!»

Тогда прекрасная, как богиня, молодая девушка подошла,

Посмотрела на меня и сказала:

«Бедняжка! Так жарко, что постель моллюсков пересохла.

Наверно, тебе не хватает воды.

Что случилось? Тебя как будто растоптали».

Тогда она подобрала нас всех,

Положила в лист подбела⁶⁰ и перенесла нас в красивое озеро.

В свежей, прохладной воде мы взбодрились и восстановили силы.

Тогда я, наконец, узнал происхождение этих девушек.

Оказалось,

⁵⁹ Точный смысл не ясен, но можно перевести как «это слёзы падают-падают».

⁶⁰ 蓼 («фуки»).

Что ужасная женщина, злая женщина,
Которая пришла первой и раздавила меня,
Была младшей сестрой Самаюнкура.
А та молодая, благородная, как богиня, девушка,
Что пожалела и вернула нас к жизни,
Это младшая сестра Окикирмуи.
Так как ненавистна мне стала сестра Самаюнкура,
Высушил я её чумизовые поля.
А чумизовые поля сестры Окикирмуи я обогатил.
В том году у сестры Окикирмуи был на самом деле богатый урожай.
Когда поняла она, что так стало благодаря мне,
Стала собирать колосья чумизы с помощью раковин моллюсков.
С тех пор, каждый год,
Когда человеческие женщины собирают колосья чумизы,
Они используют раковины моллюсков.
Так рассказывал о себе один из Моллюсков.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Айну синъёсю. Тири юкиэ хэнъяку : [Собрание божественных песен / редакция и перевод Тири Юкиэ]. Токио: Иванами сётэн, 1978.

Катаяма Тацуминэ. Айну синъёсю о ёмитоку : [Читаем собрание божественных песен]. Токио: Софукан, 2003.

Спеваковский А.Б. Духи, оборотни, демоны и божества айнов (религиозные воззрения в традиционном айнском обществе). М.: Наука, 1988.

Batchelor J. The Ainu and Their Folklore. Berkeley: The University of California Library, 1901.

Batchelor J. The Ainu of Japan: The Religion, Superstitions, and General History of the Hairy Aborigines of Japan. London: The Religious Tract Society, 1892.

Project Okikirmui: The Complete Ainu Legends of Chiri Yukie in English. URL: <http://www.okikirmui.com/> (дата обращения: 04.02.2019).

Project Uepeker: Introducing the Ainu Oral Tradition to the English-speaking World. URL: <http://projectuepeker.blogspot.com/> (дата обращения: 26.11.2018).

Yamada Takako. The World View of the Ainu: Nature and Cosmos Reading from Language. London: Kegan Paul, 2002.

References

Ainu shinyoshu. Chiri Yukie hen'yaku (1978) [Ainu's divine songs collection. Edited and translated by Chiri Yukie], Tokyo: Iwanami shoten.

Batchelor, J. (1892). The Ainu of Japan: The Religion, Superstitions, and General History of the Hairy Aborigines of Japan, London: The Religious Tract Society.

Batchelor, J. (1901). The Ainu and Their Folklore, Berkeley: The University of California Library.

Katayama, Tatsumine. (2003). Ainu shinyoshu o yomitoku [Let's read the Ainu shinyoshu], Tokyo: Sofukan.

Project Okikirmui: The Complete Ainu Legends of Chiri Yukie in English. URL: <http://www.okikirmui.com/> (accessed: 4 February 2019).

Project Uepeker: Introducing the Ainu Oral Tradition to the English-speaking World. URL: <http://projectuepeker.blogspot.com/> (accessed: 26 November 2018).

Spevakovskiy, A.B. (1988). Duhi, oborotni, demony i bozhestva aynov (religioznye vozzreniya v traditsionnom aynskom obshchestve) [Spirits, werewolfs, demons and gods of the Ainu (religion outlook in the Ainu's traditional society)], Moscow: Nauka. (In Russian).

Yamada, Takako. (2002). The World View of the Ainu: Nature and Cosmos Reading from Language, London: Kegan Paul.

Манифест Хирацука Райтё (1886–1971) «Первая женщина была солнцем»

Э.И. Гараева

Аннотация: Настоящая статья представляет собой перевод манифеста Хирацука Райтё (1886–1971) «Первая женщина была солнцем». Хирацука Райтё считается пионеркой японского феминизма, которая отважилась пойти против вековых традиций и социальных норм. Хирацука Райтё выросла в обеспеченной семье, которая поддержала её в желании получить высшее образование. Хирацука увлекалась религией, философией и этикой, занималась практикой дзэн и находилась в постоянном поиске внутренней себя и своей самореализации, также она интересовалась английской и китайской классикой. Всё это, а также эпоха европеизации в целом, сыграли большую роль в зарождении у Хирацука Райтё феминистических взглядов. В 1911 г. она основала женский литературный журнал «Сэйто» («Синий чулок»). Уникальность этого журнала заключалась в том, что он стал первым журналом в Японии, в котором сотрудничали исключительно женщины. В первом выпуске «Сэйто» Хирацука опубликовала свой манифест под названием: «Первая женщина была солнцем». Этот манифест был обращением к женщинам и к их утраченной духовной независимости. Хирацука Райтё не признавала единственно возможную роль женщины, вписанную в идеологию «*рёсай кэмбо*» («хорошая жена, мудрая мать»). Идеи Хирацука Райтё о духовном освобождении и внутренней независимости оказались близки японским женщинам. Манифест «Первая женщина была солнцем» был адресован образованным девушкам, которые не желали следовать концепции «хорошая жена и мудрая мать» и выступали против подчинённого положения женщины в японском обществе.

Ключевые слова: Хирацука Райтё, манифест «Первая женщина была солнцем», «Сэйто», японский феминизм, «хорошая жена, мудрая мать».

Автор: Гараева Эльвира Ильдаровна, магистрантка 2-го курса РГГУ ИВКА. E-mail: garaeva-elke@mail.ru

Hiratsuka Raichō's (1886–1971) manifesto “In the Beginning, Woman Was the Sun”

E.I. Garaeva

Abstract: The article represents a translation of Hiratsuka Raichō's (1886–1971) manifesto “In the Beginning, Woman Was the Sun”. Hiratsuka Raichō was a pioneering Japanese feminist, who ventured to go against traditions and social norms. She was brought up in a wealthy family, that supported Raichō's will to get higher education. Hiratsuka Raichō was interested in religion, philosophy and ethics. She constantly sought self-discovery and self-fulfillment, practicing Zen. She also studied English and Chinese classics. Epoch of westernization also made Hiratsuka Raichō a pioneering Japanese feminist. In 1911 she founded Japan's first all-women literary magazine “Seitō” (“Bluestocking Journal”). This journal was unique because it was the first magazine in Japan that was written and published entirely by women. In the first issue of “Seitō” Hiratsuka Raichō published her manifesto: “In the Beginning, Woman was the Sun”. It was a reference to women and to the spiritual independence which women had lost. She wanted to reject the only conventional role of women as “*ryōsai kenbo*” (“Good wife and wise mother”). Hiratsuka Raichō's ideas of spiritual liberations and independence were very close to other Japanese women. Manifesto “In the Beginning, Woman Was the Sun” was definitely published for educated women, who sought not to be “good wives and wise mothers” and who were discontented with their lower social status.

Keywords: Hiratsuka Raichō, manifesto “In the Beginning, Woman Was the Sun”, “Seitō”, feminism in Japan, “Good wife and wise mother”.

Author: Garaeva Elvira I., master's student, the Institute of Oriental and Classical Studies of Russian State University for the Humanities.

E-mail: garaeva-elke@mail.ru

Хирацука Райтё¹ родилась в 1886 г. в Токио, она выросла в большой семье, состоящей из шести человек. Её детские годы были счастливыми, она была окружена любовью и заботой. Её отец, Хирацука Сададзиро (1858–1941), был выходцем из семьи самураев. Он занимал должность в правительственной Счётной палате и принимал участие в разработке Конституции Мэйдзи 1889 года. Хирацука Сададзиро был самым настоящим представителем эпохи Мэйдзи:

¹ Хирацука Райтё (平塚 らいてう) — псевдоним писательницы, под которым она стала печататься с 1911 г. Настоящее имя — Хирацука Хару (平塚 明).

всем сердцем верил в Императора и конфуцианскую мораль. Но вместе с тем он был либералом, человеком, полным передовых взглядов, даже в основу семейных ценностей он готов был положить западные идеи. Семья Хирацука была типичной для того времени прозападной семьей, которая выбиралась по воскресеньям в парк, ботанический сад или зоопарк, а в их доме были две горничные и няня.

После окончания начальной школы Фудзими (富士見小学校) Хирацука Райтё, легко сдав вступительные экзамены, в 1898 г. поступила в высшую школу для девочек Отяномидзу (お茶の水高女) в Токио. Эта была частная элитная школа, в которую многие государственные чиновники посылали учиться своих дочерей. Но Хирацука Райтё школа была не по душе. Ей были скучны уроки, главной целью которых было воспитать из девочек «хороших жён и мудрых матерей»². В школе она прогуливала уроки по нравственному воспитанию, которые считались основой женского образования. Вместо этого Хирацука Райтё предавалась игре в теннис или вместе со своими одноклассницами играла в «пиратов», в чьих жизнях, полных опасностей и приключений, не было места скучной семейной жизни.

После окончания высшей школы для девочек Отяномидзу Хирацука Райтё, несмотря на возражения своего отца, в 1903 г. поступила в Японскую женскую гимназию (日本女子大学校), где изучала домоводство. Японская женская гимназия была основана в 1901 г. Нарусэ Дзиндзо (1858–1919), который особое значение придавал самообразованию, саморазвитию и творчеству. Он осуждал женское образование, цель которого заключалась в воспитании из девочек рачительных и покладистых домохозяек. Хирацука Райтё была восхищена лекциями Нарусэ, на которых он рассказывал о религии, мире и жизни. Позже Хирацука Райтё сосредоточилась на поиске смысла жизни в книгах по религии, философии и этике. Её интересовал внутренний мир, спрятанный в ней самой. Она пыталась ответить на такие вопросы, как «Что есть Бог?», «Что есть Я?» и «Для чего живут люди?» [Norimoto, 1999, p. 61]. Чтобы ответить на все эти вопросы, Хирацука Райтё даже посещала лекции, на которых

² «Хорошая жена и мудрая мать» (良妻賢母, *рёсай кэмбо*) – японский идеал женщины, которая должна была посвятить свою жизнь семье и воспитанию детей. С введением в 1899 г. среднего образования для женщин, было заявлено, что цель женщин в стране заключается в том, чтобы выйти замуж и «стать хорошей женой и мудрой матерью». Так широкое распространение получил идеальный образ женщины — домохозяйки, которая обладает хорошими знаниями в управлении домом и сосредотачивает свои силы на воспитании детей и домашних делах.

рассказывали о Библии, она много времени проводила в библиотеке за чтением западной классической литературы и философии.

На третьем курсе обучения Хирацука Райтё заинтересовалась практикой дзэн-буддизма, каждое утро на рассвете она уходила в храм, где занималась медитацией. После шести месяцев такой практики она постигла суть дзэн, и ей присвоили буддийское имя Экун. Медитативной практикой Хирацука Райтё занималась всю свою жизнь. Она позже утверждала, что дзэн-буддизм дал ей внутреннюю свободу и осознание неограниченных возможностей в жизни [Craig, 2006, p. 8].

В марте 1906 г., в возрасте 20 лет, Хирацука Райтё окончила факультет домоводства Японской женской гимназии. Так как она несколько не была заинтересована в домоводстве, её выпускная работа была посвящена истории религиозного развития, при написании этой работы она использовала свой опыт трёхлетней практики дзэн.

Затем Хирацука Райтё поступила в Женскую английскую школу (女子英学塾), не сказав об этом родителям. Она хотела учить английский язык и читать английские книги в оригинале. Хирацука Райтё также изучала китайский язык, чтобы читать книги о дзэн-буддизме. Она работала стенографисткой, поэтому часть расходов могла оплачивать самостоятельно.

В 1907 г. Хирацука Райтё присоединилась к женскому литературному обществу под названием «Литературное сообщество талантливых женщин» (閨秀文学会), чьим создателем был Икута Тёко (1882–1936), выпускник Токийского Императорского университета, писатель, критик и переводчик. Этот период оказался важным в духовном становлении Хирацука, поскольку в ней всё больше укоренялись феминистские взгляды и идеи о свободе и саморазвитии. «Литературное сообщество талантливых женщин» во многом повлияло и на литературное развитие Хирацука Райтё. Термин «кэйсю» (閨秀) буквально означает «женщин, добившихся больших успехов в литературной деятельности». То есть главной целью данного общества было помочь женщинам стать выдающимися писательницами. Преподавателями, входившими в «Литературное сообщество талантливых женщин», были молодые, начинающие поэты, многие из них являлись членами «Общества новой поэзии» (新詩社), учреждённого в 1899 г. известным поэтом Ёсано Тэканом (1873–1935). В числе преподавателей были Ёсано Акико (1878–1942), Сона Гёфу

(1883–1950), Тогава Сюкоцу (1871–1939), Икута Тёко (1882–1936), Морита Сохэй (1881–1949)³, Хирата Токубоку (1873–1943) и Баба Котё (1869–1940). «Литературное сообщество талантливых женщин» открыло для Хирацука новый мир и дало ей возможность познакомиться с другими юными писателями и видными литературными деятелями.

25 марта 1908 г. в газете «Токио Асахи симбун» (東京朝日新聞) напечатали об инциденте, известном как «Инцидент в Сиобара» (塩原事件). Его главными участниками стали двое членов общества «Литературное сообщество талантливых женщин»: Хирацука Райтё и преподаватель Морита Сохэй, у которого были жена и ребёнок. Влюблённая пара пыталась совершить двойное самоубийство. До «Инцидента в Сиобара» Хирацука Райтё считалась невинной, привлекательной, хорошо воспитанной девушкой из уважаемой семьи, но после него её жизнь изменилась, а репутация была испорчена: так из «любимой дочери, которую берегут как зеницу ока» (箱入り娘) она превратилась в падшую женщину, ставшую позором своей семьи.

В прессе Хирацука Райтё называли аморальной и эгоистичной женщиной, которая хотела разрушить семью Морита Сохэй. Японский женский университет, который закончила Хирацука Райтё, даже исключил её имя из списка своих выпускников (оно было восстановлено только в 1922 г.). Для Хирацука Райтё это было очень тяжёлое время. От журналистов, требующих интервью, не было отбоя. Её семья страдала от унижения и оскорблений и была опозорена. Этот инцидент отрицательно сказался на карьере отца Хирацука Райтё, ему даже советовали оставить правительственную должность. «Инцидент в Сиобара», а точнее его последствия: жёсткая критика, осуждение, непонимание, различные нападки, — всё это также сыграло большую роль в развитии феминистических взглядов Хирацука Райтё.

Икута Тёко, наставник Хирацука Райтё, был первым, кому пришла мысль создать литературное сообщество и журнал, в которых участвовали бы только женщины. Он видел в юной писательнице редкий талант и предложил ей стать основателем «Сэйто». Считается, что уже с весны 1911 г. общество начало свою работу под пред-

³ Морита Сохэй, настоящее имя Морита Ёнэмацу (森田 米松) — писатель и переводчик. В 1920–1930-е годы преподавал в университете Хосэй (法政大学) английскую литературу. Также написал труд, посвящённый биографии Нацумэ Сосэки.

водительством Хирацука Райтё и её подруги Ясумоти Ёсико (1885–1947). Икута Тёко придумал название для литературного женского общества и журнала — «Сэйто», что означает Bluestocking — «Синий чулок»⁴.

Икута Тёко и Хирацука Райтё хорошо понимали, что их общество и журнал с кричащим названием «Синий чулок» неизбежно столкнутся не только с трудностями, но и с жёсткой критикой, поскольку члены «Сэйто» собирались всерьёз заговорить о женских правах в японском обществе. Икута Тёко твёрдо верил, что такое рискованное начинание, в котором не будет мужчин, станет новаторским и активизирует литературную деятельность женщин. Большинству молодых девушек, вступивших в общество «Сэйто», было около 25 лет. Они относились к среднему классу, были незамужними, хорошо образованными и обладали литературными способностями и навыками. Все они достаточно хорошо знали японскую и западную литературу, для того чтобы оценивать работы других, а также писать статьи, создавать короткие произведения и стихи в жанрах танка и хайку. Поскольку все они упивались идеями саморазвития и независимости, то их главная цель заключалась в достижении личной свободы и уничтожении старых традиций, из-за которых японская женщина на протяжении всей истории Японии занимала подчинённое положение в обществе.

Основатели общества «Сэйто» разослали своим друзьям, знакомым, родственникам и однокурсникам из Японского женского университета «Общие принципы общества “Сэйто”» (青鞾社概則). В них они утверждали, что их целями являются публикация женской литературы и создание возможностей для развития таланта женщин.

Важно отметить, что благодаря Икута Тёко «Сэйто» заручилось поддержкой известных и популярных писательниц, таких как Ёсано Акико и Тамура Тосико (1884–1945), которые писали для первого выпуска журнала «Сэйто». Также в общество «Сэйто» входили писательницы: Мидзуно Сэнко (1888–1919), Кодера Кикута (1884–1956),

⁴ Литературный кружок «Синий чулок» составил в именитых женских салонах в Лондоне в 1750-х годах. Изначально выражение Bluestocking имело положительную коннотацию, оно обозначало интеллектуальных и хорошо образованных женщин. Но постепенно отношение к таким женщинам менялось, и в начале XIX века в Англии это название служило для уничижительного обозначения женщины, поведение, внешний вид и деятельность которой были необычными, выходящими за рамки традиций и считавшимися «неженственными».

Ногами Яэко (1885–1985), Араки Икуко (1888–1843), известная своими танка поэтесса Тинно Масако (1880–1946) и другие.

В сентябре 1911 г. вышел долгожданный первый номер журнала «Сэйто», редактором которого стала Хирацука Райтё. Выпуск журнала «Сэйто» был значимым событием в истории японских женских журналов, хотя и не был уникальным, поскольку в период Мэйдзи существовали и другие женские журналы, но большинство из них были посвящены религиозным темам [Tomida, 2004, p. 152]. Отличительной чертой «Сэйто» стало то, что в нём могли публиковаться только произведения женщин.

Первый выпуск журнала «Сэйто» вышел тиражом в тысячу экземпляров. Реклама журнала была размещена в газетах «Токио Асахи симбун», «Ёмиури симбун» (読売新聞) и «Кокумин симбун» (國民新聞). В прессе писали о «Сэйто» как «о женском журнале, созданном одними лишь женщинами». Цена журнала составляла 25 сэн, это было немного выше той цены, по которой продавались другие журналы. Благодаря заранее размещённой в газетах рекламе о выходе «Сэйто», появление первого выпуска оказалось долгожданным, и он был сразу же распродан. Читателей привлекало и само название «Синий чулок», которое было незнакомым, новым и приятным. Рождение «Сэйто» было встречено с восторгом как среди простых читателей, так и в литературных кругах.

Стихотворение знаменитой и популярной поэтессы Ёсано Акико под названием «Бессвязные речи» (そぞろごと) украсило начало первого номера журнала «Сэйто»:

Придёт день, когда сдвинутся горы.

Говорю же, а люди не верят!

Слишком долго спали горы.

В долгом сне своём

Зажглись они огнём от солнца и сдвинулись.

Однако, не верят в это всё же.

Люди! Кто-нибудь, да поверьте вы!

И женщины очнутся от сна и двинутся в путь.

(Пер. А.М. Сулейменовой) [Сулейменова, 2015, с. 213].

Ёсано Акико в этом стихотворении восхваляла женщин общества «Сэйто» за их непоколебимую решимость открыто и смело выражать свои взгляды, за их желание утвердиться в обществе как самостоя-

тельными личностям с правом голоса. Ёсано Акико, выступавшая за освобождение женщин, этим стихотворением хотела побудить японских женщин следовать за ней. В стихотворении нарисован образ постоянно спящей женщины-горы. Поэтесса говорит своим читателям, что горы давным-давно были действующими и вулканическими. Она обращается к людям, она просит их поверить в то, что женщины, подобно горам, освещённым солнцем, скоро очнутся ото сна, где они на протяжении долгого времени играли подчинённую и рабскую роль, и начнут действовать сами. Стихотворение «Бессвязные речи» очень полюбилось японским читательницам, ведь оно воодушевляло их на решительные действия, которые могли улучшить их положение в обществе⁵.

Кроме этого стихотворения, в первом номере журнала «Сэйто» также были опубликованы: короткий рассказ Мори Сигэко под названием «Дом смерти» (死の家), хайку Хакуу⁶ «Индийская сирень» (百日紅), рассказ Тамура Тосико «Свежая кровь» (生血), манифест Хирацука Райтё «Первая женщина была солнцем» (元始, 女性は太陽であつた), перевод эссе Д.С. Мережковского о пьесе Ибсена «Гедда Габлер» (ヘッダガブラー論), перевод рассказа «Тень» (影) Эдгара Алана По, эссе Куникида Харуко «Кошачья блоха» (猫の蚤), комедия Араки Икуко «Шутки богов» (陽神の戯れ), танка Ясумоти Ёсико «Пиявки на берегу» (磯のひる), рассказ Модзумэ Кадзуко «Ночь праздника Танабата» (七夕の夜) [Хирацука Райтё, 1994, с. 86].

Журнал «Сэйто» интересовывал молодых девушек своим богатым содержанием, в которое входили стихи, проза, обзорные статьи, эссе, пьесы, переводная литература, произведения известных западных писателей. Целью всех печатавшихся в нём произведений было показать выпавшую женщинам несчастную долю, уготованную им традиционными устоями, которые сохраняются веками. Многие произведения в журнале были посвящены актуальным проблемам, с которыми сталкивалась любая женщина: замужество, рождение детей, неверные мужья и их любовницы, неразделённая любовь, ссоры между невесткой и свекровью, развод, ссоры между супругами [Tomida, 2004, p. 162]. Многие произведения писательниц жур-

⁵ Стихотворение Ёсано Акико «Бессвязные речи» стало символом международного феминизма, оно было продекламировано в 1985 г. в Найроби на Всемирной конференции, посвященной международному году женщин.

⁶ Хакуу (白雨) — псевдоним Ясумоти Ёсико, под которым она писала свои хайку.

нала «Сэйто» были автобиографическими, и поэтому находили больший отклик у читательниц. Ещё одна причина популярности журнала заключается в том, что женские образы, героини с их внутренним миром и переживаниями были описаны на страницах «Сэйто» глубже и детальнее, чем у писателей-мужчин.

Важную роль для освободительного женского движения, которое только начинало набирать свою силу, сыграл манифест Хирацука Райтё «Первая женщина была солнцем», напечатанный в первом номере журнала «Сэйто». В нём писательница активно призывала женщин обрести внутреннюю свободу, выявить скрытые возможности и вместе с тем вернуть своё «спрятанное солнце».

Первая женщина была солнцем⁷.

Сначала женщина и вправду была солнцем. Была настоящим человеком. Но сейчас женщина — это луна. Она живёт, завися от других, она сияет светом других, она луна с бледным лицом больного человека⁸.

И вот раздался первый крик новорождённого «Сэйто».

Первый крик новорождённого «Сэйто» раздался благодаря умам и рукам современных женщин.

Сейчас всё, что делают женщины, вызывает только лишь насмешки.

И я прекрасно понимаю, что таится за этими насмешками.

Но мне ничуть не страшно.

А как же печаль от позора и стыда, которую женщина снова и снова взваливает сама на себя?

⁷ Перевод выполнен по изданию Хирацука Райтё. Гэнси, дзёсэй ва тайё: дэ атта [Первая женщина была солнцем] // Хирацука Райтё тэсакусю, № 1. Токио: О:цукисё-тэн, 1983. С. 14–28.

⁸ Хирацука Райтё сравнивает женщин периода Мэйдзи с древними японскими женщинами. Хирацука говорит о первобытном обществе, которое основывалось на общинной собственности, без института семьи. В зависимости от пола и возраста: между мужчинами и женщинами, между взрослыми и детьми, и стариками происходило естественное разделение труда. Охота и рыболовство были исключительно занятиями мужчин, но эти занятия не могли полностью обеспечить существование людей. Земледелие и скотоводство, которые вели женщины, имели огромное хозяйственное значение, поскольку являлись надёжным источником пропитания. Так на первой ступени родового строя ведущее место занимала женщина, что вытекало из условий материальной жизни первобытных людей. Женщина играла в течение долгого времени главенствующую роль в родовой общине. Родство считалось не по отцовской, а по материнской линии.

Разве женщина должна вызывать такое отвращение? Нет, настоящий человек не должен.

Мы, сегодняшние женщины, сделали всё, что могли. Мы отдали все свои силы, чтобы на свет появилось дитя, «Сэйто». Да, оно оказалось слабоумным, уродливым и недоношенным, и с этим ничего не поделать, какое-то время мы должны довольствоваться им.

Но действительно ли мы приложили все свои усилия? И удовлетворит ли «Сэйто» хоть кого-нибудь?

Я опять скажу, что женщина заново взваливает на себя многие неудовлетворённости.

Разве женщина настолько бессильна?

Нет, настоящий человек не бессилен.

Тем не менее, нельзя обойти молчанием то, что «Сэйто», рождённый в самый разгар лета, в полдень, обладает таким неистовым пылом, который выжигает даже палящий зной.

Страстность! Страстность! Только этим мы и живем.

Страстность — это сила молитвы. Это сила желания. Это сила медитации, сила Пути богов. Другими словами, это сила духовного сосредоточения.

Духовное сосредоточение — это единственные врата, ведущие к тайне.

Я сказала сейчас «тайна». Но я не имела в виду тайну, которая находится вне действительности или отдалена от реальности, которая вылеплена вручную, представлена в голове или создана чувствами. Это не мечта. Я утверждаю, что сама тайна — это и есть реальность, находящаяся на самом дне нашего сознания и различимая только лишь в самых глубоких размышлениях.

Я буду искать Гения именно в духовном сосредоточении.

Гений — это и есть тайна. Есть самый настоящий человек.

Гений — это не мужчина и не женщина.

Такие категории, как мужчина и женщина, описывающие половые различия, принадлежат к Я средней или низкой ступени в иерархии духовного сосредоточения, к временному Я, которому суждено умереть, исчезнуть. Это не Я высшей категории, истинное Я, бессмертное и неисчезающее.

Раньше я не знала, что женщины существуют в этом мире. Не знала, что существуют и мужчины.

Конечно, я представляла себе многих мужчин и женщин, но я не различала их, как мужчин и как женщин.

Но, в конце концов, я устала оттого, что трудно освободиться, трудно исправить свои многочисленные безумные поступки, вызванные моей переполненной избыточной духовной энергией.

Слабость характера! Действительно, это то, что мне первым указало на то, что такое женщина. И одновременно — что такое мужчина.

Так я познала в этом мире слово «смерть».

Смерть! Страх смерти! Однажды, находясь между землёй и небом, я играла на краю смерти и жизни, — вот — нетвёрдо стоящая на ногах перед лицом смерти, должна исчезнуть — вот та, кто зовётся женщиной.

Та, которая раньше жила в едином мире, а сейчас находится во множестве, задыхаясь в груди каждым вздохом, потерявшая чистоту — зовётся женщиной.

И я покрываюсь холодным потом, думая о том, что иду в ногу вместе с толпой малодушных фаталистов, которые, кажется, и не знают, что нашу судьбу творим мы сами.

Я плакала, горько плакала потому, что струны арфы, на которой я играла ежедневно и еженощно, ослабли, и звуки её стали низкими.

Когда я узнала, что у меня появился пол и меня покинул Гений, я почувствовала, как будто бы у Небесной Феи украли её летающую одежду из перьев, как будто бы русалку выбросило на берег.⁹

Я была опечалена, горько опечалена. Я лишилась радости и последней надежды.

Но всё-таки я всегда была хозяйкой, контролирующей свою боль, потерю, изнеможение, безумие и гибель.

Я, всегда пользуясь правом быть хозяйкой самой себе, была довольна тем, что я свободна, самостоятельна и решаю всё сама за себя. Я не сожалела даже о том, что была во власти искушения совершить самоубийство, и что бы ни происходило, я, не останавливаясь, шла своей дорогой¹⁰.

⁹ Хирацука Райтё ссылается на известную пьесу театра Но «Хагоромо» (羽衣), где Небесная Фея теряет свою волшебную накидку, без которой она не может улететь на Небеса.

¹⁰ Под «самоубийством» Хирацука имела в виду «Инцидент в Сиобара», когда она с писателем Морита Сохэй хотела совершить двойное самоубийство.

О, мои родные места, их тьма, их свет!

Солнце с его озаряющим сиянием и теплом, освещая весь мир, даёт рождение всему сущему, не Гений ли оно? Не настоящий человек ли оно?

Сначала женщина и вправду была солнцем. Была настоящим человеком.

Сейчас женщина — луна. Она живёт, завися от других, она сияет светом других, она луна с бледным лицом больного человека.

И теперь мы должны вернуть наше спрятанное солнце.

«Давайте же вернём наше скрывшееся солнце и нашего дремлющего Гения!» — это призыв, всегда обращённый к нам, это страстное желание, которое тяжело подавить и погасить. Это единственный конечный инстинкт человека, который объединяет множество отдельных инстинктов.

Этот призыв, это страстное желание и этот конечный инстинкт становятся глубоким духовным сосредоточением.

И на его вершине сияет величественный трон Гения.

В первом пункте «Общих принципов “Сэйто”» говорится о том, что наша цель — это дать рождение женскому Гению в будущем.

И мы, все женщины, без исключения, — скрытые Гении. У нас есть возможности Гения. И нет сомнений в том, что вскоре эти возможности станут явью. Мне невыносимо жаль, когда только лишь из-за недостатка духовной энергии огромные возможности навсегда оказываются бессмысленными и скрытыми, и, в конечном счёте, когда, они не становятся явью, вся жизнь заканчивается.

«Душа женщины — поверхность, непостоянная и лёгкая пена, плывущая по мелкой воде. Но душа мужчины глубокая, её воды мчатся в подземных пещерах», — так сказал Заратустра¹¹. Женщины так долго занимались домашними делами, что их сила духовного сосредоточения, в конце концов, совсем притупилась.

Домашние дела можно выполнить рассредоточенно и без ощущения видимой цели.

¹¹ Произведение Ницше «Так говорил Заратустра» было переведено на японский язык в апреле 1911 г. духовным наставником Хирацука Райтё — Икута Тёко, и напечатано издательством «Синтёся» (新潮社). По Ницше, луна представляет собой эгоистичное желание, похоть и эгоизм, в то время как солнце выражает идею совершенства и многообещающие идеалы, в сочетании со свободой, волей и надеждой.

Я ненавижу кропотливые домашние дела из-за обстановки, неподходящей для духовного сосредоточения и для раскрытия спрятанного Гения.

Суетная жизнь осложняет характер, делая его многообразным. Но всё-таки в большинстве случаев такая многосторонность и сложность — обратно пропорциональна выявлению Гения.

Вряд ли кто-то питает сомнения по поводу скрытого Гения.

Разве и в гуманитарных науках это не подтверждено сегодня? Вряд ли подлежит сомнению, что даже среди людей, не имеющих отношения к религии и философии, есть те, кто более или менее имеют представление о гипнозе. В середине XVIII века австриец Антон Месмер¹² объяснил явления гипноза, в результате его упорства и усердия гипноз, наконец, стал серьёзной проблемой исследования для современных учёных. Разве даже хрупкая женщина, находясь под гипнозом и ощущая внушение, внезапно не начинает проявлять неистовую силу, которую можно назвать удивительной и немыслимой, силу, которая живёт среди небытия и среди смерти, или разве совершенно неграмотная девушка из деревни не начинает свободно говорить на иностранных языках и слагать стихи на китайском — как часто удивительные вещи происходят у нас на глазах. Каждый знает, что во время чрезвычайных случаев, таких как пожар, землетрясение, мы совершаем такое, что в обычной жизни не сделали бы.

Ученые говорят, что состояние полного гипноза — это душевное состояние полной отрешённости от всего мирского, при котором все действия спонтанны и при котором происходит полное расслабление.

Если так, то это идентично состоянию проявления скрытого Гения, о котором я говорила. Я не знаток гипноза, поэтому, к сожалению, не могу утверждать точно, но, по крайней мере, я могу сказать, что он предполагает похожее состояние.

Что значит «полное отрешение от всего мирского»? Не состояние самозабвения ли это, которое можно постигнуть, молясь или пребывая в глубоком духовном сосредоточении? Не недеяние, не транс ли это? Не небытие ли это? Не пустота ли это?

¹² Франц Антон Месмер (1734–1815) — знаменитый венский врач, он первым попытался объяснить явление гипноза и прославился своим учением о «животном магнетизме».

Поистине это пустота. И поскольку это пустота — это сокровищница, в которой хранится неисчерпаемый запас мудрости. Это источник жизненной силы. Это поле, богатое разными возможностями, через которое постоянно проходят люди, животные, растения, и оно должно передаваться вечно.

Здесь нет ни прошлого, ни будущего, всё существует только в настоящем.

О, скрытый Гений! Гений — это зерно мудрости «Природы», что находится в самом сердце пламени, горящем глубоко в нашей душе. Это ребёнок всеведущей и всемогущей «Природы».

«Мой Роден во Франции».

Роден¹³ — это явленный Гений. Он обладает огромной силой духовного сосредоточения. Ни секунды не отдыхая, он живёт необычным так, будто бы оно самое обыкновенное. Он, бесспорно, тот человек, который при любом ритме духовной и мирской жизни может мгновенно измениться так, как ему угодно. Да, он смеялся над людьми искусства, которые по-рабски ждали вдохновения.

Надо сказать, что, когда Роден, под чей властью всегда находится вдохновение, распоряжается волей, он держит в руках единственный ключ к тому, чтобы стать Гением.

Мне, которой всегда хотелось жить с чувством необычности даже во время трапезы или дружеской беседы в прохладный вечер, много мыслей пришло на ум, когда я как-то раз увидела номер журнала «Сиракаба», посвящённый Родену¹⁴. Так я, полная невежда, впервые услышала имя Родена. И когда я многое для себя узнала, когда я нашла то, чему так сопереживаю, моей радости не было предела.

С тех пор каждую ночь я сижу в одиночестве за закрытыми дверями в тайной комнате, белым светом горит маленькая лампа, звук постепенно усиливается, подобно буре, и вот, наконец, лампа, не

¹³ Огюст Роден (1840–1917) — французский скульптор, считается одним из создателей современной скульптуры. Среди известных произведений Родена — скульптуры «Мыслитель», «Поцелуй» и «Граждане Кале».

¹⁴ В ноябре 1910 г. Огюсту Родену был посвящён целый номер журнала «Сиракаба» (白樺) в честь его 70-летия. Интересен тот факт, что сам Роден знал о существовании «Сиракаба». Скульптор прислал в Японию три свои работы: «Бюст Мадам Роден», «Одна маленькая тень» и «Голова парижского хулигана», после того, как лидер журнала «Сиракаба» Мусянокодзи Санэацу (武者小路 実篤, 1885–1976) отправил Родену письмо и гравюры укиё-э в подарок. Сейчас эти три скульптуры хранятся в музее Охара (大原美術館), в префектуре Окаяма.

мерцающая, монотонно горит. Пять моих белых голубей, и с добрыми красными глазами, и с чёрными глазами, скрытыми пеленой из одного и того же тонкого шёлка, распушили перья и спокойно спят на деревьях — я просыпаюсь в одиночестве на дне океана. Мои мышцы напряжены, и по всему телу разливается кровь. И тогда мысль о том, что «мой Роден во Франции» всплывает в моей голове из ниоткуда. Когда-то я вместе с Роденом играла музыку «Природы», утраченные высокие звуки «Природы».

Я думаю о его «Поцелуе». О поцелуе, который плавит всё в горниле страстей, о моём поцелуе. Поцелуй, который поистине один. Душа! Плоть! Спокойное восхищение на пике напряжения. Покой! Красота покоя! И слёзы воодушевления, сверкающие золотым блеском.

Предзакатное солнце раскалённо пылает, вращаясь, над Японскими Альпами. Я стою одна на одинокой вершине — мои сдавленные рыдания.

Моя слабая, измученная, неопределимая, непостижимая, непрестанно содрогающаяся в страхе и тревоге душа. Смятение в глубинах моих мыслей, звук, будто лопается серебряная струна, одержимость чернокрылой смертью, наступающей на меня во время пробуждения. И всё же, и всё же, скрытый Гений, однажды приободрённый, до сих пор ведёт меня. Ещё не совсем покинул он меня. Всё мое тело переполняется энергией, взявшейся ниоткуда, и я превращаюсь в очень сильного человека. Моё сердце становится большим, глубоким, спокойным и светлым, поле моего зрения расширяется, я не вижу каждую вещь отдельно, весь мир отражается в одном моём взгляде. Станет ли моя тяжёлая душа лёгкой-прелёгкой, покинет ли она моё тело, паря в воздухе? Нет, на самом деле, может, моя душа станет невесомой и наконец освободится? Я опьянена непередаваемым чувством гармонии и единства, и мои тело и душа остались полностью забыты.

Я и жизни не знаю. Я и смерти не знаю.

Я смело скажу, что здесь есть вечная «Жизнь». Здесь есть железная воля, закалённая огнем.

Когда-то Наполеон воскликнул: «Альпы? Ну и что же?». И для меня поистине нет никаких преград.

Моя душа и моё тело, по-настоящему вольные и свободные, совершенно не чувствуют ни давления, ни стеснения, ни страха, ни тревоги. Итак, моя онемевшая правая рука берёт кисть и начинает писать.

Я не могу существовать, не веря в своего спрятанного Гения. Не могу не верить, что мой хаотичный внутренний мир с трудом сохраняет единство только лишь благодаря ему.

Освобождение! Голос, говорящий о женском освобождении, уже давно шепчет нам в уши. Но что значит оно? Я думаю, а не ошибочно ли понят смысл того, что называется свободой и освобождением? Даже если это назвать проще: вопросом женского освобождения, — и здесь многие проблемы окажутся скрыты. Можно освободиться от давления внешнего мира, от ограничений, получить так называемое высшее образование, работать в различных областях, получить право участия в управлении государством, можно покинуть маленький мирок под названием семья, высвободиться из рук покровителей, тех, что зовутся родителями и тех, что зовутся мужьями, вести так называемую самостоятельную жизнь, наверное, это и есть освобождение женщин. Да, это может и даст возможность и пространство для женщин, чтобы приблизиться к границе настоящего освобождения. Но это только средства. Меры. Не конечная цель. Не идеал.

При всём том я, конечно, не являюсь, как многие интеллектуалы в Японии, сторонником того, что высшее образование не нужно для женщин. От «Природы» мужчины и женщины при рождении получают одинаково — и то, что для одних это нужно, а для других нет, происходит оттого, что в некоторых странах какое-то время так считалось. Если немного подумать, то это покажется нелепым.

Мне досадна нынешняя ситуация, когда в Японии есть только один частный университет для женщин, а университетам для мужчин не хватает великодушия просто открыть свои двери женщинам. Что будет, если однажды наш уровень знаний станет равным уровню знаний мужчин? Прежде всего, поиск знаний — это не что иное, как бегство из тьмы невежества и неведения ради собственного освобождения. Протерев свои глаза и посмотрев ещё раз, не удивимся ли мы тому, что знания, которые мы с жадностью поглощали, словно амёбы, оказались просто скорлупой. Разве не должны мы отчаянно бороться, чтобы выбраться из этой скорлупы? Любое знание затемняет наш разум, отдаляет нас от природы. Люди, которые живут, играясь знаниями, наверное, могут стать учёными, но никак не мудрецами. И, наоборот, люди становятся близки к полной слепоте, если они видят вещи только такими, какие они есть перед их глазами.

Будда ушёл в заснеженные горы и там сидел шесть лет, пока однажды ночью не обрёл великое просветление: «Поразительно! Всё живое обладает мудростью и добродетелью Будды, если достичь просветления и смотреть на весь мир сострадательным взглядом, то все растения, деревья и все земли, без исключения, достигнут состояния Будды». И он впервые взглянул на истину вещей и удивился совершенству природы. И так Будда стал настоящим реалистом, настоящим натуралистом. Он не был мечтателем. Он поистине осознал себя, полностью освободив себя.

В Будде мы видим настоящего реалиста, которого мы должны рассматривать как мистика, мы видим настоящего натуралиста, которого должны считать идеалистом.

Мой Роден тоже таков. Он, проникнувший в реальность, обнаруживает в ней идеал, абсолютно совместимый с реальностью.

Разве не он сказал: «Природа всегда совершенна. Она никогда не делает ошибок». По собственной воле он следовал за природой, и благодаря этому следованию, он, сделав природу своей, стал натуралистом.

Взгляд тех, кто зовётся японскими натуралистами, ещё не проник туда, где можно рассмотреть идеал в нетронутой действительности. В сердцах этих людей, у которых не хватает силы сосредоточения, природа никогда не раскроет всей своей сущности. Мир идеала, соответствующего реальности, можно узреть только в глубинах человеческих размышлений, и вряд ли он так просто откроется перед ними.

Где же в этих людях есть освобождение? Когда упадут оковы с их шей, рук и ног? Разве они, которые вырыли сами себе яму, не жалки, страдая в созданном ими рабском мире?

Мне больно смотреть на женщин, которые, слепо завидуя мужчинам и подражая им, пытаются идти, немного отставая, по той же самой дороге, по которой прошли мужчины.

Женщины, чем выстраивать гору мусора в своей душе, лучше опустошите её и познайте, насколько совершенна природа.

Тогда что же такое освобождение, за которое я так ратую? Разумеется, это есть то, что в полной мере проявляет скрытого Геня и великие скрытые возможности. Но вначале мы должны устранить всяческие препятствия на пути нашего развития. Разве препятствия заключаются во внешнем давлении или в недостаточных знаниях?

Нет! Но я не могу сказать, что они не играют никакой роли. Однако всё-таки главное препятствие — это мы сами. Мы, обладатели Гения, станем дворцами, где смогут жить Гении.

Скрытый Гений проявится, когда мы освободим себя от нас самих.

Мы должны принести себя в жертву ради спрятанного внутри нас Гения. Мы должны добиться отсутствия собственного Я (не-Я — есть предел самоувеличения).

Благодаря вере в таящегося внутри нас гения, у нас нет другого пути как сосредоточиться на молитвах и сконцентрировать дух, посредством постоянного обращения к Гению, страстного желания, последнего инстинкта.

И тогда на наивысшей точке этого пути, наверху, будет сиять трон Гения.

Я вместе со всеми женщинами хочу верить в скрытого Гения. И, лишь веря в эту единственную возможность, я хочу радоваться всем сердцем тому, что нам посчастливится родиться в этом мире женщинами.

Единственный наш спаситель — это Гений, скрытый внутри нас. Мы больше не просим Бога и Будду в храмах и церквях.

Мы больше не ждём божественного откровения. Своими усилиями мы раскроем секрет природы, что находится внутри нас, мы сами станем своим божественным откровением.

В поисках чуда мы не жаждем тайны где-то далеко, своими усилиями мы раскроем секрет природы, что находится внутри нас, мы сами станем чудом и тайной.

Давайте же постоянно продолжать наше духовное сосредоточение и усердные молитвы! Давайте будем усердны и последовательны! До того дня, пока наш спрятанный гений не родится, до того дня, пока наше скрывшееся солнце не засияет.

И в этот день весь мир, во всей своей полноте, станет нашим. В это день мы, как хозяева своего существования, встанем в самый центр природы, и тогда нам, свободным и самостоятельным, самоанализ будет ни к чему, ибо мы станем настоящими людьми.

Тогда мы узнаем, насколько изобильно наслаждение от одиночества и уединения.

Женщина больше не луна.

В этот день женщина вновь станет солнцем, как прежде. Станет настоящим человеком.

Мы будем управлять огромным золотым дворцом, сияющим на вершине хрустальной горы на востоке страны Восходящего солнца.

Женщины, когда рисуете свой портрет, никогда не забывайте выбирать золотые купола.

И пусть я погибну на полпути, и пусть я пойду ко дну, как моряк при кораблекрушении, я подниму свои онемевшие руки и крикну на последнем вздохе: «Женщины, вперед, вперед!»

Слёзы, снова слёзы наворачиваются сейчас на моих глазах.

Пора мне отложить перо.

Но вот что я ещё хочу сказать. Я усматриваю большое значение в издании «Сэйто»: он даёт шанс выйти на свет Гению, таящемуся внутри женщины, стремящейся к искусству, и сам служит инструментом для этого. Благодаря тому, что «Сэйто» какое-то время будет выкидывать из нашей души грязь, отстой и отбросы, которые препятствуют выявлению Гения, он будет иметь хоть какое-то значение.

Я также думаю, что в день, когда исчезнет «Сэйто», не из-за нашей нерадивости, а в результате наших усилий, некоторые цели будут достигнуты.

И напоследок я скажу. Все члены общества «Сэйто», молодые участницы, все до единой, как и я, — это выявляющие своего скрытого Гения, уважающие индивидуальный характер, выполняющие предначертанное им, не ущемляя других людей, сосредотачивающие свой дух, страстные, искренние, серьёзные, простые, наивные, а иногда и ребячливые женщины, и мы ни в коем случае не станем тратить время на формальные пустые посиделки, как это частенько, мы видим, делают многие другие женские группы. Страстно желая этого, я, без сомнения, верю, что так и будет, и это то, что я утверждаю.

Страстное желание — вот настоящий и самый верный источник, порождающий реальность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Сулейменова А.М. Рождение образа новой женщины в Японии и взгляды Окамото Каноко // Ежегодник Японии, 2015. С. 212–224.

Хирацука Райтё. Ватакуси но аруита мити : [Мой пройденный путь]. Токио: Нихон тосё сэнта:, 1994.

Хирацука Райтё. Гэнси, дзёсэй ва тайё: дэ атта : [Первая женщина была солнцем] // Хирацука Райтё тёсакусю, № 1. Токио: О:цукисё-тэн, 1983. С. 14–28.

Craig Teruko. (2006). Hiratsuka Raicho. In the beginning woman was the Sun, Columbia University Press, New York, 7–12.

Horimoto Fumiko. Pioneers of the women's movement in Japan: Hiratsuka Raicho and Fukuda Hideko seen through their journals, Seitô and Sekai Fujin, University of Toronto, 1999.

Tomida Hiroko. Hiratsuka Raichō and Early Japanese Feminism, Brill, 2004.

References

Craig, Teruko. (2006). Hiratsuka Raicho. In the beginning woman was the Sun, New York: Columbia University Press, 7–12.

Hiratsuka, Raicho (1994). Watakushi no aruita michi [The way that I've achieved], Tokyo: Nihon tosho senta. (In Japanese).

Hiratsuka, Raicho. (1983). Genshi, josei wa taiyo de atta [In the beginning woman was the Sun], *Hiratsuka Raicho chosakushu*, 1, Tokyo: Otsuki Shoten: 14–28. (In Japanese).

Horimoto, Fumiko. (1999). Pioneers of the women's movement in Japan: Hiratsuka Raicho and Fukuda Hideko seen through their journals, Seitô and Sekai Fujin, University of Toronto.

Suleymenova, A.M. (2015). Rozhdeniye obraza novoy zhenshchiny v Yaponii i vzglyady Okamoto Kanoko [The birth of the New Woman in Japan and the point of Okamoto Kanoko], *Ezhegodnik Yaponiya* [Yearbook Japan], 212–224. (In Russian).

Tomida, Hiroko. (2004). Hiratsuka Raichō and Early Japanese Feminism, Brill.

«Новый Гамлет» Дадзай Осаму: «исповедальная» адаптация классического сюжета

Э.С. Шорохова

Аннотация. Дадзай Осаму является признанным классиком современной японской литературы, а также одним из самых выдающихся мастеров «исповедального романа» (*ватакуси сё:сэцу*). В поисках новых сюжетов для выражения уже привычных экзистенциальных переживаний Осаму, подобно Сига Наоя и Кобаяси Хидэо, нередко обращался к произведениям западноевропейской классики. Заимствовав сюжет классической трагедии «Гамлет» Уильяма Шекспира, Дадзай мастерски удалось обыграть множество повествовательных деталей, а также воплотить на бумаге такой литературный феномен, как «исповедальная пьеса для чтения». Данная статья посвящена выявлению литературных особенностей пьесы в широком контексте сравнения с культовым западным сюжетом, а также в узком контексте «исповедальных» мотивов творчества Дадзай. «Новый Гамлет», как отмечал Окуно Такэо, наиболее приближен к оригинальной трагедии Шекспира как с точки зрения сюжета пьесы, так и с позиции литературных образов персонажей. Однако в образе «нового» Гамлета нашли воплощение философские и личностные проблемы, являющиеся ключевыми для всего творчества писателя: трагизм неспособности самоопределения, проблема шутовства как единственного способа коммуникации с окружающим миром, проблема мнительности и хронического отсутствия доверия к людям. Если «медлительный», «нерешительный», «безвольный», по мнению многих критиков, Гамлет Шекспира видел причины собственного философского диссонанса в невозможности подстроить окружающую действительность под собственные моральные устои, «новый» Гамлет Дадзай подобных попыток вовсе не предпринимал: единственным беспокоящим его вопросом было лишь собственное «я». Перемены окружающей действительности не представлялись ему хоть сколько-нибудь возможными.

Он видел единственное своё «предназначение» лишь в разыгрывании клоунады, паясничестве, которое, как утверждает Камэи Кацуитиро, является одним из неотъемлемых атрибутов «службы людям», а также единственным возможным способом их полюбить. Иными словами, образ «нового» Гамлета» продолжает галерею портретов типичных для творчества Осаму «анти-героев», которые, как утверждают многие литературные критики, являются истинным воплощением чувств и личных переживаний самого писателя. Однако Андо Хироси и Камэи Кацуитиро полагают, что «исповедальная» концепция творчества Дадзай является осознанной и тщательно продуманной писателем фальсификацией, в основе которой лежит метаморфоза множественных литературных «я» писателя.

Ключевые слова: Дадзай Осаму, *ватакуси сё:сэцу*, Гамлет, адаптация, исповедальные мотивы, универсальный герой.

Автор: Шорохова Элина Сергеевна, стажёр Токийского университета.
E-mail: alice.perfectsoul@yandex.ru

Dazai Osamu's "New Hamlet": A "confessional" adaptation of the classical story

E.S. Shorokhova

Abstract. Dazai Osamu is recognized as the classic of modern Japanese literature and one of the most outstanding authors of I-novel (*watakushi sho:setsu*) genre. Like Shiga Naoya and Kobayashi Hideo, Osamu was trying to find some new literature plots to express his usual existential experiences, so he used some classical Western stories quite often. Dazai took Shakespeare's 'Hamlet' for his story and managed to reverse a lot of original plot details and also managed to create some kind of literature phenomenon which can be called 'I-closet drama' ('confessional' closet drama). This publication is dedicated to the analysis of literature features of Osamu's play in the wide context of comparison with the classical Western story and in the specific context of 'confessional' features of Dazai Osamu's literature art. As Okuno Takeo was noticing, 'New Hamlet' has more common features with the original story than any other adaptation: the plot and main characters are almost the same. But the image of the 'new' Hamlet is personifying all of the philosophical and personal issues which are one of the key points of Osamu's literature: inability of self-determination, the problem of 'buffoonery' as the only way of communication with the world, the problem of suspiciousness and complete lack of trust for people. Unlike Shakespeare's 'slow', 'hesitant' and 'spineless' Hamlet who finds the reasons of his philosophical dis-

sonance in inability of 'tuning' the reality under his moral principles, Dazai's 'new Hamlet' did not even try to 'tune' the reality: the only and the most important problem for him was his own personality, his own 'I'. Any changes in the world around him seemed totally impossible. He thought his main 'mission' was being a clown, using the buffoonery which, as Kamei Katsuichiro points, is one of the main ways of 'serving people' and also the only possible way to love them. In other words, the portrait of Osamu's 'new' Hamlet continues the gallery of typical 'anti-hero' portraits of the writer's art. Many critics pointed that these 'anti-heroes' are nothing else but some kind of confessional expression of Dazai's true feelings and personal issues. But, in the opinion of Ando Hiroshi and Kamei Katsuichiro, the main 'confessional' concept of Osamu's literature is actually a deliberate falsification based on the metamorphose of the writer's multiple literature 'I'.

Keywords: Dazai Osamu, *watakushi sho:setsu*, Hamlet, adaptation, confessional features, universal hero.

Author: Shorokhova Ellina S., research student, Tokyo University. E-mail: alice.perfectsoul@yandex.ru

В образе «нового» Гамлета Дадзай Осаму нашли воплощение философские и личностные проблемы, являющиеся ключевыми для всего творчества писателя: трагизм неспособности самоопределения, проблема *шутовства* как единственного способа коммуникации с окружающим миром, проблема мнительности и хронического отсутствия доверия к людям. Если повесть «Исповедь “неполноценного” человека» представляет собой «исповедальный» роман в его «чистейшем» проявлении, «Новый Гамлет» является мастерски продуманным литературным «феноменом», который не только совместил в себе разнообразную жанровую специфику, но также позволил Осаму выразить на бумаге экзистенциальные переживания в более «игровой» форме диалогичной «пьесы для чтения», не прибегая, таким образом, к повествованию от лица непосредственного драматического героя. В то же время Дадзай удалось по-новому интерпретировать образы героев классической трагедии У. Шекспира.

По мере знакомства с западной литературой японские писатели находили в ней всё более близкие им темы для размышлений. В данном смысле их привлекал глубокий психологизм «Гамлета» Шекспира, трагизм созданного им культового героя. Попытка адаптации «Гамлета» позволила писателям облечь собственные мысли и чувства в абсолютно новую для них форму канонического западного сюжета [Kawachi, 2016, с. 134].

Подобному творческому порыву поддался писатель Сига Наоя (志賀直哉, 1883–1971), один из видных представителей литературного общества *Сиракаба* (白樺) и признанный мастер жанра *ватакуси сё:сэцу* (私小説, «роман о себе»). В 1911 г. Сига увидел постановку «Гамлета» в переводе Цубоути Сёё (坪内逍遙, 1859–1935): «легкомыслие» Гамлета вызывало у писателя отвращение, куда большую симпатию — персонаж Клавдия. Более того, Сига не смог найти никаких убедительных доказательств вины Клавдия в убийстве брата, кроме неубедительного, по его мнению, рассказа призрака отца Гамлета. Остаётся лишь предполагать, каким образом писатель мог упустить из виду исповедальный монолог Клавдия, в котором он лично признаёт факт совершённого им убийства [Шекспир, пер. М. Лозинского, 1937, с. 237–239].

Однако симпатия к характеру Клавдия вдохновила Наоя на написание психологического романа под названием «Дневник Клавдия» (クロードィアスの日記, Куродиасу но никки, 1912) [Kawachi, с. 125–126]. Сюжет романа построен на дневниковых записях Клавдия, в которых описываются его внутренние переживания, касающиеся, главным образом, любви к Гертруде и сложных взаимоотношений с Гамлетом. При этом Клавдий не убивал короля Гамлета. Ключевой особенностью «Дневника Клавдия» является глубокий психологизм повествования: Клавдий последовательно анализирует как свои мысли и поступки, так и поступки Гамлета. Более того, Сига не просто проводит «психологический эксперимент», в основу которого легли взаимоотношения главных персонажей трагедии Шекспира, но также описывает болезненный опыт, пережитый им лично.

Творчество Сига оказало большое влияние на Кобаяси Хидэо (小林秀雄, 1902–1983), писателя и литературного критика, который также адаптировал знаменитый сюжет Шекспира в новелле «Прощальное письмо Офелии» (おふえりあ遺文, Офэрия Ибун, 1931) [Kawachi, с. 126]. Подобно Сиге, он попытался интерпретировать историю не с точки зрения Гамлета, но с точки зрения второстепенного персонажа — в данном случае Офелии. Центральной темой произведения является любовное безумство. Офелия, запершись в своей комнате, пишет письмо Гамлету, который, как она думает, уже находится на пути в Англию. Девушка ждёт наступления заката, чтобы покончить с собой [Kishi, Bradshaw, 2005, с. 113]. Сконцентрировав сюжет на описании психологии женщины, впавшей в

«любовное безумство», Кобаяси удалось, в первую очередь, развить тему взаимоотношений между Офелией и Гамлетом, которая не была предметом рассуждений для Шекспира, а также удалось несколько «японизировать» «Гамлета», сделав центральным мотивом повествования самоубийство, причиной которому служит любовь – классический для традиционной японской литературы сюжет [Kishi, Bradshaw, с. 114–115].

Таким образом, западноевропейская классика, в частности — «Гамлет» Шекспира, стала мощным творческим стимулом для многих японских писателей и, как следствие, сыграла немаловажную роль в развитии современной японской литературы. Дадзай Осаму, подобно Сига и Кобаяси, сумел найти в классической трагедии образы и переживания, близкие его собственному мировосприятию.

«Новый Гамлет»: жанровые особенности

По мнению многих литературных критиков, период с 1938 по 1945 г. был самым плодотворным и «стабильным» в жизни и творчестве Дадзай Осаму. В «Восьми видах Токио» (東京八景, То:кё: хаккэй, 1941) Дадзай вспоминает: «Ранней весной на тридцать первом году жизни мне впервые серьёзно захотелось стать писателем. Запоздалое желание, если подумать. <...> На этот раз я писал уже не предсмертное послание. Я писал, чтобы жить. Один старший товарищ-литератор меня подбадривал. Другие меня единодушно ненавидели и потешались надо мной, и только этот писатель всегда тайно помогал мне сохранить себя как человека» [Дадзай Осаму: Избранные произведения, пер. А. Вериной, 2004, с. 476]. Под «товарищем-литератором» писатель имеет в виду Ибусэ Масудзи (井伏鱒二, 1898–1993), который в 1939 г. также познакомил его с будущей женой по имени Митико. После переезда в Митака Дадзай активно занимается литературной деятельностью, много путешествует. В сборнике «Сто видов Фудзи» (富嶽百景, Фугаку хяккэй, 1939) он впервые отходит от образа потерянного человека, погрязшего в пучине саморазрушения: вместо привычного литературного портрета меланхоличного декадента читатели видят образ счастливого семьянина, восхищающегося трогательной красотой видов Фудзи. Подобное ощущение духовного подъёма отчётливо прослеживается во многих сочинениях данного периода [Keene, 1984, с. 1047].

Правительственная цензура особенно ужесточилась во время Второй мировой войны, что заставило многих писателей в буквальном смысле «замолчать» — наказание за выражение любых антигосударственных и антивоенных настроений даже в завуалированной форме было неизбежным. Однако, пока все «молчали», Дадзай Осаму продолжал «говорить» своими произведениями, несмотря ни на какие запреты [Kawachi, с. 127].

Данный период также отмечен расширением сюжетной вариативности работ писателя. В какой-то момент стала очевидна нехватка «материала» для новых произведений. Тогда-то Осаму, пребывавший в поисках вдохновения, и решил обратиться к сюжетам западноевропейской классики. В 1940 г. он публикует рассказы «Припадаю к Вашим стопам» (駆け込み訴え, Какэкоми уттаэ), «Беги, Мелос!» (走れメロス, Хасирэ Мэросу) и «Женская дуэль» (女の決闘, Онна но кэтто). За основу каждого из них взят сюжет, заимствованный из западной литературы: «Припадаю к Вашим стопам» повествует о предательстве Иисуса Иудой, «Беги, Мелос!» рассказывает о юном греке, который пожертвовал собой во имя дружбы, а «Женская дуэль» является адаптацией одноимённой истории немецкого писателя Герберта Ойленберга. Годом позже, в июле 1941 г., издательством Бунгэй Сюдзю была опубликована первая пьеса Дадзай под названием «Новый Гамлет» (新ハムレット, Син Хамурэтто), сюжет которой основан на знаменитой трагедии Шекспира [Син Хамурэтто, 1974, с. 290].

Главные действующие лица пьесы — Клавдий, Гамлет, Полоний, Лаэрт, Горацио, Гертруда и Офелия (имена даны в том же порядке, в котором приведены в оригинальном тексте Дадзай). Пьеса состоит из девяти сцен: повествование занимает три дня сюжетного времени.

Данное произведение достаточно сложно однозначно интерпретировать как «пьесу» или «роман». В «Предисловии» Дадзай приводит следующую жанровую характеристику: «И напоследок: моя работа по форме своей в какой-то степени походит на пьесу, но и здесь я хочу вас предупредить: за перо я взялся вовсе не с целью создать пьесу. Прежде всего, я беллетрист, практически ничего не смыслящий в технике их написания. Считайте моё творение, ну, допустим, романом в стиле *lesedrama*» [Син Хамурэтто, с. 141]. *Lesedrama* (англ. *closet drama*) или «пьеса для чтения» — литературное произведение, не предназначенное для исполнения на сцене. Создатель подобной «пьесы» имеет гораздо большую свободу действий, чем драма-

тург: к примеру, он может не задумываться о длине, сложности и глубокости содержания реплик своих героев. Иными словами, писателю, выступающему в роли создателя «пьесы для чтения», не нужно беспокоиться о том, как написанные им реплики будут звучать в устах актёров, а также о психологическом эффекте, который они будут оказывать на зрителя (не читателя) [Beers, 1907, с. 627]. Композиционная форма «Нового Гамлета» действительно соответствует данному понятию: физическая активность действующих лиц минимальна, практически каждая реплика представляет собой отдельный монолог.

Любопытно то, что Дадзай написал Ибусэ Масудзи о «Новом Гамлете» спустя месяц после публикации: «Я хотел выразить на бумаге всё, что меня так мучило. Выразить всё без остатка, тщательно систематизировав. В этом смысле, наверное, получился *“роман о себе”*. По форме он напоминает пьесу, но таковой не является. Я хотел написать *“роман в новой форме”*» [Камэи, Дадзай Осаму: Аи то кунэ: но тэгами, 2009, с. 195]. В предисловии к пьесе Осаму восхищается мастерством Шекспира, отмечая, что «в “Гамлете” “чувствуется тяжёлая рука гения”, а также “огненный энтузиазм драматурга”» [Син Хамурэтто, с. 141]. Таким образом, Дадзай не столько пытался отойти от привычного ему жанра эго-беллетристики, сколько хотел создать совершенно уникальное произведение, представляющее собой метаморфозу его собственного мироощущения, нашедшую своё воплощение в канонических литературных формах западноевропейской классики.

Прежде всего, в технике повествования «Нового Гамлета» прослеживается такая неотъемлемая особенность творчества Дадзай, как *«монологичность диалога»* [Дадзай Осаму: Избранные произведения (Предисловие), с. 16]. Пьеса не имеет «единого» рассказчика — в его роли выступает каждый персонаж, что, безусловно, придаёт повествованию «объёмность», позволяя читателю воспринимать происходящее с разных точек зрения. Однако в то же время каждая реплика отдельного персонажа несёт в себе отзвук «подлинного признания» Дадзай, которое он, предварительно замаскировав, вложил в суть повествования. То есть, «рассказчиком» является множество персонажей, но при этом часто создаётся впечатление, будто за них говорит рассказчик истинный, рассказчик в лице самого писателя. Исключительная длина реплик также оказывает на читателя сильное психологическое воздействие, позволяя выступить в роли «слушателя» [Сано, 2006, с. 180].

«Новый Гамлет» как адаптация классической трагедии У. Шекспира

В «Предисловии» к пьесе Дадзай довольно чётко объяснил, каким образом воспользовался оригиналом Шекспира: «...Только вот хочу предупредить читателей: моё творение не является пояснением к “Гамлету” Шекспира, и уж никак не является его новой интерпретацией. Не более чем плод писательского сумасбродства. Я лишь рассказал о несчастной семье, заимствовав у Шекспира только имена героев и окружающую их обстановку» [Син Хамурэтто, с. 140]. Однако далее писатель будто противоречит самому себе, обращаясь к читателям со следующим советом: «Думаю, однократного прочтения будет недостаточно — в этом случае легко упустить из виду важные психологические нюансы. Но ведь обязательно найдётся тот, кто скажет: “Перечитывать ещё раз, а то и третий — увольте! Нет у меня на это времени”. Этим дело и кончится. Читатели же, имеющие в запасе свободную минутку — прошу вас при случае перечитать моё творение. А тем, у кого времени всё-таки не найдётся, рекомендую, пользуясь такой возможностью, перечитать шекспировского “Гамлета” и сравнить его с моим “Новым Гамлетом”. Возможно, вы откроете для себя нечто интересное» [Син Хамурэтто, с. 140]. Таким образом, Дадзай, позиционирующий свою пьесу как «независимое от оригинала писательское сумасбродство», в то же самое время настаивает на важности сравнения его «адаптации» с оригиналом Шекспира. Помимо имён персонажей и основных повествовательных локаций, Дадзай также заимствует у Шекспира некоторые сюжетные детали и приёмы, позволяющие сделать историю более интригующей: привычные, на первый взгляд, события приобретают неожиданный поворот, что держит читателя в постоянном напряжении [Kishi, Bradshaw, с. 117].

Пьеса Осаму *неподвижна, статична* в пространственном отношении. В предисловии к пьесе он отмечает, что сосредоточил всё внимание повествования на трудностях, которые за три дня пришлось пережить одной — или «строго говоря, двум семьям» [Син Хамурэтто, с. 140]. То же самое можно сказать и о сюжете трагедии Шекспира, который выстроен вокруг перипетий в двух семьях — семье Гамлетов и семье Полония. Однако если в «Гамлете» местом действия, по крайней мере, одной из сцен является равнина, отдалённая от замка (сцена четвёртая, явление четвёртое — равнина в

Дании), действие «Нового Гамлета» не выходит за пределы Эльсинора, что делает пьесу куда более «домашней». Можно сказать, что пьеса Дадзая почти что соответствует *принципу трёх единств*: в ней чётко прослеживается *единство времени, действия и пространства*. В данном смысле «Новый Гамлет» имеет некоторое сходство с классической французской трагедией [Kishi, Bradshaw, с. 116], для которой были характерны глубокий психологизм, высокая скорость принятия решений персонажами, замкнутость задействованного в сюжете пространства [Корнель, Расин, 1970, с. 5]. Статичности происходящим событиям придаёт и непрерывный психологический анализ героями как собственных, так и чужих поступков и взглядов, а также различные философские рассуждения, которыми изобилует подавляющее большинство реплик каждого персонажа. Тем не менее, необходимо помнить о том, что *медлительность* действия «Гамлета» Шекспира, по мнению многих литературных критиков, носит амбивалентный характер: с одной стороны, она проявляется в нерешительности Гамлета, который слишком «затягивает» с актом мести, но в то же самое время подобная «отсрочка» придаёт повествованию куда больший динамизм посредством быстрой смены временных и пространственных локаций, а также множества второстепенных событий, не имеющих прямого отношения к основной миссии главного героя или же, напротив, являющихся непосредственными препятствиями на пути осуществления им поставленной цели. Иными словами, если бы Гамлет отомстил Клавдию тотчас же, как получил от призрака отца приказ к отмщению, постановка пьесы вряд ли имела бы не только успех, но и какой-либо смысл вообще [Выготский, 2001, с. 314–319]. В данном контексте медлительность и практически полное отсутствие какой-либо динамики в сюжете «Нового Гамлета» есть ни что иное, как осознанный приём, к которому прибег Дадзай для куда более «точечной» централизации сюжета вокруг проблем философского и психологического характера, то есть — на явлениях, которые по природе своей статичны, но обретают лишь *абстрактное* движение. Таким образом, можно сделать следующий вывод: если Шекспир предположительно намеренно «замедлил» повествование «Гамлета» для включения в него большего количества диалогов, физических движений героев и окружающего их пространства (временной эквивалент при этом также амбивалентен: с одной стороны, описываемые события занимают достаточно большой временной промежуток, однако в то же время

события столь стремительны, что у читателя создаётся ощущение непрерывности и кратковременности происходящего [Аникст, 1986, с. 41–42]), то Дадзай, в свою очередь, прибег к похожему приёму, однако куда более движений физических его интересовала *«статика рефлексии»*, которая, тем не менее, оказывается чрезвычайно подвижной материей в руках эго-беллетриста. Подобный противоречивый приём позволяет Осаму акцентировать внимание читателя на тончайших движениях души героев пьесы. Рассуждая об особенностях трагедии Шекспира, В.М. Волькенштейн отмечал, что действие драматургического героя говорит лучше, чем слова, вложенные драматургом в его уста [Аникст, с. 318]. К художественной технике Дадзай можно отнести прямо противоположную формулировку — «слова, вложенные драматургом в уста драматургического героя, говорят лучше, чем его действия».

В финале повествования «Нового Гамлета» упоминается самоубийство Гертруды, о котором читатель узнаёт в финальной девятой сцене из реплики Горацио. Любопытно то, каким образом Дадзай обыграл данную сцену. Как уже упоминалось ранее, в «Гамлете» Офелия тонет в реке, окончательно впав в безумство после смерти Полония — степень сознательности её поступка до сих пор является спорным вопросом как для читателей, так и для исследователей. Однако в «Новом Гамлете» *осознанный* характер самоубийства Гертруды очевиден: после откровенного разговора с Офелией она понимает, что более не может противостоять им с Гамлетом будущему браку. Разыгранная Полонием пьеса произвела должный эффект не на Клавдия, как предполагалось планом Полония, но на Гертруду: ощущение стыда за фактическое предательство покойного мужа стало для неё невыносимым. Лишившись последнего проблеска надежды на будущее благополучие королевского рода, она бросается в реку. В оригинале об убийстве Офелии сообщает Гертруда; в «Новом Гамлете» — Горацио докладывает о самоубийстве Гертруды. Таким образом, Дадзай выбрал для Гертруды тот же способ самоубийства, что и Шекспир для Офелии, однако выбрал Горацио в качестве «докладчика» о случившемся [Kishi, Bradshaw, с. 119].

Также необходимо обратить внимание на вопрос взаимоотношений Гамлета и Офелии, который является одним из ключевых в «Новом Гамлете». В оригинальной трагедии Шекспира их любовные отношения описываются, с одной стороны, достаточно поверх-

ностно и в основном носят скорее платонический характер. С другой стороны, любовная драма «отказа от любви» является самостоятельной трагедией, инкорпорированной в сюжетный контекст «Гамлета»: читатель не может не сочувствовать героям, которые были вынуждены отказаться от своих чувств под давлением внешних обстоятельств. Особой жалости, безусловно, заслуживает Офелия, которая была не в силах пережить безумие любимого, смерть родного отца, а также принять тот факт, что его убийцей стал её возлюбленный [Аникст, с. 154–155]. Осаму развил заимствованный у драматурга любовный сюжет следующим образом: Офелия ждёт ребёнка от Гамлета, что, безусловно, указывает на плотский характер их любви. Как и в трагедии Шекспира, в «Новом Гамлете» отсутствуют любовные сцены: о любовной связи между Гамлетом и Офелией читатель узнаёт лишь со слов третьих лиц. Ключевой для понимания природы любовных взаимоотношений героев является шестая сцена, в одном из монологов которой Офелия делится с Гертрудой своими переживаниями, а также пытается объяснить, почему же она любит Гамлета. Поначалу девушка признаётся королеве в безграничной любви и уважении и утверждает, что близость с Гамлетом, как она думала, позволит ей «приблизиться» к даме, которую она почитает всем сердцем: «У меня нет никаких дурных намерений. Ваши слова ранят меня. Я даже позабыла о высоком положении принца Гамлета. Каким-то невиданным образом я ощутила запах вашей материнской груди, который исходит тело принца, и сердце моё преисполнилось любовью к вам. А затем я оказалась в таком неловком положении... Я не замышляла ничего постыдного. В этом я могу поклясться перед богом. Даже во сне я не задумывалась о том, чтобы добиться успеха в жизни за счёт брака с наследным принцем. Для меня большое счастье лишь ощутить хотя и отдалённую, но всё же какую-то связь с вами» [Син Хамурэтто, с. 226]. Данная реплика позволяет сделать два предположения: либо Офелия, которая рано лишилась матери и испытывала недостаток материнской заботы, говорит правду, либо же её настоящей целью действительно является становление принцессой датского королевства путём брака с наследным принцем. Далее Офелия описывает невзрачную наружность Гамлета, эпизоды резких перепадов его настроения, от которых она постоянно страдает. Однако в заключительной части монолога Офелия произносит несколько фраз, которыми даёт своим чувствам к Гамлету общую

характеристику: «Но я люблю его. В мире нет никого, кто был бы похож на него. Мне кажется, есть в нём что-то, что ставит его выше других. Пусть ему и присуща масса нелепых недостатков, от него исходит запах сына божьего. У меня есть гордость. Я не переоцениваю его как мужчину и не витаю на седьмом небе от счастья. Даже если он и наследный принц высокого происхождения, боготворить его я не собираюсь. Принц Гамлет — самый эмоциональный человек в этом мире. Излишняя чувствительность не позволяет ему совладать с собой, со своими мыслями и словами» [Син Хамурэтто, с. 228]. Данная реплика чрезвычайно показательна во многих отношениях: во-первых, читатель понимает, что природа чувств, которые Офелия питает к Гамлету, не «вышеченна», но и не «вульгарна». В любви Офелии нашла воплощение *любовь к слабости*, а также *красота слабости* — подобный мотив является одним из ключевых в творчестве Дадзай. Для писателя подобное чувство не было проявлением жалости — напротив, любовь к кому-то, кто слаб духом, являлась для него любовью *абсолютной*.

Вышеперечисленные особенности касаются преимущественно контекстуальных сходств и различий западного и японского сюжетов. Однако Дадзай также прибег к прямому цитированию оригинала — далее необходимо обратить внимание на то, каким образом писатель заимствует две знаменитые фразы Гамлета Шекспира, вписывая их в контекст собственной истории. В оригинальной пьесе фраза «a little more than kin, a little less than kind» произносится Гамлетом «в сторону»: это пренебрежительная реакция на обращение Клавдия, который назвал его «милым племянником и сыном» [Шекспир, пер. М. Лозинского, с. 28]. В «Новом Гамлете» Клавдий не просто обращается к Гамлету подобным образом, но пытается объяснить племяннику, насколько важным для королевства стало их кровное родство в сложившихся обстоятельствах, а также предпринимает попытку выяснить, какие чувства Гамлет питает к нему на самом деле:

Король: ... Гамлет! Подними голову. Ответь честно, отнесись к этому серьезно. Я хочу задать тебе один вопрос. Я противен тебе? Сейчас я — твой отец. Ты презираешь такого отца, как я? Ненавидишь? Ответь мне напрямик. Скажи хоть одно слово. Позволь мне знать.

Гамлет: A little more than kin, a little less than kind.

[Син Хамурэтто, с. 148]

Далее Клавдий отвечает: «Что ты сказал? Я не расслышал. Сейчас не до твоих шуток. Я задал серьёзный вопрос. Оставь эту нелепую игру высокопарных слов. Жизнь — не театральная постановка» [Син Хамурэтто, с. 148]. Безусловно, общий смысл фразы вписывается в контекст обоих сюжетов: оба Гамлета выражают своё пренебрежение по отношению к Клавдию. В русскоязычных версиях существует множество её интерпретаций, однако наиболее близкими к смысловой окраске оригинала представляются переводы Кроненберга и Соколовского: «поближе сына, но подальше друга» [Шекспир, пер. А. Кроненберга, 1844, с. 19] и «род точно твой, да не твоя порода!» [Шекспир, пер. А. Соколовского, 1883, с. 11]. Замечание Клавдия о том, что «жизнь — не театральная постановка», критикующее манеру изречения Гамлета, несёт в себе двоякий смысл. С одной стороны, оно лишний раз подчёркивает такую неотъемлемую особенность характера Гамлета, как склонность к излишнему драматизму, которая прослеживается на протяжении всего повествования. Однако в то же время оно представляет собой завуалированную «внешнюю» отсылку к трагедии Шекспира как к произведению литературной классики. Во второй сцене Лаэрт говорит о том, как Гамлет искусен в поэзии и драматургии [Син Хамурэтто, с. 159]; в седьмой сцене Гамлет сетует на то, что овладел тремя иностранными языками только лишь ради «чтения похабных стихов в оригинале» [Син Хамурэтто, с. 233]. Таким образом, можно предположить, что герой Дадзай, с одной стороны, хотел придать своему изречению оттенок драматизма, но с другой — процитировал строки одной из знакомых ему пьес, под которой, безусловно, подразумевается «Гамлет» Шекспира.

Подобным способом Дадзай удалось обыграть и знаменитейшую фразу, начинающую монолог Гамлета в первой сцене третьего акта оригинальной трагедии:

*Быть или не быть, — таков вопрос;
Что благородней духом, — покоряться
Пращам и стрелам яростной судьбы
Иль, ополчась на море смут, сразить их
Противоборством?*

[Шекспир, пер. М. Лозинского, 177]

Гамлета «нового», как и героя Шекспира, беспокоят те же философские вопросы (сцена пятая): «Покориться ли, сбежать ли, или вести открытую войну, пойти на ложный компромисс, обман или примиренье, *to be or not to be* — не знаю я, что правильней. Незнание это мучает меня» [Син Хамурэтто, с. 213]. В данном случае Дадзай таким же образом цитирует английский оригинал. Цитата, безусловно, добавляет речи Гамлета драматизма, как и в случае с язвительным ответом Клавдию, но в то же время наводит читателя на мысль о том, что герой снова заимствует «громкую» фразу из культовой трагедии.

«Новый» Гамлет как универсальный герой для творчества Дадзай Осаму

Комментируя «Нового Гамлета», Окуно Такэо отмечает следующее: через своих героев — Гамлета, Офелию, Полония, Лаэрта, Клавдия и Гертруду — Дадзай довольно откровенно, даже в какой-то степени слишком откровенно описывает жизненный опыт, который лично пережил в студенческие годы [Син Хамурэтто, с. 291]. Безусловно, мнение критика довольно точно характеризует *литературную манеру*, в которой выдержана пьеса — Осаму остаётся верен философским мотивам, которые являются ключевыми для его творчества.

В предисловии к пьесе Дадзай пишет, что перед тем, как приступить к её написанию, он прочёл «Гамлета» в переводе Цубоути¹, а также изучил работу Урагути Бундзи (浦口文治, 1872–1944) под названием «Новые пояснения к «Гамлету»» (新評註ハムレット, Син хё:тю: Хамурэтто), в котором также приводится английский оригинал трагедии под названием «"Гамлет" Шекспира: глазами зрителя елизаветинской эпохи» — Осаму «упорно штудировал его, не выпуская словаря из рук» [Син Хамурэтто, с. 140]. Критический труд Урагути был издан в 1932 г. издательством Сансэйдо:. С 1913 по 1915 г. Урагути занимался исследованием драматургии Шекспира под руководством профессора Джорджа Лимана Киттреджа (1860–1941) в Гарвардском университете. В своём труде Урагути описывает Гамлета как человека умного и энергичного. Будучи учеником Киттреджа, он утверждает, что Гёте, Шлегель, а также Л.Н. Толстой исказили истинный образ литературного героя Шекспира [Сано,

¹ Должно быть, имеется в виду обновлённое издание 1933 г.

с. 173]. Гёте считал Гамлета нерешительным и безвольным по своей природе индивидуумом, который не способен выполнить возложенную на него моральную миссию [Луков, Захаров, Гайдин, 2010, с. 18–19]; Шлегель полагал, что Гамлет тратит всю духовную энергию на непрерывный мыслительный процесс — в результате у героя не остаётся никаких «внутренних» ресурсов для совершения действий реальных [Луков, Захаров, Гайдин, с. 17]. Л.Н. Толстой придерживался самой критической позиции, сетуя на тотальное отсутствие какого-либо характера у культового литературного героя: «И вот глубокомысленные критики объявляют, что в этой драме в лице Гамлета выражен необыкновенно сильный и совершенно новый глубокий характер, состоящий именно в том, что у лица этого нет характера и что в этом-то отсутствии характера и состоит гениальность создания глубокомысленного характера <...> Но никто не решается сказать того, что царь голый, что ясно как день, что Шекспир не сумел, да и не хотел придать никакого характера Гамлету и не понимал даже, что это нужно» [Выготский, с. 326]. По мнению Урагути, настоящий Гамлет является образцом решительности и благородства — Дадзай взял этот образец за основу литературного образа собственного Гамлета, который в пьесе предстаёт в образе человека исключительно вдумчивого и впечатлительного [Сано, с. 173]. Подобное утверждение представляется несколько «поверхностным»: проблема «гамлетовского» характера, по мнению многих критиков, не имеет однозначного решения.

С.Т. Кольридж, подобно Гёте, указывал на отсутствие у Гамлета воли как таковой. В нём же критик видел главную причину медлительности Гамлета: посредством изображения колебаний человека безвольного, Шекспир акцентировал внимание сюжета на первостепенной важности решительного действия. У. Хаззлит придерживался похожей точки зрения, отмечая противоречивость безволия Гамлета: когда герой не имеет времени на долгие раздумья, он действует решительно (к примеру, по пути в Англию принц ловко подменяет письмо, содержащее королевский приказ умертвить его), однако в моменты, когда решительные действия с его стороны более чем необходимы, он, напротив, бездействует, терзаясь нравственными муками (бездействие в данном случае приравнивается к длительному процессу) [Луков, Захаров, Гайдин, с. 19–21]. В.Г. Белинский видел сущность трагизма Гамлета в «слабости воли при сознании долга» [Луков, Захаров, Гайдин, с. 46]. Принц ясно осознаёт необходимость

действия и корит себя за неспособность принять однозначное решение:

Не для того богоподобный разум,
Чтоб праздно плесневел он. То ли это
Забвенье скотское, иль жалкий навыв
Раздумывать чрезмерно об исходе, —
Мысль, где на долю мудрости всегда
Три доли трусости, — я сам не знаю,
Зачем я лишь твержу: «Так надо сделать»,
Раз есть причина, воля, мощь и средства,
Чтоб это сделать.

[Шекспир, пер. М. Лозинского, с. 287]

Окружающая героя действительность не соответствовала его жизненным идеалам [Луков, Захаров, Гайдин, с. 47]. Отечественный шекспировед М.В. Урнов, рассуждая об особенностях интерпретации персонажа Гамлета на сцене театра, выделял присущую ему «инерцию иных возвышенных и восторженных представлений о человеке» [Урнов М.В., Урнов Д.М., 1964, с. 149]. Сильнейшее стремление понять суть происходящих событий, отыскать источник всепоглощающего зла отнимает у героя все духовные силы, препятствуя таким образом совершению действий реальных. Гамлет разочаровывается в гуманистических идеалах, которыми жил до недавнего времени: он пытается обличить современность в аморальности её явных и скрытых пороков. «Век оказался, в его представлении, вывихнут настолько, что он, Гамлет, ощущая жуткую ломоту в суставах, не может руки поднять, чтобы прикончить очевидного подлеца» [Урнов М.В., Урнов Д.М., с. 144]. Таким образом, Гамлета можно считать не идеалистическим героем своего времени, но человеком *современным* своей эпохе — иными словами, «героем своего времени» [Урнов М.В., Урнов Д.М., с. 142].

«Новый» Гамлет Дадзай, на первый взгляд, очень напоминает оригинального принца: герой пребывает в постоянном смятении духа, он не способен полностью довериться даже собственной семье. Непрерывная рефлексия, направленная на попытки хотя бы частичного приближения к пониманию сущности высокоморальных материй, приносит Гамлету лишь одни страдания. Однако если «шекспировский» Гамлет подходит к осознанию собственных недостатков с позиции благоразумия, изображая перед окружающими «мнимое

сумасшествие», самоанализ Гамлета Дадзай часто доходит до абсурдной крайности, которая подобна сумасшествию истинному. Ярчайшим тому примером служит монолог Офелии (сцена шестая), в котором девушка жалуется Гертруде на чрезмерную импульсивность и молниеносную перемену настроений возлюбленного.

Офелия: Пожалуй, в чём-то он женоподобен. Вечно переживает о том, что люди говорят у него за спиной — кажется, он всем недоволен. Как-то раз ночью он сказал мне: *“Только тебе одной я могу довериться, другие лишь обманывают и используют меня. Я очень жалок, поэтому прошу тебя, не бросай меня”*. Каким беззащитным он показался мне в тот момент! После этого он закрыл ладонями лицо так, будто плачет. Зачем же он разыгрывает эту раболепную клоунаду? Стоит мне не начать его утешать сию же минуту, его мягкий тон резко меняется: *“Ах, я так несчастен, никто не способен понять моих страданий! Я самый несчастный человек на всём белом свете, самый одинокий!”*. Затем он начинает рвать на себе волосы и жалко стонать. Казалось, он не сможет успокоиться, если какое-то время не будет разыгрывать героя трагедии. Бывает и такое, что он вдруг вскакивает со стула, швыряет в стену свою кофейную чашку — она разлетается вдребезги. Но стоит мне только подумать, что он остыл, он уже воодушевлённо распаляется такими речами: *“Нет в этом мире мужчины, у которого был бы ум острее, чем у меня! Я — молния! Мне всё ведомо! Даже самому дьяволу меня не провести! Стоит лишь захотеть — мне всё под силу! Каким бы страшным ни был риск, у меня обязательно получится! Я — гений!”*. Стоит мне улыбнуться и кивнуть ему в знак согласия, его настроение вдруг снова меняется: *“Нет! Ты держишь меня за дурака! Уверен, ты считаешь меня последним хвастуном. Ты не веришь в меня, всё напрасно! Такой, как ты, не понять!..”*. Как бы я не убеждала его в том, что всегда буду рядом, его самобичеванию нет конца. *“А я ведь и правда хвастун. Ворона в павлиньих перьях. Мошенник. Все видят меня насквозь и потешаются надо мной. Только ты одна ничего не знаешь. Какая же ты дура. Тебя обманывают. Я так искусно обвожу тебя вокруг пальца. Да и в глупости я не лучше тебя. Я никому не нужен. А я так хвастаюсь тем, что заполучил такую идиотку, как ты. Какая жалость”*. Он продолжает высмеивать себя до тех пор, пока из глаз моих не хлынут слёзы.

[Син Хамурэтто, с. 227–228]

Если размышления в духе «шекспировского гамлетизма» куда более масштабны и касаются общечеловеческих моральных истин, рефлексия Гамлета Дадзай направлена преимущественно на *моральное несовершенство собственного «я», отчуждённого от общества*.

Литературный образ «нового» Гамлета олицетворяет собой как внешний облик, так и некоторые черты характера² «самого писателя в юные годы» [Сано, с. 172]. В шестой сцене Офелия также описывает невзрачную наружность Гамлета: «...меня ослепила любовь к принцу Гамлету, но при этом я вовсе не считаю его самым красивейшим и замечательнейшим мужчиной на свете. Невежливо так говорить с моей стороны, но у него слишком длинный нос. Глаза маленькие, брови кустистые. Зубы в ужасном состоянии — его никак не назовёшь красавцем. Ноги у него кривоваты, да и к тому же он так сутулится, что его порой хочется пожалеть» [Син Хамурэтто, с. 226]. И далее: «Бывает даже, что он целый час стоит перед зеркалом и пристально рассматривает своё лицо, искривляя его так и эдак. А уж когда он, уставившись в зеркало, вертит нос в разные стороны так, словно он ему не даёт покоя — тут я уже не могу сдержаться от смеха» [Син Хамурэтто, с. 228]. Стоит отметить, что к такому приёму самоиронии, как «карикатура на самого себя», писатель уже прибегал в одном из своих ранних рассказов «Дас Гемаинэ» (ダス・ゲマイネ, 1935), где от лица рассказчика довольно подробно описал отталкивающую внешность некоего писателя по имени Дадзай Осаму (одна из характеристик данной карикатуры уже упоминалась ранее): «Знаешь, этот Дадзай на удивление противный тип. Да! В самом деле. Он не вызывает ничего, кроме отвращения. Впрочем, может, у меня просто физическая несовместимость с такими людьми. У него бритая голова. Причем бритая не просто так, а со значением <...>. У него бледное жирное лицо, а нос... знаешь, о таком носе я читал в романе Ренье. Нос, который можно было бы назвать приплюснутым, если бы не глубокие морщины у крыльев. В высшей степени опасный нос <...>. Брови короткие и такие густые, что закрывают маленькие пугливые глазки. Лоб до крайности узок, поперёк — две глубокие морщины. В общем, чёрт знает что. Шея толстая, затылок тяжёлый, под подбородком красные следы от прыщей — целых три <...> Он ужасно сутул, почти горбатый»

² Разумеется, данное утверждение применимо не к самому Дадзай, но литературным героям, характерным для раннего этапа творчества писателя.

[Дадзай Осаму: Избранные произведения, пер. Т.Л. Соколовой-Делюсиной, с. 228]. Посредством подобных «абсурдных» карикатур на самого себя Дадзай создаёт «маски» для своих метафорических «я», которые вписываются в фабулу того или иного произведения.

Возраст Гамлета чётко обозначается Дадзай: двадцать три года. Лаэрт — ровесник Гамлета, Горацио — на год младше. Вопрос о том, сколько лет «шекспировскому» Гамлету до сих пор является предметом споров для исследователей: в первом действии первого акта Горацио называет Гамлета «молодым» [Шекспир, пер. М. Лозинского, с. 23], однако в первом действии пятого акта диалог Гамлета и первого могильщика указывает на то, что в действительности герою около тридцати лет [Шекспир, пер. М. Лозинского, с. 315].

Гамлет Дадзай — *нигилист*, «шутовской Дон Жуан». По словам Лаэрта, он прекрасно владеет стрельбой из лука, фехтованием и верховой ездой. Он силён в поэзии и драматургии. Однако, несмотря на все эти достоинства, он производит крайне неприятное впечатление: Лаэрт называет его «*гением лицемерия*»: данный «*талант*» проявляется в излишней склонности к паясничеству [Син Хамурэтто, с. 159]. В монологе, открывающем повествование седьмой сцены, Гамлет рассуждает о своих взаимоотношениях с Офелией следующим образом: «Смех в том, что я лишь планировал одурачить простую деревенскую девчушку, исследовать самые сокровенные закоулки женского сердца, а затем немедленно начать своё любовное путешествие в роли Дон Жуана. Но в итоге потрачу на “исследование” лишь одной этой деревенщины семьдесят лет своей жизни. Я — *герой комедии, лицо которого непроницаемо. Может, как это ни удивительно, у меня есть талант к роли шута. В последнее время всё, что происходит вокруг меня — сплошной смех*» [Син Хамурэтто, с. 233]. Окружающие Гамлета люди постоянно уличают его в чрезмерной драматизации всего происходящего, которая проявляется в *вычурности* его поведения. Иными словами, единственным существующим для Гамлета способом коммуникации с внешним миром является *шутовство, клоунада* — подобная поведенческая модель присуща большинству героев, созданных Дадзай. Логично заключить, что образ истинного «*гения шутовства*» был окончательно сформирован Осаму в финальной повести «Исповедь неполноценного человека» и воплотился в конечном результате метаморфозы множественных писательских «я» — О:ба Ё:дзо:, как это уже отмечалось ранее. «Клоунада давалась мне уже не столь тяжело, как раньше, —

возможно, потому, что я кое-чего добился в этом искусстве. Хотя нет, дело, пожалуй, не в этом: *будь ты и семи пядей во лбу, даже сыном божьим Иисусом* — огромное значение имеет где, перед кем ты играешь: одно дело — в родном доме, и совсем другое — в чужом краю. Самое трудное для актёра — выступать перед родными; когда всё семейство вместе — тут и великому актёру не до игры будет. А я имел мужество играть. И притом достаточно успешно. А перед чужими сумеет сыграть любой меланхолик» [Дадзай Осаму, пер. В. Скальника]. Необходимо обратить особое внимание на выделенный курсивом фрагмент цитаты, а также продублировать ранее упомянутые слова Офелии о Гамлете: *«От него исходит запах сына божьего»* [Син Хамурэтто, с. 228]. Несмотря на то, что мотивы христианства, являющиеся неотъемлемой составляющей литературного творчества Дадзай, не нашли яркого выражения в сюжетном контексте «Нового Гамлета», в образе главного героя пьесы, который поглощён отчаянием и «тщетностью бытия», прослеживается ощущение им собственной «*богоизбранности*».

В качестве эпиграфа к рассказу «Листья» (葉, Ха, 1935), открывающего первый сборник произведений Дадзай под названием «На закате дней» (晩年, Баннэн, 1935), Дадзай использовал цитату одного из стихотворений поэтического сборника Поля Верлена (1844–1896) «Мудрость» (Sagesse, или «Смирennemудрие»):

撰ばれてあることの
恍惚と不安と
二つわれにあり
ヴェルレーヌ

[Дадзай Осаму,

Баннэн, 2015, с. 7]

Эрабарэтэ ару кото но
Ко:коцу то фуан то
Футацу варэ ни ари
Верлен

И стал избранником! Какой
восторг и страх!
Как тяжело и легко!
(пер. А. Ревича)
[Верлен, 2014, с. 174]

Критики по-разному трактуют смысл данного цитирования. Конечно же, подобным образом Дадзай мог подчёркивать собственную *избранность* в смысле творческом, или же иметь в виду *избранность* несколько другого формата — «честь быть отстранённым от бытия человеком», которая постепенно трансформировалась в уникальное явление под названием «*нингэн сиккаку*» (досл. «отстранённость от бытия человеком»). Однако по мнению Фукунага Сю:скэ, Осаму разделял ту природу христианской веры, которая выражена в стихах Верлена — таким образом, в цитате сохранен контекст оригинала, подразумевающий «восторг и страх, вызванный *избран-*

ностью богом» [Фукунага, 1992, с. 6]. Иными словами, первопричиной всех ментальных и духовных страданий героев Дадзай является возложенная на них «миссия свыше».

Можно предположить, что подобная «миссия» должна иметь ту или иную формулировку, которая должна каким-либо образом «транслироваться» «избранному». В финальной сцене «Нового Гамлета» принц демонстрирует Офелии прекрасное знание священных писаний, цитируя заповеди Апостола Павла, касающиеся брака и взаимоотношений супругов [Син Хамурэтто, с. 274]. Однако перед этим возлюбленные спорят о способах выражения такого возвышенного чувства, как «любовь»: Офелия полагает, что любовь истинную облечь в слова невозможно, молчание же — лучшее из её проявлений. Гамлет, напротив, утверждает, что о настоящей любви молчать невозможно — она непременно должна быть выражена в словесной форме. Молчание, по его мнению, является доказательством неискренности любовных чувств. В качестве веского аргумента принц говорит следующее: «Ты рассуждаешь как ребёнок. То, во что ты веришь — еретический идол. У бога есть слова. Сама посуди, что в самом начале возвестило нас о существовании бога? Разве не слова? Разве не Евангелие?» [Син Хамурэтто, с. 275]. То есть, предполагаемая «коммуникация с богом», по мнению Гамлета, осуществляется посредством слов.

В данном контексте необходимо обратить внимание на концепцию, предложенную Камэи Кацуитиро. Цитирование «Библии» можно обнаружить во многих произведениях Дадзай, однако наиболее показательной, по мнению критика, является следующая цитата из «Евангелия от Матфея», использованная Осаму в позднем эссе «Как слышали мои уши» (如是我聞, Нёдзэгамон, 1948): «Возлюби ближнего своего как самого себя» (Мф. 22:39). Её японский вариант, процитированный писателем: 「おのれを愛するごとく汝の隣人を愛せよ」 («Онорэ о ай суру готoku нандзи но риндзин о ай сэё») [Камэи, Хито то бунгаку, 1975, с. 477]. Камэи предлагает следующую трактовку смысла данной цитаты: «[возлюбить] самого себя» («онорэ о ай суру») — значит «быть искренним» (критик использует понятие 告白 кокухаку — признание), а «возлюбить ближнего своего» («нандзи но риндзин о ай сэё») — значит «служить людям» (汝の隣人へ奉仕する нандзи но риндзин э хо:си суру). Для Осаму единственной возможностью «служить людям» и «возлюбить их» является шутовство, исполнение клоунады (道化を演じる до:кэ о

эндзиру) [Камэи, Хито то бунгаку, с. 477]. Таким образом, можно предположить, что *шутовство* и есть та самая «миссия свыше», возложенная на плечи героев Дадзай, а способом трансляции её сути становится Священное Писание. Гамлет Дадзай пытается «служить людям» подобным образом, но при этом сам того не осознаёт. Однако данная «служба» также обрела законченную форму в «Исповеди неполноценного человека»: «И тут меня осенило: надо стать паяцем. Это будет последней попыткой перекинуть мост между собою и людьми. Испытывая перед ними чрезвычайный страх, я всё же на окончательный разрыв пойти не мог. Вот так и получилось, что шутовское кривлянье стало единственной связующей ниточкой между мною и всеми другими людьми. Grimаса улыбки не сходила с моего лица, в то время, как душу терзало отчаяние» [Дадзай Осаму, пер. В. Скальника]. Для Гамлета, который всегда был склонен придавать своим речам особую высокопарность, *слова* являются одним из неотъемлемых *реквизитов* для исполнения роли *шута*, а также единственным возможным способом общения с обществом: общение на уровне «эмоциональном» и «духовном» оказалось недоступным ни для него, ни для О:ба Ё:дзо.

«Новый» Гамлет не верит никому из тех, кто его окружает. Он способен лишь подозревать, но не способен полностью довериться. К данному выводу неизбежно приводит его финальная реплика: *«Сомнения будут жить во мне до самой моей смерти»* [Син Хамурэтто, с. 280]. Стало быть, имеются в виду не только сомнения в правильности войны, сомнения в Клавдии, но сомнения в себе, сомнения в собственной будущности, *сомнения в жизни* как таковой. В финальной сцене Гамлет «исповедуется» перед Офелией:

Гамлет: Я не самодоволен, я не возношу лишь свою любовь в ранг кристально чистой и самой преданной, и уж тем более не ополчаюсь на людей без веской на той причины. Всё совсем наоборот. Я — никчёмный человек. Я ни на что не годен. Я этого очень стыжусь, потому и мечусь в разные стороны, как ощипанная курица. Мне до боли понятно своё несовершенство, своя безнравственность, и оттого не знаю, куда себя деть. Никакой я не софист. Я — реалист. Я всё прекрасно понимаю. Осознаю пределы своей глупости, своей неприглядности — всё это мне понятно. Но и это ещё не всё. Ещё я очень чувствителен к людским злодеяниям, которые они всячески пытаются замаскировать. Я быстро чую людские тайны. Это плохая

привычка. Говорят же — «зло чует зло издалека». И ведь это чистая правда: я могу молниеносно указать на злодеяние другого только потому, что такое же зло сидит во мне самом. Стоит мне поступить несправедливо, я становлюсь восприимчивым к несправедливости других. Стоит ли этим гордиться? Напротив, такого «обоняния» нужно стыдиться. К своему же несчастью, я обладаю таким «нюхом». Пока что ни разу не было такого, чтобы какое-то из моих подозрений не оправдалось. Офелия, я несчастен. Тебе этого не понять. Во мне нет никакого благородства. Я празден, я труслив, я подобен реке, выходящей из берегов — настолько меня переполняют чувства. Как жить дальше такому, как я? Офелия, я говорю всякие гадости о своём дяде, о своей матери и о Полонии вовсе не потому, что презираю их. Я не имею на это права. Я прискорбен. То, как они меня предают и бросают — прискорбно. Хотя я им доверяю и даже уважаю где-то в глубине своей души, они относятся ко мне с каким-то странным отвращением, улыбаются мне так горько, словно касаются какой-то грязной тряпки. Ах, они же люди высокого сорта! [Син Хамурэтто, с. 271–272]

Таким образом, сущность трагизма «нового» Гамлета заключается в невозможности *отождествления себя как личности с обществом как таковым*, в то время как трагедия героя Шекспира заключалась в *неспособности к действию сообразно собственным моральным идеалам*. И.С. Тургенев называет Гамлета Шекспира «синонимом “лишнего человека”» [Луков, Захаров, Гайдин, с. 51], однако герой классической трагедии в действительности не терял «связующей нити» с окружающими его людьми. Гамлет Дадзай, как и О:ба Ё:дзо:, является не «синонимом», но самым что ни на есть «истинным воплощением “лишнего человека”».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Аникст А.А. Трагедия Шекспира «Гамлет». М.: Просвещение, 1986.

Верлен Поль. Собрание стихотворений. Том 1 / под ред. Г.К. Косикова, В.Е. Багно, И.В. Булатовского. СПб.: Наука, 2014.

Выготский Л.С. Анализ эстетической реакции (собрание трудов) / науч. ред. В.В. Иванова и И.В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2001.

Дадзай Осаму. Баннэн : [На закате дней]. Токио: Синтё:ся, 2015.

Дадзай Осаму. Избранные произведения // Японская классическая библиотека. XX век. IV / сост. Т.Л. Соколова-Делюсина. СПб.: Гиперион, 2004.

Дадзай Осаму. Исповедь неполноценного человека / пер. В. Скальника. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DADZAJ/ispowed.txt> (дата обращения: 11.05.2019).

Дадзай Осаму. Син Хамурэтто : [Новый Гамлет]. Токио: Синтё: бунко, 1974.

Камэи Кацуитиро. Дадзай Осаму: Ай то куно: но тэгами : [Дадзай Осаму: письма о любви и о страданиях]. Токио: Кадокава Бунко, 2009.

Камэи Кацуитиро. Хито то бунгаку : [Человек и литература] // Дадзай Осаму дзэнсю:. Токио: Тикума Сёбо, 1975. С. 475–492.

Корнель Пьер, Расин Жан. Театр французского классицизма. М.: Художественная литература, 1970.

Луков Вл. А., Захаров Н.В., Гайдин Б.Н. Гамлет как вечный образ русской и мировой культуры // Шекспировские штудии VI. М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2010.

Сано Акико. Син Хамурэтто: Дадзай Осаму но Сэикусупиа хон'ан : [Новый Гамлет: адаптация Шекспира в исполнении Дадзай Осаму] // Bulletin of Teikyo University Junior College (26). Токио: Тэйкё дай-гаку, 2006. С. 171–184.

Урнов М.В., Урнов Д.М. Шекспир. Его герой и его время. М.: Наука, 1964.

Фукунага Сю:скэ. Дадзай Осаму рон: Киристо кё: то аи то ги то : [Творчество Дадзай Осаму: мотивы христианства, любви и долга]. Токио: Сиракава сётэн, 1992.

Шекспир Уильям. Гамлет / пер. А. Кроненберга. Харьков: Университетская типография, 1844.

Шекспир Уильям. Гамлет / пер. А. Соколовского. СПб.: Типография В.П. Безобразова и комп., 1883.

Шекспир Уильям. Гамлет / пер. М. Лозинского. СПб.: Академия, 1937.

Beers A. Henry. Retrospects of the Drama, The North American Review, Vol. 185, No. 619 (Jul. 19, 1907). P. 623–634. URL: <https://www.jstor.org/stable/25105939> (дата обращения: 02.05.2019).

Kawachi Yoshiko. Hamlet and Japanese Men of Letters // Multicultural Shakespeare: Translation, Appropriation and Performance, Vol. 14 (29), 2016, pp. 123–135.

Keene Donald. Dawn to the West // Japanese Literature of the Modern Era. Fiction. Henry Holt and Company, New York, 1987.

Kishi Tetsuo, Bradshaw Graham. Shakespeare in Japan. London: Continuum, 2005.

References

Anikst, A.A. (1986). *Tragediya Shekspira 'Gamlet'* [Shakespeare's tragedy "Hamlet"], Moscow: Prosveschenie. (In Russian).

Beers, A. Henry. Retrospects of the Drama, *The North American Review*, Vol. 185, No. 619 (Jul. 19, 1907): 623–634. URL: <https://www.jstor.org/stable/25105939> (accessed: 2 May 2019).

Corneille, Pierre, Racine, Jean. (1970). *Teatr francuzskogo classicizma* [The Theatre of French Classicism], Moscow: Hudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Dazai, Osamu. (1974). *Shin Hamuretto* [New Hamlet], Tokyo: Shincho: bunko. (In Japanese).

Dazai, Osamu. (2004). Izbrannye proizvedeniya [Selected works], in T.L. Sokolova-Delyusina (ed.), *Yaponskaya klassycheskaya biblioteka. XX vek* [Classical Japanese library. 20th century], Saint Petersburg: Giperrion. (In Russian).

Dazai, Osamu. (2015). *Bannen* [Declining Years], Tokyo: Shincho:sha. (In Japanese).

Dazai, Osamu. Ispoved' nepopnocennogo cheloveka [No Longer Human], translated by V. Skalnik. URL: <http://lib.ru/INPROZ/DADZAJ/ispowed.txt> (accessed: 11 May 2019).

Fukunaga, Shu:suke. (1992). *Dazai Osamu ron: Kirisuto kyo: to ai to gi to* [Dazai Osamu's literature art: themes of Christianity, Love and Duty], Tokyo: Shirakawa shoten. (In Japanese).

Kamei, Katsuichiro. (1975). Hito to bungaku [Men and Letters], *Dazai Osamu Zenshu*: [The Complete Works of Dazai Osamu], Tokyo: Chikuma Shobo. (In Japanese).

Kamei, Katsuichiro. (2009). *Dazai Osamu: Ai to kuno: no tegami* [Dazai Osamu: Love and Sorrow Letters], Tokyo: Kadokawa bunko. (In Japanese).

Kamei, Katsuichiro. (2009). *Dazai Osamu: Ai to kuno: no tegami* [Dazai Osamu: Love and Sorrow Letters], Tokyo: Kadokawa bunko. (In Japanese).

Kawachi, Yoshiko. (2016). Hamlet and Japanese Men of Letters, *Multicultural Shakespeare: Translation, Appropriation and Performance*, Vol. 14 (29).

Keene, Donald. (1987). *Dawn to the West*, Japanese Literature of the Modern Era. Fiction, New York: Henry Holt and Company.

Kishi, Tetsuo, Bradshaw Graham. (2005). *Shakespeare in Japan*, London: Continuum.

Lukov, V.I. A., Zaharov, N.V., Gaidin B.N. (2010). Gamlet kak vechny obraz russkoy i mirovoy kultury (monografiya) [Hamlet as an Eternal Image of Russian and World Literature (monograph)], *Shekspirovskie Shtudii VI* [Shakespeare Studies VI], Moscow: Moscow University for the Humanities. (In Russian).

Sano, Akiko. (2006). Shin Hamuretto: Dazai Osamu no Sheikusupia hon'an [New Hamlet: Dazai Osamu's adaptation of Shakespeare], *Bulletin of Teikyo University Junior College* (26), Tokyo: Teikyo University. (In Japanese).

Shakespeare, William. (1844). *Hamlet*, translated by A. Kronenberg, Kharkov: Universitetskaya tipografiya. (In Russian).

Shakespeare, William. (1883). *Hamlet*, translated by A. Sokolovsky, Saint Petersburg: Tipografiya V.P. Bezobrazova i komp. (In Russian).

Shakespeare, William. (1937). *Hamlet*, translated by M. Lozinsky, Saint Petersburg: Akademiya. (In Russian).

Urnov, M.V., Urnov D.M. (1964). *Shekspir. Ego geroy i ego vremya* [Shakespeare: His hero and his time], Moscow: Nauka. (In Russian).

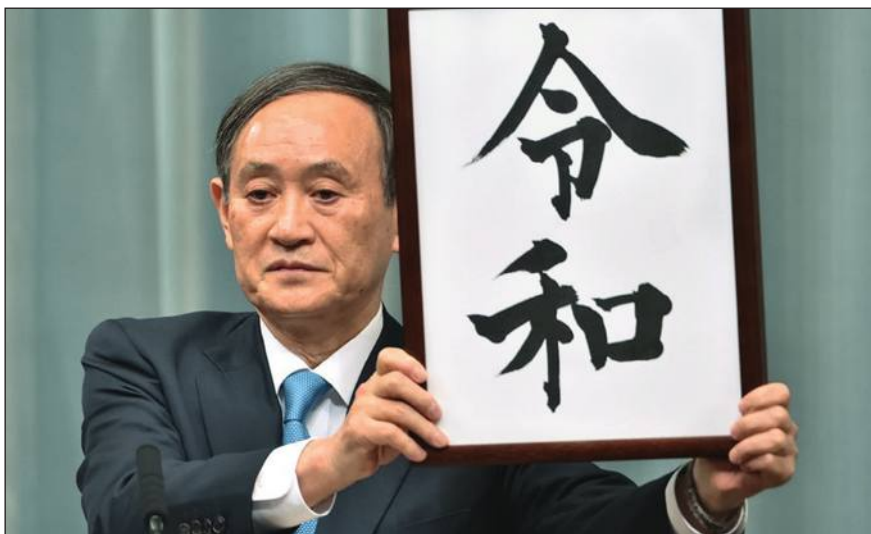
Verlaine, Paul. (2014). *Sobranie stihotvorenij* [Collection of Poems], in G.K. Kosikov, V.E. Vagno, I.V. Bulatovsky (ed.), Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Vygotsky, L.S. (2001). Analiz esteticheskoy reaktsii (sobranie trudov) [The Analysis of Aesthetic Reaction (collection of works)], in V.V. Ivanova and I.V. Peshkov (ed.), Moscow: Labirint. (In Russian).

Иллюстрации к статье В.О. Кистанова
«Смена императорской власти в Японии: причины и следствия»

Император Акихито перед отречением посещает императорское святилище Касикодокоро.

Генеральный секретарь кабинета министров Суга Ёсихидэ объявляет имя новой эры императорского правления.

Премьер-министр Абэ Синдзо разъясняет значение слова Рэйва.

Экстренные выпуски газет с названием новой эпохи вызвали ажиотаж среди жителей Японии.

Плакат на торговой улице в г. Йокогама, оповещающий о наступлении эпохи Рэйва.

Посещение наследным принцем Нарухито Российского павильона на ЭКСПО-2005 (автор статьи — пятый справа).

Император Акихито и члены императорской семьи.

Кронпринц Нарухито с супругой Масако
в традиционных одеяниях.

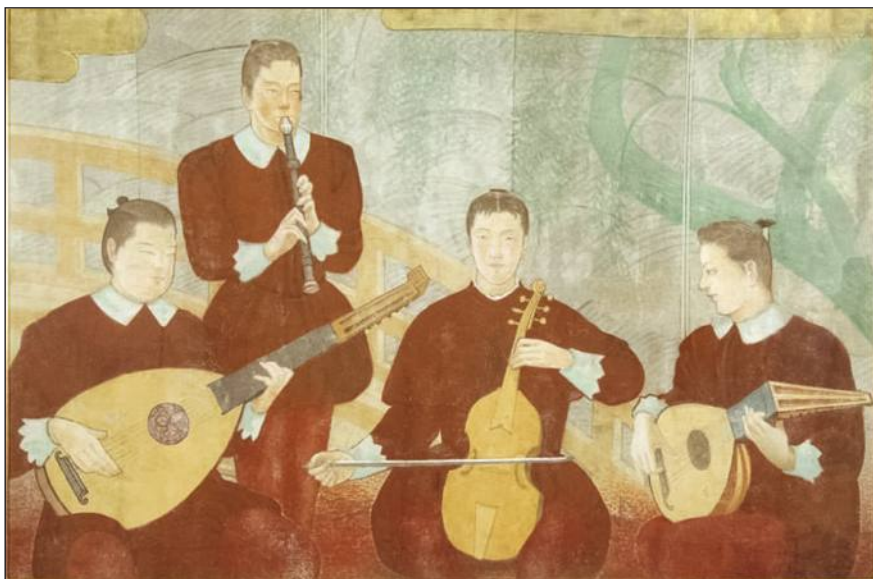
Иллюстрации к статье Ю.Л. Кужеля
 «Связи Японии с европейским католическим
 миром (конец XVI — начало XVII вв.)»

A. Валиньяно и молодые японцы, участники миссии.

Японская миссия на приеме у папы Григория XIII.

Четыре молодых японца играют на привезенных из Европы инструментах.

Казнь японских христиан.

Памятник четырем молодым японцам,
участникам миссии Тэнсё, в г.Омура.

Иллюстрации к статье А.А. Левиной
 «Фантастические образы в театре Кабуки и пьеса Цуруя Намбоку
 Четвертого «История о призраке из Ёцуя близ То:кайдо:»»

Процесс нанесения
 грима кабуки.

Варианты грима.

Варианты образов оннагата.

Оива в Аякаси.

Итикава Дандзюро VIII в роли Иэмона.
Утагава Куниёси, перекидная картинка, 1850 г.

Дева-змей из Мусумэ До:дзё:дзи.

Оива в фильме «Пик предательства».

Могила Оивы в храме Мёгёдзи в Сугамо, Токио.

Образ Оивы в фонаре. Кацусика Хokusай, фрагмент гравюры.

Уважаемые авторы!

Просим направлять свои статьи для Ежегодника Японии на e-mail: japanstudiesinrussia@gmail.com. Дата прихода статьи на данный e-mail является датой прихода статьи в Редакцию.

Основные требования к оформлению статей

I. Формат и объём:

✓ Тексты для публикации должны быть представлены в формате doc.

✓ Если имеются иллюстрации (принимаются расширения jpg или png), то они нумеруются (1.jpg, 2.jpg и т.д.) и прикрепляются как файлы отдельно от текста (можно в виде одного архивированного файла, расположенного в файлообменнике), а в тексте даётся соответствующий нумерованный список названий иллюстраций.

✓ Рекомендуются объём статьи 30–50 тыс. знаков с пробелами (около 1 а.л.).

II. Следующие разделы должны быть представлены на русском и английском языках:

✓ Название статьи [Title of article].

✓ Аннотация (250–300 слов) [Abstract (200–300 words)]. В ней должны содержаться: цель исследования; краткое содержание статьи; выводы, к которым пришёл автор в процессе своего исследования.

✓ Ключевые слова (6–8 слов или словосочетаний) [Keywords (6–8 words or phrases)].

✓ Об авторе/авторах (ФИО, научное звание, должность и место работы, ORCID, контактный e-mail) [About author(s) (Full Name, Scientific Rank, Position & Place of Work, ORCID, e-mail)].

✓ Библиографический список / References. Библиографический список должен соответствовать ГОСТ 7.1-2003. References целиком готовится на английском языке согласно требованиям APA Style.

III. Подробнее требования к оформлению статей и сопутствующие примеры представлены на сайте журнала <http://yearbook-japan.ru>.

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК ЯПОНИЯ

2019. Том 48

Научный редактор	Дьяконова Е.М.
Научный редактор	Лебедева И.П.
Научный редактор	Мещеряков А.Н.
Научный редактор	Стрельцов Д.В.
Редактор	Белилина Е.В.
Редактор	Нелидов В.В.
Выпускающий редактор	Кириченко М.А.
Вёрстка	Суркова Т.И.
Редактор сайта	Казаков О.И.

Институт востоковедения РАН
Ассоциация японоведов

103031, Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12
E-mail: japanassos@gmail.com
[Http://japanstudies.ru](http://japanstudies.ru)

Автономная некоммерческая организация
Научно-исследовательский центр «АИРО-XXI»
E-mail: andmak@airo-xxi.ru
[Http://www.airo-xxi.ru](http://www.airo-xxi.ru)

Подписано в печать 19.11.2019 г. Формат 60х90 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 29.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в АО «Первая образцовая типография».
Филиал «Чеховский печатный двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1.
Сайт: www.chpd.ru
E-mail: sales@chpd.ru
Тел.: 8 (499) 270-73-59.
Заказ

